ЗАПИСКИ

РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В С.Ш.А.

ТОМ XIII

VOLUME XIII

TRANSACTIONS

OF THE ASSOCIATION OF RUSSIAN-AMERICAN SCHOLARS IN U.S.A.

NEW YORK 1980

ЗАПИСКИ

ТОМ XIII

TRANSACTIONS

VOLUME XIII

NEW YORK 1980

EDITOR-IN-CHIEF

ALEXANDER P. OBOLENSKY

ASSOCIATE EDITOR

THOMAS E. BIRD, *Queens College, CUNY*

ASSISTANT EDITOR

NICHOLAS A. KORMILEV, *Colegio Maximo de San Miguel*

EDITORIAL BOARD

Alexander A. Bogolepov, *Professor Emeritus, St. Vladimir's Seminary*
Oleg P. Ilyinsky, *New York University*
Nadja Jernakoff, *Union College*
Sergei G. Pushkarev, *Yale University*
Alexis P. Scherbatow, *Fairleigh Dickinson University*

Library of Congress Catalog Card No 67-29613

© Copyright 1979 by the Association of Russian-American Scholars in USA

TRANSACTIONS IS PUBLISHED BY THE ASSOCIATION OF
RUSSIAN-AMERICAN SCHOLARS IN USA, Inc.
85-20 114th Street
Richmond Hill, N.Y.
11418

The editors assume no responsibility for statements, either of fact or opinion, made by contributors.

TABLE OF CONTENTS

Articles

A. A. Bogolepov. The Duma, the Zemstvo, and the Senate 1
E. V. Spectorsky. Christian Ethics 77
B. A. Konstantinovsky. Introduction of Municipal Self-government in Russia 191
Transmitted by G. P. Struve. Biography of V. I. Sinaisky 196
A. P. Obolensky. Some Basic Problems of Translation from Russian to English 205
N. A. Jernakoff. Review-Essay: *Faithful Ruslan* 217
O. P. Ilyinsky. The Artistic Aspect of the Memoir Genre 223
N. A. Kormilev. The One-Hundredth Anniversary of the War for the Libaration of Bulgaria 245
E. V. Lange. Alexander I and Fyodor Kuzmich 261

People and Events

Association News and Members' Activities 338
On Prof. N. V. Pervushin's 80th Birthday 347
In Memoriam 351

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А. А. Боголепов. Дума, Земство и Сенат 1
Е. В. Спекторский. Христианская этика 77
Б. А. Константиновский. Введение городского самоуправления в России 191
Сообщил Г. П. Струве. Биография В. Н. Синайского 196
А. П. Оболенский. Проблемы перевода 205
Н. А. Жернакова. О верном Руслане 217
О. П. Ильинский. Художественный аспект мемуаров 223
Н. А. Кормилев. Столетие войны за освобождение Болгарии 245
Е. В. Ланге. Александр I и Федор Кузьмич 261

Хроника

Из жизни академической группы 338
К 80-летию проф. Н. В. Первушина 347
Памяти ушедших 351

The Association of Russian-American Scholars in the USA wishes to express its gratitude to the Russian Orthodox Theological Fund Inc. for its generous financial aid as well as to those of our members who supported the present publication by their contributions.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Задача очерков

Государственная Дума

1. Правительство и Дума
2. Законодательная деятельность
3. Думский контроль над правительством
4. Влияние Думы на народную жизнь
5. После падения императорской власти

Земство

1. Правительство и Земство
2. Какими делами ведало земство
3. Медицина
4. Народное просвещение
5. Сельское хозяйство и дорожное строительство
6. Другие виды земской деятельности
7. Земство и политические течения

Правительствующий Сенат как Высший Суд по административным делам

1. Сенат с середины 19-го века
2. Отмена
3. Возврат дела для нового рассмотрения
4. Предписания
5. Разъяснения законов
6. Сенат в ряду высших административных судов других стран
7. Реформа Сената и конец его

Дума, Земство и Сенат как Высший Суд по административным делам

А. А. Боголепов *

Задача Очерков

Задача настоящих очерков дать по возможности сжатую сводку и характеристику деятельности Государственной Думы, Земства и двух Административных Департаментов Сената, функционировавших и как Высший Суд по административным делам. Подлинное значение всяких государственных учреждений определяется только тем, что они действительно сделали для народа, и что нового внесли они в его жизнь. Из того многого, слишком многого, что написано об

**Боголепов* Александр Александрович, бывший профессор Юридического Факультета Петроградского Университета, последний выборный Проректор по учебной части. Помимо преподавательской деятельности состоял Помощником Юрисконсульта Министерства Финансов, а затем Обер-Секретарем в Первом Департаменте Правительствующего Сената. В 1923 г. — в Русском Научном Институте в Берлине. Ученый Секретарь Института до закрытия последнего Правительством. В середине двадцатых годов совершал поездки в Прагу для ведения курса Административного Права на Русском Юридическом Факультете. С 1951 г. профессор Канонического Права в Св. Владимирской Православной Богословской Семинарии (Академии). в позднейшее время профессор эмеритус.

этих учреждениях[1], нужно выделить то основное и главное, в чем проявилась их работа, чтобы получить общую целостную картину сделанного ими. Правовая организация данных учреждений принимается во внимание лишь поскольку это необходимо для уяснения порядка и образа их деятельности и всего ее хода.

Государственная Дума привлекает к себе особое внимание как центральный орган народного представительства, наложившего свой отпечаток на всю государственную жизнь и своими отношениями с правительством и своим законодательством. Введенные в середине 19 века земское и городское самоуправления были в тогдашней абсолютной монархии первыми выборными органами местного народного представительства, привлекшими новые живые силы к устроению местной жизни. Действуя наряду с правительственными учреждениями, земства самостоятельно решали ряд наиболее важных дел в сельских местностях, стоящих вне городского самоуправления.

Когда независимая деятельность земства выходила из пределов предоставленных ему полномочий, она подлежала опротестованию со стороны местного губернатора и обжалованию со стороны частных лиц. Дело обычно начиналось в губернии и оканчивалось в Первом Департаменте Сената. Он выносил окончательное решение о законности земских постановлений[2].

Решения Сената имели огромное значение для земских учреждений. Они определяли развитие их деятельности. Судьба земства оказывалась тесно связанной с практикой Сената. Конечно, Сенат выносил решения о законности постановлений и правительственных органов. Он контролировал законность управления всех административных учреждений, поскольку ему не ставились препятствия в отноше-

---

[1] Н. М. Коркунов, «Русское государственное право», т. 1 и 2 СПБ, 1909. Н. И. Лазаревский, «Лекции по русскому государственному праву», т. 1 и 2 СПБ, 1910. В. Н. Латкин, «Учебник русского права императорского периода» СПБ, 1909. М. Ф. Владимирский-Буданов, «Обзор истории русского права», СПБ, 1908. В. О. Ключевский, «Курс русской истории», т. 5, Москва, 1937. Г. В. Вернадский, «Очерк истории права русского государства 18 и 19 века», Прага, 1924. С. Г. Пушкарев, «Обзор русской истории», Нью-Йорк, 1953, «Россия в 19-м веке», Нью-Йорк, 1956. В. А. Рязановский, «Обзор русской культуры», ч. II, вып. 1-2, Нью-Йорк, 1947-48. П. Н. Милюков, «Воспоминания», т. 1 и 2, Нью-Йорк, 1955. В. А. Маклаков, «Власть и общественность на закате старой России. Воспом. современника», Париж, 1932. В. Н. Коковцев, «Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг.», Париж, 1933. Б. Б. Веселовский, «История земства», т. 1-4, 1909-1911. George Vernadsky, "A History of Russia", Bantam Books, N. Y. 1967. G. Vernadsky, "Political and Diplomatical History of Russia", Boston, 1936. M. Karpovich, "Imperial Russia", N.Y, 1932.

[2] А. А. Боголепов, «Решения Сената по административным делам», Записки Русского Научного Института в Белграде, выпуск 15, 1937. Отдельный оттиск.

нии высших органов власти. Без знакомства с практикой Высшего Административного Суда вообще трудно надлежаще уяснить подлинное состояние управления в государстве.

Совместное рассмотрение деятельности Государственной Думы, Земских учреждений и Сената, как Высшего Суда по Административным Делам, а равно отношения правительственной власти к этим учреждениям дает возможность уяснить, как слагался строй управления и ход общественной жизни в позднейшую эпоху Императорской России.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

1. Правительство и Дума

День 27-го апреля (10 мая) 1906 года был началом новой эпохи в истории России. В этот день состоялось первое заседание только что созванной Государственной Думы. Неограниченная монархия превращалась в ограниченную, конституционную.

Нелегко было положение нового органа народного представительства. Инородным телом вошло оно в самодержавно-бюрократический строй, и на первых порах приходилось ему не столько законодательствовать, сколько бороться за самое свое существование. В своем обращении к правительству Дума наметила широкую программу реформ. В нее входило: издание законов, обеспечивающих личную свободу граждан, свободу слова, собраний, союзов и печати; установление равенства всех перед законом с устранением привилегий отдельных классов и национальностей; отмена исключительных законов, предоставлявших администрации широкую сферу усмотрения и произвола; принудительное отчуждение земли крупных землевладельцев за справедливое вознаграждение; и, наконец, создание ответственного перед палатами министерства. Слишком долго затянувшееся ожидание реформ и не остывшее еще после революции общественное возбуждение явно сказалось и на составе первой Думы и на радикальности ее программы.

Ввиду недостаточной организованности политических партий при выборах проходили и беспартийные депутаты. Уже в самой Думе происходило дальнейшее партийное оформление. После некоторой перегруппировки основным ядром Думы оказалась партия народной свободы с 178 депутатами. Следующей по численности явилась партия трудовиков, насчитывавшая 94 депутата. Далее налево шли 17 социал-демократов. Правее партии народной свободы были лишь партии мирного обновления (26 депутатов), демократических

реформ (6 депут.) и группа умеренных прогрессистов. Кроме польского коло (32 деп.) и некоторых национальных групп было около сотни беспартийных, по преимуществу из крестьян. Перегруппировки происходили и далее путем обособления социалистических партий и усиления центра. В общем Дума оказалась явно оппозиционной по отношению к правительству. Столкновения с ним начались вскоре же после открытия сессии. Главным предметом расхождения был аграрный вопрос. Не находя общего языка с Думой «народного гнева», правительство распустило ее менее чем через два с половиной месяца после ее созыва — 8 июля 1906 г. Задуманные реформы не вышли из стадии комиссионной разработки.

После роспуска Думы произошли изменения в правительстве. Вместо И. Л. Горемыкина Председателем Совета Министров был назначен П. А. Столыпин. Новый премьер не замедлил сразу же приступить к проведению мер, которые он считал неотложными, действуя на основании 87-й статьи новых основных законов 1906 г. Статья эта предоставляла правительству право издавать во время перерыва между сессиями Думы чрезвычайные указы с силою закона. Указы эти должны были затем вноситься на рассмотрение Думы и в случае неутверждения их теряли свою силу. В виду того, что после роспуска Думы крайне развились террористические акты по отношению к политическим деятелям, лицам, состоящим на государственной, гражданской и военной службе, в порядке 87 статьи было издано постановление о военно-полевых судах, решавших дела террористов в течение краткого срока. В то же время вместе с другими мерами (о льготах для сектантов, отдыхе торговых служащих) было издано по той же 87 статье постановление по кардинальному вопросу, волновавшему Думу, — о землеустройстве крестьян. Им предоставлялось право выхода из сельской общины с закреплением за собой надельного участка в личную собственность. Их хозяйственная деятельность подкреплялась расширением функций Крестьянского Банка по кредитованию выходивших из сельского общества. Это предполагало разрешение аграрного вопроса, вопреки настояниям Первой Думы, без принудительного отчуждения частновладельческих земель. Указ о полевых судах потом не был внесен на рассмотрение Думы и отпал сам собой. Сохранились меры усиленной и чрезвычайной охраны. Подробно разработанное Положение о землеустройстве крестьян вместе с программой некоторых других реформ в области местного управления и суда, начального народного образования и пр. было представлено на рассмотрение собравшейся 20 февраля 1907 Второй Думы.

Новые выборы опять оказались неблагоприятными для прави-

тельства. Во Второй Думе действительно появилось 63 правых депутата. К ним примыкали 34 умеренно-правых октябристов, но это не могло дать правительству достаточной опоры. Вместе с правым крылом крайне разрослось и левое, на котором теперь было 97 трудовиков и 83 социалиста (социал-демократов, социалистов-революционеров и народных социалистов). При разросшихся крыльях ослабел центр. Здесь было вместо 178 только 123 члена партии народной свободы. Приняв всецело программу Первой Думы, партия народной свободы не могла вступить в единение с правыми. Склоняясь больше к левым, она не могла принять программы их в целом и в особенности их тактики. В отличие от большинства социалистических партий она не хотела рассчитывать на «внепарламентскую поддержку» Думы народом и на вызов новых «активных выступлений» его. Она хотела быть партией чисто парламентарной и сосредоточиться на практическом законодательстве. Но будучи центральной, она была все же гораздо меньше коалиции левых партий (123 и 180) и немногим больше коалиции правого крыла (123 и 97). В отличие от Первой Думы, во Второй не оказалось достаточно сильного руководящего ядра при явном преобладании оппозиционно настроенных партий. Выступление Столыпина в Думе с программой его реформ вызвало оживленную критику правительственной политики, особенно резкую со стороны многочисленного левого крыла. Программа Председателя Совета Министров не получила какого-либо одобрения думского большинства. В заседаниях Думы происходили острые и бурные столкновения партий. Принятие текущих неотложных государственных вопросов (рассмотрение бюджета, установление ежегодного контингента новобранцев в армию) происходило с большими трудностями.

В связи с последующим ходом думских занятий, у правительства через некоторое время создалось впечатление, что при наличном составе Думы ему не приходится расчитывать на проведение задуманных реформ. Пошли слухи о роспуске Думы. Первого июня 1907 г. Председатель Совета Министров выступил в Думе с заявлением, что по имеющимся у правительства сведениям социал-демократическая фракция Думы находится в сношениях с военной организацией соц.-демократической партии, подготовляющей вооруженное восстание в войсках. Эта организация, по утверждению правительства, послала думской фракции соц.-демократов особый наказ от имени солдат петербургского гарнизона. Базируясь на этих сведениях, правительство потребовало лишения депутатских полномочий всех членов соц.-демок. фракции с арестом некоторых из них. Дума отказалась немедленно исполнить требование правительства и назначила особую ко-

миссию, которая должна была в течение 2 дней разобраться в материалах расследования, чтобы выяснить вопрос об индивидуальной виновности каждого отдельного члена соц.-демокр. фракции. Не дождавшись результата работ думской комиссии, правительство ровно через день — 3-го июня распустило Думу. Вторая Дума просуществовала дольше первой лишь на один месяц.

Заблаговременная подготовка роспуска сказалась уже в том, что того же 3-го июня было издано новое «положение о выборах в Государственную Думу». Сохраняя существующий комплекс голосующих по четырем куриям: землевладельцев, горожан, крестьян и рабочих, новое положение о выборах изменило избирательный закон 11 декабря 1905 г. в его наиболее важном пункте — в установлении числа «выборщиков», которых каждая курия может посылать в Губернское избирательное собрание. Этим именно собранием и избиралось заранее установленное число членов Думы от каждой губернии. По указу 3 июня землевладельцы получали половину общего числа выборщиков в избирательных собраниях всех губерний Европейской России (50,5% вместо прежних 31%). В большей части этих губерний они имели абсолютное большинство. Владельцам недвижимого имущества и торгово-промышленных предприятий в городах были также предоставлены некоторые преимущества при избрании выборщиков. Был уменьшен процент выборщиков от крестьян (с 42% до 22,5 %) и рабочих. Значительно сокращено число членов Думы, главным образом от окраин, в том числе от Польши и Кавказа.

В Думе числилось теперь 442 депутата вместо прежних 518. Правительство рассчитывало теперь опираться больше на землевладельцев и крупных промышленников, чем на крестьян. Акт 3 июня 1907 г. был явным нарушением новых основных законов, согласно которым изменение избирательного права может быть проведено лишь в законодательном порядке, т.е. через Государственную Думу. Это был «переворот сверху». Правительство Столыпина действовало решительно и смело, когда, по его мнению, дело шло о насущных нуждах государства. Состав Думы резко изменился согласно планам правительства. Наибольший контакт был у него с третьей Думой, которая и провела с улучшениями земельную реформу согласно проекту Столыпина. Однако, постоянного дружественного сотрудничества правительства с Думой не наладилось. Все же и третья Дума (с 1907 по 1912) и четвертая (с 1912 по 1917) просуществовали без преждевременного роспуска правительством, успевши принять ряд существенных законов.

После выборов по новому избирательному положению 3-го июня на правом крыле Думы оказались верные правительству правые (51),

умеренно-правые (70) и националисты (26), имевшие вместе 147 депутатов. На положении главной центральной партии оказались октябристы в количестве 154 депутатов. Партия народной свободы упала численно с 123 депутатов до 54 и была отодвинута вместе с прогрессистами (28), трудовиками (14), социал-демократами (10) и национальными группами (26) на левый фланг. Достигнув доминирующего положения, партия октябристов стремилась всячески поддерживать правительство. Все же и она оказывалась не в состоянии неуклонно следовать за ним. Весьма знаменательно, что уже в первой сессии Думы (1907-1908 г.) наметилось разногласие между октябристами и правительством из-за штатов Морского Генерального Штаба и затем из-за ассигнований на дредноуты. В борьбе с «безответственными» лицами, влиявшими на дела армии и флота, а равно с бесконтрольностью военного и морского ведомства, октябристы голосовали вместе с оппозицией. После того, как во второй сессии (1908-1909 г.) оппозиция подняла вопрос о «полном и непримиримом противоречии» между внутренней политикой, проводимой министерством внутренних дел, и основными началами «преобразованного» государственного строя, высказалась по этому вопросу и фракция октябристов. В заседании 22 февраля 1910 г. А. И. Гучков заявил, что «прискорбная необходимость» мер исключительного положения прошла, и что он и его друзья «не видят прежних препятствий, которые оправдали бы замедление в осуществлении гражданских свобод». «Мы ждем», закончил он свою речь, звучавшую как предупреждение правительству. В следующем году, другой видный член партии октябристов С. И. Шидловский уже прямо утверждал, что «успокоение» наступило, что правительство, разделавшись с «крамолой», само сеет новую «смуту», и что «администрация есть первый революционер».

Не менее решительны были выступления А. И. Гучкова против правительства в связи с обстоятельствами убийства П. А. Столыпина и с поведением иером. Илиодора, еп. Гермогена и Распутина. При обсуждении сметы Синода он указывал, что «церковь в опасности и в опасности государство», когда «загадочная трагикомическая фигура» (Распутина) захватывает такое влияние, пред которым должны склоняться высшие носители государственной и церковной власти. На этот раз дошло до столкновения со Двором. После этого выступления Гучкова Государь не пожелал принять председателя Думы Родзянко для обычного устного доклада и на представленном ему письменном докладе положил резолюцию, в которой выражал свое возмущение поведением Думы, в особенности же речью Гучкова по смете Св. Синода.

В стране снова начинало нарастать недовольство. Оппозиционные партии в своих выступлениях в Думе отражали это настроение. Октябристы видели себя вынужденными также равняться на настроение страны, хотя временами проявляли и резкое враждебное отношение к оппозиции. Недовольное октябристами правительство начало тактику разъединения их. Оно хотело добиться выделения более послушных элементов и образования более правого большинства в виде «русской национальной фракции». Октябристам приходилось вести двойственную политику, голосовать то с опозицией, то с правыми. Преобладало все же равнение на правительство. Эти колебания привели к отколам направо и налево. К концу полномочий Третьей Думы первоначальный состав партии октябристов значительно уменьшился.

При выборах в Четвертую Думу правительство рассчитывало получить правое большинство без октябристов. Несмотря на нажим при выборах и на политическое использование духовенства (в качестве мелких землевладельцев), попытка эта провалилась. Октябристы оказались, действительно, ослабленными. Вместо 156 их было теперь всего 98. Они сохранили, однако, положение центральной партии, без которой невозможно было образование какого бы то ни было большинства. При ослабленом центре в 130 человек (октябристы плюс 32 члена партии центра) оба крыла оказались почти равномерно увеличившимися. Правое крыло имело теперь 153 депутата (правых и националистов) вместо 147 в Третьей Думе, а левое — 152 депутата (прогрессистов, народной свободы, трудовиков, социал-демократов и национальных групп). В общем же, вопреки предположениям правительства, в Думе, как и в стране, почувствовался сдвиг влево.

Четвертая Дума начала свою деятельность оппозиционно. По обсуждении декларации правительства Дума приняла резолюцию, предложенную партией прогрессистов. Правительство призывалось «твердо и открыто встать на путь осуществления начал манифеста 17 октября 1905 г. и водворения строгой законности». Голос оппозиционных партий зазвучал внушительнее. Партийная конференция октябристов в Петербурге тоже провозгласила перемену курса. «Октябризм был, по словам А. И. Гучкова, молчаливым и торжественным договором между исторической властью и русским обществом». «Договор этот, продолжал он, нарушен и разорван правительством... Мы вынуждены отстаивать монархию против тех, кто являются естественными защитниками монархического начала.» Речь эта явно свидетельствовала о том, как с болью в сердце переходили в оппозицию царскому правительству те, кто хотели быть его горячими сторонни-

ками. Впрочем, в думской фракции октябристов не было полного единодушия. Поползли слухи о партийных «новообразованиях» и «почкованиях» вместе со слухами о роспуске Думы.

Начавшаяся в 1914 г. война с Германией и Австрией объединила почти все партии в деле защиты родины. Могло казаться, что создается своего рода «священный союз» правительства с думскими партиями. Скоро начавшиеся военные неудачи, наплыв разоренных беженцев, недостаточность снабжения армии и хозяйственные затруднения вызвали естественную обеспокоенность членов Думы, находивших необходимым проведение ряда реформ в управлении страной для улучшения создавшегося положения, но единения с правительством в этом отношении не налаживалось. Правительство предпочитало действовать во время войны без Думы, используя свои широкие полномочия. На заседании Думы в июле 1915 года голосами оппозиции, октябристов и даже части умеренных правых была принята резолюция, требовавшая изменения внутренней политики и образования министерства, пользующегося общественным доверием. Этим было положено начало образованию прочного парламентского большинства в виде «прогрессивного блока». Только крайние правые и некоторые националисты — справа, а также социал-демократы и трудовики слева — оставались вне блока.

Программа прогрессивного блока исходила из мысли, что война должна быть доведена до победного конца, а для этого необходимо единение власти и народа. Прогрессивный блок требовал образования правительства, облеченного доверием страны и действующего в единении с Думой, введения существенных персональных перемен в местной администрации, установления строгой законности управления, объявления широкой политической амнистии, прекращения религиозных стеснений, устранения национальных ограничений, в частности — для евреев и украинцев, автономии Польши, полного уравнения крестьянства в правах с другими сословиями, реформы земского и городского самоуправления, введения волостного земства и пр.

Так Четвертая Дума в конце концов пришла в общем к тому же, с чего начала первая. В Государственном Совете образовалась также большая группа сторонников прогрессивного блока. Для правительства была неприемлема программа блока, в особенности требование министерства народного доверия. Правительство затягивало сроки созыва думских сессий и сокращало время самих сессий. Министры, заподозренные в несочувствии тенденциям Двора, увольнялись или сами уходили в отставку. Смена отдельных министров Высочайшей Властью происходила неоднократно. Менялись и Председатели Со-

вета Министров. Неизменным оставалось отрицательное отношение правительства к основным требованиям прогрессивного блока. Отношения между правительством и Думой обострялись. Представители Земского и Городского Союза, так много сделавшего для фронта, побуждали Думу настаивать на осуществлении ее программы, чтобы улучшить военное положение. Недовольство правительством росло в общественных и политических организациях, в разных слоях населения. Начались волнения, забастовки, военные бунты в казармах и во флоте. В ходе развернувшейся революции пало Царское правительство. С отречением Николая II от трона прекратился и строй конституционной монархии в России.

2. Законодательная деятельность

Только Третья, а вслед за ней и Четвертая Дума имели возможность использовать свои законодательные полномочия. Энергично выступая против действий правительства, не соответствующих новому строю, Государственная Дума вместе с тем успела сделать немало в области законодательства, несмотря на то, что ее законопроекты нередко задерживались Государственным Советом, как Верхней Палатой. Государственный Совет состоял из 98 выборных и 98 назначенных членов. Первая половина входила в Государственный Совет по выборам от отдельных групп: от православного духовенства, от Академии Наук и университетов, земских собраний, землевладельцев не-земских губерний, дворянских собраний и от торговли и промышленности. Вторая половина, а равно председатель и вице-председатель Государственного Совета назначались Государем. Законопроекты Думы должны были быть принятыми также Государственным Советом и только после этого поступали на утверждение Государя.

Думскими законами были внесены изменения в самых разных областях: в крестьянском землевладении, местном самоуправлении, народном просвещении, в устройстве судебных учреждений, в делах военных и церковных, а равно и в области гражданского права и охраны труда. Пусть реформы эти не удовлетворяли полностью давно назревших потребностей страны. Пусть принятые Думой законы не во всех сферах были одинаково значительны. Взятые в целом, они сыграли существенную роль в устроении народной жизни. При беглом обзоре можно коснуться, конечно, только некоторых наиболее важных законодательных актов.

Прежде всего должна быть отмечена аграрная реформа. В общих чертах она была намечена чрезвычайным указом правительства 9 ноября 1906 г., изданным после роспуска первой Думы по 87 ст. Осн. Законов. Указ 9 ноября 1906 г. был принят с дополнениями и улучшениями третьей Думой (законами 10 июня 1910 г. и 29 мая 1911 г.) Новыми законами последовательно проводилась ликвидация крестьянской земельной общины. Отдельным крестьянам разрешался выход из нее на отруба с переходом в их личную собственность прежних участков земли, которыми они владели по «мирскому» разделу. Те же общины, в которых не было переделов со времени наделения их землей, прямо были признаны перешедшими к подворному владению. К этому присоединялась возможность покупки земли крестьянами через Крестьянский Банк, в руках которого скопилось немало частновладельческих земель. Дело сводилось не к количественному только увеличению крестьянского землевладения, но и к проведению мероприятий агрономического и обще-экономического характера для устранения недостатков крестьянского землеустройства. В частности — имелось в виду устранение чересполосицы и объединение отдельных крестьянских владений в одном месте. С политической точки зрения основной задачей было насадить в деревне частную собственность.

Новый земельный строй стал быстро распространяться. Между 1907 и 1915 гг. около 2½ миллионов крестьян-домохозяев Европейской России, выйдя из общины, перешли на положение частных собственников. Это составляет около 24% общего числа дворов по 40 губерниям Европейской России. Если прибавить к ним 2 миллиона домохозяев, которым еще предстояло получить удостоверительные акты на собственность в общинах, где не было переделов, то община за этот срок может считаться ликвидированной на 40%.

Для борьбы с малоземельем Дума постоянно увеличивала ассигнования на переселение в Азиатскую Россию. Бюджет Переселенческого Управления с одного миллиона рублей в 1894 г. возрос в 1914 г. до 30 миллионов. К этому нужно прибавить включение в смету крупных сумм на улучшение сельского хозяйства, в том числе на сельскохозяйственные станции, на оросительные работы и пр.

В области местного управления Дума содействовала подъему деятельности органов земского и городского самоуправления. Положение о земстве было распространено в 1911 г. с 34 губерний Европейской России на 6 западных губерний (Киевскую, Подольскую, Волынскую, Витебскую, Могилевскую и Минскую), с образованием при выборах особых национальных курий. Законом 9 июня 1912 г. введены были земские учреждения в губерниях Астраханской, Орен-

бургской и Ставропольской. Законопроекты о земстве в других местах, напр., в Донской Области, а равно положение о волостном земстве — не были пропущены Государственным Советом. Для того, чтобы облегчить земствам и городам получение средств на местное благоустройство, 26 июня 1912 г. был издан особый закон об устройстве кредита для городов и земств. Отпуск государственных средств на работу органов местного самоуправления и установление контакта их деятельности с общегосударственными учреждениями был одним из приемов для большего оживления земской и городской работы. В особенности это сказалось в области народного просвещения.

Основной задачей Думы было введение всеобщего обучения. Ею был принят даже соответствующий законопроект, но и он погиб в Гос. Совете. Это нисколько не умаляет важности работы, проделанной Думой для создания тех условий, при которых делалось возможным введение всеобщего обучения. Для этого прежде всего нужно было построить достаточное количество школ и подготовить надлежащий кадр учителей. С 1908 г. Дума начала отпускать земствам и городам безвозвратные пособия и возвратные ссуды (на срок до 40 лет) на школьное строительство и на содержание учительского персонала. В 1909 г. был создан Школьно-строительный Фонд имени Петра Великого. Временные ассигнования на школьное дело стали постоянными, и Дума перешла к созданию правильной школьной сети. Земские и городские самоуправления могли заключать договора с Министерством Народного Просвещения и получать из Фонда Петра Великого средства при соблюдении следующих условий: школьный радиус должен не превышать 3 верст; курс обучения должен быть четырехгодичным; обучение должно быть бесплатным, отпуск местных средств на школы не должен уменьшаться.[1] При увеличении отпуска средств на народное образование поднималось число вновь открытых учительских семинарий и учительских институтов. Законом 7 июня 1913 г. были установлены пятилетние прибавки к жалованью учителей.

Стройная структура судебных учреждений 1864 г. была испорчена в 1889 г. отменой «мировых судей», избираемых земскими и городскими учреждениями, и заменой их земскими начальниками, которые стали назначаться министром внутренних дел по представлению губернатора и соединяли в своих руках вместе с судебными

---

[1] А. Боголепов, Государственная Дума, «Новый Журнал» 1956, т. 46, стр. 199-219, Нью-Йорк. А. Боголепов, Деятельность земства, «Крестьянская Россия» 1924, т. 8-9, стр. 107 и сл. Прага.

функциями также административные — по делам крестьянского управления. Закон 15 июня 1912 г. исправил дефекты низшей судебной инстанции. Им были восстановлены мировые судьи, избираемые — как и раньше — органами самоуправления, с предоставлением им независимости и со включением их в общую систему судебных учреждений. Вслед за реформой низшей инстанции была произведена реформа и высшей инстанции. Законом 26 дек. 1916 г. была совершена коренная ломка прежнего производства дел в четырех департаментах Сената, ведавших судебными и административными делами и оставшихся незатронутыми судебной реформой 1864 г. Можно сказать, что рядом с высшими кассационными судами по гражданским и уголовным делам в России был создан законом 1916 г. и высший суд по административным делам. Закон этот вошел в действие уже при Временном Правительстве, с незначительными изменениями сообразно новым условиям.

Вопросы военного и церковного управления были отнесены Основными Законами 1906 г. к сфере «верховного управления». Государь мог выносить по ним решения без участия законодательных палат, действуя через Военный и Адмиралтейский Советы или через Св. Синод. Дума могла оказывать свое влияние только в тех случаях, когда постановления касались предметов общих законов или вызывали новые расходы из казны. Обсуждение бюджета являлось обычно поводом к критике военного ведомства и Св. Синода. В борьбе с бесконтрольностью морского министерства Г. Дума отказала в кредитах на постройку дредноутов. В общем Дума проявляла крайнюю внимательность к нуждам военного ведомства и не скупилась в ассигнованиях, но в то же время она вынуждена была бороться против постоянных попыток расширить сферу верховного управления в военных и церковных делах в ущерб и без того урезанным полномочиям народного представительства. На этой почве не раз возникали конфликты, напр., относительно штатов Морского Ген. Штаба. В целях улучшения положения военнослужащих Дума приняла в 1912 г. новый устав о пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семействам, значительно улучшивший прежние постановления о пенсиях и повысивший пенсионные ставки. В том же году был издан новый закон о воинской повинности, внесший изменения в правила о льготах по призыву на военную службу, в отбывание службы вольноопределяющимися и в порядок разверстки ежегодного призывного контингента.

Точно так же главным образом при обсуждении бюджета духовного ведомства, Дума настаивала на реформе консисторий и прихода, на необходимости созыва все дальше и дальше откладывавше-

гося церковного собора, а равно указывала на опасность попустительства таким сомнительным деятелям, как, например, иеромонах Илиодор. В 1913 г. Дума утвердила новые штаты для духовно-учебных заведений, но ввела при этом в закон ряд оговорок, которые не допускали одновременное введение нового устава духовных семинарий и училищ помимо законодательных учреждений. Обеими законодательными палатами был принят законопроект об отмене правоограничений духовных лиц, лишенных сана или добровольно сложивших его. Государь не утвердил его. Это был единственный случай, когда законопроект, принятый Государственной Думой и Государственным Советом, не получил утверждения Государя.

В области гражданского права наиболее важным был закон об авторском праве 1911 г. Он точно определял объект авторского права, расширил права автора на перевод.

Коренное изменение в систему обложения было внесено законом о подоходном налоге. Он вошел в силу в самом конце деятельности Четвертой Думы, в январе 1917 г. Если Англия и Германия ввели у себя подоходный налог еще в 19 веке, то во Франции он был принят только в 1914 г. и Россия отстала от Франции в этом отношении лишь на 3 года.

В социальное законодательство были внесены новые начала законом 23 июня 1912 г. о страховании от болезней и от несчастных случаев. Страхование от болезней было построено по системе, принятой в Германии, этой «колыбели» социального страхования. Оно распространялось на все предприятия фабрично-заводские, горные, железнодорожные, судоходные и трамвайные, которые имели не менее 20 рабочих и пользовались механическими двигателями. За бортом страхования оставались еще мелкие предприятия, а также обычные сельскохозяйственные и строительные, но основная масса промышленных рабочих, несомненно, охватывалась новым законом. Застрахованные получали бесплатную врачебную помощь и денежное пособие на случай болезни от 1/4 до 2/3 заработка в зависимости от семейного положения. Страховые средства слагались на 3/5 из взносов рабочих (не больше 3% отчисления от заработка) и на 2/5 из взносов работодателей. Заведывание делом было передано особым «страховым кассам», в которых большинство принадлежало рабочим. Представители предпринимателей могли составлять в них не свыше 2/3 общего числа уполномоченных от рабочих.

Страхование от несчастных случаев не было новостью в России. Оно было введено еще 2 июня 1903 г. и производилось исключительно на средства предпринимателей. Вознаграждение за утраченную трудоспособность выдавалось независимо от того, произошло

ли несчастие по вине предпринимателя, по независящим от него обстоятельствам или по неосторожности рабочего. Только злой умысел потерпевшего или его грубая неосторожность, не оправдываемая условиями производства работ, освобождали предпринимателя от ответственности. Принятый Думой закон 23 июня 1912 г. заменил индивидуальную ответственность отдельных предпринимателей коллективной, объединив их в особые «страховые товарищества». В случае несостоятельности кого-либо из предпринимателей рабочие, при действии закона 1903 г., практически утрачивали возможность получить причитающиеся им возмещение. Теперь оно обеспечивалось им полностью наличием страхового товарищества предпринимателей.

Для надзора за проведением страхования и рассмотрения жалоб были учреждены губернские присутствия на местах и Совет по делам страхования рабочих — в центре, при Министерстве Торговли и Промышленности. В них входили вместе с представителями ведомств также представители предпринимателей и рабочих.

При всех своих недостатках закон 23 июня 1912 г. все же свидетельствовал, что охрана труда в России стояла для того времени на значительной высоте. Нелишне заметить, что в отличие от Германии и Англии законодательство о разного вида страховании рабочих начало развиваться во Франции главным образом лишь по окончании первой мировой войны с 1924 г.

3. Думский контроль над правительством

Помимо законодательства Дума осуществляла также функции контроля по отношению к правительству.

Как бы ни были ограничены ее бюджетные полномочия, они давали ей возможность не только критиковать, но и ставить условия при назначении ассигнований (как это было при утверждении штатов духовно-учебных заведений), а равно отказывать в них (как в деле с дредноутами). «Конституционный рубль», на который Дума в заседании 2 апр. 1908 г. сократила смету министерства путей сообщения, вошел в историю третьей Думы. Сделано это было как протест против того, что действие временных штатов этого министерства было продлено не в законодательном порядке, через Г. Думу и Г. Совет, а в порядке верховного управления. Равным образом при обсуждении сметы военно-учебных заведений Думою было принято особое постановление, которое гласило, что проведение реформы Военно-Медицинской Академии помимо законодательных палат

было незакономерно и нарушало порядок, установленный Основными Законами.

Столь мощное средство контроля как право запросов было поставлено в крайне узкие рамки. Дума могла делать запросы только относительно незакономерных актов правительства, вопросов целесообразности она совершенно не могла касаться. Министр мог даже отказать в представлении надлежащих разъяснений. Принятые Думою запросы не имели никаких непосредственных последствий для правительства. Если Дума не удовлетворялась разъяснением министра, то дело представлялось лишь на «высочайшее благоусмотрение», — и только. Все ставилось в зависимость от воли Государя, которому были прямо подчинены министры. И все же думские запросы были чрезвычайной неприятностью для правительства.

Запросами Дума защищала и свои права как представительницы народа и соблюдение гражданских свобод, поскольку они не попадали в широко раздвинутую сеть административного усмотрения.

Думою были приняты напр., запросы о неправильностях при думских выборах (3 дек. 1912 г.) и о недопустимом пользовании ст. 87-ой Осн. Законов при проведении положения о земстве в 6 западных губерниях. Дело в том, что принятый Думою законопроект о введении земства в этих губерниях был отклонен Гос. Советом. Правительство Столыпина, стоявшее за проведение этого закона, добилось искусственного роспуска Гос. Совета и Думы на три дня и в это краткое междудумье провело по 87-ой статье закон о земстве в западных губерниях. Такого «нажима на закон», хотя бы и в пользу принятого ею постановления, Дума не могла допустить и, выслушав объяснения П. А. Столыпина, в заседании 15 марта 1911 г. приняла резолюцию, гласившую: «акт — незакономерен, объяснение — неудовлетворительно».

Вопросы гражданской свободы поднимались часто также при обсуждении сметы министерства внутренних дел, причем выражалось пожелание о снятии мер усиленной и чрезвычайной охраны. Запросы о незаконности продления действия положения об усиленной охране вносились и в третьей и в четвертой Думе. Но эти попытки не достигли своей цели. Дума охотнее принимала запросы по поводу отдельных конкретных случаев: об аресте учащихся средних учебных заведений Петербурга, о запрещении Главным Тюремным управлением защитникам свиданий наедине с их подзащитными, о попустительстве администрации незаконным действиям Союза Русского Народа, о преследовании профессиональных союзов, о ленских событиях (1913) и др. Запрос о расстрелах при волнениях на ленских приисках привел к назначению следственной комиссии и к некото-

рым переменам в организации управления приисками.

Дума не могла похвалиться особым вниманием правительства к пожеланиям, высказываемым ее членами при обсуждении бюджета. Интересно, что незакономерность издания нового положения о Военно-Медицинской Академии была признана также Правит. Сенатом, который отказал в его опубликовании. Но военное ведомство продолжало настаивать на правильности своей точки зрения утверждая, что эта реформа входит в сферу верховного управления военными делами. Не всегда и Дума решалась делать надлежащие выводы из обстоятельств, выяснявшихся при запросе. Несмотря на то, что обыск у соц.-дем. депутата Петровского был явным нарушением неприкосновенности личности и жилища депутата, Дума голосами правых и октябристов приняла 3 мая 1913 г. простой переход к очередным делам, не признав действия полиции незакономерными.

Немало запросов оппозиции Думой было отвергнуто или объяснения правительства были признаны удовлетворительными. Таковы напр., запросы о провокационной деятельности агентов Виленского Охранного отделения, о провокационной деятельности Азефа, или запрос об обстоятельствах осуждения соц.-демократической фракции второй Думы, об аресте рабочих делегатов на съезде фабричных врачей в Москве и пр.

Ответ на запросы был тягостной обязанностью для министров. Неудивительно, что он иногда затягивался. По поводу проволочки с запросом о выборах в четвертую Думу Ф. И. Родичев заметил, что, если запросы будут и впредь рассматриваться таким темпом, то объяснения правительства будут прочтены потомками в «Русском Архиве» или в «Русской Старине». Однако, независимо от того, как скоро правительство представляло объяснения, удовлетворялась или не удовлетворялась ими Дума, и даже вообще принимала или отвергала она запрос, — депутаты, вносившие его, имели возможность подвергнуть деятельность правительства жестокой критике. На следующий день эта критика становилась известной всей России из газетных отчетов о думском заседании. Не ответственное пред Думой правительство подвергалось публичному обвинению пред всей страной. Как бы ни было неблагоприятно голосование Думы по поводу объяснений правительства, это не влекло за собой его парламентарной ответственности. Но запросы неизменно отягчали ответственность правительства перед общественным мнением.

4. Влияние Думы на народную жизнь

Нужно признать, что одно существование ее приводило уже к изменению атмосферы общественной жизни и к укреплению тех «свобод», которые были признаны в новом конституционном строе.

С 1906 г. для выпуска произведений печати, а равно для устройства союзов и собраний не требовалось больше разрешения, и признавалось достаточной одна заявка в установленный срок. В отношении произведений печати сохранялось однако право конфискации изданий в случае нарушения уголовных законов, с одновременным направлением дела в суд. При поступлении заявки относительно собраний и союзов полиция могла отказать в допущении устройства собрания и в регистрации союза по разного рода мотивам охраны общественного порядка. По этим же основаниям она могла и закрывать собрания и союзы. В очень скромных границах, но известная свобода деятельности законом все же предоставлялась. Но над ней тяготели широкие полномочия органов управления в порядке усиленной и чрезвычайной охраны, с правом налагать высокие денежные штрафы и подвергать аресту в административном порядке.

Особенно тяжело отражалось это на повременной печати. Здесь часто административный порядок воздействия на редакторов и издателей заменял установленное временными правилами 1906 г. судебное преследование. К тому же власть на местах не всегда действовала одинаково. Иногда то, что терпелось в одной губернии, запрещалось в другой. В Одессе, напр., градоначальник оштрафовал в 1911 г. «Утро Одессы» за перепечатку таких сообщений из московских газет «Русские Ведомости» и «Утро России», за которые последние не подверглись никаким карам.

Функционирование Думы значительно облегчало работу прессы. Огромное значение имело свободное опубликование отчетов думских заседаний. Все вопросы, обсуждавшиеся в Думе, становились благодаря этому предметом общественного обсуждения в прессе. Если администрация пыталась тем или другим способом изъять какой-либо вопрос из обсуждения в печати, Дума сама поднимала этот вопрос, и он из протоколов думских заседаний переходил в газеты. Московский градоначальник конфисковал номер «Голоса Москвы» за помещение в нем открытого письма Новоселова к Петербургскому Митрополиту Антонию и Обер-Прокурору В. К. Саблеру с обвинением церковных властей в попустительстве Распутину. Вскоре же после этого А. И. Гучков, близко стоявший к газете «Голос Москвы», внес запрос в Думе по тому же вопросу, причем в тексте запроса была почти полностью повторена статья, вызвавшая конфи-

скацию. Запрос был сразу же принят Думой (26 янв. 1912 г.), и о нем могли сообщить все газеты. Подобная же история разыгралась, когда петербургский градоначальник письмом в редакции местных повременных изданий предупреждал не помещать сведений о происходивших в конце 1910 г. волнениях в Петербургском Университете и на Высших Женских Курсах. Тотчас же в Думе был внесен запрос по поводу этого распоряжения, из которого стало явным и секретное распоряжение градоначальника и факт студенческих волнений. Представитель Главного Управления по делам печати уклончиво указывал в Думе, что обращение администрации к редакциям имело характер «просьбы» и не было обязательным предписанием. Но Дума нашла требование градоначальника, хотя и облеченное в форму просьбы, явно противозаконным давлением на прессу, и объяснения правительства были признаны неудовлетворительными.

Всевозможные стеснения не могли однако сдержать начавшегося после октября 1905 г. быстрого роста печати. Количество периодических и непериодических изданий чрезвычайно поднялось в 1906 и 1907 гг. и продолжало расти и дальше. Особенно расширилась провинциальная пресса. Вместе с прежними, вновь появившиеся газеты и журналы давали всю гамму политических настроений справа налево. Для этого достаточно упомянуть хотя бы некоторые из них: Русское Знамя, Новое время, Россия, октябристский Голос Москвы, либеральные и кадетские органы как Русское Слово, Русские Ведомости, Киевская Мысль, Сибирская Жизнь, Речь и Современное Слово, левые и социалистические газеты: Наша Жизнь, Товарищ, День. Толстые журналы: Русское Богатство, Современный Мир, Образование и еженедельник Звезда представляли разные оттенки социалистической мысли. В 1912 г. начала выходить и большевистская Правда. Росту периодических изданий, впрочем соответствовал и рост штрафов в административном порядке.[2] Редакторам приходилось считаться и с возможностью ареста. Но пробудившаяся и почувствовавшая свою силу общественная мысль помогала преодолевать трудности издательства. С подъемом хозяйственной жизни находились и средства для покрытия тяжелых штрафов. При тогдашнем общественном настроении штрафы делали даже некоторую рекламу газете. Если власть закрывала газету, то вместо нее согласно явочному порядку, большею частью начинала издаваться другая тождественного направления, но под другим заголовком, более или менее близким к прежнему, и печатавшимся тем же самым шрифтом, что и прежний. Читатели закрытой газеты легко могли понять, что под

[2] Ежегодник газеты «Речь» 1914 г., стр. 146, 147.

иным названием продолжает выходить прежняя газета. Кары сыпались на газеты всех направлений, начиная с октябристских. Труднее всего приходилось социалистической, в особенности большевистской прессе. Отдельные издания не выдерживали и совершенно прекращались. Большинство же газет пережило все трудности. В России образовалась после 1906 г. широко развитая и влиятельная общественно-политическая пресса.

При регистрации союзов администрация давала предпочтение объединениям чисто научным, литературным или хозяйственным и неизменно отказывала в регистрации, если подозревала, что объединение может принять неугодный правительству политический характер. Это сказалось между прочим в том, что было отказано в регистрации конституционно-демократической партии (Народной Свободы) и стоящим левее ее социалистическим партиям. Конечно, это никоим образом не могло остановить их функционирование. Партии выступали в процессе выборов и официально выставляли своих кандидатов. В самой Думе были фракции всех партий, как зарегистрированных, так и незарегистрированных. Они были тем ядром, около которого слагались родственные им группировки по всей стране. Они имели постоянную связь с этими местными объединениями и близкими им по духу культурными и профессиональными союзами. Партии имели свои партийные органы печати. Если партия не была зарегистрирована, то ее газеты и журналы выходили формально как частные издания, хотя иногда имели явно партийный заголовок. Так издавался, например, в Петербурге «Вестник Партии Народной Свободы». Обе фракции социал-демократической партии имели свои особые органы. Кроме большевистской «Правды» выходила одно время и меньшевистская «Рабочая Газета». После введения закона о социальном страховании 1912 г. сначала появился журнал меньшевистской фракции «Страхование Рабочих», а затем стали издаваться под руководством большевиков «Вопросы Страхования». Деятельность политических партий и их борьба друг с другом, а равно и их внутрипартийная борьба стали неотъемлемой частью общественной жизни России того времени.

Образование профессиональных союзов по временным правилам 4 марта 1906 заставило администрацию насторожиться с самого же начала. Находя, что профессиональные союзы служат главным образом партийно-политическим, революционным целям, а не защите экономических интересов рабочих, правительство отказывало им в регистрации и закрывало их. Так же, как в вопросах печати, был разнобой в деятельности местных властей и по отношению к профессиональным союзам. Отдельные ретивые администраторы заходили

слишком далеко в использовании своих широких полномочий. По запросу соц.-демократической фракции о преследовании профессиональных союзов Дума, в заседании 4 ноября 1910 г., приглашала правительство принять меры для единообразного исполнения администрацией правил 4-го марта 1906 г. Несмотря на закрытие профессиональных союзов администрацией и на аресты членов его, союзы эти продолжали врастать в рабочее движение и постепенно укрепляться в нем. Центром профессионального движение был Петербург, где в 1912 г. существовало около 15 союзов: общества рабочих печатного производства, по обработке дерева, булочно-кондитерского производства, портняжного дела, конторского труда и пр. Были профессиональные объединения и в Москве и также в большинстве промышленных городов. Профессиональные общества по закону не имели права издавать свои периодические органы. Но в качестве частных изданий выходили в 1912 г. журналы: «Металлист», «Печатное Дело», «Голос Булочника и Кондитера», «Вестник Портных», «Вестник Приказчика», «Одесский Печатник» и другие издания, фактически тесно связанные с соответствующими профессиональными союзами. В своей тактике русские профессиональные союзы начинали перенимать методы европейских рабочих организаций. Действительная сила молодых организаций и их влияние на рабочие массы проявилось в особенности в той волне экономических и политических забастовок, которая прокатилась по России начиная с 1911 г. и увлекла тысячи рабочих.

Кооперативные объединения пользовались в общем благосклонным отношением правительства. Кооперативные корпорации (кредитные и ссудо-сберегательные товарищества и земские кассы) получали из казны значительные ссуды. Кооперативные организации встречались и с препятствиями на своем пути и иногда закрывались, но рост их шел быстро.

В круглых цифрах общее число кооперативных товариществ возросло с 4½ тысяч в 1905 г. до 25½ тыс. в 1912 г. Их прирост в 1913 г. равнялся 5000 организаций. По данным, опубликованным Управлением Мелкого Кредита, одних кредитных и ссудно-сберегательных товариществ было к концу 1913 г. свыше 12½ тысяч. Помимо кредитных товариществ, и часто при их содействии, образовывались сельскохозяйственные общества; маслодельные, молочные и закупочные, а также потребительские общества. Московский Союз Потребительских Обществ и Союз Сибирских Маслодельных Артелей могут быть указаны как наиболее известные примеры объединения отдельных кооперативов в большие союзы. В 1913 г. состоялись разрешенные правительством кооперативные съезды в ряде губерний, а также 2-ой

Всероссийский Кооперативный Съезд в Киеве. Кооперативное движение больше развивалось в деревне, чем в городе. Из 10 тыс. потребительских обществ в 1914 г. 85% были в селах. Сильные кооперативы делались своего рода центром местной жизни, около которого сельская интеллигенция (земские работники, агрономы, врачи, священники, учителя и пр.) объединялась с крестьянством. Они содействовали не только развитию хозяйства, но также и выдвижению новых людей на поверхность сельской общественной жизни.

Улучшение жизни в деревне шло параллельно с общим хозяйственным подъемом в стране. Предоставление сравнительно большей свободы личной инициативе сразу же дало благотворные результаты. По дружному мнению исследователей экономической истории, русская промышленность после естественного упадка в пору революции вскоре же после 1907 г. начала развиваться быстрым темпом. Высокий подъем сказался в добыче каменного угля, выплавке чугуна, производстве железа и стали, выработке сахара и хлопка. Наиболее разрушенная в революционную пору нефтяная промышленность постепенно поправляясь, стала к 1914 году уже несколько превышать свою прежнюю норму. Широко развернулось железнодорожное строительство. Быстро росло число акционерных обществ и поднимались обороты промышленных и торговых предприятий. Подъем промышленности в 1909-1914 гг. основывался главным образом на скоплении значительных капиталов в самой России. Соответственно подъему промышленности рос государственный бюджет, основываясь на налогах и разного рода сборах и в частности на значительных поступлениях от винной монополии, введенной С. Ю. Витте еще в последних годах 19 века.[3] С подъемом производства промышленности поднималось и благосостояние населения. Несмотря на исключительно быстрый темп развития отдельных отраслей промышленности (добычи каменного угля, выплавки чугуна) по сравнению с 1899 г., Россия еще должна была догонять некоторые другие европейские страны (Германию, Англию, Францию) в целом ряде других отраслей промышленности и в общем благосостоянии населения. Однако, несомненно, Россия шла вперед большими и быстрыми шагами и, может быть, это необычное укрепление России сы-

---

[3] Подробные данные о хозяйственном и культурном развитии России за это время имеются в работах: П. Лященко «История народного хозяйства СССР», 2 тома, Москва 1947, 1948; М. И. Туган-Барановский «Народное хозяйство» в Ежегоднике «Речи» за 1914 г.; С. С. Ольденбург «Царствование Императора Николая II, т. 1, Белград 1939, т. 2 Мюнхен, 1949; а равно в упомянутых трудах Г. В. Вернадского, П. Н. Милюкова, М. М. Карповича и С. Г. Пушкарева.

грало известную роль в ускорении начала войны против нее насторожившимися и опасливыми соседями.

Одновременно с хозяйственным происходил и культурный подъем. Жизнь высшей школы и научных учреждений протекала весьма интенсивно. Возросло и число высших учебных заведений и количество обучающихся в них студентов. Новые высшие школы открывались не только Министерством Народного Просвещения (университеты в Саратове и Перми), но также и другими центральными ведомствами. В особенности оживилась в этом деле общественная и частная инициатива. Быстро росли «высшие курсы» разных специальностей в Петербурге и Москве. В каждом из наиболее крупных городов поднимался вопрос об открытии какого-либо высшего учебного заведения. На почве борьбы за академическую свободу университетской профессуре приходилось переживать тягостные моменты, но в общем ей удалось ее отстоять. «Вычищенные» Министерством Народного Просвещения профессора большею частью находили себе занятия в других возросших в своем числе высших учебных заведениях. Быстро росла и средняя школа. Здесь частная инициатива сказывалась по преимуществу в открытии женских гимназий и прогимназий.

В церковной жизни было знаменательным событием издание указа о веротерпимости (17 апр. 1905 г.). Устранение прежних стеснений и предоставление самоуправления облегчило и оживило деятельность отдельных вероисповеданий и сект (в том числе староверов и баптистов). Но этим указом была обойдена Православная Церковь, и Св. Синод, находившийся под строгим контролем обер-прокурора, выступил с постановлением о необходимости восстановления соборности в управлении Русской Церковью[4]. Вскоре после того, как Государь в рескрипте на имя Петербурского Митрополита Антония 25 дек. 1905 г. признал необходимость реформы Св. Синода и созыва поместного собора, было созвано Предсоборное Присутствие.

В первый раз в истории русской церкви обсуждались церковные реформы столь компетентным и авторитетным по своему составу «всецерковным» собранием. Помимо главной церковной иерархии собрание включало в себя цвет тогдашней богословской науки. Хотя выработанный им проект церковных реформ носил несколько половинчатый характер, в нем все-таки ясной струей пробились элементы

---

[4] А. А. Боголепов: «От Святейшего Синода к Священному Собору Православной Российской Церкви» в сборнике «На темы русские и общие», Нью-Йорк, 1965 г. A. A. Bogolepov. "Church Reforms in Russia 1905-1918». Bridgeport, 1965.

нового церковного сознания, и им были намечены основные черты назревших церковных реформ. В этом огромное значение этого «предсобора». Дальше пошли оттяжки созыва церковного собора, и материалы Предсоборного Присутствия перешли для переработки в новые комиссии — Предсоборное Совещание и Предсоборный Совет. Но через эти комиссии от Предсоборного Присутствия идет прямая дорога к реформам Московского Собора 1917/1918 гг. Русская богословская пресса того времени пережила чрезвычайное оживление в связи с подробным обсуждением выдвинутых жизнью богословских и канонических проблем. Пересмотру взаимоотношений церкви и общества, религии и науки были посвящены в особенности собрания Религиозно-Философского Общества в Петербурге, где сходились для собеседований выдающиеся представители церковной и общественной мысли.

Нельзя не сделать хотя бы общего замечания, что в начале двадцатого века замечается особое оживление в русской художественной литературе и других отраслях искусства.

Все сказанное свидетельствует о том оживлении общественной деятельности в России, которым характеризуется начало 20-го века. Нет нужды повторять то, что подробно сказано об этом в указанных выше трудах. Но и приведенных общих данных достаточно, чтобы представить высоту того культурного подъема, которым ознаменовалось «конституционное десятилетие» — 1906-1916 гг., и чтобы оценить исключительное значение этого периода в истории русской культуры.

5. После падения императорской власти

С падением императорской власти Государственная Дума осталась единственной авторитетной носительницей государственной власти. Думский Комитет утвердил состав Временного Правительства. В скором времени образовался руководимый социалистическими партиями Совет Рабочих и Солдатских депутатов, как представитель революционно настроенных кругов. С его голосом не могло не считаться Временное Правительство. Государственная Дума, крайне ослабленная в своем составе, теряла в новых условиях свой политический авторитет. Временное Правительство распустило Государственную Думу. Через восемь месяцев после прихода к власти, само Временное Правительство было ниспровергнуто революцией, руководимой большевиками, захватившими доминирующее положение в Совете Рабочих и Солдатских депутатов. На место Временного

Правительства пришло правительство по существу коммунистическое. В новой абсолютной однопартийной системе не стало места для каких-либо государственных органов, которые состояли бы из представителей иных партий кроме коммунистической или сочувствующих ей, и стали допустимы только такие гражданские свободы, которые могут служить укреплению коммунистического строя.

ЗЕМСТВО

1. Правительство и Земство

Земские учреждения на сорок с небольшим лет старше Государственной Думы. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» было опубликовано в 1864 году, в эпоху либеральных реформ Императора Александра II.

В русском государственном строе органы местного самоуправления заняли особое положение по сравнению с положением их в других странах. Им не предоставлялась полная власть управления местными делами под контролем судебных органов и не образовывалось каких-либо органов, объединяющих представителей центральной правительственной власти с представителями самоуправляющихся единиц. Земские учреждения создавались как органы совершенно обособленные от централизованных органов правительственного управления и действующие в отдельности от них. В ведение земства выделялись определенные дела местного общественного управления с правом облагать налогами владельцев недвижимых имуществ, в руках же правительственных учреждений оставались некоторые наиболее важные отрасли государственного управления, в том числе заведыванье полицией и надзор за земской деятельностью. В результате наряду с местными органами отдельных министерств (внутренних дел, финансов, земледелия и пр.) функционировали земские учреждения с предоставленным им кругом дел. Создавался таким образом своеобразный дуализм в местном управлении .

Освобождение крестьян сделало возможным и нужным введение земских учреждений, но при введении их предстояло найти способ объединения в выборных органах самоуправления представителей множества крестьян с представителями сравнительно небольшой группы их прежних господ-помещиков и других сословий. Эта про-

блема была разрешена введением куриальной системы выборов с заранее установленным числом депутатов от каждой группы (та самая, которая с изменениями была использована впоследствии для выборов в Государственную Думу).

В Уездное Земское Собрание выборы производились отдельно от землевладельцев, городского общества и сельских обществ. Из всего числа уездных земских гласных на землевладельцев приходилось в общем — 47%, на крестьян — 40% и на городское общество — 13%. Уездное Земское Собрание выбирало свой исполнительный орган — Уездную Земскую Управу, ее членов и председателя. Председателем же самого Уездного Земского Собрания был по должности Уездный Предводитель Дворянства. Губернское Земское Собрание было надстройкой над Уездным. Оно состояло из представителей Уездных Земских Собраний, избирало председателя и членов Губернской Земской Управы, находясь под председательством Губернского Предводителя Дворянства. Правительственный контроль осуществлялся прежде всего утверждением председателей управ. Председатель Уездной Земской Управы утверждался местным губернатором, а председатель Губернской Земской Управы — Министром внутренних дел. Губернатор имел также право остановить приведение в исполнение всякого постановления земских учреждений, если оно было несогласно с законом или не соответствовало общим государственным нуждам. Но земские учреждения могли обжаловать это постановление губернатора в Правительствующий Сенат, который решал дело окончательно.

В 1890 г. Положение о Земских Учреждениях было изменено. В Уездных Земских Собраниях несколько больше половины общего числа гласных было предоставлено дворянам, так что они в ряде уездов имели абсолютное большинство голосов. В Губернские Земские Собрания были включены все уездные предводители дворянства, как председатели Уездных Земских Собраний. Собрания выборщиков от сельских обществ должно было избирать не гласных, а только кандидатов, из которых губернатор утверждал установленное число гласных от крестьян.* Вместе с тем был крайне усилен правительственный контроль над земскими учреждениями. Вследствие возрастания жалоб в Сенат на опротестование губернатором земских постановлений было создано в каждой губернии особое «Губернское по земским (а после Городового Положения 1892 г.) и городским делам Присутствие» в качестве первой инстанции суда по административным делам. Оно состояло под председательством губернатора из вице-губернатора,

* Этот порядок выбора губернатором уездных гласных от крестьян из числа кандидатов, избранных сельскими учреждениями, был отменен в 1906 г.

четырех председателей главных государственных учреждений в губернии и трех представителей от земского и городского самоуправления. Губернатор должен был вносить опротестованное им постановление на рассмотрение этого Присутствия, но решение присутствия могло быть обжаловано в Правительствующий Сенат, который и выносил окончательное решение по спорному вопросу.

При всех изменениях Положения о земских учреждениях сохранялся основной дуализм органов правительственного управления и общественного самоуправления. Он приводил неизбежно к некоторому противоборству этих двух систем органов, столь различных в своей основе. Представители правительственного управления, пользуясь предоставленными им функциями контроля, стремились направить земства на путь, угодный центральной власти. Действия их оказывались все же недостаточными при наличии у земства собственных исполнительных органов — земских управ. Возможность самостоятельности развила у земцев особый интерес к своему делу. Давление на земские учреждения, чувствовавшие свою связь с населением и видевшие на своей стороне симпатии общества, не ослабляло, а укрепляло в них дух упорства в достижении поставленных ими целей и осуществления своих начинаний.

Положение о Земских Учреждениях было введено как особая привилегия в 34 губерниях главным образом центральной части Европейской России и не распространялось на губернии в Польше, на Кавказе, в Сибири и Средней Азии. Только в 1911 году земство было введено в 6 западных губерниях Европейской России, а в 1912 году — в трех юго-восточных, так что в 20 веке число земских губерний поднялось с 34 до 43.

2. Какими делами ведало земство?

В самом законе был указан ряд предметов, которые безусловно должны были подлежать ведению земских учреждений, и на которые последние обязаны были делать затраты. Помимо того, законом же был отнесен к кругу ведомства земских учреждений ряд таких предметов, которыми они могли заниматься, но которые не были обязательны для них. Из этих двух категорий предметов внимание земских учреждений за все время их существования было сосредоточено главным образом на тех, где оказывалось больше простора для общественной самодеятельности, на предметах необязательных; обязательные же постепенно начинали играть все меньшую и меньшую роль в земском бюджете.

Создавая земские учреждения, правительство предполагало переложить на них ряд дел казенного управления, недостаточно успешно

выполнявшихся до того времени органами правительственного управления. Так, земства обязаны были оплачивать расходы по содержанию различных мест гражданского управления: по найму домов для воинских присутствий, становых приставов и судебных следователей, по содержанию мировых судебных установлений, нести подводную повинность для разъезда чинов полиции и прочих дожностных лиц, вести устройство и ремонт местных дорог и т.п. В круг же предметов добровольного ведения земских учреждений были отнесены всевозможные мероприятия по поднятию хозяйственного и культурного благосостояния местного населения: попечение о развитии средств народного образования, воспособление земледелию, торговле и промышленности, устройство и содержание земской почты, участие в мероприятиях по охранению народного здравия, заботы по предупреждению и тушению пожаров и пр. Последняя категория дел, т.е. различного рода культурные мероприятия в сфере местной жизни и стали основным ядром земской работы.

Своеобразный процесс эволюции земских смет в направлении последовательного ослабления значения обязательных расходов и быстрого возрастания необязательных тем более знаменателен, что земские средства были крайне ограничены, а обязательные расходы вначале очень значительны. Они поглощали в 1868 году 63% всего земского бюджета. Но культурные мероприятия земств росли чрезвычайно быстро. Расходы на них увеличивались непрерывно, и это приводило к тому, что сметы поднимались быстрее обязательных расходов, и относительное значение последних падало. В 1890 году на обязательные расходы шло уже 39% (вместо прежних 63%). В дальнейшем рядом правительственных мероприятий в 1895 и 1900 гг. земства были освобождены от некоторых обязательных расходов. С учреждением Государственной Думы в распоряжение земств стали даже ассигновываться значительные суммы на культурные надобности. В связи с этим обязательные расходы в 1901 году составляли лишь 15%, а в 1915 г. уже 11,8% всего бюджета. Значение роста необязательных расходов на культурные потребности населения является тем более существенным, что одновременно понижался в процентном отношении ко всему бюджету расход на содержание самого аппарата земского управления. Он составлял в 1868 г. — 19% сметы, в 1880 г. — 13%, в 1890 г. — 8,5 процентов, а в 1915 г. — уже 6,7%.

Насколько быстро развертывалась земская работа, можно судить по тому, что общий бюджет 34 старых земских губерний со скромной цифры 21,5 мил. руб. возрос с 1871 к 1915 году до 291,8 мил. руб. Если принять во внимание, что в 1911 и 1912 гг. земские учре-

ждения были введены еще в девяти губерниях, то общая сумма бюджета оказывается еще больше. В 1915 г. бюджет всех 43 земских губерний равнялся 342,8 мил. рублей.[1]

Основным районом земской деятельности были сельские местности. Русская деревня попала в ведение земства в том ее состоянии, в каком она оказалась в первое время после отмены крепостного права. Первое, на чем сосредоточили свое внимание земские учреждения, это на сохранении здоровья самого населения, много страдавшего от широко распространенных болезней, временами от эпидемий, и на развитие образования среди множества неграмотных крестьян.

Еще в 1871 году, при всей подавленности земского бюджета того времени обязательными расходами, на медицину и народное образование шло несколько более 1/5 сметных ассигнований всех земств. В 1900 году расходовалось на то и другое вместе уже около половины, а с 1910 года и несколько более половины бюджета всех земств.

Расходы на медицину все время были несколько выше, чем на народное образование. Лишь в самые последние годы, в связи с особыми пособиями из центра, земские ассигнования на народное образование оказались несколько выше ассигнований на медицину[2].

Со второй половины девяностых годов начинают успешно развиваться и мероприятия, направленные уже не непосредственно на лич-

[1] Статистические данные о земских финансах и относительно всех сторон земской деятельности собраны в труде Б. Б. Веселовского, «История земства» I-IV том, СПБ. 1909-1911 гг. Данные для более поздних годов имеются в редактировавшихся им же «Календарях-справочниках земского деятеля». Другие источники цифровых данных указываются особо.

[2] Главнейшие сметные расходы 34 земских губерний на культурные мероприятия.

Годы	Вся смета в тысячах рублей	В % к смете				
		Медицина	Народное образование	Дорожное дело	Экономические мероприятия	Ветеринария
1868	14.579	8,3	5,1			
1871	21.512	13,3	7,7	9,5		
1880	36.318	17,9	14,3	7,5		
1890	47.047	21,9	15,3	6,9		
1900	89.142	27,6	17,9	11	2,6	2,2
1910	171.687	28	25	8	3,9	2,7
1915	291.874	24,4	28	6	7	2,9

ность крестьянина, а на его хозяйственную деятельность. Доселе мероприятия этого рода применялись разрозненно и случайно, теперь они стали проводиться последовательно и планомерно. Расходы на экономические мероприятия в области сельского хозяйства (на агрономию, кустарное дело, мелиоративный кредит и пр.) в 1895 г. составляли 1,4%. а в 1915 г. уже 7% сметных ассигнований земств и стали занимать в земском бюджете третье место (после ассигнований на медицину и народное образование). Расходы на ветеринарию в последнее время (в 1915 г.) составляли около 3% земской сметы.

Постоянным и значительным был расход на дорожное дело, сильно колебавшийся в различные годы. Вначале он занимал третье место в земском бюджете по сравнению с расходами на другие культурные нужды, с 1915 г. оказался уже на четвертом месте.

Данные в процентном отношении к общеземскому бюджету конкретизируются в дальнейшем прямыми числами рублей относительно расходов на отдельные предметы в разные периоды. Это еще яснее показывает ход и развитие земской работы. Но только в этом отношении цифры эти и имеют значение. Сравнение их с позднейшими расходами какой-либо страны на те же предметы не может дать сколько-нибудь показательных результатов, если принять во внимание последовавшие изменения государственного строя, происшедшие инфляции и искусственное регулированье правительством валютной ценности. Нужно иметь в виду только те территориальные, экономические и политические условия, в которых протекала земская деятельность.

3. Медицина

До учреждения земства сельской медицины почти не существовало. На весь уезд был один казенный врач, который и больницей ведал, и выполнял медицинско-полицейские функции, и проездом по деревням помогал там больным. Иногда помещики содержали врачебный персонал для своих крепостных. У крестьян казенных и на фабриках врачебная помощь организовывалась особым образом правительством и фабричным управлением. Больницы для коечного лечения были только в городах, но не в селах.

Земства энергично принялись за развитие медицины. На нее шли главнейшие ассигнования. В 1871 г. они равнялись 2,7 мил. руб. Эта сумма к 1915 году по 34 старым земским губерниям дошла до 71 мил. руб., а по всем 43 земским губерниям до 82,8 мил. руб. В виду значительных ассигнований началось непрерывное увеличение медицинского персонала, а впоследствии и установление сети правильно рас-

положенных врачебных пунктов. Работа особенно быстро стала подвигаться вперед после голода и эпидемии 90-х годов. В 1870 г. было 530 врачебных пунктов; в 1910 г. их имелось уже 2686, и к 1914 г. число их достигло до 2866. Сообразно этому, увеличивалась доступность врачебной помощи населению. Количество населения в среднем врачебном участке земских губерний в 1870 г. равнялось 95 тыс. человек, в 1910 г. — 28 тыс. Заселенная площадь врачебного участка уменьшилась за это же время с 3670 кв. верст до 700 кв. верст, а радиус среднего врачебного участка сократился с 39 до 17 в. Такой структурой врачебных участков земские губернии выгодно отличались от губерний неземских, о чем свидетельствуют данные от того же 1910 г.[3] Только в шести запад. губерниях (Киевской, Подольской, Волынской, Витебской, Могилевской, Минской) участки эти были лишь несколько крупнее (725 кв. верст), но они были в полтора раза гуще заселены, чем земские. Это осложняло доставление медицинской помощи в той же мере, как в губерниях земских. В трех же других запад. губерниях (Виленской, Ковенской, Гродненской) площадь среднего врачебного участка доходила до 2000 кв. вер., на Кавказе — до 2800 кв. в., а в Области Войска Донского — до 2970 кв. в., т.е. величина участка была раза в три больше земских. Среднее количество населения на один врачебный участок в трех указанных зап. губерниях равнялось 98 тыс., на Кавказе 73 тыс., в Области Войска Донского — 62 тыс. Населенность их таким образом в 3-4 раза превышала населенность земских участков. Большое расстояние, конечно, затрудняло доступ к врачебным учреждениям. В таких обширных губерниях, как Астраханская, Оренбургская и Архангельская, средний размер врачебного участка достигал 13 тыс. кв. верст, и население лишь с большими трудностями могло пользоваться врачебной помощью, особенно в распутицу и при плохом состоянии дорог. Сравнительно меньшая величина и заселенность земских врачебных участков благоприятствовала широкому развертыванию работы по оказанию врачебной помощи населению.

[3] Врачебные участки в 1910 г.

Губернии	Площадь среднего врачебного участка в квадратных верстах	Среднее количество населения на один врачебный участок	Плотность населения на одну квадратную версту
34 земских губернии	700	28.000	38
Неземские губернии:			
Западные губернии	725	42.000	58,9
Вилен., Ков. и Гродн.	2.000	98.000	49,2
Кавказ	2.800	73.000	26
Обл. Войска Донск.	2.970	62.000	21,2
Астр., Оренб., Арханг.	13.129	40.000	3

Положение несколько изменилось уже после 1911-1912 гг., когда земство было введено в некоторых из упомянутых выше губерний.

Земский врачебный пункт был местом, где больным давался не только совет, но тут же оказывалась амбулаторная помощь и выдавались лекарства. На пункте, помимо врача, бывали фельдшер и акушерка. Пункт обрастал своей аптечкой и, наконец, больницей. Для земской деятельности весьма характерен процесс децентрализации больничного дела. Вместо прежнего сосредоточения больниц по преимуществу в городах, земства стали заботиться об увеличении числа больниц в селах. Если в 1870 г. из общего числа сельских врачебных участков только 13% было с койками для больных, то в 1910 г. процент этот возрос до 64%. Таким образом, более 3/5 сельских врачебных пунктов уже имели при себе больницы.

Нужно отметить, что в виду занужденности крестьян медицинская помощь оказывалась в значительной мере бесплатно или за минимальную плату. По подсчету Б. Веселовского, относящемуся еще к концу XIX века (именно к 1898 году), бесплатный характер в большинстве земств носило как амбулаторное, так и больничное лечение. Бесплатное амбулаторное лечение было в 81%, а коечное больничное лечение в 60% общего числа уездных земств того времени. И там, где бралась плата, она была совершенно незначительна: за амбулаторное лечение — не свыше 5 коп., за коечное — в среднем от 10 до 25 коп. в сутки. Сборы эти покрывали в среднем лишь от 2% до 8% медицинской сметы соответствующих земств и в совершенно исключительных случаях до 25%-30% ее. Бедные же, по удостоверению врача, всюду пользовались бесплатным лечением.

В двадцатом веке, когда материальное положение крестьян (особенно после отмены выкупных платежей) несколько улучшилось, невысокая плата за медицинское обслуживание взималась в сравнительно большем числе земств, чем прежде, но сохранялся и принцип бесплатности для бедных. За лекарства при амбулаторном обслуживании взималась в ряде земств невысокая плата, но не с бедных.

Рядом с развитием общей врачебной помощи шло создание учреждений по оказанию специальных видов помощи, по увеличению вспомогательного медицинского персонала и устройству вспомогательных медицинских учреждений. Земские психиатрические лечебницы заменили прежние «сумасшедшие» дома Приказов Общественного Призрения. Одновременно с увеличением числа участков, находящихся под заведыванием врача, в ряде земских губерний продолжали увеличиваться в качестве дополнительных и фельдшерские пункты. Число их в течение сорока лет — с 1870 г. по 1910 г. почти удвоилось, поднявшись с 1350 до 2620. Всем наличным ме-

дицинским персоналом (врачами, фельдшерами и акушерками) осуществлялась прививка оспы. Прежние «оспенники» из крестьян, обученных прививке оспы, отошли в область предания. Для подготовки фельдшерского и акушерского персонала земствами было открыто к 1915 г. до 37 школ в различных губернских городах. Врачебное дело развивалось не только вширь — в смысле неуклонного увеличения врачебных пунктов, но и вглубь — в смысле применения наиболее современных приемов врачевания.

4. Народное просвещение

Так же, как не была развита медицина в русской деревне, крайне редко попадались там и школы к началу 60-ых годов. Начальные училища были сосредоточены в городах. В селах встречались они у крестьян удельных и государственных, а также иногда при церквах. Если в редких случаях школы бывали и у крестьян помещичьих, то после отмены крепостного права они позакрылись. Пред земствами с самого начала их деятельности носилась идея введения всеобщего обязательного обучения, что нашло себе отражение в ряде земских ходатайств к правительству. Но для этого, конечно, недостаточно было издания закона об обязательности обучения. Необходимо было предварительно обеспечить население школой. На этот путь и стали земства. С 90-ых годов работа их в этом направлении принимает совершенно планомерный характер, вступив в фазу выработки правильной сети школ, с установлением наличного числа детей школьного возраста, допустимой величины радиуса школьного участка и необходимого для губернии количества школ. Это была трудная и сложная работа, которая задерживалась отсутствием соответствующих статистических данных, и для которой, помимо того, требовался учет условий школьного строительства в деревне. Когда потом возникло предположение о проведении всеобщего обучения в общегосударственном масштабе, то центральные органы в значительной степени воспользовались результатами трудов земства. Самое осуществление всей сети школ, как оказалось, не могло быть проведено быстро. Слишком много требовалось новых построек. Развитие дела тормозилось недостатком средств, хотя расход на народное образование, по своим размерам, был, вместе с ассигнованиями на медицину, одной из самых крупных расходных статей земского бюджета. Неуклонно продолжавшийся рост школьного дела особенно усилился после 1908 г., когда Государственной Думой стал отпускаться земствам кредит на содержание учительского персонала, а равно стали выдаваться безвозвратные пособия и возвратные ссуды на

школьное строительство из строительного фонда имени Императора Петра Великого. Земства, согласившиеся получить правительственную субсидию, должны были действовать сообразно некоторым общим директивам по установлению школьной сети. При учреждении новых школ должен был вводиться четырехлетний срок обучения и не более чем трехверстный школьный радиус.

Насколько успешно шло школьное строительство в земских губерниях, можно видеть из того, как к 1914 г. обстояло дело с реализацией школьной сети, необходимой для всеобщего обучения.[4] В этом году из общего числа 441 уездных земств 15, т.е. 3%, уже имели осуществленной школьную сеть полностью; 383 уездных земства или 88% осуществляли школьную сеть по соглашению с Министерством Народного Просвещения, причем 31 из них были совершенно близки к установлению общедоступности школы. 19 земств (4%) совершали предварительные мероприятия по введению правильной школьной сети и только 24 земства или 5% не приступали еще к переговорам с правительством относительно получения пособий на устройство школьной сети, необходимой для введения всеобщего обучения. Для окончательного установления общедоступности школы и завершения строительства школьной сети 62% земств оставалось в 1914 г. менее 5 лет, 30% от 5 до 10 лет и только 8% — свыше 10 лет. Таким образом, без громкого декретирования обязательности всеобщего обучения, через 50 лет кропотливой земской работы по подготовке реальной возможности для введения его, русская деревня в некоторых земствах уже обладала общедоступной школой, вполне достаточной для обучения всех детей школьного возраста, в большинстве же других земств работа настолько приблизилась к осуществлению ее, что до завершения ее оставалось всего 5-10 лет. Земская Россия стояла накануне всеобщей грамотности сельского населения.

Для подготовки учительского персонала земства создавали специальные учительские семинарии (в 5 губерниях) или курсы (в 4 губерниях). Вместе с тем в позднейшую пору, после некоторого удовлетворения неотложной нужды в начальных школах, отдельные земства приступили к созданию также и средних учебных заведений, причем местом их избирались крупные села.

5. Сельское хозяйство и дорожное строительство

Организацию агрономической помощи на селе земству пришлось

---

[4] А. Чекини. «Начальное народное образование». Новый Энциклопед. Словарь. т. 28, стр. 123-149. СПБ.

создавать совершенно заново. Вначале скромные затраты земств на агрономические мероприятия, составлявшие в 1875 г. всего около 48 тыс. руб., достигли через 40 лет — в 1915 г. по 34 старым земским губерниям до 20,7 мил. руб. и 24 мил. руб. — по всем 43 земским губерниям. Развитие агрономической помощи началось с учреждения должности губернского агронома, на обязанности которого лежало руководство всей деятельностью по оказанию агрономической помощи в пределах губернии. К 1915 г. их не было лишь в двух-трех губернских земствах; в других же при губернских агрономах было по одному или по два помощника. По первоначальному плану непосредственное оказание агрономической помощи на местах должно было лежать на уездных агрономах. В тех земствах, где не было губернских агрономов, безусловно имелись уездные. Не успел еще этот институт охватить все земские уезды, как он был восполнен, а местами заменен организацией участковой агрономии. Несмотря на то, что к уездным агрономам очень часто назначались помощники, деятельность их все же не могла быть особенно плодотворной в виду обширности уездной территории. Необходимо было придвинуть агрономическую помощь еще ближе к населению. Главное Управление Землеустройства и Земледелия пришло на помощь отдельным земствам путем оказания им субсидий на создание участковой агрономии. Субсидии выдавались лишь при наличии достаточно разработанного самими земствами плана этого института и при оплате из местных средств не менее половины расходов. В ряде земств впрочем участковая агрономия содержалась исключительно на земские средства.

Рост участковой агрономии особенно быстро шел с 1910 года. В 1909 г. участковые агрономы имелись из общего числа 359 старых уездных земств в 45 уездах, а в 1913 г. — в 335, т.е. в 93,3%. Число агрономических участков в этих уездных земствах равнялось в 1913 г. — 1447, по 4 в среднем на уезд, доходя в отдельных случаях до 15. При распределении уездов на участки принимались во внимание, помимо размера территории, также плотность населения, число хозяйств, а равно естественно-исторические и экономические условия. В губерниях с наиболее развитой сетью участков последние создавались с тем расчетом, чтобы радиус их был около 15-20 верст. В задачи участковых агрономов входило изучение условий крестьянского хозяйства, выяснение способов повышения производительности и содействие развитию агрономической культуры путем устройства чтений и бесед, путем подачи советов, демонстрации опытов, устройства показательных учреждений, содействия развитию побочных отраслей сельского хозяйства и т.п. Местом поселения участковых агрономов избирались наиболее многолюдные и центральные

пункты участка. Здесь устраивались по большей части агрономические кабинеты, прокатные станции сельскохозяйственных машин, зерноочистительные пункты и т.п.

Агрономические пункты восполнялись агрономическими показательными учреждениями. Из числа последних внимание земств было сосредоточено по преимуществу на устройстве так называемых «опытных полей». Последние создавались в типичной для данной местности почвенно-климатической обстановке и служили для выяснения наиболее рациональных приемов хозяйства, именно для данной местности, и для наблюдения влияния местных факторов на общее течение сельскохозяйственного производства. Земствам 40 губерний принадлежало в 1913 г. 85 сельскохозяйственных опытных учреждений всех типов. В целях распространения агрономического образования земствами устраивались специальные школы, курсы и чтения. Школы учреждались по преимуществу практические, низшие сельскохозяйственные. Они содержались земствами большею частью совместно с казною.[5]

В связи с мероприятиями, направленными на улучшение сельского хозяйства, после 90-х годов начала слагаться сеть ветеринарных пунктов. Она возникла, как дальнейшее развитие ранее учрежденных земствами должностей губернских и уездных ветеринаров. Деятельность ветеринаров, первоначально бывшая разъездной, начала постепенно превращаться в стационарную. При ветеринарных пунктах стали создаваться амбулатории и скотолечебницы. Еще в 1910 г. приходилось уже почти по 3 ветеринарных врача на уезд. В помощь им, а иногда для самостоятельного заведывания отдельными пунктами, назначались ветеринарные фельдшера. Были организованы также 32 ветеринарно-бактериологических лаборатории.

В конце девяностых годов начало более оживленно развиваться строительство дорожной сети. Заведывание местными дорогами было возложено законом на земства в качестве повинности. Но правительство в 1895 г., освободив земства от некоторых обязательных расходов, постановило, чтобы соответствующие суммы шли на образование специального дорожного капитала. Суммы эти составляли в общем бюджете 34 земств около 6 миллионов рублей. Этот приток средств содействовал подъему дорожного дела. Началась выработка плана дорожного строительства, усиленная починка старых и проведение новых дорог, возрос численно технический персонал земских инженеров, техников и десятников. В 1911 г. из всей сети шоссейных

[5] «Агрономическая помощь в России» под ред. В. В. Морачевского изд. Д-та Земледелия. СПБ. 1914 г., стр. 158-167, 330-344.

дорог больше половины было в заведывании земских учреждений.

Для объединения деятельности агентов, разбросанных по отдельным пунктам создаваемой земствами сети тех или других учреждений, земства устраивали съезды лиц, работающих по той или другой специальности, и создавали в качестве постоянных органов при Управах особые «советы», «санитарные бюро», «ветеринарные комиссии», «комитеты» по делам сельского хозяйства и т.п. В состав постоянных органов при Управах обычно входили, как земские служащие по той или другой специальности, так и члены Губернских и Уездных Земских Управ, а равно лица, избранные Земскими Собраниями из числа их членов, и иногда даже представители ведомств. Эти учреждения сплачивали земских служащих и земцев, содействуя выработке, на основании опыта, наиболее правильных приемов постановки дела.

6. Другие виды земской деятельности

Ассигнования земств на создание правильной сети тех иди других общественно-полезных учреждений восполнялись ассигнованиями на поддержание отдельных самых разнообразных начинаний, которые находились в той или другой связи с основными задачами земской деятельности.

В отношении благосостояния сельского общества особенно должны быть отмечены противопожарные мероприятия: отдельными земствами выдавались ссуды на устройство огнеупорных зданий; строились специальные заводы и мастерские для выделки материалов для огнестойких крыш; приобретались в большом количестве пожарные трубы; широкого развития достигло образование специально «вольно-пожарных» дружин или общин. За последнее перед войной трехлетие земствами было израсходовано на покупку пожарных труб свыше 2 мил. руб. Всего было куплено к 1914 г. 8858 пожарных труб. Расход земств на организацию пожарных дружин и обществ, а равно снабжение сельских обществ пожарными инструментами шли в качестве ссуд последним, но главным образом в качестве безвозмездных пособий им.

Мероприятия на комерческих началах давали возможность земским учреждениям расширить деятельность далеко за пределы тех финансовых границ, которые создавались их ограниченными правами налогового обложения населения. Отсутствие элемента барыша и определенное удешевление доставляемых предметов и услуг, по сравнению с частными предпринимателями, содействовали быстрому развитию этих начинаний.

Весьма удачной была организация «сельскохозяйственных» складов для доставления земледельцам возможности приобретать по самым скромным ценам и с льготной рассрочкой усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и лучшие сорта семян. К 1910 г. сельскохозяйственные склады имелись почти во всех уездных земствах. Для того, чтобы не переплачивать деньги поставщикам, земства скоро стали объединяться и совместно производить оптовые закупки непосредственно у крупных фирм. Так возникли бюро: при Орловском земстве — для центрального района, при Самарском — для восточного и при Харьковском — для южного. Результаты этих совместных закупок оказались весьма благоприятны. Согласно данным ревизионной комиссии Орловского земства, за время с 1899 по 1908 г. понижение цен доходило от 6,5% до 18,5% на отдельные виды сельскохозяйственных орудий и их принадлежности. Земства заключили также между собой союз для объединенных закупок железа. Последнее расходилось в большом количестве для кровли домов, как материал наиболее безопасный в пожарном отношении. В 1909 г. союз превратился в «Т-во Московского Губернского Земства и К-о по совместной закупке железа», куда входило до 20 губернских земств. Дело стало быстро развиваться и в течение 1914 г. Товариществом было уже выслано членам его почти на 7 миллионов оцинкованного и черного железа.

Для поддержания кустарной промышленности земствами организовывались кустарные музеи и склады. Они выполняли или комиссионные функции между кустарем и покупателем или же прямо скупали у кустарей изделия и продавали их сами. Они вместе с тем доставляли кустарям необходимый материал и давали им его в кредит. При складах же организовывались мастерские, которые являлись проводниками новых усовершенствованных приемов кустарной работы. Благодаря этому кустарь освобождался от зависимости по отношению к скупщикам и торговцам сырыми материалами. В Перми был даже открыт специальный «Кустарно-Промышленный Банк» для выдачи кустарям ссуд. Быстро развившиеся обороты стали давать чистый доход вскоре после начала деятельности.

Отчасти на коммерческих началах, отчасти на началах бесплатности были построены мероприятия земств по развитию местных средств сообщения, именно — почты и телефона.

Земская почта возникла для нужд непосредственно самих земских учреждений после того, как в 1869 г. постановлением Комитета Министров земская корреспонденция в отношении почтовой оплаты была приравнена к частной, и за нее начали взиматься почтовые сборы в таком же размере, как и за частную. Вскоре земства заня-

лись пересылкой вместе со своей и частной корреспонденции. Для этого потребовалось, конечно, особое разрешение правительства. Земская почта получила значение добавочной для тех районов, где не было государственной. Этими районами только она и должна была ограничиваться. К 1914 г. она была в 236 уездных земствах (из 359) и в 2 губернских. Плата за почтовые отправления была невысокой, большею частью ниже тарифов государственной почты. Доходов больших земства от этого не имели. Но земская почта сыграла большую культурную роль в деле приобщения к общей государственной жизни различных «медвежьих» уголков русской провинции.

Проведение телефона в деревне вначале вызвало против себя много возражений, как против излишней роскоши. Но при недостаточном развитии путей сообщения, он оказался весьма полезен. Земский телефон стал создаваться начиная лишь с 900-х гг.

В последние перед войной 5 лет открывалось от 14 до 29 линий ежегодно. В результате — в 1914 г. земская телефонная линия имела 65.344 версты протяжения. Начиная с 1911 г., земства стали получать от правительства концессии на устройство междугородних телефонных сетей. Они получали плату за переговоры и передачу депеш по таксе, устанавливаемой правительством. По истечении срока концессии телефонные линии со всем оборудованием должны были поступить в собственность правительства. Дело это только что начинало развиваться. В 1914 г. было фактически осуществлено 543 версты этих линий.

Применение коммерческих приемов работы дало наконец возможность развиться в русской деревне таким существенным в хозяйственном обороте институтам, как страхование и мелкий земский кредит.

В земском страховании следует различать страхование обязательное и добровольное. Первое касалось «всех сельских построек, находящихся в черте крестьянской оседлости», носило сословно-крестьянский характер. Оно было установлено в 1864 г. в противовес полному отсутствию страхования, что имело место до того времени в русской деревне. На земства при этом была возложена обязанность устанавливать страховые нормы и страховые премии. Земское же «добровольное» страхование было делом свободного соглашения сторон, носило — поэтому — всесословный характер и совершалось по более высоким ставкам, чем обязательное. Оно скоро начало расти и захватывать все новые и новые объекты страхования. Кроме сельскохозяйственных строений земства стали принимать на страх также мелкие промышленные предприятия, затем начали переходить к страхованию движимости: сельскохозяйственных продуктов, домаш-

них животных, сельскохозяйственного инвентаря и пр.

Страховые учреждения начали образовывать правильную сеть, раскинутую по земским губерниям. Добровольное страхование стало выдвигаться земством главным образом как средство борьбы с стремлениями акционерных обществ к повышению страховых премий. С этой целью земства начинают у себя понижать последние. В области страхования земства вели такую же защиту интересов населения, как в деле приобретения земледельческих орудий. Земское добровольное страхование имело наибольшее значение, конечно, для сельских местностей. Оно завершалось объединением некоторых земств в союз для перестрахования огневых рисков по недвижимому и движимому имуществу. По договору 1909 г. в этот союз вступило 11 земств. Этот союз освобождал земства от зависимости от акционерных страховых обществ, где они ранее перестраховывали свои огневые риски.

Организация мелкого кредита, без которого остро страдала сельскохозяйственная промышленность, было одним из наиболее поздних мероприятий земств. Дело получило возможность развиваться нормальным образом лишь после издания в 1906 г. закона о «земских кассах мелкого кредита», главною целью которых ставилось облегчение сельским хозяевам, кустарям и ремесленникам производства, хозяйственных оборотов и улучшений. Средства кассы начинали слагаться из земских ассигнований, правительственных ссуд, а также займов, частных вкладов, прибыли и пр. Земские кассы представляли возможность давать местным сбережениям местное же производственное назначение. Через 9 лет по издании закона только у 4 губ. земств не было особых губернских касс. Около половины всех уездных земств имели особые уездные кассы.[6]

7. Земство и политические течения

Представительство населения в земских учреждениях было основано на куриальной системе. Можно было предполагать проявление розни между курией только что вышедших из крепостной зависимости крестьян и курией их прежних владельцев-помещиков. Но с самого начала представители помещичьего и других классов проявили такую заботливость о нуждах крестьян, что последние скоро поняли, хотя и не без критических замечаний, всю важность для них земских

---

[6] Г. Р. Шмидт. «О мелких кассах земского кредита», СПБ. 1908 г., Календарь-Справочник Земского Деятеля за 1917 г., стр. 125-129.

начинаний и вошли в деловое сотрудничество с другими земскими деятелями, в том числе и с представителями дворянско-помещичьего класса, которые играли руководящую роль в земской работе.

В обозрениях земской деятельности между прочим отмечается, что в ней временами сказывались сословно-дворянские интересы. Указывается в частности на неуравнительность обложения помещичьих и крестьянских земель. Вопросы земского обложения издавна привлекали внимание Правительствующего Сената и Государственного Совета. Рассматривая в 1893 г. практику раскладки земских сборов, Государственный Совет пришел к заключению, что эта трудная задача почти без всяких законодательных указаний выполнена успешно; встречающиеся неуравнительность обложения и неправильность оценки объясняется главным образом скудностью законных постановлений об основаниях обложения. В том же 1893 г. были изданы новые «Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами», и учреждены особые губернские и уездные «Оценочные комиссии» смешанного состава из представителей общественного управления и государственных учреждений; эти оценочные комиссии и должны были содействовать однообразному решению спорных вопросов земского обложения на основании новых правил. Указывают также на сокращение некоторых земских культурных мероприятий в периоды особой напряженности отношений с правительственной властью и на недостаточно внимательное отношение к охране труда сельско-хозяйственных рабочих. Как бы ни расценивать каждый из этих укоров в отдельности, все они блекнут на фоне той грандиозной работы, которая была совершена земскими учреждениями в области народного образования, медицинской и агрономической помощи, не говоря уже о земском кредите, страховании, телефонах и пр. Все это сказалось в явном повышении культурного уровня жизни крестьян и всего населения земских губерний.

Многие представители передовых общественных кругов тем охотнее взялись за земскую работу, что видели в этом хотя бы частичное осуществление своих давнишних мечтаний и стремлений к введению в стране народного представительства. В рядах земских деятелей была жива надежда, что развитие местного самоуправления должно привести к завершению государственного здания палатой представителей от всей земли русской. Эти идеи нашли себе отражение в земско-дворянских адресах 60-х годов на имя Государя и в обращениях отдельных земств к правительству. В тогдашнем обществе было вообще распространено ожидание дальнейшего расширения и завершения реформ самим Государем. Наряду с этим в некоторых радикальных кругах интеллигенции росло острое недовольство и

возбуждение из-за задержки коренной реформы всего государственного строя. Начиная с семидесятых годов, отдельные группы перешли от пассивного недовольства к действиям, к распространению среди населения пропаганды против существующего государственного и социального строя, к открытым демонстративным выступлениям против правительства, убийствам представителей власти и к образованию тайных партий, различающихся между собой по их программе и тактике, в частности по их отношению к террору, как средству ниспровержения существующей государственной власти.

Убийство Императора Александра II, организованное террористической партией народной воли, тяжело отразилось на жизни земства. В 1881 г. было издано Положение об усиленной и чрезвычайной охране (остававшееся затем в силе до начала 1917 г.). Вслед затем последовал постепенный пересмотр реформ 60-ых годов с усилением контроля правительственной власти над общественными организациями.

Положением 1881 г. предоставлялись центральной и местной власти весьма широкие полномочия для борьбы с революционным движением. Губернаторы могли давать распоряжения об обыске, долгосрочном аресте, высоком денежном штрафе и высылке из вверенной им губернии политически неблагонадежных лиц, запрещать всякого рода собрания, издавать обязательные постановления и карать за нарушение их арестом и штрафом. Относясь ко всему населению, новые чрезвычайные полномочия не могли не затрагивать и земских деятелей в их работе.

В середине 80-ых годов был представлен на рассмотрение законодательных учреждений проект реорганизации земств. Основной тенденцией его было ослабить роль земских учреждений как общественных органов и подчинить их органам правительственной власти, сведя неприятный для последних дуализм к бюрократическому единству. Согласно этому проекту все решения земских собраний подлежали утверждению губернатором, а выборные земские управы заменялись коллегиальными присутствиями из членов по назначению правительства. Проект не получил полного осуществления, но болезненно сказался на реформе земских учреждений в 1890 г.

Утверждение правительством всех постановлений земских собраний не было введено. Только некоторые из них подлежали утверждению, но зато все постановления земских учреждений были поставлены под правительственный контроль не только с точки зрения их законности, но и целесообразности. Губернатор получил право останавливать исполнение земских постановлений, когда они «явно нарушают интересы местного населения». Новое ограничение касалось

основы земского самоуправления. По Положению 1864 г. «Земские учреждения в кругу вверенных им дел действуют самостоятельно». Теперь эти самостоятельность и независимость решений, даже если земства не выходили из установленных законом границ их полномочий, урезывалась. Правительственной власти открывалась возможность действовать вопреки пониманию этих интересов местного населения самими земскими учреждениями. Губернатор должен был представить свои соображения Министру внутренних дел. Если последний соглашался с мнением губернатора, то должен был передать дело Комитету (Совету) Министров, который мог отменить или изменить постановление земства. Если же изменение постановления Земского Собрания соединялось с повышением земского обложения, то дело направлялось в Государственный Совет. В таком же порядке разрешались дела, опротестованные губернатором, как нарушающие общегосударственный интерес. Замена земских управ присутствиями из лиц, назначенных правительственной властью, тоже не была воспринята законом, но была установлена такая система контроля выборов, которая открывала путь к назначению. Утверждение Председетеля Губернской Земской Управы было оставлено за Министром внутренних дел. Но не только председатели, все члены земских управ подлежали утверждению губернатором. В случае неутверждения должны были быть назначены вторичные выборы. Если и эти выборы не утверждались, то Министр внутренних дел мог назначить на вакантные места лиц, имеющих право голоса в избирательных собраниях. Таким путем все члены управ могли быть назначенными.

Новые полномочия правительственной власти, соединяясь с ее правами в порядке усиленной охраны, временами сильно тормозили деятельность земства. В периоды напряженных отношений с правительством это сказывалось в увеличении опротестованных земских постановлений, в широком неутверждении избранных членов управ, устранении земских служащих, высылке неугодных правительству земцев из их губернии и в замене выборных членов управ членами по назначению правительства. Иногда происходило сокращение работы созданных земством организаций. По миновении надобности она обычно восстанавливалась.

При изменившемся после 1890 г. положении все земства стали стремиться к объединению и взаимной поддержке. Уже в 90-х годах происходили в Москве частные совещания земских гласных из различных губерний с целью выяснения способов деятельности в новых условиях. В 1896 г. состоялось открытое совместное выступление Председателей Губернских Земских Управ, съехавшихся в Москву для участия в торжествах при коронации Императора Николая II.

Они предложили правительству ознаменовать это событие организацией особого благотворительного дела за счет всех земств. Предложение было отвергнуто правительством на том основании, что земствам предоставляется ведать только местные, но не общегосударственные нужды. Какое-либо участие в деятельности общегосударственного характера объявлялось таким образом для земства закрытым.[7]

Вследствие растущего недовольства и разного рода волнений, правительство в конце 19-го и в самом начале 20-го веков стало несколько уступать общественному давлению и в частности настояниям земств об устройстве профессиональных съездов земских служащих. Собирались съезды земских деятелей по народному просвещению, врачей, агрономов и др. Съезды эти служили объединению земской работы и в то же время выражали пожелание некоторых чисто политических мер: расширение прав земства, обеспечение законности и прав личности вопреки произвольному усмотрению администрации и т.п.

В неудачной войне с Японией, начавшейся в январе 1904 г., русские вооруженные силы терпели поражение за поражением и несли большие потери. По инициативе 14 Губернских Земских Управ была создана организация для помощи больным и раненым воинам, которая проявила энергичную деятельность и много способствовала улучшению положения пострадавших. В пору народного бедствия правительство допустило, чтобы вновь возникшее земское объединение производило свою полезную работу, молчаливо признавая право земских учреждений ведать не только местными, но и общегосударственными нуждами, вопреки своему мнению в 1896 г.

В ноябре того же 1904 г. собрался уже с разрешения правительства общеземский съезд, в котором участвовали представители 33 земских губерний (из 34). В резолюциях съезда содержался ряд политических требований: обеспечение законности управления и прав личной свободы (веры, слова, собраний), установление равенства прав лиц всех сословий, расширение полномочий органов местного самоуправления, а также созыв свободно избранных представителей народа для участия в законодательстве и контроле управления.

В июне следующего 1905 г. земской делегации удалось получить от Императора Николая II торжественное заверение о созыве выборных от населения. В начале августа 1905 г. был издан манифест об

---

[7] Проф. Б. Одинцов: «Столетие земства», сборник — «На темы русские и общие», стр. 280-296, Нью-Йорк 1965.

образовании Государственной Думы, обладающей законосовещательными функциями. В стране началось революционное движение. 17 окт. 1905 г. был опубликован новый акт об учреждении законодательной Государственной Думы.

С созывом Государственной Думы положение земства изменилось. Вместо стеснения деятельности почувствовалось расширение ее. Дуализм правительственного управления и земского управления начал функционировать более нормально. Государственная Дума стала ассигновывать значительные суммы на развитие земских культурных мероприятий. В начавшейся Первой Мировой войне союз земств и городов — Земгор показал, что и в военное время он может оказать широкую поддержку государству. Время после 1907 г. было порой наибольшего расцвета земской деятельности. Это была яркая вспышка перед погасанием.

Пришедшее на смену «конституционному десятилетию» Временное Правительство сулило широкую самостоятельность местным общественным учреждениям. Губернаторы были ниспровергнуты. Значительная часть их полномочий оказалась в руках органов земского и городского самоуправления. В целях надзора за законностью их деятельности были назначены Правительственные Комиссары. Земствам и городам предполагалось передать всю главную власть на местах под судебным контролем правительственного Комиссара. Противостояние правительственной и общественной власти сводилось до последних пределов в пользу органов общественных. Согласно этому разрабатывалась стройная система возвышающихся друг над другом самоуправляющихся единиц от села до губернии.

Но ход событий изменил планы Временного Правительства. Его комиссары были вскоре заменены во многих местах выборными. Органы самоуправления стали наполняться и заменяться другими лицами. Начали появляться советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Возникла своя власть на местах. Она находилась в связи с большевистским центром. Иногда оттуда прибывали войска, чтобы устранить противников. Обычно действовали декреты. Когда окончательно укрепилась большевистская власть Советов, то все местные советы оказались крепко втиснутыми в систему иерархического подчинения снизу до верха, и сами стали органами правительственного управления. Дуализм местного управления окончился. На местах оказались только органы централизованного правительственного управления. Прежних органов самоуправления не стало.

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СЕНАТ КАК ВЫСШИЙ СУД ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Сенат с середины 19-го века

Превращение Правительствующего Сената в Высший Суд не только по гражданским и уголовным, но также и по административным делам есть результат длительного процесса изменений и сокращения его первоначальных функций. К концу царствования основателя его Императора Петра Первого Правительствующий Сенат был прежде всего высшим органом внутреннего управления империей. Решая самостоятельно ряд наиболее важных административных вопросов, Сенат вместе с тем контролировал деятельность коллегий, через своих прокуроров и фискалов, действующих при коллегиях. Он принимал жалобы на администрацию центральную и местную. В то же время он был высшей судебной инстанцией, куда переходили на окончательное решение дела из юстиц-коллегии. Только коллегии иностранная, военная и адмиралтейская были выделены из его ведения и подчинялись прямо Государю. Пользуясь иногда, в периоды отсутствия Государя, законодательными полномочиями, Сенат с 20-х годов 18-го столетия превращается формально в законосовещательный орган, решения которого подлежат апробации Императора. В качестве «ока Государева» действовал и при Сенате генерал-прокурор.

Обширные полномочия Сената начали подвергаться резким изменениям при ближайших же преемниках Петра I-го. Образование Верховного Тайного Совета и Кабинета ставило Сенат в подчиненное положение по отношению к ним. Зато при Императрице Елизавете Петровне Сенат стал фактически опять не только высшим пра-

вительственным и судебным органом, но пользовался и законодательными полномочиями.

Со времени Императрицы Екатерины II-й начинается утрата Сенатом его полномочий. Императрица издавала законы главным образом при содействии приближенных к трону советников или через Императорский Совет при дворе. В делах внутреннего управления Сенат был ослаблен разделением его на шесть департаментов с установлением определенного круга дел для каждого из них под общим надзором генерал-прокурора. При реформах местного управления ряд дел, разрешавшихся центральными учреждениями, был передан в ведение местных властей. Коллегии закрывались одна за другой. Отдельные отрасли управления оказывались в руках доверенных Императрицей лиц. В новых условиях сохранилось положение Сената, как высшей судебной инстанции, его право надзора над администрацией, и развилась его деятельность по разъяснению законов.

Реформы Императора Александра I, вначале стремившегося возвысить положение Сената, привели его впоследствии к еще большему отстранению от активного управления. Законосовещательные полномочия перешли ко вновь созданному Государственному Совету. Учреждения министерств, возглавляемых лицами подчиненными Императору, подорвало власть Сената над органами не только центрального, но и местного управления. Каждое министерство начало постепенно иметь свои подведомственные только ему губернские учреждения. К Совету Министров, в заседаниях которого иногда участвовал сам Император, перешли наиболее важные дела государственного управления. Сенат продолжал заведывать лишь небольшим количеством административных дел, сохранив функции Высшего Суда и надзора над органами управления.

В эпоху Императора Александра II происходит окончательное превращение Правительствующего Сената в Высший Суд с сохранением лишь небольших административных полномочий. С реформой судебных уставов в 1864 г. в составе Сената образовались два самостоятельные высшие судебные учреждения: Гражданский Кассационный Департамент и Уголовный Кассационный Департамент. В отличие от прежних судов они действовали на началах гласности, устности и состязательности судопроизводства. Применительно к этому произошло изменение роли 1-го и 2-го Административных Департаментов Сената. В пору наибольшего сужения административных функций Сената, начиная с шестидесятых годов 19-го столетия, наступило определенное оживление деятельности административных департаментов Сената, но уже в измененном виде.

Произошло это в связи с созданием новых органов земского и го-

родского самоуправления, реформой крестьянского управления и образованием особых «губернских присутствий», состоящих из представителей государственного управления и местного самоуправления. Эти губернские присутствия (по земским и городским делам, по воинской повинности и др.) получили некоторые функции низших судов по административным делам. В Сенат теперь должны были поступать как протесты органов надзора по поводу незакономерных действий местного самоуправления, так и жалобы последних на решения «губернских присутствий». Административные Департаменты Сената, в особенности Первый, стали теперь выполнять функции Высшего Суда по административным делам. В качестве такого суда Сенат принимал жалобы на представителей центрального и местного государственного управления. Один из Департаментов Сената, именно — Судебный стал судом по делам торгового права. Лишь Департамент Герольдии продолжал ведать в качестве административного учреждения родословными списками и гербами, но и он разрешал связанные с этим споры.

Во все время до окончания императорского периода продолжало оставаться различие между деятельностью административных департаментов Сената в качестве суда по административным делам и судом Гражданского и Уголовного кассационных департаментов. Административные департаменты были в большей зависимости от правительства, чем кассационные, что и отражалось иногда в их постановлениях. В их делопроизводстве сохранилась старая система исключительно письменного рассмотрения дел в закрытых заседаниях. Ни стороны, ни их представители не могли присутствовать при разбирательстве дела и должны были ограничиться их письменными объяснениями. При рассмотрении дел, затрагивающих интересы центральных учреждений, требовался отзыв соответствующего министра, нередко затягивавшийся на долгое время. По заявлению представителя правительства отдельные судебные решения могли переходить не только на рассмотрение соединенного присутствия нескольких департаментов Сената, но и вызывать специальное разъяснение Первого Общего Собрания Сената и Государственного Совета. Эти затяжки и пересмотры решений Первого Департамента Сената касались главным образом заявлений министров. Но оставалось множество дел местного и частью центрального управления, при которых Сенат не наталкивался на такого рода стеснения, и он мог свободно выбирать свои меры воздействия на акты администрации для приведения их в соответствие с законом. Сознание необходимости охранения стройности и единства государственного порядка естественно требовало юридической последовательности в вынесении решений,

их тщательного обоснования и надлежащей формулировки их.
В практике административных судов наблюдается собственно четыре основных типа такого рода решений: отмена административных актов, их изменение, предписание по отношению к администрации принять определенные меры и установление законного правоотношения.

Историческое прошлое Сената и особенности его положения в строе государственных учреждений России привели его к созданию такой своеобразной системы этих видов решений, которая явно отличается от решений современных ему высших административных судов в других странах того времени.

2. Отмена

Как ни разнятся между собой решения административных судов отдельных стран, в одном они несомненно сходны: отмена административных актов имеется всюду. Характерной чертой отмены, применявшейся Сенатом, была, однако, широта ее действия. В практике прусских административных судов по законам восьмидесятых годов прошлого столетия отмена, поскольку она применялась к актам полиции, могла касаться только отдельных полицейских распоряжений и не распространялась на т.н. «полицейские указы» (Polizeiverordnungen), т.е. постановления типа русских обязательных постановлений. Судья административный и уголовный не лишен права проверять закономерность «полицейских указов», но последствием этой проверки может быть не отмена их полностью, а лишь неприменение их к отдельным конкретным случаям, т.е. отмена изданных на основании их конкретных административных распоряжений[1]. Сенат же отменял как конкретные административные распоряжения, так и обязательные постановления тех или других органов администрации, состоявших под его указами. В этом отношении практика Сената сближалась с французской.

Отмена распространялась при этом не безусловно на весь админ. акт в целом. Наряду с полной была и частичная. При частичной отмене Сенат отсекал лишь отдельные части админ. акта, не внося в него никаких новых элементов, так как это означало бы изменение его. Так, Сенат отменял административные акты «в части», касав-

[1] K. Friedrichs, Verwaltungsrechtspflege, B. I., Brln. 1920, s. 297.

шейся оценки не всех, а лишь некоторых объектов обложения[2] или «в части», касавшейся включения в избирательные списки определенно указанных лиц[3]; иногда он отменял также отдельные параграфы инструкций и обязательных постановлений[4], оставляя прочие части их в первоначальном виде. Необходимой предпосылкой частичной отмены являлась всегда отделимость и выделимость соответствующих частей административного акта.

Значение как полной, так и частичной отмены админ. постановления сводится обычно к тому, что постановление это, сохраняя до момента отмены свою силу, после этого момента перестает действовать. Но иногда такой отмены одного только обжалованного постановления оказывалось недостаточным для полного восстановления законного порядка. Бывало это в тех случаях, когда в промежуток времени между изданием данного постановления и его отменой и притом именно в связи с этим постановлением были приняты какие-либо другие админ. меры, как его последствие. Пользуясь широтой своих полномочий по «прекращению всяких противозаконных действий во всех подчиненных ему местах» (Учр. Пр. Сен. ст. 2) Сенат распространял в отдельных случаях действие своей отмены и на эти «последствия» и по отношению к обжалованному постановлению выносил решение не просто «отменить» лишь его, а «отменить со всеми последствиями».

С такого рода явлениями Сенату приходилось встречаться как тогда, 1) когда он выступал в качестве второй инстанции админ. суда, так и тогда, 2) когда дело рассматривалось им в первой инстанции.

1) Отмена со всеми последствиями встречается между прочим в ряде дел, рассматривавшихся Сенатом во второй инстанции по жалобам на постановления Губ. Присутствий об отмене произведенных выборов земских гласных. Согласно Положению о земск. учреждениях, Губернское по земск. и городск. делам Присутствие, отменив выборы по какому-либо избирательному собранию, должно было назначить новые, взамен признанных недействительными (ст. 48). В результате этих вторичных выборов вступали в Земск. Собрание на

---

[2] Указ Сен. 26. 11. 904, № 12244, Кузнецов III, 93 (И. И. Кузнецов, Систематический свод указов Правит. Сената, последовавших по земским делам, т. III, номер решения в данном томе 93. Всего 12 т. за время с 1866 по 1915 гг).

[3] Ук. Сен. 13. 12. 913, № 14372, — Кузнецов X, 19.

[4] Ук. Сен. 16. 5. 908, Кузн. V, 138. Ук. Сен. 31. 5. 906 № 5866, Сборн. Реш. Сен. 1906, II, 17 (Сборник решений Правит. Сената по Общему Собранию и Департаментам Первому, Второму и Герольдии, Часть II, номер определения по сборнику 17. Сенатское издание).

место первоначально избранных гласных новые гласные и вступали притом — в виду медленности делопроизводства по жалобе — иногда ранее того, чем Сенат успевал вынести решение по принесенной жалобе на постановление Губ. Присутствия об отмене первоначальных выборов. Если Сенат теперь при рассмотрении дела находил, что первоначальные выборы были отменены Губ. Присутствием неправильно, то он не мог уже ограничиться простой отменой этого неправильного постановления Губерн. Присутствия.

Первоначально избранные гласные не восстанавливались еще в своих правах: их места в Земском Собрании оказывались занятыми новыми гласными, причем правильность производства вторичных выборов сама по себе могла не вызывать никаких сомнений. В подобного рода случаях, в частности — напр. по делу об отмене выборов по первому избирательному собранию в Аккерманском уезде в 1910 г. — Сенат выносил решение такого рода: обжалованное постановление Губерн. Присутствия «отменить со всеми последствиями, предписав Губ. Присутствию восстановить выборы гласных от первого избират. собрания» [5]. Это означало, что отменялась не только неправильная отмена первоначальных выборов, но вместе с тем отмена распространялась и на последовавшие затем новые выборы, так что все дело возвращалось в то положение, в каком оно было до отмены выборов Губернским Присутствием.

С особенной ясностью вскрывается смысл «отмены со всеми последствиями» из дела по жалобе по постановлению Пензенского Губ. Присутствия об отмене выборов гласных от первого избират. собрания Наровчатского уезда на трехлетие 1910-1913 гг.[6] Как раз по поводу сенатского указа по данному делу местный губернатор вошел в Сенат с рапортом, прося подробнее разъяснить, что собственно означает содержащаяся в этом указе отмена постановления Губернск. Присутствия «со всеми последствиями»: влечет ли она за собой лишь восстановление прав лиц, первоначально избранных в состав Земского Собрания, с устранением из него лиц, избранных взамен их, или же сверх этого должны кончиться также полномочия членов управы, землеустроительной комиссии, училищного совета и других органов, избранных Земским Собранием с участием гласных, вошедших в него при вторичных выборах? На это Сенат ответил, что «ближайшим и непосредственным результатом отмены постановления... Губ. по земск. и городск. делам Присутствия... должно явиться вос-

---

[5] Ук. Сен. 18. 4. 913, № 5489, Кузн. X, 25; см. также Ук. Сен. 19. 1. 911, №№ 591, 592, Кузн. VIII, 34; Ук. Сен. 6. 10. 914, № 12066, Кузн. XII, 19.

[6] Ук. Сен. 1. 6. 911, № 6356, Кузн. VIII, 42.

становление силы первоначальных выборов гласных первого избират. собрания..., отмененных постановлением Присутствия; с восстановлением же прав избранных в гласные на упомянутых выборах лиц и с изменением вследствие этого значительной части состава Уездного Земск. Собрания, Собранию несомненно надлежит произвести новое замещение поименованных... Губернатором выборных должностей, дабы вновь избранные на эти должности лица являлись избранными и представителями именно нового правильно образованного состава Земского Собрания»[7].

При таком значении «отмены со всеми последствиями» действие ее практически переносилось с момента вынесения ее Сенатом на момент издания отмененного акта. При простой отмене, когда уничтожалась сила лишь самого обжалованного постановления вне связи с его «последствиями», все акты, совершенные на основании этого постановления еще до отмены его, не рассматриваются в качестве незаконных: признается, что они были последствиями его, когда оно имело еще силу. При отмене же «со всеми последствиями» соответствующее постановление лишается своей силы по существу с самого момента возникновения его. Оно признается вообще как бы не бывшим, почему и все «последствия» его оказываются незаконными и подлежащими устранению. При вынесении отмены Сенат различал таким образом два момента действия отмены: простая отмена лишала административный акт его силы с момента вынесения сенатского решения, а «отмена со всеми последствиями» — с момента издания данного акта.

2) Поскольку Сенат выступал в качестве первой инстанции и его отмена распространялась непосредственно на административные акты (а не на решения судебно-административных инстанций), различие двух указанных видов отмены приводило в существе дела к различению двух категорий актов: актов «ничтожных» с самого момента их издания и потому юридически мертворожденных и актов «оспоримых» или «недействительных», имеющих вначале силу и затем после обжалования теряющих ее.

Так, в делах по земскому обложению Сенат строго различал два случая неправильного взимания земского сбора: первый — когда при оценке того или другого подлежащего обложению имущества были приняты неправильные основания оценки и второй — когда сборы взыскивались с имущества, в действительности не существующего. В первом случае постановления об обложении признавались Сенатом сохраняющими свою силу, пока не было предъявлено возра-

---

[7] Ук. Сен. 29. 9. 911, № 10388, Кузн. VIII, 46.

жения против правильности обложения[8]. Сенат относительно этой категории дел полагал, что «каждому плательщику предоставляется право проверять оценочные данные его имущества, возражать против них и требовать переоценок, а потому земству не может быть вменено в обязанность возвращать излишне взысканный сбор за время, предшествующее возражению против правильности исчисления сбора.[9]» Начальным моментом возврата излишне взысканных сборов Сенат признавал именно подачу возражения против обложения, если, конечно, это возражение впоследствии было признано подлежащим удовлетворению.[10]

Иное дело — те случаи, когда сбор падал на имущество в действительности не существующее, когда, напр., сбор был исчислен в размерах, не соответствующих количеству десятин облагаемой земли. Постановления такого рода при обжаловании их признавались Сенатом лишенными правовой силы с самого их начала. И так как по закону обязанность вести окладные книги лежала на земских учреждениях, то «небрежность владельца, не заявившего или заявившего в неустановленном порядке о том, что у него облагается земля больше, чем есть в натуре, не освобождала», по мнению Сената, «земство от обязанности вернуть весь излишне взысканный сбор». Поэтому именно, когда поступали жалобы на отказ земских учреждений вернуть излишне взысканные сборы с имущества не существующего, Сенат не просто отменял этот отказ, а отменял «со всеми последствиями», вытекавшими из этого незаконного распоряжения, т.е. со всеми произведенными в силу его сборами; и последние подлежали в этом случае возврату независимо от того, были ли они взысканы до предъявления возражения, или после него.[11] Точно так же отменял Сенат «со всеми последствиями» и такие постановления земства, когда обложению подвергались объекты, совершенно не предусмотренные законом[12].

«Отмена со всеми последствиями» захватывала иногда очень широкий круг администр. актов. В одном деле по жалобе на неправиль-

---

[8] Ук. Сен. 28. 4. 1915, № 5261, Кузн. XII, 93; см. также Ук. Сен. 12. 8. 1899, № 8153; 9. 9. 902, № 7770; 23. 1. 915, № 623.

[9] Ук. Сен. 13. 4. 915, № 4617, Кузн. XII, 96; Ук. Сен. 6. 11. 908, № 14726, Кузн. V, 84; Ук. Сен. 24. 8. 901, № 7502, Кузн. II, 120.

[10] Ук. Сен. 23. 11. 915, Общ. Вед. («Общая Ведомость о делах, находящихся в производстве I Департ. Правит. Сената», издававшаяся в 1913-16 гг. для нужд Сенатской канцелярии) 1915 № 8, стр. 391; Ук. Сен. 8. 6. 915, № 7317, Кузн. XII, 84.

[11] Ук. Сен. 12. 12. 906, № 13787, Кузн. III, 159.

[12] 6. 6. 1895, № 4359, Канторович, 1125 (Я. Л. Канторович, Сборник определений Первого Департамента Правит. Сената по городским и земским делам за 10 лет 1891-1900, номер решения по сборнику 1125).

ное привлечение просителя к отбыванию воинской повинности Сенат нашел, что собственно неправильно были образованы призывные участки, и в связи с этим были неправильно составлены призывные списки, причем все это было сделано на основании особых распоряжений, изданных местным начальством. В связи с этим Сенат отменил эти самые распоряжения местной власти «со всеми последствиями», так что вместе с ними теряли свою силу и деления на участки, и призывные списки, и, наконец, призывы отдельных лиц к отбыванию воинской повинности, поскольку все это основывалось на указанных распоряжениях.[13]

[13] Ук. Сен. 19. 9. 907, № 9798-9800. Сборн. Реш. Сен. 1907, 11, 105.

3. Возврат дела для нового рассмотрения

«Отмена» нередко восполнялась в практике Сената дополнительным постановлением о передаче дела на новое рассмотрение вынесшей его инстанции. Это решение получило у Первого Департамента особое значение в силу соотношения его с прочими решениями, принимавшимися Сенатом в качестве суда по администр. делам.

Передавалось ли дело на новое рассмотрение в виду процессуальных недостатков (неизвещение жалобщика[1] или ответчика[2] о дне заседания и т.п.) или же по материально-правовым основаниям, низшие инстанции должны были руководствоваться при пересмотре дела преподанными Сенатом разъяснениями, содержащимися в мотивах его постановления. При этом практически было безразлично, постановлял ли Сенат просто «поручить рассмотреть дело вновь» или поручал «рассмотреть его вновь на указанных основаниях». «Заключающиеся в указах Правит. Сената соображения, как служащие мотивами к самому по данному предмету решению, наравне с резолютивной частью сих указов», были «обязательны к руководству и исполнению для подлежащих правительственных мест и должностных лиц.[3]

На значении мотивов своих решений Первый Департамент Се-

[1] Ук. Сен. 15. 7. 903, № 6068, Сборн. реш. Сен. 1905, 11, 39.
[2] Ук. Сен. 30. 4. 903, № 3616, Сборн. реш. Сен. 1904, 11, 19.
[3] Опред. I Деп. 11. 10. 1894 по д. Ермоленко; Опред. 1. Общ. Собр. 30. 4/24. 10. 1904 по д. Форстена; Ук. Сен. 23. 5. 911, № 6029, Кузн. VIII, 25; Ук. Сен. 9. 7. 915, № 8386, Общ. Ведом. 1915, № 6, стр. 210.

ната должен был в особенности настаивать потому, что при решении административных дел в основе оставался он в положении кассационной отменяющей инстанции. Выступая в качестве «хранителя законов» (Учр. Сен. ст. 2), он «прекращал» «противозаконные действия» администрации путем отмены их, не заменяя их своими новыми решениями. Новое решение на место отмененного должна была поставить сама администрация на основании преподанных ей указаний.

Изредка можно, впрочем, встретить в резолютивной части решений Сената и слово «изменить». Он постановлял, напр., «поручить Губернатору предложить Земскому Собранию изменить на будущее время раскладки государственного налога соответственно вышеизложенным основаниям»[4] или «поручить Земскому Собранию изменить соответственно сему», т.е. преподанным в мотивах разъяснениям, определенный параграф правил обязательного земского страхования.[5] Считая необходимым сделать в изданной Министром инструкции «соответственное, в целях согласования ее с законом, изменение и дополнение», Сенат «поручал» также «Министру Финансов сделать надлежащее распоряжение к изменению» признанных незаконными параграфов данной инструкции.[6] Совершенно очевидно, однако, что и во всех подобного рода решениях Первый Департамент Сената сам ничего не изменял и на место отмененного постановления не выносил от себя нового. Он поручал лишь сделать это тем самым учреждениям, от которых исходило данное постановление. Пересмотр всякого постановления, естественно, соединяется с его исправлением и изменением. И приведенные решения Сената являются по существу лишь поручениями пересмотреть дело вновь на указанных им основаниях. Они только подтверждают несклонность Сената к самостоятельному изменению постановлений низших инстанций.

Решения Сената об отмене сходны в общем с решениями французского Госуд. Совета в «процессе отмены», но настойчивое оберегание их кассационного характера отмены свидетельствует в то же время о несходстве определений Первого Департамента с решениями французского Госуд. Совета в «процессе полной юрисдикции». И практика и доктрина во Франции единодушны в том, что в отличие от «процесса отмены» Государственный Совет при «процессе полной юрисдикции» может не только отменять распоряжения администрации, но и изменять их (modifier et réformer), а равно может прису-

---

[4] Ук. Сен. 15. 2. 901, Кузн. 11, 174.
[5] Ук. Сен. 24. 5. 914, № 6839, Кузн. XI, 119.
[6] Ук. Сен. 2. 4. 903, № 2910, Сборн. реш. Сен. 1903, 11, 1.

ждать администрацию к возмещению убытков».[7] Первый же Департамент не выносил решений, которыми изменялись постановления низших инстанций.

В последовательно проводимом кассационном характере решений Сената по административным делам заключается коренная особенность Первого Департамента Сената, как высшего суда по административным делам. Отличаясь от французского Госуд. Совета, он имел в данном отношении далеко идущее сходство с другим современным ему «Высшим Административным Судом», австрийским. По закону окт. 1875 г. последний был наделен лишь правом отмены административных распоряжений с правом возврата их вынесшему их административному учреждению, которое обязывалось исправить недостатки и вынести новое решение по данному делу (параграф 6). При этом в силу прямого постановления закона административные учреждения должны были руководствоваться теми юридическими суждениями, которые были положены в основу решения администра-

---

[7] M. Hauriou. Précis de droit admin., 1914, p. 410; E. Laferrière, "Traité de la Juridiction admin.," 1896. I. 15; G. Jèze, Classification des recours contentieux, Revue du droit publ., 1908, p. 676-78; L. Duguit, Traité du droit constitutionnel, T. II, 1928, p. 508.

С. А. Корф. Административная Юстиция в России, т. I и II, СПБ, 1910. При детальном описании административной юстиции в отдельных странах, практика Сената изображается так же, как и практика Государственного Совета во Франции, имеющей все виды решений Государственного Совета, лишь с некоторыми особенностями и отступлениями. В связи с этим делается искусственное разграничение между сенатскими решениями кассационной отмены «в формальном порядке» и рассмотрением дела «по существу»; в первом случае Сенат ограничивается внешней проверкой закономерности действий администрации, во втором — не ограничиваясь этим, он проверял вопросы не только права, но и факта, рассматривал дело по существу, что (по мнению автора) могло вести к «контролю дикреционных полномочий администрации». Первый порядок приравнивается автором к «процессу отмены» во Французском Государственном Совете, второй — к «процессу полной юрисдикции», хотя при «полной юрисдикции» Государственный Совет мог и изменять административные акты, чего не делал вообще Сенат. В действительности, для Сената это различение двух порядков сводилось к тому, что при разбирательстве дела «с формальной стороны» внимание сосредоточивалось главным образом на вопросах формально-процессуального характера и на распределении компетенции, а при рассмотрении дела «по существу» — на установленном законом порядке действия. В обоих порядках рассматривались вопросы права и фактов, иногда оба порядка применялись в одном и том же деле, и оба могли вести к отмене. В результате сам автор признает, что между сенатскими порядками рассмотрения дел «с формальной стороны» и «по существу» не было «четкого» определенного различия, как между процессами Государственного Совета во Франции, и что оба они «ничем кроме случайностей не разграничивались». (Т. 2, стр. 366-368, 374-378, 385 и др.) Подробнее о соотношении видов решений Сената и Французского Государственного Совета см. мой оттиск «Решения Сената по административным делам», Белград, 1937, стр. 1, 2, 10-13, 24-25).

тивного суда (параграф 7). В России же указы Сената должны были, на основании издавна действовавших постановлений, исполняться всеми подчиненными ему местами и лицами, как собственные Указы Императорского Величества (ср. Учр. Сен. изд. 1915 г. ст. 203), из чего Сенатом и сделан был вывод об обязательности и мотивов его решений, приводившихся в действие исходящими от него указами.

Отказываясь от применения «изменения» администр. постановлений, Первый Департамент, передавая дело на новое рассмотрение, стремился самой мотивировкой своего решения содействовать наиболее полному осуществлению в дальнейшем своего правового понимания дела. В связи с этим на практике создалось огромное значение мотивов сенатских решений об отмене.

Когда администрация при пересмотре дела могла в известных рамках действовать по своему усмотрению, Сенат не мог, конечно, и косвенным образом, в мотивах своего определения, предуказать какое-нибудь одно определенное решение дела. Он действовал в подобного рода случаях таким образом, что предусматривал несколько вытекавших из особенностей дела возможных способов решения его и предоставлял самим административным учреждениям делать выбор между ними. В результате и то и другое решение администрации должно было оказаться не противоречащим правовым воззрениям Сената.

Земство производило, напр., переоценку некоторых объектов обложения и притом на новых основаниях; через это возникала неравномерность обложения по новой оценке по сравнению с объектами, оцененными на прежних основаниях. Ввиду несоблюдения уравнительности обложения Сенат отменял земские постановления и в мотивах решения дополнительно указывал, что уравнительность эта могла быть достигнута двояким способом: или нужно было применить вновь установленный способ оценки ко всем тем объектам, обложения, которые были раньше оценены иным способом, или же следовало оставить прежний способ оценки и по отношению к тем объектам, которые в позднейшее время были оценены на новых основаниях.[8] Земству предоставлялось решить, какой именно из этих приемов оценки применить ко всем, без исключения, объектам обложения. Аналогичные решения встречаются и по другим делам. Отдельные земства отказывались принимать на страх постройки в таких селениях, где строения были возведены вопреки установленному Земством плану данного селения и стояли крайне скученно. В виду обязательности земского страхования Сенат признавал, что земства не могут от-

[8] Ук. Сен. 6. 2. 915, № 1237 и 13. 4. 915, № 4630, Кузн. XII, 54.

казывать в страховании, отменял такого рода отказ земства и поручал ему вынести новое постановление «на указанных основаниях». А в качестве «оснований» решения Сенат приводил то соображение, что, при обязательности земского страхования, земство в праве или а) предъявить требование о выполнении обязательного постановления относительно порядка построек, или же б) установить для неправильно возведенных строений повышенный размер страховых платежей.[9] При пересмотре своего постановления земство, очевидно, могло только или принять страхование построек данного селения на общих основаниях и одновременно возбудить преследование за неисполнение обязательного постановления или же произвести страхование по повышенной таксе. Ему предоставлялся собственно лишь выбор одного из двух указанных Сенатом способов решения дела.

В других случаях Сенат при отмене административного постановления отчетливо устанавливал определенный принцип разрешения его, но все же отсылал дело на пересмотр администрации, так как в виду недостатка фактических данных, если бы и хотел, то не мог бы применить надлежащим образом данный принцип. Так, в делах о налогах и разного рода сборах Сенат, установив надлежащий прием исчисления их, отсылал дело к администрации то потому, что требовалось произвести заново оценку всех объектов обложения,[10] то потому, что нужно было собрать дополнительные данные: выяснить стоимость облагаемого помещения,[11] установить размер тех участков земли, которые в силу особых обстоятельств должны были быть изъяты из обложения и т.п.[12]

Но чем подробнее бывали разработаны и установлены Сенатом правовые основания решения дела, и чем полнее — вместе с тем — были выяснены фактические обстоятельства дела, тем менее оставалось для администрации возможности внести при пересмотре от себя что-либо новое, что-либо такое, чего не имелось уже в мотивах определения Сената. В налоговых делах Сенат нередко подвергал тщательному анализу все объекты обложения и устанавливал какие из них должны быть освобождены от обложения, какие обложены неправильно и почему, указывал надлежащие приемы оценки, приводил специальные выработанные практикой формулы расчета обло-

[9] Ук. Сен. 13. 3. 903, № 2293, Кузн. II, 209.

[10] Ук. Сен. 23. 2. 910, № 2964, Кузн. VII, 51; Ук. Сен. 3. 12. 897, № 9926, Канторович, 1798.

[11] Ук. Сен. 30. 3. 905, Сборн. Реш. Сен. 1905, 11, 69.

[12] Ук. Сен. 24. 9. 915, № 12621, Кузн. XII, 71; Ук. Сен. 17. 6. 914, № 8550, Общ. Вед. 1914, № 6, 279; Ук. Сен. 25. 6. 914, № 8609, Общ. Вед. 1914, № 6, 338; Ук. Сен. 17. 9. 903, № 8268, Сбор. Реш. Сен. 1903, 1, 75.

жения, производя при этом подробные выкладки на основании материалов дела.[13] Всем этим в значительной мере заранее предопределялось решение, которое должны были вынести налоговые органы.

Иногда Сенатом настолько определенно устанавливался способ решения дела и настолько оказывались ясны и полны фактические обстоятельства дела, что вывод вытекал сам собою. Он мог быть сделан в одном только определенном смысле. Первый Департамент не включал его, однако, в резолютивную часть своего решения и предоставлял самой администрации вынести соответствующее решение. Сенат находил, например, что при определении размера основного капитала одного предприятия Присутствие по промысловому налогу преуменьшило его, так как не включило в него 78. 980 руб., полученных от выпуска предприятием дополнительных акций; в виду именно этого Сенат отменил постановление Присутствия и предписал ему рассмотреть дело вновь. После этого Присутствие, при вынесении по делу нового решения, могло сделать только одно, именно — увеличить ранее принятую им сумму основного капитала на 78. 980 руб., поступивших от выпуска дополнительных акций.[14] По одной жалобе на ненадлежащую выплату заштатного содержания Сенат отменил постановление земства, которым просителю назначалось заштатное содержание в размере лишь полугодового оклада жалованья; Сенат нашел, что жалобщик по закону подлежит удовлетворению заштатным содержанием в размере не полугодового, а всего годового оклада; Сенат указал при этом даже точную сумму последнего по должности просителя, именно — 480 руб. и поручил земству «войти в новое рассмотрение настоящего дела».[15] Какой иной результат мог быть от этого пересмотра, как не назначение просителю заштатного содержания в указанном размере 480 рублей в год?

Во всех подобного рода случаях Сенат указывал администрации то изменение ее решения, которое он хотел бы видеть. Но сам Первый Департамент Сената этого изменения от своего имени в своих решениях не применял. Отменив распоряжение администрации, Сенат хотел своими мотивами передачи дела для нового рассмотрения добиться того, чтобы администрация сама внесла изменения в свой акт в желательном для Сената направлении.

[13] Ук. Сен. 16. 3. 915, № 3407, Кузн. XII, 110; Ук. Сен. 5. 4. 913, № 5208, Кузн. X, 59; Ук. Сен. 18. 4. 912, № 4981, Кузн. IX, 48.

[14] Ук. Сен. 21. 9. 907, № 9444, Сборн. Реш. Сен. 1907, 11, 111.

[15] Ук. Сен. 20. 10. 914, № 4568, Кузн. XII, 44.

4. Предписания

Сходство Первого Департамента Правит. Сената с австрийским Высш. Административным Судом по зак. 1875 года в основном типе их решений не свидетельствует никоим образом об однообразии и тождестве их практики. Рисовать Первый Департамент Правительствующего Сената на австрийский образец было бы также ошибочно, как и изображать его целиком на французский лад. В стремлении провести свою волю по отношению к администрации Сенат мог идти и шел гораздо дальше австрийского Высшего Административного Суда. Сенату принадлежал по закону «высший надзор в порядке управления и исполнения» (Учр. Сен. ст. 2) и в этом порядке ему были «подчинены все вообще места и установления империи», кроме «высших» и специально изъятых от этой зависимости (ст. 1). Вместе с «общим надзором» входили в круг его полномочий и «происходящие от сего меры взыскания, понуждения и поощрения, законом установленные» (ст. 20, п.3 а). В целях «прекращения... противозаконных действий в подчиненных ему местах» (ст. 2) Сенат применял, в отличие от австрийского административного суда, помимо отмены также и прямые «предписания» по адресу администрации.

В этом отношении у Первого Департамента Правительствующего Сената оказывалось сходство с «приказами» (writs) английских судебных учреждений. В Англии нет особых судов по административным делам. Требования административных органов по отношению к гражданам осуществляются по общему правилу через возбуждение против них дела в суде так же, как и взаимные претензии граждан и их объединений друг к другу. Рассматривая требования сторон, английский суд в качестве особой формы решений выносит «приказы» (writs), как общего для всех граждан характера, так и особые в случаях применения администрацией непосредственного принуждения (напр. Habeas Corpus, Mandamus). Всеми этими приказами предписывается администрации делать то, что полагается в данном случае по закону, и воздерживаться от совершения действий, которыми нарушаются права и интересы других лиц.

В практике Сената «предписания» были многочисленны и шли нередко также под видом «поручений» или «предложений». В первую очередь могут быть отмечены «предписания» относительно устранения упущений процессуального характера, из-за которых возникали ненужные задержки в рассмотрении дел, или дела разрешались не в том порядке, в каком следовало... Усмотрев подобного рода явления, Сенат давал указания для восстановления должного порядка. Если

Министр Финансов оставлял без движения ходатайство просителя, требуя предварительно уплаты гербового сбора по его прошению, а Сенат находил, что требование это в данном случае не обосновано, то он «поручал» Министру «рассмотреть по существу ходатайство жалобщика»[1], не оставляя дела без движения только из-за неуплаты указанного сбора. Когда некоторые губернаторы начинали своею властью отклонять ходатайства городских самоуправлений о местных пользах и нуждах, не направляя их в Министерство Внутр. Дел, Сенат «предписывал» им «руководиться ст. 102 Город. Положения», т.е. не разрешать своею властью ходатайств, а направлять их высшему начальству со своим заключением и притом не позже, чем в месячный срок по их поступлению.[2]

Основное значение «предписаний», как особого вида решений судов по административным делам, проявлялось в тех случаях, когда со стороны администрации требовалось по закону совершение ряда действий, необходимых для обеспечения а) или надлежащего функционирования самих административных учреждений или б) для обеспечения прав отдельных лиц.

а) «Поручения» или «предписания» Сената шли в большом количестве не только по адресу коронной Администрации, но также и по адресу органов самоуправления земского, городского и сословного. При ошибках технического проведения земского обложения Сенат «поручал Губернатору... предложить Земской Управе озаботиться своевременной рассылкой окладных листов»[3] или «предложить земству устранить допущенную неправильность в отношении составления и рассылки земских окладных листов»[4]. В 1902 году Лифляндское Губернское Правление отказало Евангелическо-Лютеранской Консистории в исполнении ее постановления о взыскании с просителя канцелярского сбора по одному из решений Консистории по бракоразводным делам. Сенат нашел этот отказ Губернского Правления недопустимым по отношению к Консистории, как к «равному и не подчиненному ему месту» и постановил «предложить ему (т.е. Губ. Правлению) распорядиться об исполнении требования Консистории» относительно взыскания этого канцелярского сбора.[5] В отношении выборного производства Сенат, по отмене Земских выборов, «пред-

---

[1] Ук. Сен. 24. 5. 906, № 5682, Сборн.Реш.. Сен. 1906, 11, 54.
[2] Ук. Сен. 21. 9. 906, № 9563, Сборн. реш. Сен. 1906, 11, 43.
[3] Ук. Сен. 21. 5. 904, № 4785, Кузн. III, 119.
[4] Опред. 16. 11. 899, № 8786, Канторович, 2248.
[5] Ук. Сен. 7. 11. 905, № 9470, Сборн. Реш. Сен. 1905, 11, 79.

писывал» Губернаторам озаботиться назначением новых выборов[6] или «предлагал» им «созвать вновь избирательное собрание для дополнительного выбора недостающего числа гласных».[7] Сенат «предписывал» Губернским Присутствиям «исключить из состава гласных» неправильно избранных лиц, а неправильно исключенных «восстановить в звании гласного»,[8] «поручал» Городским Думам «произвести новые выборы Городского Головы»,[9] а Земским Собраниям — произвести перевыборы членов Управы или выборы мировых судей[10] и т.п.

б) Такого же рода «предписания» шли по адресу административных органов, когда от них требовалось выполнение обязанностей по отношению к отдельным гражданам: предоставления им тех или других прав, совершения определенных услуг для них или выполнения имущественных обязательств публично-правового характера. Министр Финансов отклонял и притом, по соображениям Сената, неосновательно ходатайство просителя о причислении его сыновей к мещанскому обществу, и Сенат «поручал» Министру «удовлетворить просителя», т.е. приписать его детей к мещанскому обществу.[11] Губернатор оставлял в паспорте просителя отметку, ограничивающую свободу его передвижения, и не хотел удалить ее, несмотря на то, что это ограничение для данного лица уже отпало; Сенат «поручал Губернатору сделать распоряжение об устранении неправильности».[12] Губернатор обязывался, таким образом, внести изменение в выданный полицией паспорт. Земская Управа отказывала просителю в выдаче требуемой им справки относительно недоимки земских сборов; Сенат постановлял: «предписать... Губернатору поручить Уездной Земской Управе выдать П. требуемую им справку».[13]

Особенно многочисленны были «предписания» Сената по делам об удовлетворении публично-правовых имущественных притязаний

---

[6] Ук. Сен. 18. 8. 904, № 7201, Кузн. II, 49; Ук. Сен. 4. 6. 904, № 5671, Кузн. II, 55; Ук. Сен. 5. 3. 915, № 2834, Кузн. XII, 22.

[7] Опред. I Деп. 13. 4. 898, № 3058, Канторович, 1912.

[8] Ук. Сен. 9. 6. 914, 7975, Кузн. XI, 29; Ук. Сен. 9. 6. 914, № 7976, Кузн. XI, 26; Ук. Сен. 13. 5. 915, № 5859, Кузн. XII, 35; Ук. Сен. 26. 10. 910, «Известия по делам земск. и город. хозяйства», 1910, № 12, стр. 45.

[9] Опред. I Деп. 8. 5. 895, № 3579, «Опред. I-го Деп. по вопросам о применении Город. Положения», СПБ. 1910, стр. 50.

[10] Ук. Сен. 10. 4. 915, № 4311, Кузн. XII, 41; Ук. Сен. 4. 3. 915, № 2725, Кузн. XII, 42.

[11] Ук. Сен. 12. 5. 906, № 5207, Сборн. реш. Сен. 1906, 1, 16.

[12] Ук. Сен. 27. 3. 903, № 2642, «Вест. Сенат. практики» 1903, стр. 176.

[13] Ук. Сен. 5. 7. 901, № 6232, Кузн. II, 15.

граждан к казне или к органам местного самоуправления. Имеется длинный ряд определений, в которых Сенат «поручал» различным органам администрации «принять меры к удовлетворению ходатайств» просителей относительно выдачи им содержания по службе за тот или иной срок,[14] а равно о выдаче прибавочного жалованья за выслугой лет,[15] или в виду службы в привилегированных местностях.[16] Сенат «предписывал» также подлежащим административным учреждениям «сделать зависящие распоряжения» о выдаче просителям полагавшихся по закону усиленных прогонных и подъемных денег,[17] о назначении пенсий[18] и единовременных пособий,[19] о сложении начетов на должностных лиц[20] или о возврате удержанных из залога сумм[21] и т.п. По делам о налогах и разного рода сборах Сенат «поручал» удовлетворить ходатайства об освобождении от уплаты пошлин[22] и повинностей,[23] о сложении земских сборов,[24] или «предписывал» администрации сложить неправильно начисленные ею на просителя сборы,[25] приостановить взыскание,[26] возвратить по принадлежности излишне взысканные налоги[27] и пошлины[28] и пр.

Можно сказать, что к такого рода делам о жалованье и о разного рода налогах и сборах относится основная часть «предписаний» и «поручений» Сената.

---

[14] Ук. Сен. 10. 8. 907, № 7398, Сборн. Реш. Сен. 1907, 11, 76.

[15] Ук. Сен. 9. 2. 907, № 1715, Сборн. Реш. Сен. 1907, 11, 30.

[16] Ук. Сен. 31. 1. 906, № 1154, Сборн. Реш. Сен. 1906, 11, 41; Опр. Сен. 30. 4. 893/28. 4. 895. А. М. Нолькен, Разъяснения Первого Общего Собрания Правит. Сената и Госуд. Совета с 1. 1. 1894 по 1. 6. 1901, СПБ. 1906, стр. 146; Опред. Сен. 25. 4. 903. А. М. Нолькен, Вопросы административ. практики, СПБ, 1906, стр. 72.

[17] Ук. Сен. 29. 1. 903, № 683, Сборн. Реш. Сен. 1904, 11. 2; Ук. Сен. 7. 8. 907, № 7115, Сборн. Реш. Сен. 1907, 11, 36.

[18] Ук. Сен. 11. 10. 903, Сборн. Реш. Сен. 1904, 11, 3; Ук. Сен. 9. 12. 903, № 12790, Сборн. Реш. Сен. 1904, 11, 8.

[19] Ук. Сен. 14. 12. 905, № 11898, Сборн. Реш. Сен. 1905, 1, 24; Ук. Сен. 1. 6. 906, №№ 6144-6147, Сборн. Реш. Сен. 1906, 1, 27.

[20] Опред. I Общего Собрания Правит. Сената 13. 12. 900/23, 11. 902, Нолькен «Вопросы админ. практ.», стр. 85-87.

[21] Опред. I Общ. Собр. Пр. Сен. 17. 3. 906/2. 10. 906; И. Д. Мордухай-Болтовской, Разъясн. по вопросам админ. права, СПБ., 1909 стр. 18-20.

[22] Ук. Сен. 7. 8. 907, № 7121, Сборн. Реш. Сен. 1907, 11, 96.

[23] Ук. Сен. 9. 6. 914, № 7989, Общая Ведом. 1914, № 6, стр. 343.

[24] Ук. Сен. 21. 2. 914, № 2607, Кузн. XI, 91.

[25] Ук. Сен. 18. 11. 909, № 11701, Кузн. VI, 33.

[26] Ук. Сен. 29. 9. 915, № 12872, Кузн. XII, 85.

[27] Ук. Сен. 29. 7. 914, № 5815, Кузн. XI, 69; Ук. Сен. 13. 2. 915, № 1677, Кузн. XII, 83.

[28] Ук. Сен. 4. 12. 906, № 13330, Сборн. Реш. Сен. 1906, 11, 64.

При передачи дела для пересмотра на указанных основаниях Сенат имел в виду побудить администрацию саму принять новые постановления в желательном ему направлении. Предписывая же администрации определенный образ действия, Сенат практически отменял ее прежнее постановление. Осудив предварительно противозаконность бездействия администрации или отменив принятое ею постановление, Сенат предписывал новый способ решения данного дела.

«Постановление... Губернск. по воинской повинности Присутствия ...по настоящему делу», определял Сенат, «отменить, предписав сему последнему, исчислить срок службы в войсках (просителя) М. с 1-го января 1902 г.».[29] Губернское Присутствие не хотело зачислить данному лицу в срок его военной службы пребывание его в лазарете для испытания здоровья, где он находился семь с половиной месяцев — с 1-го января до 15-го августа, и считало срок службы его с 15-го августа. Сенат же предписал зачислить и этот довольно длительный срок пребывания в лазарете в счет военной службы, и Губернское Присутствие должно было теперь изменить свое первоначальное решение и исчислять срок службы просителя начиная не с 15-го августа, как оно решило раньше, а с 1-го января того же года.

Московский первой гильдии купец Ш. принес в Сенат жалобу на то, что Министр Финансов постановил исчислить таможенный сбор на ввезенный им товар не по более льготной для просителя 164-ой статье Таможенного тарифа, а по соединенной с повышенной уплатой сборов — 159-ой статье. Сенат нашел, что к спорному товару, по его характеру, надлежит применить именно 164-ю статью, ту самую. о применении которой ходатайствовал и проситель, и потому определил: «поручить Министру Финансов ходатайство московского первой гильдии купца Ш. по означенному предмету удовлетворить».[30] И Министр Финансов должен был после этого изменить свое первоначальное постановление и применить к данному делу не ту статью, которую он вначале предполагал, а совершенно другую.

Если особые суды по административным делам не только отменяют, но и изменяют административные акты, то в тех случаях, когда они находят какой-либо акт подлежащим замене другим, они прямо применяют изменение; приказ суда однако не всегда выполняет ту же функцию, что и изменение. Не применяя, по сложившимся условиям государственного строя, изменения административных поста-

---

[29] Ук. Сен. 12. 10. 907, №№ 11231-11235, Сборн. Реш. Сен. 1907, 1, 9.
[30] Ук. Сен. 15. 6. 905, № 4799-4800, Сборн. Реш. Сен. 1905, 1, 21.

новлений, Сенат широко пользовался предписаниями для замены незаконных административных актов новыми, когда это позволяли фактические и правовые условия дела, и когда не встречалось легальных осложнений при рассмотрении министерских дел. Этим и объясняется чрезвычайное развитие сенатских предписаний, которыми он и приводил неправильные административные распоряжения в соответствие с законом.

Нужно, однако, заметить, что ни один из этих двух главных видов контроля — ни отмена, ни предписание — не могли касаться действий администрации, принимаемых ею в порядке усиленной или чрезвычайной охраны. Как особые акты свободного усмотрения они ведались исключительно самой администрацией с низших ступеней до высших.

5. Разъяснения законов

Особую категорию дел представляют собою разъяснения и толкования законов. Сенатское толкование законов связано было с особым положением Сената в системе высших государственных учреждений Российской Империи. В то время, как обычно публикация законов относится к функциям главы государства, в России обнародование законов и указов Государя входило в компетенцию Первого Департамента Сената (Учр. Сен., ст. 20). Через Сенат же проходило опубликование и таких правительственных распоряжений центральных учреждений, которым придавалось общеобязательное значение (Учр. Сен. Прил. VII, ст. 8). Вместе с этим к полномочиям Сената было отнесено «пояснение и подтверждение законов» (Учр. Сен., ст. 20). Об этом могли просить Сенат министры и губернские места, когда возникали сомнения в применении законов или разногласия между ведомствами в понимании их (Учр. Мин., ст. 176; Общ. Учр. Губ. изд. 1892 г. ст. 177, 280). В случаях сомнений в понимании закона правительственные учреждения предпочитали получать предварительное разъяснение закона от Сената вместо того, чтобы впоследствии выступать перед ним в роли ответчика по жалобам на их распоряжения. В связи с этим и развилась обширная практика Сената по толкованию смысла законов, оказавшая в свое время большое влияние на ход развития государственной жизни, в частности — на производство выборов в земские учреждения и в Госуд. Думу. Постановления Сената с толкованием законов нередко распубликовывались для общего руководства в Собрании узакон. и распоряжений Правительства. Временами сенатские разъяснения подвергались в прессе строгой критике с юридической и политической точки зрения.

Административные учреждения обращались в Первый Департамент Сената за разъяснением не только какого-либо общего правового вопроса, поставленного перед ними практикой, но посылали рапорты и по отдельным конкретным случаям, если при разрешении их возникали неустранимые недоумения относительно смысла закона, или — в особенности — если по этому поводу происходили разногласия между ведомствами. И Сенат давал разъяснения также относительно единичных случаев применительно к затронутым в деле лицам и учреждениям. В виду разногласия Министра Внутр. Дел с Министром Финансов и Госуд. Контролером Сенат постановлял, наприм.: «Разъяснить, что С. пользуется правом на пособие...» для обучения детей.[1] Или по рапорту одного из губернских Правлений относительно продажи с торгов некоторых земельных участков Сенат разъяснял: «Имение умершего 2-й гильдии купца К. должно быть признано надельной крестьянской землей, которая... может быть продана только лицу, приписанному... к сельскому обществу».[2] Нередко «разномыслия» между министерствами возникали по вопросу о применении налоговых постановлений и Сенат по поводу такого рода споров постановлял: «Разъяснить, что Л-ское земство не имеет права облагать земским сбором земли, отчужденные при станции С. Б. под устройство полигонов и лагеря»;[3] «признать, что общество Х... подлежит обложению госуд. промысловым налогом»;[4] признать, «что Морское ведомство обязано уплатить означенные недоимки» земского сбора за адмиралтейские И-ские заводы[5] и т.п.

Так в практике Первого Департамента, помимо разъяснений общего характера, имели место и разъяснения частные. Они занимали совершенно особое положение в ряду принимавшихся Сенатом решений. Не будучи по самому существу своему ни отменой админ. распоряжений, ни приказом по адресу администрации, они и не заменяли уже состоявшегося администрат. распоряжения новым. Они вообще не давали окончательного и полного решения дела. Из всего дела выделялся какой-нибудь один вопрос, пусть наиболее важный и существенный, но с разрешением его не разрешалось все дело. Сенат «разъяснял», как должен разрешаться по закону данный вопрос. Происходило явление, аналогичное решениям гражданских судов по «искам о признании», когда вопрос о наличии определенного правоотношения и характере его отделяется от вопроса о праве на ис-

---

[1] Ук. Сен. 12. 10. 904, № 10462-64, Сборн. Реш. Сен. 1904, 11, 175.
[2] Ук. Сен. 17. 11. 903, № 11854, 55, Сборн. Реш. Сен. 1904, 11, 40.
[3] Ук. I Общ. Собр. Сен. 9. 6. 915, № 7450-52, Кузн. XII, 46.
[4] Ук. Сен. 3. 5. 914, № 6248, Общ. Ведом. 1914, № 5, стр. 221.
[5] Ук. Сен. 24. 9. 915, № 12624, Кузн. XII, 99.

полнение и разрешается особо, причем это разрешение может впоследствии служить основанием для возбуждения «иска о присуждении». При этом решения административных судов о признании имеют подготовительное значение к будущему не судебному, а административному разбирательству дела.[6]

В Пруссии по закону о компетенции судов по админ. делам 1883 г. иски о признании допускались лишь в некоторых случаях, специально предусмотренных данным законом. Несколько более широкое применение имели они по саксонскому закону 1900 г. об административном судопроизводстве, однако, опять лишь при наличии прямых указаний закона. Общим образом были допущены иски о признании лишь позднейшими законами о судах по админ. делам вольных городов Гамбурга (1921) и Бремена (1924). Германскому законодательству того времени вообще была присуща тенденция — приспособлять принципы гражданского процесса к судопроизводству по административным делам. Вне какой-либо зависимости от германского влияния, Правит. Сенат лишь в порядке применения «разъяснений», совершенно самостоятельно создал особый вид частных разъяснений, которые являются по существу решениями об установлении законного правоотношения для отдельных конкретных случаев и соответствуют постановлениям по искам о признании некоторых германских судов по административным делам.

Главным препятствием для широкого допущения исков о признании в административном судопроизводстве является опасение, что судебные учреждения могут быть чрезмерно обременены исками справочного характера, не имеющими прямого актуального значения, и таким образом могут быть приближены к учреждениям консультативного характера. Поэтому, если прусская и саксонская практика и допускали иски о признании, то лишь в виде исключения по особым специально предусмотренным в законе делам. В практике Сената имелись свои особые ограничения. Просить о «разъяснениях» пред Сенатом могли только административные органы, а не частные лица и притом не все и административные органы, а только специально уполномоченные на то законом. Таковыми были только министерства и губернские места.[7] Сенат не допускал расширения этого предусмотренного законом круга админ. органов и не признавал в частности за земствами права ходатайствовать о разъяснении законов на том именно основании, что на это не имеется прямых

[6] W. Schultzenstein, Die Feststellungsklage in Zivil-und Verwaltungsrecht, 1893, Vervaltungsarchiv, B. II, 573.

[7] Учр. Мин. ст. 176; Общее Учр. Губ. ст. 177, 280.

указаний в законе.[8] Сенат не входил также в рассмотрение разногласий по толкованию закона между низшими и высшими административными инстанциями. Низшая по иерархической лестнице инстанция должна была в этом случае сообразоваться с пониманием закона высшей. Сенат не признавал, напр., за губернаторами права входить в Сенат с представлениями по поводу разногласий их с центральными ведомствами, в том числе — с Министерством Внут. Дел; возбуждать в подобных случаях вопрос о толковании по разногласиям мог лишь сам министр.[9]

Помимо персональных имелись еще ограничения материального характера. Вопрос должен был быть не теоретического только характера: сомнения в понимании смысла закона должны были возникнуть «при применении оного к данному делу», «при разрешении дел, касающихся данного», выдвинутого рассматриваемым делом «вопроса». Иначе Сенат считал ходатайство о толковании не подлежащим рассмотрению.

Своеобразный институт сенатских частных разъяснений действовал, таким образом, в интересе администрации, а не частных лиц. Применявшееся в этих границах установление законного правоотношения было на практике весьма полезным институтом, облегчавшим органам управления надлежащее осуществление возложенных на них обязанностей.

6. Сенат в ряду высших административных судов других стран

В современных Первому Департаменту Сената системах административной юстиции можно отметить два главных типа высших судов: одни применяли по отношению к административным актам как отмену, так и изменение их, другие же только отмену, восполняя ее в случае нужды отсылкой на новое рассмотрение низшей инстанции. К первой группе должны были отнесены: Госуд. Совет Франции и высшие администр. суды отдельных германских государств, в частности — Пруссии и Саксонии. Вторую группу образовывали Первый Департамент Сената и более молодой по сравнению с Сенатом Высший Административный Суд Австрии (Verwaltungsgerichtsshof), учрежденный в 1875 году. Это сходство Сената и австрийского Высш. Админ. Суда в основном типе их решений объясняется некоторыми

[8] Ук. Сен. 11. 11. 875, № 39096; Ук. Сен. 22. 3. 910. № 4251; Ук. Сен. 7. 9. 1910, № 10276, Кузн. VII, 8; Ук. Сен. 19. 10. 907, № 11551, Кузн. IV, 9.

[9] Ук. Сен. 15. 1. 915, № 303, Общая Ведом. 1915, № 1, стр. 4.

сходными чертами положения их в общей системе администр. строя той и другой страны.

Обладавший еще в середине 18-го века полномочиями в области законодательства, управления и суда, с 60-х годов 19-го века Сенат превратился главным образом в орган судебный и судебно-административный.[1] Отстраненный от активного управления Сенат вообще мог выступать против администрации только в тех случаях, когда имел под собою твердую почву закона, лишь при явном нарушении его администрацией.[2] Исходя из своей обязанности «пещись о средствах к прекращению всяких противозаконных действий в подчиненных ему местах» (Учр. Сен. ст. 1, 2), Сенат и прекращал дальнейшее действие незаконных админ. распоряжений путем отмены их, но воздерживался от изменения их, так как для него это означало ставить свое решение на место административного, действовать за администрацию в то время, когда он перестал уже быть органом активного управления. В еще большей мере, чем Сенат, у которого оставались кое-какие случайные правительственные функции, был поставлен вне активной администрации при самом своем возникновении Высш. Админ. Суд в Австрии. Он был образован без какой-либо связи с административными учреждениями, состоял из специально назначаемых несменяемых судей, и его полномочия сводились к контролю лишь закономерности с правом применения только отмены.

Французская и прусская системы админ. юстиции построены на известной организационной связанности чисто админ. учреждений с органами административной юстиции, в особенности — на низших инстанциях. Опасения, что админ. суд в порядке изменения админ. актов начнет администрировать, здесь не могли уже играть той роли, как при системе разделенности активной администрации и админ. юстиции и — в отличие от Австрии и России — изменение админ. актов во Франции и Пруссии нашло себе применение вслед за низшими и на высших инстанциях административного суда.

Австрийский Высш. Админ. Суд был по сравнению с Сенатом учреждением без правительственного прошлого. В стенах же Сената и в его делопроизводстве жили давнишние начальственные традиции.

Правительствующий Сенат считал себя вправе давать указания и предписания подчиненным ему местам по подведомственным ему делам. Однако со своими предписаниями Первый Департамент мог выступать теперь, естественно, лишь по отношению к связанным пол-

---

[1] С. К. Гогель, Правит. Сенат в 19 столетии, отд. оттиск из «Истории Сената», СПБ, 1911.

[2] Н. И. Лазаревский, Лекции по русск. госуд. праву, т. II. «Администр. право», СПБ, 1910, стр. 141-143.

номочиям администрации, когда в законе точно предуказывалось, что она должна и чего не должна делать, так как только в этих случаях, как и при отмене, он имел под собою твердую почву.

И не только от австрийского, но также от французского и прусского высших админ. судов, отличался Первый Департамент Сената своим широким правом издания предписаний по отношению к администрации.

Отмечая сходство в этом отношении с английским судом, нельзя оставить без внимания и значительной разницы. Английские «приказы» исходили от общих судебных учреждений, организационно совершенно обособленных от администрации. В случае неисполнения его указов администрацией (или простыми гражданами) английский суд издавал особые постановления о суровых карах в виде штрафов или лишения свободы. Для европейских специальных судов по административным делам этого не требовалось. Исполнение их решений администрацией гарантировалось их организационной связью с активной администрацией. Получив судебно-административные функции, Сенат продолжал оставаться Правительствующим Сенатом в отношении администрации, стоя наравне с другими высшими правительственными учреждениями, и его указы подлежали исполнению и без особых санкций. Только требования министров о перенесении дела в другие инстанции препятствовало проведению в жизнь решений Сената.

Отмена и предписание были основными видами решений Сената как суда по административным делам. Применение предписаний часто заменяло ему отсутствующее у него право изменения административных постановлений. Соединение отмены с возвратом дела для нового рассмотрения на указанных основаниях давало Сенату возможность достигать некоторых изменений административного акта самой же администрацией. В порядке «частных разъяснений» Сенат выносил особые решения об установлении законного правоотношения. Практикой Сената была создана своеобразная конструкция решений, исключающая возможность строить характеристику его по образцу какого-либо из современных ему высших админ. судов других стран. Далеко превосходя некоторые из них своим историческим возрастом, Сенат занимал среди них совершенно особое положение. Он имел свое оригинальное лицо, в чертах которого отразился сложный ход устроения русской администрации с начала XVIII по начало XX века.

7. Реформа Сената и конец его

Первый и другие Административные Департаменты Сената с их делопроизводством, идущим от Петровского времени, существовали до апреля 1917 г., когда Временным Правительством был введен в действие думский закон 1916 г. о реформе Сената. Новым законом была произведена коренная перемена в порядке рассмотрения им дел. Оно было в общем приравнено к судебному процессу в Гражданском и Уголовно Кассационных Департаментах, хотя и были сохранены некоторые особенности административного судопроизводства. Была введена устность и гласность процесса. Стороны получили возможность давать свои объяснения пред судом сами или через своих представителей. Была гарантирована независимость судебных решений и ограничение права министров требовать пересмотра дел. Вскоре же Сенат начал действовать на новых основаниях.

Но это была реформа Высшего Административного Суда. Уже самим Временным Правительством, его Постановлением от 30 мая 1917 г., была произведена реорганизация местных судов по административным делам. Вместо прежних Губернских Присутствий была создана единая система независимых судов в каждой губернии. Что касается видов их решений, то была углублена практика, созданная судебно-административными Департаментами Правительствующего Сената. Суды по административным делам могли не только отменять административные решения с передачей или без передачи дела на новое рассмотрение, но они могли и изменять их в тех именно случаях, когда обстоятельства дела были вполне выяснены, и из них прямо вытекала необходимость по закону нового определенного решения (ст. 59). За административными судами оставалось и право издания приказаний по адресу администрации для исполнения ее законных обязанностей.

Реформа местных судов по административным делам не могла быть проведена в жизнь при революционных брожениях того времени, завершившихся переходом власти к Совету Народных Комиссаров. Реформированные же по думскому закону Административные Департаменты Сената вместе с Кассационными Департаментами пережили Временное Правительство и просуществовали короткое время даже при Правительстве Советском. Занятое настоятельными делами внешней и гражданской войны, Советское Правительство стремилось укрепить прежде всего свою военную мощь и создать систему органов внутреннего управления. Сенату оно не успевало еще уделить должного внимания. Когда же оно начало ломку существовавших судов страны, Общее Сената Собрание всех его департамен-

тов возвысило свой голос против этих мероприятий, не делая себе иллюзий относительно последствий этого шага. Сенат был закрыт. Его существование прекратилось.

Петербург был основан как столица императорской России. Советское Правительство перенесло столицу обратно в Москву. Опустевшее грандиозное здание Сената было использовано для устройства в нем государственного архива. Сюда были свезены архивы прежних правительственных учреждений. То здание, где заседал Правительствующий Сенат, превратилось в хранилище исторических материалов императорской России.

Христианская этика

Лекции

Проф. Е. В. СПЕКТОРСКОГО

прочитанные

в Св. Владимирской Духовной Академии

в г. Нью-Йорке

в 1950-51 акад. году

* * *

ОГЛАВЛЕНИЕ

I Предмет этики. Ее условия. Свобода. Нормы, технические и этические. Субъективная основа норм: совесть. Объективные основы. Проблема абсолютной основы: природа, человек, Бог. Этика и религия.

II Проблема истины в этике. Три типа истины: логический, онтологический, деонтологический.

III Этика и наука. Античное и средневековое понимание. Абсолютная и относительная наука.

IV Этика и философия. Философия как посредница между наукой и религией. Теория познания, метафизика и этика. Богословская и философская этика.

V Этика и искусство: высокое, среднее, низкое. Катарзис. Искусство для искусства. Аморальное искусство. Искусство и христианство.

VI Христианское мировоззрение. Его отличие от язычества и иудаизма. Ахристианское и антихристианское мировоззрение.

VII Христианская теория познания. Скептицизм и критицизм. Христианское понимание истины. Божественное всеведение и человеческое знание. Христос как посредник.

VIII Христианская метафизика. Ее отличие от языческого учения о субстанции.

IX Бог. Мистическое, богословское и философское богопознание. Бог как творец мира и нравственный законодатель.

X Природа. Языческое учение о господстве природы. Христианское учение о ее относительности и о ее преодолении. Статическое и динамическое понимание вселенной.

XI Человек. Античная антропология. Демокрит. Эпикур. Платон. Ветхозаветная антропология. Христианское учение о духе, душе и теле. Личность. Натуралистическая антропология и реакция против нее.

XII Женщина. Языческий и христианский взгляд на женщину. Т.н. женский вопрос.

XIII Общество. Натуралистическая и христианская социология.

XIV Этика. Свобода. Долг. Воздаяние. Проблема зла. Теодицея. Этика действия. Любовь. Ее степени. Самопожертвование. Милосердие. Братолюбие. Смысл жизни. Два плана — телесный и духовный. Призвание, личное и социальное. Испытание. Крест. Мир. Натуралистический пацифизм. Про-

блема смерти. Уничтожение, бессмертие, воскресение. Вечная жизнь. Радость.

XV Эволюция европейской этики. Святость, честь, честность, аморализм.

XVI Христианская деонтология. Действительность, возможность, необходимость. Обязанности и обязательства. Отрицательные и положительные обязанности. Идеи и идеалы. Казуистика. Деление обязанностей.

XVII Обязанности по отношению к Богу. Отрицательные: отказ от сотворения кумиров и от суеверия. Злоупотребление именем Божиим. Положительные: благоговение.

XVIII Вера. Ее отношение к знанию. Познание Бога. Верность и доверие. Неверие отвергающее, равнодушное, ищущее. Легковерие.

XIX Надежда. Божие долготерпение и милость. Самонадеянность. Молитва: созерцательная, благодарственная, просительная. Евангельские молитвы. Молитва Ефрема Сирина. Истолкование молитв.

XX Любовь. Языческое, ветхозаветное и новозаветное понимание любви. Созерцательная и деятельная любовь.

XXI Обязанности по отношению к Богочеловеку, отрицательные и положительные.

XXII Обязанности по отношению к Святому Духу. Многозначность понятия «дух». Объективная и субъективная обязанности, отрицательные и положительные. Духовный и душевный человек.

XXIII Обязанности по отношению к человеку. Их сущность и деление.

XXIV Обязанности по отношению к самому себе. Гордыня. Искушения. Совесть. Жизнь как призвание. Самопознание и самообладание. Тело и плоть. Пища. Одежда. Жилище. Пол. Разврат. Воздержание. Брак. Молитва и пост. Труд.

XXV Обязанности по отношению к другим людям. Ахристианская онтология общества. Борьба. Паразитизм. Приспособление. Сверхчеловек и подчеловек. Соблазн. Причинение зла. Взаимопомощь. Симпатия. Разделение труда.

XXVI Обязанности по отношению к природе. Понятие природы. Природа и Бог. Пантеизм. Полупантеизм. Природа как Божие творение. Уважение природы. Ее познание физическое и метафизическое. Познание Бога через природу. Символика природы. Агнец Божий. Человек и животные. Технология. Ее призвание и уклонения.

Проф. Е. В. Спекторский 1875-1951

Евгений Васильевич Спекторский родился в 1875 г. в гор. Остроге, Волынской губернии, юго-западной России. Отец его был мировым судьей. Мать его была швейцарского происхождения. Гимназию он окончил с золотой медалью, а затем в 1898 г. окончил юридический факультет Варшавского университета. В 1901 г. он был командирован для научной работы. В 1910 г. он получил степень магистра, а в 1917 г. степень доктора прав от Московского университета.

В течение десяти лет Евгений Васильевич был доцентом Варшавского университета, а после этого был пять лет профессором Киевского университета. В 1918 г. его избрали деканом юридического факультета и вскоре ректором университета.

Генерал Деникин предлагал Евгению Васильевичу высокий пост в управлении народного просвещения, но с отходом Белой Армии он принужден был покинуть Россию. С 1920-го до 1924-го года и с 1927-го до 1930 года он состоял профессором Белградского университета, а между 1924-м и 1927-м годом занимал должность декана русского юридического факультета в Праге. Последние пятнадцать лет своей жизни в Югославии Евгений Васильевич был профессором университета в Любляне, откуда ему опять пришлось бежать при приближении красной армии. Два года он прожил в Италии, в лагере для беженцев в трудных и опасных условиях.

Наконец, в 1947 году проф. Спекторский был приглашен преподавать каноническое право и нравственное богословие в Св. Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке. Курс этики, читанный им в Академии, печатается в этой книге.

Евгений Васильевич скончался 3-го марта 1951 г. от кровоизлияния в мозг, причиненного случайным падением.

Проф. Спекторский был членом более чем 10-ти ученых обществ, в половине которых он был и председателем.

Он написал более 150-ти книг и статей и был постоянно пригла-

шаем читать публичные лекции на разные темы. Его работы были посвящены прежде всего истории и теории социальных наук, а также государству. Ряд статей написаны им о философии религии. Одна из его книг посвящена проблеме христианства и культуры. Много писал он о русской истории: например, о Петре Великом, о кодификации русских законов в 1832 г., о школах русской юриспруденции, о западных источниках евразийства. Им были также написаны очерки о Ломоносове, Пушкине, Чаадаеве, Тургеневе, Достоевском, Толстом, Чехове и Лескове. Осталась ненапечатанной его прекрасная речь о Блоке.

Эрудиция и память Евгения Васильевича были так велики, что он любил заполнять свои книги и лекции бесчисленными цитатами. Он говорил, что любит быть «в хорошем обществе знаменитых писателей и ученых».

Проф. Н. С. Тимашев пишет, что лекции Спекторского были всегда блестящи. «Он мог объяснить с кристальной ясностью очень сложные теории, очаровать аудиторию прекрасными цитатами и самим своим юмором; в то же время он мог нарисовать точную картину интеллектуального климата какой-либо эпохи, делая понятным рост той или иной теории в науке или философии... Спекторский был артистом»*

Проф. прот. В. Зеньковский замечает, что «моральный и религиозный пафос у Евгения Васильевича выступает с особой силой на фоне его изящного остроумия... ирония у него всегда благодушна и свободна от злой насмешки».**

По мнению проф. прот. В. Зеньковского*** философское мировоззрение Е. В. Спекторского сперва склонялось к релятивизму, который влиял на него и впоследствии, когда он перешел к христианскому идеализму. В христианстве привлекала Спекторского прежде всего личность Спасителя и ново-заветное учение. Он считал естественным существование многих христианских исповеданий, но придавал исключительное значение православному богословию и церковности, как таковой. Богословом Е. В. Спекторский был только относительно. Он ценил христианство, как средоточие культуры, но думал также, что «нет настоящего христианства без культуры».

Проф. Н. Тимашев**** пишет: В философии проф. Спекторского

---

* Записки Рус. Акад. Группы в США, том IV, стр. 162

** Рус. Рел.-Филос. Мысль XX-го века. Стр. 318-319

***Рус. Рел.-Филос. Мысль XX-го века. Стр. 317-319

****Им высказывается мнение (с которым я согласен), что известная книга Спекторского «Христианство и культура» была написана для неверующих или более или менее равнодушных к вере

имела большое значение идея возможности. «Только человек — писал он — как духовное существо может противопоставить тесной реальности действительного мира огромную и широкую перспективу возможности». «Возможное находится между необходимым и реальным и потому есть условие и принцип свободы. Поэтому философия может быть промежуточной областью между религией и наукой».

Этика философского идеализма имела в свою очередь значительное влияние на Спекторского.

Вся жизнь и деятельность Е. В. Спекторского «освещалась необычайно чистым и светлым его личным моральным обликом. Его друзья и многочисленные ученики, рассеянные в разных странах мира и все, кто сталкивался с Евгением Васильевичем и ближе знал его, глубоко уважали его за бескорыстную преданность науке, религиозную настроенность без тени лживого ханжества, за его органическую неспособность подлаживаться к кому бы то ни было, редкую личную скромность и постоянную готовность помочь всякому, обращавшемуся к нему за советом и содействием». «Такова была та не знавшая отдыха, не щадившая сил деятельность, среди которой Евгения Васильевича застигла смерть.»*

«Оборвалась неутомимая деятельность большого русского ученого. Ушел из жизни видный национальный деятель и в России и за ее пределами, служивший русской науке, русской культуре и этим русскому народу, самым ценным чертам этого народа. Отравленный низменным ядом революции и обманутый ею, этот народ не понимал, что он терял, когда пределы его страны должны были покидать люди, подобные проф. Спекторскому.» Так заканчивает свою статью — «Памяти проф. Е. В. Спекторского» — проф. А. Д. Билимович.**

В заключении мне бы хотелось сказать, что покойный проф. К. Г. Белоусов, редактор Записок, считал Евгения Васильевича одним из самых замечательных людей нашего времени и был ему лично глубоко предан.

С. С. Верховской,
Профессор Свято-Владимирской Духовной Академии

*Проф. А. Билимович: Записки Рус. Академ. Группы в США, том IV, стр. 156 и 149

**стр. 157.

Христианская этика*

I. Предмет этики.

Предмет этики — человеческое поведение, не в смысле более или менее автоматических рефлексов и аффектов (behavior), а в смысле сознательных поступков (conduct). Поведение составляет главное содержание человеческой жизни, но опять таки понимаемой не в смысле физиологического процесса, а в смысле душевной и духовной деятельности. Древние греки различали растительное и телесное прозябание, и душевную и духовную жизнедеятельность. Римляне выражали оба термина словом vita. До XIX века учение о человеке как только телесном существе относилось к зоологии. Но затем под зоологиею стали понимать только науку о животных. А биологию лишили морального и духовного смысла и превратили в отрасль естествознания, изучающую также и человека, но исключительно как явление природы. И появился т.н. биологизм, сводящий всю без остатка жизнь человека к физиологическим, химическим и физическим отправлениям. В сущности это — зоологизм. Этику занимает душевная и духовная жизнь человека. Его телесная жизнь занимает ее постольку, поскольку человек может и должен управлять своим телом или поскольку на теле и происходящих в нем процессах проявляются последствия поведения.

Необходимые условия всякой этики: признание свободы человека и признание правил, ограничивающих эту свободу или руководящих ею.

Свобода, т. е. возможность поступать, или действовать, есть самоочевидный факт, который непосредственно подтверждается опытом повседневной жизни и не может быть опровергнут никакими теориями вроде т. н. детерминизма, подчиняющего все без остатка поведение человека необходимости физических или социальных про-

*Настоящая работа покойного проф. Спекторского является записью курса лекций и не была подготовлена автором для печати. Этим объясняются некоторые повторения и неизбежные стилистические неровности — (Ред.).

цессов, независимых от его воли. Как и все «измы», детерминизм это теория, свободно выбранная людьми. И когда детерминисты доказывают правильность этой теории индетерминистам, они сами себя опровергают, ибо напрягают всю свою волю, чтобы выбрать как можно более основательные доводы для убеждения противников. Детерминизм не приемлем для этики. Но она конечно очень считается с телесными и общественными условиями (не причинами) жизни человека. И с этим связывается целый ряд нравственных задач.

Свободное поведение человека может быть совершенно произвольным, капризным, анархическим. Но оно может быть введено в известные границы теми или иными правилами. Правила могут быть или технические или этические. Технические правила относятся только к целесообразности (finality): если хочешь осуществить такую-то цель, то сделай то-то и то-то. При этом цели обсуждаются совершенно независимо от их моральной ценности. Так, например, Аристотель и Макиавелли исследовали средства с помощью которых «тиран» может захватить и удержать власть в государстве, совершенно независимо от того, одобряет ли это нравственность или нет. Техника изготовления ядов или взрывчатых веществ совершенно не считается с тем, какое дальнейшее употребление будет сделано из них. Правила, или нормы, этические подчиняют цели и все вообще человеческое поведение отрицательным или положительным требованиям долженствования. Не делай того-то, потому что это безнравственно или несправедливо или неприлично. Ты не должен так поступать, хотя и можешь. Делай то-то и то-то, потому что этого повелительно требует твой долг. И ты можешь делать это, потому что ты должен. Если бы люди были совершенны, то их меньшая, как выразился бл. Августин, свобода (libertas minor), состоящая в возможности грешить (posse peccare), сменилась бы большею свободою (libertas maior), т. е. невозможностью грешить (non posse peccare).

Субъективную, внутреннюю основу этики составляет совесть, заложенная в каждом нормальном человеке как нравственное чувство или как нравственное сознание. Объективную, внешнюю основу этики образуют требования нравов, права, государства. Они образуют то, что называется этосом. И субъективные и объективные основы относительны, зависят от личностей и изменчивы в связи с местом и временем. Посему этика нуждается в абсолютной основе. Таковою может быть или природа, или человек, или Бог.

На природу опиралась античная этика. Высшим правилом поведения считалась жизнь сообразная с природою: secundum naturam vivere. При этом природа понималась пантеистически как живое божество, заботливая мать, указывающая людям как надо жить. Посему,

например, Аристотель учил, что человек это «по природе политическое животное» и что на том же основании и рабство нормально. Настоящим правом древние римляне считали «естественное право» (ius naturale). Но обожествление природы было отвергнуто христианством («ищи выше», требовал блаженный Августин). А начиная с XVI века на природу стали смотреть как на бездушный механизм (world machine). Природа пассивна. Она связана не нравственными, а естественными законами. Это — физическая среда жизни человека и объект его техники. Он не раб природы. Напротив, он стремится подчинить ее себе.

Греческие софисты провозгласили человека мерою всех вещей. И, начиная с эпохи гуманизма, человек стал неоднократно считать самого себя альфою и омегою всего мира, абсолютным, автономным существом, которое само себе закон. Это та гордыня, во имя которой Максим Горький заявил, что «человек звучит гордо». Но недаром задолго до христианской проповеди смирения от гордыни предостерегал языческий философ Гераклит. Человек слишком далек от совершенства, слишком связан физическими и социальными условиями своего существования, чтобы считаться абсолютным мерилом всякого бытия и долженствования. Кроме того, люди непохожи друг на друга. Посему, когда софисты провозгласили человека мерою всех вещей, они этим хотели только подкрепить свое отрицание каких бы то ни было не только абсолютных, но даже объективных критериев. Если не смотря на это настаивать на том, что только сам человек при всей его субъективности может и должен быть авторитетом для себя и судьею собственного поведения, то получается соблазн самомнения, самодовольства и самооправдания. Посему блаженный Августин и обращал к человеку свой призыв «ищи выше».

Абсолютною может быть только сверхприродная и сверхчеловеческая основа этики, иначе говоря, Бог. Вот почему, когда Сократ отказался от ориентации на природу и требовал «познай самого себя», он нашел в своей совести «нечто демоническое», т.е. божественное. В противовес софистам Платон заявил, что «Бог есть мера всех вещей». Кант построил свое этическое учение на категорическом (не гипотетическом) императиве, совершенно автономном, т.е. самозаконном (а не гетерономном, т.е. инозаконном), совершенно свободном от какой бы то ни было опоры, как на земле, так и на небе. Но затем он все таки пришел к убеждению, что такая этика непременно «постулирует», т.е. требует Бога как ручательство ее обязательности. Шопенгауэр уверял, что все боги востока и запада обязаны своим возникновением вопросу об основах морали. Это действительно религиозный вопрос. И стремление так именно ставить и решать его очень свой-

ственно человеку. Недаром французский ученый Catrefage определил человека как animal religiosum.

Всякая этика религиозна. Нет этики без религии. И нет религии без этики. Особенно большое значение имеет христианская этика — не только потому, что мы христиане, но еще и по другим основаниям. Она несравненно содержательнее, чем этика других религий, например, конфуцианства, довольствующегося требованием почтения к родителям и предкам, или буддизма с его идеалом полного удаления от людей и мира для того, чтобы раствориться в нирване, т.е. небытии. Христианская этика настолько универсальна и содержит в себе столько общечеловеческих мотивов, что Тертуллиан находил у каждого язычника «свидетельство души от природы христианской» (testimonium animae naturaliter christianae). Наконец, вся наша культура выросла из христианства, поставившего личной и общественной жизни людей такие проблемы, которые очень актуальны и для современности и для грядущих времен. Правда христиане делятся по вероисповеданиям, которые не всегда одинаково понимают этическую проблематику. Так, например, основу католической этики составляет учение об оправдании добрыми делами. Протестантская же этика учит об оправдании верою и усматривает у католиков «юридизм», т.е. чрезмерное внимание к внешним проявлениям человеческого поведения в ущерб внутренней настроенности. Но этим не исключается общая этическая основа нравоучения отдельных вероисповеданий, давшая основание заметить, что вероисповедные перегородки не доходят до неба. В вопросах этики, как и богословия, православие занимает мудрую середину и имеет высокое призвание быть синтезом христианства.

II. Проблема истины в этике.

Лейбниц различал истины разума и истины факта. Первые устанавливаются путем доказательства, вторые — путем опыта. Правильнее было бы различать три типа истины: формальный или логический, онтологический и деонтологический. Формальная истина состоит в отсутствии противоречий между понятиями независимо от того, соответствуют ли они реальной действительности или нет. Так, например, не довольствуясь трехмерною Эвклидовою геометриею, Лобачевский, а вслед за ним другие математики занялись построе-

нием геометрии с большим числом измерений. Логика необходима для всякой науки. И в этом смысле Аристотель назвал ее органом всякого познания. Без логики нет научного познания. Но на одной логике можно построить только формальное познание. Этого не понимали средневековые схоластики. Как выразился Лейбниц, они принимали солому терминов за зерно вещей. И они смешивали искусство формального рассуждения (ars disserendi) с искусством раскрытия материальной истины (ars inveniendi). Раймунд Луллий даже изобрел логическую машину, состоявшую из концентрических кругов, на которых были написаны основные научные понятия. И ему казалось, что путем вращения и комбинации разных кругов можно получать новые истины. Кант утверждал, что естествознание научно лишь постольку, поскольку оно может быть сведено к математике. Это правильно, поскольку наши знания о природе, особенно неорганической, приобретают точность только тогда, когда они облечены в математическую форму. Но когда некоторые современные физики до того увлекаются математическими формулами, что совершенно забывают об их отношении к подлинному физическому миру, то их по справедливости упрекают, что они возвращаются к схоластике.

Онтологическая истина состоит в соответствии наших мыслей эмпирической действительности. Это истина бытия. В нем может быть мало логики. И поэтому такие рационалисты, как Спиноза, сильно преувеличивали, когда учили о полном совпадении порядка и связи идей и вещей: ordo et connexio rerum idem est acordo et connexio idearum. В XIX веке получила успех мысль об иррациональности бытия: в нем вопреки логическому закону тождества А не всегда есть А, оно может оказаться каким-нибудь В и даже своею противоположностью, не А, ибо тогда же статическое мировоззрение сменилось динамическим и, начиная с Гегеля, в мире усмотрели диалектику, т.е. спор, борьбу различных и даже противоположных начал. Столь же существенно бытие может расходиться и с долженствованием. Правда Спиноза не различал их и отождествлял реальность и совершенство: per realitatem et perfectionem idem intelligo. Но по большей части онтологическое познание не совпадает с деонтологическим. Первое описывает, второе предписывает. Первое старается узнать то, что есть и бывает, и на основании этого угадать, что будет. Деонтологическое же познание интересуется тем, что должно быть, хотя бы этого никогда не было и не будет. Как выразился математик Пуанкаре, из изъявительного наклонения никак не может выйти повелительное.

Деонтологическая истина состоит в соответствии наших мыслей

идее или идеалу должного. Ее критерий — такие идеи как добро, справедливость. Когда мы пытаемся заполнить эти отвлеченные идеи более или менее конкретным содержанием, то получаются идеалы. С их точки зрения мы оцениваем и судим реальную действительность и по большей части приходим к заключению, что сущее далеко не совпадает с должным.

Очевидно, что истины этики это истины долженствования. Она конечно не может обойтись без логики, чтобы не впасть в непоследовательность. И она не может быть равнодушна к познанию действительности. Более того, такое познание нередко получается путем сопоставления того, что должно быть, с тем, что есть и бывает. Этические идеи обладают большою эвристическою ценностью, не говоря уже о их практическом значении. Вот почему Платон назвал идею добра величайшею наукою. А Кант провозгласил примат, т.е. первенство практического разума перед теоретическим.

III. Этика и наука.

В течение долгого времени не проводили резкой границы между этикою и наукою, которая в свою очередь не отделялась от философии и религии. Античная классификация наук была несложна: логика, физика и этика. При этом этика охватывала весь этос, т.е. всю личную и публичную жизнь людей. И она понималась не как теоретическое познание, а как практическое руководство к жизни. В таком же смысле понимались выделившиеся из нее дисциплины: политика как искусство, которое, по уверению Аристотеля, доступно только зрелым людям; экономика, т.е. буквально, домоводство, умение вести домашнее хозяйство; юриспруденция, т.е. практическое законоискусство, которое, по мнению римских юристов, доступно только людям зрелого возраста. В средние века философия, не отличавшаяся от науки считалась служанкою богословия (ancilla theologiae). И онтологическое познание подчинялось деонтологическому. Посему, например, на порядок в природе смотрели не как на естественное явление, подчиненное физическим законам, а как на награду за соблюдение людьми нравственных законов. Всякого же рода пертурбации вроде потопа, землетрясения и т.п. считались не естественными явлениями, а наказанием людей за несоблюдение нравственных законов. Под конец средних веков явилось учение о двойной истине, философской и богословской: то, что считалось истиною в философии и науке может не считаться истиною в богословии и обратно. Так было положено начало разлучению религии и философии. но наука еще не

отделялась от философии. Начиная с XVI века в кругах, считавших себя передовыми, религиозные истины или совсем отвергались или считались относительными, а научные истины были провозглашены абсолютными. Под науками же разумелось только естествознание (такое понимание доныне сохранилось во Франции: Les Sciences). И во имя этого естествознания отвергался, как выразился Спиноза, предрассудок добра и справедливости, т.е. вся этика. Только Кант, принявший полностью для теоретического разума такое естествознание, восстановил этику как специальную область разума практического. В XIX веке основатель позитивизма Огюст Конт (Comte) если не фактически, то принципиально отделил науку не только от теологии, но также и от метафизики, т.е. философии. Наука ищет только онтологическую истину путем простого констатирования фактов и связи между ними. Как заметил физик Kirchhoff она только описывает и ничего не объясняет. Она описывает не только явления природы, но также и человеческую жизнь. Посему возможна, например, наука о религии или о религиях как конкретном явлении совместной жизни людей. И такую науку могут разрабатывать даже атеисты. Подобным образом существует наука о нравах, или этосе, изучающая, что считают нравственным отдельные люди и целые общества в разные времена и каково их действительное поведение. При этом совершенно исключаются всякого рода деонтологические оценки. В таком же смысле психологи описывают явления душевной жизни людей, а социологи — их социальную жизнь. Поскольку занимающиеся этим ученые не впадают в метафизику натурализма и материализма, принципиально исключающую какую бы то ни было этику, постольку их исследования могут быть полезны для нее как вспомогательный материал.

В последнее время в ученом мире происходит процесс, прямо противоположный тому, что происходило в XVI веке. А именно все научные истины, не исключая даже математических аксиом, как утверждал Henri Poincaré, признаются относительными. А все абсолютное возвращается религии. Сообразно с этим для этики открываются очень широкие перспективы в сотрудничестве как с религией, так и с наукою.

IV. Этика и философия.

Философия (буквально любомудрие) долгое время составляла одно целое с наукою и религиею. От религии она начала отделяться в средние века, особенно под их конец, когда появилось учение о двой-

ной истине — богословской и философской. Окончательно она отделилась от богословия в эпоху гуманизма. Но она продолжала смешиваться с наукою. И еще Гегель (Hegel) удивлялся, что англичане говорят «философский барометр». Отделение философии от науки было сделано в XIX веке в значительной степени благодаря Огюсту Конту, различавшему теологию, метафизику и позитивную, или положительную науку. В настоящее время философия занимает промежуточное положение между религиею и наукою. Это уже не религия, но еще не наука. И обратно, это уже не наука, но еще не религия. Это такая область умственной деятельности, в которой наша мысль совершенно свободна. Религиозная вера связана откровением и авторитетом учащей церкви. Научное знание связано доказательством, наблюдением и экспериментом. В философии же наш ум предоставлен самому себе (intellectus sibi permissus, как говорили в XVII столетии). Здесь ум безгранично свободен. Он здесь применяет не догматические методы богословия и не эмпирические, поверочные методы науки, а свободные, критические или близкие к художественному творчеству методы — интуицию, гипотезы и конструкцию, иначе мысленное построение. Из трех модальностей, возможности, действительности и необходимости (posse, esse et necesse) философия чаще всего прибегает к возможности. Посему Христиан Вольф назвал всякую философскую систему сочетанием совозможностей (compossibilium). Для философии не обязателен ни религиозный, ни научный опыт. Встречая на своем пути внешние препятствия (выражение Фихте), философская мысль не смущается ими. Более того, она иногда понимает все бытие, весь мир, как творение свободной мысли, ее представление.

Такая неограниченная духовная свобода сообщает философии немалую привлекательность. Это, как выразился Платон, пир ума. В ней человек легко и непринужденно поднимается над тесною областью реального в огромный мир возможного: le réel est etroit, le possible est immence. Или, как у Шиллера говорит Валленштейн, мир узок, а мозг широк (eng ist die Welt und das Gehirn ist breit). Однако в этом есть и опасность, правда, прекрасная, как думал Платон, но все же опасность. В философии легко потерять почву под ногами, впасть в необузданное фантазерство или пустую фразеологию, заменяющую, как заметил Лейбниц, соломою терминов зерно вещей. Философия часто вырождалась в праздное мудрословие, оправдывавшее и слова Цицерона, что нет такого абсурда, который не был бы сказан кем-либо из философов, и слова Паскаля, что смеяться над философиею это и значит философствовать по настоящему, и слова Канта, что в метафизике можно смело болтать всякий вздор, и слова Воль-

тера: когда кто-нибудь говорит и не понимает того, что говорит, а слушающий его делает вид, что понимает, то это и есть философия.

Средством против такого блуждания философской мысли является ее ориентация на науку или религию. Тогда, нисколько не теряя своей свободы, она ею пользуется не для праздного фантазерства, а для критического осмысления и углубления того, что они дают. Кант уподоблял науку одноглазому Полифему и видел задачу философии в том, чтобы дать ему второй глаз. Он же учил, что теория без опыта пуста, но и опыт без теории слеп. Наука исследует факты. Но недаром было замечено, что нет ничего бессмысленнее факта как такового. Факт надо еще объяснить. А всякое объяснение уже выходит за пределы строгой науки. На этом особенно настаивал немецкий физик Kirchhoff: дело науки, учил он, описывать, а не объяснять. Всякое объяснение это уже не эмпирия, а теория. И вот тут на помощь науке приходит философия. На громадное значение философских гипотез для науки указал в своей книге «Наука и гипотеза» знаменитый французский математик Henri Poincaré: он считал даже аксиомы Эвклидовой геометрии не более как гипотезами. Еще дальше пошел немецкий философ Faihinger. В своей книге «Die Philosophie des als ob» (философия того, что как будто бы) он отметил значение для науки фикций, т.е. таких предположений и объяснений, о которых заведомо известно, что им ничто не соответствует в действительности. Таким образом философы пытаются осмыслить и объяснить то, что исследуют ученые. В свою очередь, когда философы пытаются выработать целостное мировоззрение, они, чтобы не потерять почвы под ногами, не могут не считаться с данными науки.

Подобным же образом философия подкрепляет и объясняет религиозный опыт. Так, например, в сочинениях стоика Сенеки имеются мотивы столь близкие к христианским, что могла даже возникнуть легенда о его переписке с апостолом Павлом. Средневековые мыслители пытались дать не только богословское, но еще и философское объяснение необходимости боговоплощения (cur Deus homo?). Один схоластик уверял даже, что с помощью философии в богословии все понятно, omne intelligibile. Лейбниц так далеко не шел. Он признал богословские истины сверхразумными. Но, утверждал он, это нисколько не значит, что они противоразумны. И наш разум может прибавить много своих собственных соображений к истинам откровения. В таком духе он и писал философские трактаты о природе и благодати и о богооправдании («Теодицея»). Многие рационалисты XVII и XVIII веков, в том числе и Кант, рассуждали «о разумности Христианства». В свою очередь философия нередко заимствует у ре-

лигии и перерабатывает по своему ее учение. Так, например, отказ от Аристотелева статического мировоззрения и переход к динамическому был подготовлен христианским учением об изменчивости мира, о том, что небо и земля прейдут, и о том, что все мы преображаемся (II Кор. III, 18). Корни новейших учений о социальной «междузависимости» (interdépendance sociale) тоже содержатся в христианстве.

Ввиду этого нет никакой необходимости как превращать философию в покорную служанку богословия (ancilla theologiae), как это пытались сделать в средние века, так и отвергать ее во имя науки. Она имеет полное право на существование. И это ее существование одинаково полезно и религии и науке.

Так как философия ищет истину, то ее проблемы относятся ко всем трем возможным типам истины. Сообразно с этим философия делится на критическую (иначе гносеологию, теорию познания), теоретическую (иначе онтологию, или метафизику) и практическую (иначе деонтологию, или этику). В отличие от наук и богословия с их методологиею познания фактов и откровения, философская гносеология ставит вопрос об истине вообще. Что есть истина? Доступна ли она нашему сознанию? Можем ли мы обладать ею? Какова сообразно с этим достоверность как веры, так и знания? Раз эта критическая потребность пробудилась, раз удивление, этот по утверждению Платона и Аристотеля, первородный философский пафос, сменилось сомнением, трудно не только философствовать, но даже знать и верить, не решив или по крайней мере не поставив предварительно гносеологической проблемы.

Другая область философии — метафизика. Ее проблема — теоретическая, проблема бытия, не бытия отдельных предметов, минералов, растений, животных, людей, а бытия вообще, мира как целого. Когда мы хотим своим умом понять смысл бытия, решить вопрос о первых причинах и конечных целях мира, тогда мы занимаемся философскою онтологиею. Потребность в ней проявляется более или менее ярко у каждого человека уже в детстве. Кто из нас, будучи ребенком, не озадачивал взрослых вопросами о смысле и значении бытия? Как это отметил Бэкон, основные предметы метафизического интереса это Бог, природа и человек.

Наконец, третья область философского интереса это практическая проблема — что делать, не в техническом смысле простой целесообразности, а в этическом смысле нравственного долженствования. Это не онтология. Она столь существенна, что в сущности все люди заняты ею, хотя далеко не всегда сознают это — подобно Мольерову мещанину, не подозревавшему, что он всю свою жизнь изъ-

яснялся прозою. И это дало Канту основание провозгласить примат, т.е. первенство практического разума перед теоретическим. Правда у религии есть свои догматические ответы как на эту тему, так и на все остальные философские проблемы. Но при желании отнестись к этим проблемам критически остается только философствовать. Таков именно путь философской этики.

Таким образом этика входит в философию как ее составная часть. Этика это нравственная философия. Христианская же этика это такое деонтологическое философствование, которое ориентируется на христианство. От нравственного богословия она отличается тем, что не исходит от принципов христианства как чего-то наперед данного и подлежащего только догматическому толкованию, а приходит к ним путем свободного искания, путем проблем, а не теорем.

V. Этика и искусство.

Под искусством разумеется творчество, для которого верховною идеею является красота. Как и все идеи, красота не поддается точному определению. И Кант едва ли действительно установил ее сущность, определив ее, как все то, что нам нравится без понятия. Всякое искусство пытается реализовать идеал при посредстве произведений, действующих на чувство. Можно различать три вида искусства: высокое, или гениальное; среднее, или талантливое; низкое, или ремесленное. Высокое искусство это творчество гениев Божиею милостью. Их произведения совершенны, не стареют со временем и приближают нас к вечности. Великие мастера производят впечатление высших существ, как бы получивших с небес особую миссию давать воплощение идеалам чистой красоты. Пушкин писал: «признак Бога вдохновенье». О девятой симфонии Бетховена Глинка заметил, что это кусок неба, упавший на землю. Среднее искусство это удел талантов. Разница между гением и талантом гениально изображена в произведении Пушкина «Моцарт и Сальери». Таланту не дано подниматься до полного совершенства. В его творчестве преобладает не вечное, а временное. Но, как заметил Гете, кто служит лучшему в свое время, тот служит для всех времен. Низкое, или ремесленное искусство это творчество людей, употребляющих свои способности не для воплощения идеальной красоты, а для посторонних целей, на-

пример нравоучения, сенсации, обогащения, угождения вкусам толпы. Большой грех берут на себя настоящие артисты, когда они ставят свое богоданное дарование на службу ремесленному искусству. Еще большее преступление совершают они, когда превращают низкое искусство в низменное, проституируют красоту или подставляют под нее безобразие. Если они не хотят или не могут прислушиваться к божественному глаголу, звучащему в их душе, то было бы лучше если бы они просто зарывали свой талант в землю.

Так как в душевной жизни людей чувство занимает очень крупное место, то этим объясняется большое влияние искусства на их поведение. Возьмем для примера действие музыки. Не странно ли, спрашивал Гамлет, что бараньи кишки вытягивают душу? Не странно ли, что Тургенев в «Песни торжествующей любви» и Толстой в «Крейцеровой сонате» изобразили нарушение долга и даже преступление, вызванное музыкою. Не странно ли, что она нередко парализует человека, превращает его как бы в лунатика, который без сознания и без воли стремится куда-то, может быть, к своей гибели — подобно тем сказочным крысам, которые, удаляясь от берега, плывут за лодкою чародея, пока хватает сил, и затем тонут, потому что никак не могут оторваться от звуков его флейты. Не странно ли, что под боевую песню или бравурный марш люди так часто бодро и весело шли навстречу неминуемой смерти. Не странно ли, что первый толчек к бельгийской революции и к Брюссельским баррикадам дала сыгранная в театре оперная увертюра. Не странно ли, что ожидание конца мира связывается со звуком трубы. Кто, наконец, не испытывал освобождающего от уз пространства и времени, как выражался Шопенгауэр, действия благородной музыки, когда взор затуманивается, сердце охватывает какая-то мягкая грусть и живо чувствуется принадлежность к какому-то лучшему, высшему миру. Не менее велико влияние художественного слова и литературных образов. В наших суждениях о людях мы часто прибегаем к этим образам: Отелло — воплощение ревности, Гамлет — колебаний между «румянцем воли и бледностью размышления», Гарпагон и Плюшкин — скупости и т.д На этом основании в классификации наук профессора А. Л. Блока (отца поэта) эстетика предшествует этике, давая ей критерии.

В связи со всем этим приобретает большое значение вопрос об отношении между искусством и этикою. По этому поводу идет спор между тремя мнениями. Согласно первому, высказанному Аристотелем, искусство вызывает нравственное очищение («катарсис»). Пушкин вменял себе в заслугу, что чувства добрые он лирой пробуждал и милость к падшим призывал. Достоевский уверял, что красота спа-

сет мир. Это мнение безусловно правильно по отношению к высокому искусству. Идея красоты пребывает в полной гармонии с идеями добра и истины. Греческий идеал «калокогафия» (от «калос» прекрасный, и «агафос» — добрый) выражал стремление сочетать добро с красотою. Без всякой тенденциозности, без всяких назидательных соображений настоящее искусство всегда морально, потому что оно открывает людям идеальные образы высокого совершенства и заставляет их задумываться над смыслом жизни. Сверх того существуют некоторые виды искусства специально преследующие моральные задачи: таковы басни, сатира, комедии с т.н. тезисами. Второе мнение отстаивает такое «искусство для искусства», которое если и не враждебно морали, то равнодушно к ней. Одно дело красота, другое — добро. Сочетание рисунка, красок и светотени занимает настоящего живописца совершенно независимо от тех или иных моральных соображений. О них, например, не думали флорентийские художники, заботившиеся преимущественно о четкости рисунка, или голландские мастера светотени (особенно Рембрандт) или венецианские живописцы, увлекавшиеся красочностью, колоритом. Так называемые декаденты требовали от поэзии только красивой формы без какого бы то ни было определенного содержания, значит и нравственного. Оскар Уайлд уверял, что понятие добра и зла свойственно только таким людям, у которых нет никаких других понятий. При таком понимании искусство низводится на степень простой техники, которая, как и всякая вообще техника, этически безразлична. Гении не опускаются до такого воззрения. Но таланты нередко поддаются его соблазну. Наконец, согласно третьему мнению искусство более чем аморально: оно антиморально. За это Толстой осудил его, а другие превознесли. Бодлер воспел «Цветы зла». Появился тип художественной богемы, смешивающей необходимую для творчества свободу с моральною распущенностью: экстравагантные костюмы, злоупотребления Baccho et Venere, превращение ночи в день и дня в ночь, принципиальное нарушение традиционного этоса, как чего-то буржуазного, филистерского, вообще неприемлемого для художника. Немало талантов было загублено таким образом (например Верлэн или Эдгар По). Теория антиморального творчества нередко прикрывает порнографию и т.п. проявления низменного искусства.

В своей книге «О гении христианства» Шатобриан утверждал, что «из всех когда-либо существовавших религий христианская религия самая поэтическая». И действительно Новый Завет проникнут высоким художеством. Недаром о Христе Спасителе было сказано, что «множество народа слушало Его с услаждением» (Марк. XII, 37). Под влиянием христианства появилась мысль о «святом искусстве».

И согласно легенде восточное исповедание пленило наших предков прежде всего своею красотою.

VI. Христианское мировоззрение.

Принципиальную основу христианской этики и социологии составляет христианское мировоззрение. Его метафизический мотив — вера в сверхприродного и сверхчеловеческого Бога, а также в Богочеловека. Его этический мотив — любовь к Богу и к ближним. Исторически оно отличается от языческого и ветхозаветного мировоззрения, принципиально — от ахристианского и антихристианского.

Метафизическую основу язычества составляло обожествление или отдельных явлений и сил природы или всей природы как единого целого, божественной матери, указывающей людям как надо жить. Сообразно с этим этическую основу язычества составляет призыв к жизни, согласованной с природою (secundum naturam vivere). Ее заповеди долгое время понимались как оправдание силы, не останавливающейся и перед жестокостью. Так, например, беспощадная расправа Одиссея с женихами Пенелопы прославлялась Гомером как акт высокой нравственности. В «идеализме» Платона не было и тени гуманности. Он считал вполне нормальным «класть слабых детей в такое место как будто для них не было пищи». Только стоики облагородили языческую этику.

Метафизическую основу ветхозаветного мировоззрения составляет вера в сверхприродного и сверхчеловеческого личного Бога, а его этическую основу — вера в заповеди, предписанные этим Богом. Первоначально это мировоззрение было проникнуто национальною исключительностью. Но впоследствии, особенно у некоторых пророков, и метафизика и этика приобрели универсальный характер. Бог национальности становится Богом правды (Исаия LVII, 19). Вот почему Новый Завет провозглашает не нарушение, а исполнение древнего закона, причем однако исполнение означает также и восполнение. Оно производится в трояком направлении — ввысь, вширь и вглубь. В первом отношении знаменательны слова Христа: «вы от нижних; Я от высших; вы от мира сего, Я не от мира сего (Иоан. VIII, 23). Во втором отношении проповедуется любовь не только к дальним, но даже к врагам. Наконец, в третьем отношении вместо внешнего выполнения формальных требований закона христианство

взывает к сердцу человека. Сообразно с этим синтезом всего христианского мировоззрения оказывается формула: «слава в вышних Богу, на земле мир, в человецех благоволение (Лук. II, 14). Это значит, что мир и притом всеобщий и длительный возможен только при славе в вышних Богу, когда люди горе имеют сердца, и при благоволении вместо ненависти и равнодушия.

Безошибочным практическим руководством для всей жизни людей, как личной, так и общественной, христианское мировоззрение признает слова Христовы: «без Меня вы не можете сделать ничего» (Иоан. XV, 5). Этим оно существенно отличается от антихристианского мировоззрения. Ахристианское основывается на убеждении, что все может быть сделано без Христа. Оно не враждебно христианству, но оно глубоко равнодушно к нему. Оно только терпит его как суеверие. Сообразно с этим прусский король Фридрих II брезгливо заявил, что в его государстве «каждый может спасаться по своему фасону». Антихристианское мировоззрение основано на убеждении, что все может быть сделано не только без Христа, но и против Него. Оно стремится к «дехристианизации» всей нашей жизни. Всякую религию оно считает злом, подлежащим искоренению. Вслед за Марксом его усвоили большевики.

VII. Христианская теория познания.

С тех пор как пафос удивления, которое Платон и Аристотель считали началом философии, был подорван сомнением, всякое сознательное мировоззрение основывается на том или ином понимании истины. Соответственная проблема может быть решена или скептически, или догматически или критически. Христианское мировоззрение не приемлет скептицизма. Скептицизм, т.е. принципиальное отрицание возможности познать истину, составлял сущность учения софистов, признавших мерою всех вещей всякого человека с его изменчивыми субъективными настроениями. Скептиком был и римский администратор Пилат, который в ответ на заявление Христа, что Он «на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине», иронически спросил: «что есть истина» (Иоан. XVIII, 38). Апостол Иаков писал, что «сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой» (Иак. I, 6). Новый Завет относится скептически только к тем, кто принимает свое незнание или полузнание за

окончательное знание (II Тимоф. III, 7, I Кор. VIII, 2), предается пустым словопрениям (I Тимоф. VI, 4, 5, II Тимоф. II, 11, 14, 16, 23 Титу III, 9) или, как книжники и законники, самоуверенно «взяли ключ разумения» (Лук. XI, 52). Не приемлет христианство и догматизма в смысле слепой веры без всякой критики. Дух свободного исследования не преследовался ни Христом, говорившим «истина сделает вас свободными» (Иоан. VIII, 32) и предлагавшим «исследуйте писания» (Иоан. V, 39), ни апостолами предупреждавшими «все испытывайте» (I Солун. V, 21), «не всякому духу верьте, но испытывайте духов» (I Иоан. VI, I). Христос никого не задерживал при Себе насильственно. И посему «многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили» (Иоан. VI, 66). Апостол Павел писал: «надлежит быть и разномыслиям между вами» (I Кор. 11, 19). Тертуллиан предлагал подтверждать истинность христианства «словами, не ударами» (verbis, non verberibus). И один древний писатель Вописк отметил, что «христианство распространялось с огромною свободою». На него ссылался один из столпов либерализма в начале XIX века Бенжамен Констан. Христианское понимание истины характеризуется правдивостью. Всякая мистификация, всякий обман, хотя бы и «благочестивый» (pia fraus), им отвергается. Пришедший свидетельствовать об истине Христос спрашивал: «кто из вас обличит Меня в неправде?» (Иоан. VIII, 46), Апостол Иаков предупреждал: «не лгите на истину» (Иак. III, 14). Апостол Павел ссылался на «нелживого Бога» (Титу I, 3) и увещевал: «отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему» (Ефес. IV, 25). Нет в Новом Завете и того устрашающего, террористического понимания истины, которое так свойственно многим религиям: primus deos fecit timor, уверял Лукреций. Страх Божий типичен для ветхозаветной премудрости (Псал. CXI, 10; Притчи 1, 7, 9, 10); «Господь Саваоф — страх ваш и Он — трепет ваш» (Исаия, VIII, 13). По христианскому же воззрению веруют и вместе с тем трепещут только бесы (Иак. II, 19). Испуганным и трепетавшим Христос говорил: «это Я, не бойтесь» (Матф. XIV, 27). «Смело действуя о Господе» (Деян. XIV, 3), истину христианства апостолы исповедуют «со всею смелостью» (Деян. IV, 29), «с дерзновением» (Деян. IV, 31, XIII, 46), «со всяким дерзновением» (Деян. XXVIII, 31), «небоязненно» (Деян. XIX, 8).

Истина для христианства это не нечто тайное, пифическое, иератическое, оккультное. Христос «говорил явно миру и тайно не говорил ничего» (Иоан. XVIII, 20). Истина Его учения открыта и младенцам (Матф. XI, 25, Лук. X, 21). Если Он не говорил народу без притчи (Матф. XIII, 34, Марк. IV, 34), то не для затемнения своего учения, а, напротив, для большей ясности. Он не учреждал никакого

тайного религиозного общества. Если же Иосиф Аримафейский и Никодим приходили к Нему тайно ночью, то только «страха ради Иудейска» (Иоан. XIX, 38). Ап. Павел не хранил про себя «возвещенную ему через откровение тайну» (Ефес. III, 3), а, напротив, утверждал, что ему «дано открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны» (Ефес. III, 9). И он проповедывал «тайну, сокрытую от веков и родов, ныне же открытую» (Кол. I, 26). Для апостола знание это уже не запретный плод, украдкою сорванный с древа познания, ибо Бог «хочет, чтобы все люди достигли познания истины» (I Тим. II, 4). Таким образом получается христианское дополнение формулы Аристотелевой «Метафизики»: «Все люди от природы стремятся к знанию». Тех, кого ап. Павел считал духовными младенцами, он, как настоящий педагог, питал «молоком, а не твердою пищею» (I Кор. III, I, 2, Евр. V, 12). Но зрелым он говорил: «вникай в себя и в учение» (I Тимоф. IV, 16), «испытывайте самих себя» (II Кор. XIII, 5), «все испытывайте» (I Сол. V, 21), «всякий поступай по удостоверению своего ума» (Римл. XIV, 5). Когда он противопоставлял казуистической мудрости книжников и софистической мудрости совопросников века сего (I Кор. I, 20) «безумное Божие» (25), то он имел в виду то, что впоследствии сформулировал Лейбниц, а именно, что истины откровения сверхразумны. Даже Апокалипсис Иоанна это не апокриф. Это не сокровение. Это откровение.

Такому взгляду на истину соответствует и христианский культ. В отличие от языческих капищ с их отдельными дворами и всяческими преградами, завесами, скрывающими не то Изиду, не то пустоту, христианские храмы открыты. Миряне или присутствуют при совершении литургии, как у католиков, или, как у православных, соборне, «миром» непосредственно принимают участие в ней.

С таким пониманием истины связано и то, что в Новом Завете она постоянно отождествляется со светом, познание — с просвещением. Но это не уничтожающий, выжигающий, всепожирающий свет Люцифера или Аполлона. Это также не пламя контрабандным образом похищенного Прометеева огня. Это тихий свет, просвещающий всех людей, светящий всем, кто имеет очи, чтобы видеть. Это свет, делающий все явным, все обнаруживающий (Ефес. V, 13). При этом осуждается мракобесие тех людей, которые «более возлюбили тьму, нежели свет» (Иоан. II, 19). Так как мы «не сыны ночи, ни тьмы» (I Сол. V, 5), то апостол предлагал «не участвовать в бесплодных делах тьмы» (Ефес. V, II) и благодарить Бога «избавившего нас от власти тьмы» (Кол. I, 13). Посему Новый завет совершенно неповинен в том обскурантизме, который так часто приписывается христианству его врагами. Тропарь на Рождество Христово подчеркивает, что «воссия

мирови свет разума». И христианству вполне конгениально утверждение Пушкина, что «ложная мудрость мерцает и тлеет пред солнцем бессмертным ума».

Христианская истина это «здравое учение» (Тит. I, 9; II, I; I Тимоф. I, 10; II Тимоф. I, 13), «здравое слово» (I Тимоф. VI, 3), обращенное к «рассудительным» (I Кор. X, 15). «Нет, достопочтенный Фест — сказал ап. Павел, — я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла» (Деян. XXVI, 25). Христианство не требует от верных истерии, кликушества. Оно обращается к уравновешенным людям. Оно возвышает, расширяет и углубляет их сознание, оставляя его все время под контролем здравого смысла. Быть может, отсюда пошло Спенсерово определение науки как систематизованного здравого смысла. А французы прямо таки отождествляют христианское с понятным: il faut parler chrétien, si vous voulez que je vous entende, говорится у Мольера.

Христианской теории познания чужда та нескромная гордыня, с которою даже такие мыслители, как Кант и особенно Гегель, утверждали, что абсолютное, всеисчерпывающее знание вполне доступно людям и что, более того, именно они, эти философы, полностью открыли его. Для христианства настоящее, полное знание это только Божественная премудрость, Божественное всеведение. Ап. Павел говорит о «едином премудром Боге» (Римл. XIV, 26; I Кор. I, 24; I Тимоф. I, 17). Он один обладает «бездною премудрости и ведения» (Римл. XI, 33), «всеми сокровищами» (Кол. II, 3), «многоразличной премудрости» (Ефес. III, 10). «И нет твари, сокровенной от Него; но все обнажено и открыто перед очами Его» (Евр. IV, 13). Ему не нужны абстракции, обобщения, конструкции и т.п. методологические ухищрения. Он без них сразу проникает в мельчайшие подробности бытия: Ему известен каждый волос на голове каждого человека (Лук. XII, 7). Такое всеведение не дано людям: «кто познал ум Господень» (Римл. XI, 34; I Кор. II, 16) спрашивал ап. Павел, который совсем не был «невеждою в познании» (II Кор. XI, 6) и поразил Феста «большою ученостью» (Деян. XXVI, 24). Все схемы, модели, абстракции, с помощью которых люди «якоже зерцалом в гадании» (I Кор. XIII, 12) отвлекаются от частного и индивидуального в сторону общего и отвлеченного, подтверждают не столько силу, сколько, напротив, слабость их знания. Это понимал Лейбниц, когда утверждал, что настоящее знание состояло бы в том, что мы бы знали каждый листочек на каждом дереве, всю его, так сказать, биографию. Но этого нет. Мы или дискурсивно, отрывочно переходим от одного предмета к другому без интуитивного разумения их целостной связи, или же удаляемся от предметов вообще и от объективного мира в пещеру

нашего ограниченного ума, где, по Платону, зримы только тени, и там строим абстрактные теории, далеко не адэкватные конкретной действительности. Вот почему самоуверенное всезнайство осуждается такими христианскими мыслителями как Паскаль. Как предупреждал Сент-Бов, мы подвижны и судим о подвижных существах. Но из этого отнюдь не следует, что мы осуждены на абсолютный агностицизм, на полное незнание или на безысходные заблуждения. Это опровергается уже одним фактом существования и процветания науки с ее теоретическими и практическими результатами. И это было бы несовместимо с нашею верою в то, что мы носим в себе образ и подобие Божие, значит, хотя и в слабой степени причастны Его премудрости. Нашу способность к познанию Декарт приписывал правдивости Бога, не желающего вводить нас в обман. Но полное и окончательное всеведение всегда остается для нас неосуществленным идеалом, пределом, или, выражаясь математическим языком, асимптотою нашего стремления к совершенному знанию.

Критерием для проверки научного знания служат доказательство и опыт. Но есть истины трансцендентные, т.е. выходящие за пределы нашей эмпирии и посему научной проверке не подлежащие. Они входят в Божественную премудрость. Как же они могут, хотя бы частично, стать достоянием также и людей. Для христианского сознания этот вопрос разрешается «посредником между Богом и человеками, человеком Христом Иисусом» (I Тим. II, 5). Он «сделался для нас премудростью от Бога» (I Кор. I, 30). Он «на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине» (Иоан. XVIII, 37). Вместе с Ним «свет пришел в мир» (Иоан. III, 19). «Сын Божий пришел, и дал нам свет и разум» (I Иоан. V, 20). В Нем мы «обогатились всяким познанием» (I Кор. I, 5). В этих пределах «мы имеем ум Христов» (I Кор. II, 16).

Таким образом сущность христианской гносеологии состоит в том, что абсолютная истина это Божественное всеведение. Она нам недоступна в полном виде. Но так как мы сотворены по образу и подобию Божию и посему являемся «причастниками Божеского естества» (II Петра, I, 4), то мы субъективно способны к ее частичному восприятию. Объективным посредником между Богом и нами является Богочеловек. И через Него мы получаем это частичное восприятие. Так заполняется пропасть между познающим субъектом и объективною, отчасти даже абсолютною истиною, ибо «мы получаем познание от Бога» (Гал. IV, 9). Конкретным источником такого познания является Слово Божие, содержащееся в Священном Писании. В нем имеются регулятивы и для христианского познания и для христианского поведения. В этике человек идет навстречу Богу, но и Бог

идет навстречу ему. Объективный критерий нравственных истин это Божьи заповеди. «Законом познается грех» (Римл. III, 20). Субъективный их критерий это совесть, стоящая на правильном пути даже у язычников, когда они «не имеющие закона, по природе законное делают» (Римл. II, 14): «они показывают, что дело закона у них написано в сердцах: о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Римл. II, 15).

VIII. Христианская метафизика.

Для объяснения смысла бытия возможны две метафизики, или онтологии: языческая и христианская. Основная тенденция языческой метафизики — имманентный монизм. Это значит, что она ищет смысл мира, не выходя из его пределов и стремится привести к одному знаменателю все многообразие бытия. Начало положил Ѳалес, сводивший все к воде. Верховное понятие такой метафизики — субстанция. Она понимает все предметы и всех людей как свои акциденции. Одни метафизики считают такою субстанциею материю, другие — дух. Спиноза сводил все к природе. Гегель учил о мировом разуме. Шопенгауэр о мировой воле. Такой разум, такая воля совпадают с миром. И без них ничто же бысть, еже бысть. То обстоятельство, что из России не вышло крупных метафизических систем объясняется не бедностью русской философской мысли, а тем, что ей чуждо полное растворение Божества в природе или вообще в имманентном бытии. Основная тенденция христианской метафизики — трансцендентный монотеизм. Чтобы понять смысл мира, она выходит за его пределы и находит опору в сверхмировом Божестве. Для нее Бог это самое реальное существо, Ens realissimum. И вся прочая онтология и феноменология, всяческое бытие и бывание получает свой смысл и значение только с такой высшей точки зрения. По традиции, идущей от Бэкона, такая метафизика слагается из учения о Боге, природе и человеке.

IX. Бог.

Для языческого сознания божество или отождествляется с отдельными силами и явлениями природы или сливается с нею. По-

скольку, как заметил Ксенофан, представления о богах составлялись по образу и подобию человеческому, постольку боги наделялись всяческими человеческими свойствами, не исключая и недостатков, как душевных, например, зависть, ревность, так даже и физических (хромой Гефест). Для христианского же сознания Бог выше и природы и человека: — «ищите выше», предлагал язычникам бл. Августин. Как же обретает Бога христианское сознание? Тремя путями: мистическим, богословским и философским.

Мистический путь состоит в том, что человек чувствует живого Бога своим сердцем, более того, воспринимает Его всем своим существом. И это его устремление столь крепко, что его ничто не колеблет. Это такая вера, которую не могут подорвать никакие возражения от разума (credo quia absurdum) и которая совершенно не нуждается ни в каких доказательствах. Она не только осмысливает личную жизнь человека, но и согревает ее: «блажен кто верует, тепло ему на свете». Но ей угрожает опасность чрезмерного сосредоточения на личных, субъективных переживаниях. Нередко она переходит в экстаз, экзальтацию, совершенно ускользающую от контроля разума и парализующую волю. Вот почему христианская мистика ознаменовалась не только весьма возвышенными и глубокими проявлениями, но также и сектантским пиэтизмом и чрезмерною эмоциональностью.

Богословский путь состоит в том, что основным источником богопознания признается Слово Божие, содержащееся в священных книгах. Таким образом «мы признаем или, лучше, получаем познание от Бога» (Гал. IV, 9). Не богословская мысль открывает Бога, а Бог Сам Себя открывает ей. Он ей не задан, а дан. Она воспринимает откровение и подвергает его толкованию и систематизации с помощью всех средств, имеющихся в распоряжении человеческого разума. Идеал богословия законченная система вероучения и нравоучения, основанная на откровенном Слове Божием. Как и все идеалы, он никогда не осуществляется полностью. И это спасает богословскую мысль от статического застоя, сообщает ей динамику. Это не значит, что Бог меняется со временем. Он превыше времени. У пророка Исаии Он говорит: «Я — Господь первый и в последних — Я тот же» (Исаия XLI, 4); «прежде Меня не было Бога и после Меня не будет» (XLIII, 10). Равным образом и про Иисуса Христа ап. Павел писал, что Он «вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. XIII, 8). Это значит, что абсолютное, вполне адэкватное, исчерпывающее познание «сокровенного Бога (Илия XIV, 15) никогда полностью не постигается в условиях нашей земной жизни. Этим оправдывается молитва: «Ты еси Бог, неизреченен, недоведом, невидим, непостижим». Этим же

объясняются заявление бл. Августина, что Бог лучше познается незнанием (seitur melius nesciendo), а также крайности т.н. апофатического, т.е. отрицательного богословия, утверждающего, что даже с помощью слова Божия мы знаем только то, что не есть Бог и не можем ничего сказать о том, что Он есть. Так далеко настоящее положительное богословие не идет, ибо тогда пришлось бы отвергнуть все откровение. Но поскольку богословие стремится возможно совершеннее познать Бога, постольку и в нем есть движение и разномыслия, которые ап. Павел признал даже желательными (I Кор. XI, 19).

В отличие от богословского богопознания, идущего от Бога к человеку, философское богопознание идет от человека к Богу. Путь философии — богоискательство. Здесь не Бог открывается человеку, а, напротив, человек открывает Бога. Правда, существует мнение, что не подобает философу прибегать к Богу, non est philosophia recurrere ad Deum. И когда, например, Лаплас изложил Наполеону свою теорию происхождения мира из туманной массы материи, а тот, воспитанный в понятиях деизма, спросил его, «а где же тут Бог», то астроном ответил ему, что он «не нуждается в этой гипотезе». Философы материалистического направления идут еще дальше и позволяют себе глумиться над Богом: Геккель назвал Его «парообразным позвоночным». Но прав был Николай Кузанский (XV век), назвавший всю нашу ученость без религиозного завершения не более как ученым невежеством (docta ignorantia). Прав был и Бэкон, уверявший, что только мелкие глотки из кубка познания удаляют от религии, более же глубокие непременно ведут к ней. Наука имеет дело с фактами. Философия пытается их объяснить. Рано или поздно, но неизбежно она признает все свои объяснения относительными и посему недостаточными. Тогда ей только и остается или признаться в своем бессилии (таков «агностицизм» Спенсера) или «постулировать», т.е. затребовать Бога как единственное окончательное объяснение. В таком, например, смысле Лейбниц завершал основанную на законе достаточного основания причинную цель всего существующего единым Богом, как последним и окончательным достаточным основанием: il n'y a qu'un Dieu et il suffit. Державин в своей оде «Бог» взывает: «Ты есь, природы чин вещает». Деисты не могли обойтись без Бога как Творца, теисты — как Вседержителя. Философская литература XVII и XVIII веков изобилует рассуждениями «о разумности христианства», «демонстрировавшими» его догматы и составлявшими то, что называлось «естественным богословием». Еще чаще, чем метафизика, постулирует Бога этика. Увенчивая свой «категорический императив» постулатом бытия Божия, Кант в сущности только переводил на язык философии более категорическое новоза-

ветное утверждение о познании Бога через делание добра: «а что мы познали Его, узнаем из того, что соблюдаем Его заповеди» (I Иоан. II, 3). Это утверждение очень характерно для христианского мировоззрения. С одной стороны еще более решительно, чем в книге «Исход» (XXXIII, 20): «человек не может увидеть Меня и остаться в живых» заявляется, что не только «делающий зло не видел Бога (III Иоан. I, II), «всякий согрешающий не видел Его и не познал Его» (I Иоан. III, 6), «кто не любит, тот не познал Бога» (I Иоан. IV, 8), «всякий преступающий учение Христово и не пребывающий в нем не имеет Бога» (II Иоан. I, 9), но что вообще «Бога никто никогда не видел» (I Иоан. IV, 12) и Его «никто из человеков не видел и видеть не может» (I Тимоф. VI, 16). Но с другой стороны чистые сердцем признаны блаженными потому, что они «Бога узрят» (Матф. V, 8). И о святости сказано, что «без нея никто не увидит Господа» (Евр. XII, 14).

Христианское познание Бога облегчается тем, что «знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум да познаем Бога истинного» (I Иоан. V, 20). Поскольку Его благовествование принимается нами, постольку оно до того приближает нас к Богу, что мы сознаем себя Его детьми (Иоан. I, 12; I Иоан. III, 2,), которые «от Бога родились (Иоан. I, 12, 13) свыше (Иоан. III, 7). И посему мы смеем со дерзновением неосужденно взывати к Нему:«Отче наш» (Матф. VI, 9). Нам дан образ Бога, а «когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его как Он есть» (I Иоан. III, 2).

X. Природа.

Для христианского мировоззрения природа это не божество и не автономный автомат, а Божие творение. Своим телом и происходящими в нем процессами, поскольку они независимы от воли, человек связан с нею. Но не она может указывать ему, что делать и как себя вести. Вот почему слово «природа» почти отсутствует в Новом Завете. Как руководство она упоминается только по одному мелкому поводу; апостол язычников (Рим. XI, 13) пишет своим греческим корреспондентам в Коринфе, еще недавно поклонявшимся природе: «не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестие для него, но если женщина растит волосы, для нея это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала» (I Кор. XI, 14). Он же упоминает о

язычниках, которые «по природе законное делают» (Рим. II, 14). Вообще же руководство природы с ее «немощными и бедными вещественными началами» (Гал. IV, 9) считается нормальным не для людей, а для «бессловесных животных» (Иуд. 1, 10), «водимых природою» (II Петр. II, 12). Для апостола Павла «иудеи по природе» (Гал. II, 15) это не иудеи по принципу, а иудеи по физическому рождению. «По природе мы все жили чадами гнева» (Ефес. II, 3). Вот собственно и все, что говорится о природе, как таковой, в Новом Завете. Появившееся благодаря стоикам словосочетание «закон природы» в нем не встречается, если впрочем не считать косвенного указания ап. Павла, что он «видит иной закон в членах своих, противоборствующий закону ума его» (Рим. VII, 23). Но не этот «закон греха» (Рим. VII, 25) детерминирует функцию тела, а призвание тела служить прославлению Бога (I Кор. VI, 20) и быть «членом Христовым» (I Кор. VI, 15), предоставляемым «в жертву живую, святую, благоугодную Богу» (Рим. XII, I).

Сущность христианского взгляда на природу может быть сведена к двум идеям, теоретической и практической. Теоретическая идея это относительность природы, практическая это ее преодоление.

Есть два понимания всего на свете. По одному все в мире неизменно. Одно и то же небо, одна и та же земля. Одни и те же явления. Ничего нового под луною и над нею. Много перемещений, но никаких существенных изменений: aliter, sed eadem. Никакой эволюции, ибо мир стабилизован. Так его понимал Аристотель. Так же его понимало возникшее после средних веков и окончательно сформулированное в XVII веке мировоззрение: мир это механизм, в котором, как в часах, точно повторяются одни и те же движения. В XVIII веке Монтескье объяснял, что «всякое различие это однообразие, всякое изменение это постоянство». По другому пониманию, напротив, нет ничего неизменного на свете. Сегодня непохоже ни на вчера ни на завтра. Все рождающееся умирает. И таким образом жизнь есть постоянное обновление. Меняется и неорганическая природа — камни, металлы, даже солнце и звезды, ибо и они когда-то и как-то возникли и не только вращаются или стоят, но еще куда-то несутся и внутри их непрерывно происходят те или иные изменения. Вместо стабилизации всюду мобилизация. Начало такому пониманию мира положил уже Гераклит. Но он не был понят. И посему он был прозван «темным». Его продолжателем был Лейбниц, утверждавший, что «настоящее отягчено прошлым и беременеет будущим». Но эта сторона его философии долгое время оставалась непонятою. И динамическое мировоззрение возобладало только в XIX столетии. Только тогда история. которую Аристотель не находил даже возможным считать нау-

кою, получила такое значение, что все столетие стали называть saeculum historicum,Шлегель объявил, что мир это не система, а история. Из пространства, наполненного предметами, вселенная как бы превратилась во время, в котором совершаются процессы. Существительные вытесняются глаголами, склонения — спряжениями. Все в мире эволюционирует, становится, но никогда окончательно не устанавливается. Де Фриз открыл «мутации», а Бергсон «творческую эволюцию».

И вот в Новом Завете не приемлется статический, стабилизационный взгляд на природу. Она не абсолютна и не совершенна: «вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Рим. VIII, 22). Порядок природы — преходящий, временный, ибо «небо и земля прейдут» (Матф. XXIV, 35). Вместо языческого образа светил, неизменных в своем строении и постоянно повторяющих одни и те же передвижения, любимый образ Нового Завета это произрастающее зерно. И проблема загробной жизни решается христианством не в смысле статической и языческой формулы бессмертия, т.е. сохранения на вечные времена того, чем человек был при жизни, а в смысле динамической формулы воскресения, как «иного жития вечного начала». Только в Ветхом Завете «Бог почил от всех дел своих, которые творил и созидал (Быт. II, 3). В Новом же Завете «Отец творящий» (Иоан. V, 19) «делает и доныне» (Иоан. V, 17); «и сказал сидящий на престоле: се творю все новое» (Апок. XXI, 5). Во всем этом сказывается динамический взгляд на мир. Но во время оно и еще долгое время спустя такое понимание оказалось еще более преждевременным, чем в эпоху Лейбница. И оно не подвергалось специальной разработке, тем более, что космологические проблемы несравненно меньше занимали первых христиан, чем царство не от мира сего и единое на потребу; только ап. Петр мимоходом заметил, что «небеса и земля составлены из воды и водою» (II Петр III, 5); совсем как у Фалеса. А Лактанций считал безумцами интересующихся астрономией и недоумевал, какое блаженство может доставить исследование истоков Нила. Можно сказать, что бл. Августин едва ли не первый отдал должное истории как процессу, в который вовлечено все мироздание. Средневековые философы интересовались космологическими проблемами. Философия тогда считалась служанкою богословия. Но вместо того, чтобы служанка получала указание от госпожи, госпожа приняла от служанки ее взгляд на природу. Этот же взгляд питался Аристотелевым учением с его статистическим духом, а заодно с гелиоцентризмом и целым рядом заблуждений относительно отдельных явлений природы. Все это без всякой надобности было усвоено «учащею церковью», которая сама училась у язычника Аристотеля и освятила его

идеи подтверждающим авторитетом «ангельского доктора» Фомы Аквинского. И это опять таки без всякой надобности вызвало сопротивление Западной церкви идеям Кеплера, Галилея и Ньютона, которые в сущности отлично уживались с общим духом христианского мировоззрения. В рассказе Лескова «Кадетский монастырь» вдумчивый священник обращает внимание детей на данный Христом образец смирения: Он не появился с силою и славо́ю на каком-нибудь более значительном, чем наша скромная планета, небесном теле, и родился Он не в какой-нибудь столице и не в пышных чертогах, а в провинциальной Палестине, более того, в пренебрегавшемся Назарете и даже не в доме, а в пещере и положен был в ясли. Судьба христианства совсем не зависит от того, какое положение занимает земля среди прочих небесных тел. Оно предоставляет ученым «постигать, что широта, и долгота, и глубина и высота» (Ефес. III, 18). Его занимает не столько астрономическое, сколько метафизическое и мистическое небо. И исследование эволюции неорганической и органической природы нисколько не противоречит его взгляду на относительность и изменчивость всего в мире. Противоречие получается только тогда, когда некоторые ученые выходят за пределы фактов и заполняют пробелы своего знания такими бездоказательными утверждениями, которые преследуют специальную цель отвергнуть бытие Божие и унизить достоинство человека, провозгласив его потомком обезъяны или какого-то небывалого «примата». Против такой тенденции нередко восстают сами эволюционисты. Так, например, известный исследователь муравьев Васманн заявил, что он полностью принимает дарвинизм и вообще эволюционное объяснение мира, но только в тех пределах, где оно действительно подтверждается фактами. Там, где их нет, получается пробел. Знание не может заполнить его. А тогда позволительна вера. Можно, говорит Васманн, согласиться с учением Канта и Лапласа о происхождении планетного мира из туманной массы материи. Но оно не объясняет, как произошла эта туманная масса. Далее, эволюционисты не могут объяснить, как из неорганической материи появились организмы, хотя бы в виде самой элементарной клеточки. Наконец, они не могут объяснить, как появился человек. Во всех этих случаях Васманн признал единственно возможным объяснением Божие творение.

Христианское мировоззрение не подчиняет человека природе и не сливает его с нею. Оно ставит его выше природы и вменяет ему в задачу ее преодоление. В этом отношении прообразом для человека служит Богочеловек. Вся земная жизнь Христа это непрерывное преодоление природы. Христос родился, преобразился, воскрес и вознесся. Он вступил в природу, преодолевал ее, совершая чудеса и

исцеляя немощных и выступил из нее, дав людям завет следовать ему в этом отношении. Этим оправдывается техника со всеми ее чудесами, освобождающими человека от рабства природы. И этим открывается путь настоящей эволюции человека, от рождения в болезнях через всеобщее (II Кор. III, 18) преображение до воскресения, когда «последний враг истребится, смерть» (I Кор. XV, 26). «Когда тленное облечется в нетление и смертное в бессмертие» (I Кор. XV, 54), только тогда природа в ее нынешнем виде будет полностью преодолена.

XI. Человек.

Паскаль спрашивал: «что за химера человек, какая новость, какое чудовище, какой хаос, какой предмет противоречий, какое чудо, судья всех вещей, бессильный, червь земли, хранитель истины, клоака недостоверности и заблуждений, слава и отвращение вселенной? Кто разберет эту спутанность? Право, это превышает догматизм и пирронизм и всю человеческую философию». «Человек превышает человека». Сам Паскаль дал два определения человека: «ни ангел ни зверь» и «мыслящий тростник». Такие определения, как и большинство других, например, Франклина: «существо, производящее орудия», или Бональда: «интеллигенция, обслуживаемая органами», не лишены остроумия и меткости, но далеко не исчерпывают тайну человека (mysterium hominis).

С тех пор как Сократ провозгласил: «познай самого себя», а Диоген с фонарем искал человека, антропологическая проблема занимала античную мысль. Одно ее решение, чисто материалистическое, предложил Демокрит: весь человек состоит без остатка из атомов, причем душа это те же атомы, только более легкие. Из этого Эпикур сделал практический вывод: если таково строение человека, то нечего бояться смерти: пока человек жив, смерти нет, а когда наступает смерть, человека уже нет, ибо тогда без остатка рассыпаются составлявшие его атомы. Из этого вытекало отрицание моральной ответственности человека за его поведение и прызыв наслаждаться жизнью, пока не поздно: carpe diem, рви день. Золотая молодежь, теснившаяся возле Августа и спешившая насладиться плодами произведенного им политического переворота, превратила это учение в философию кутежей, исповедовавшуюся «поросятами из эпикурова

стада», как выразился Гораций. Приблизительно тогда же проблема идеального человека, о котором Менандр писал «как хорош человек, когда он на самом деле человек», решалось в смысле своеобразно понятого гуманизма. Humanitas означала светскость культурных горожан в отличие от неотесанной деревенщины. Посему она отождествлялась с urbanitas (от urbs, город). И ей противопоставлялась rusticitas (от rus, деревня). Во время «золотого века» римской литературы такая humanitas означала изысканность литературного языка, умение вертеть стилем, в конце письма поставить vale и т.п. Такое понимание настоящего человека возродилось в эпоху т.н. гуманизма. Тогда гуманистом считался знаток и подражатель античной литературы. Ни о какой гуманности в смысле человеколюбия при этом не было и речи. И посему, например, в эпоху «возрождения» в Италии обычным явлением было сочетание изящной гуманистической культуры с полным аморализмом и вопиющими злодеяниями. Тогда именно и появилось особое «гуманитарное» образование. Его сущность не в том, чтобы действительно всесторонне изучать живого человека и совершенствовать его, а в том, чтобы знать мертвые языки древних греков и римлян, а также их литературные произведения и по возможности подражать им, чтобы тоже стать «классиками». Такое понимание гуманитарного образования, в отличие от «реального», сосредоточивающегося на математике и естествознании, сохранилось доныне. Еще и сейчас французы говорят: faire ses humanités.

Глубже поставил проблему человека Сократ, внявший дельфийскому призыву «познай самого себя» и открывший в себе «нечто демоническое», т.е. божественное, под чем он разумел совесть. Еще глубже понял проблему Платон. Он внес в понимание человека такие мотивы, которые были чужды античному мировоззрению. Прежде всего он отказался от традиционного взгляда на человека как на существо гармоническое по природе. Согласно такому взгляду предоставленный самому себе человек не хочет и даже не может сделать ничего худого. Посему нет необходимости в принуждении: и без него человек по собственному влечению всегда поступает хорошо. Из этого следует отказ от какого бы то ни было принуждения в воспитании, в политической и общественной жизни: все само собою устраивается наилучшим образом. Такая оптимистическая антропология создала традицию, не исчезнувшую и доныне. К ней примкнул Пелагий, уверявший, что человек может спастись от греха собственными силами, не нуждаясь в благодати. К ней примкнул Рабле, приглашавший людей делать все, что им угодно, без какого бы то ни было морального контроля. К ней примкнул Руссо, утверждавший, что чело-

век от природы добр и что все зло происходит от цивилизации, которая портит его. К ней примкнули либералы первой половины XIX века, верившие, что социальная гармония создается совершенно свободною игрою личных влечений и интересов. К ней примкнул и Гюйо, автор книги о «морали без обязательств и санкций», в которой он всецело полагается на естественную склонность человека к благожелательной экспансии. И вот Платон, быть может, под влиянием восточных учений о поврежденном человеке утверждал, что по своей природе человек это совсем не гармоническое существо. Это «не прекраснейшая система». Человек, учил он, состоит из трех частей. Верхняя помещается в голове. Здесь действует разум. Между шеею и грудобрюшною преградою помещается сердце, орган не любви и нежности, как думали в сентиментальном XVIII веке, а сердитости, гнева. Наконец, низ человека это брюшная полость, где сосредоточены чувственные вожделения. Таким образом вместо одной души оказываются целых три: разумная, гневливая и чувственная. Каждая стремится к преобладанию. Посему предоставленный самому себе человек являет жалкое зрелище анархии противоборствующих начал и постоянной опасности засилья низших начал. Выход из этого — суровая аскетическая дисциплина, господство разума над гневливостью и вожделениями. Такой «политике внутри нас» должно соответствовать и устройство внешней политической жизни: государства, уверял Платон, будут бедствовать до тех пор пока цари не начнут философствовать или философы царствовать. С таким драматическим пониманием человеческой природы у Платона соединялось стремление связать человека с трансцедентальным миром идей. Есть два мира, учил он: один всегда есть, но никогда не бывает, а другой, напротив, всегда бывает, но никогда не есть. Первый мир это мир чистых идей. Второй это наша эмпирическая действительность. И вот, утверждал Платон, настоящая родина настоящего человека это мир идей. Оттуда он приходит и туда он стремится, пребывая в тюрьме, именуемой телом. Все его знание это воспоминание о том, что известно в горном мире идей. Таким образом Платонова антропология расширяет понятие человека, так сказать ввысь. Вширь распространили это понятие стоики. Среди них были и император Марк Аврелий и раб Эпиктет. И они учили, что ничто человеческое не чуждо людям, каково бы ни было их правовое или социальное положение. В их антропологии, как и в Платоновой, были мотивы отчасти подготовлявшие христианство.

Еще больше подготовляла его ветхозаветная антропология. Самым существенным в ней было учение о создании человека по образу и подобию Божию. Образ дан человеку, а подобие задано ему.

Сообразно с этим человеческая жизнь осмысливается как призвание, как выполнение или невыполнение поставленной Богом задачи. Другою существенной особенностью этой антропологии является учение о грехопадении первозданного человека, повредившем его природу и обременившем все его потомство наследственным грехом. Таким образом подготовлялось новозаветное утверждение, что мир лежит во зле и что нет совершенства на земле.

Согласно новозаветной антропологии состав человека тройной: телесный, душевный и духовный. В отличие от язычества и некоторых сект, христианство не проповедует ни культа плоти, ни ее умерщвления. Немощная плоть (Матф. XXVI, 41) это не только «тело смерти» (Римл. VII, 24), но и святой «храм Божий» (Иоан. II, 21; I Кор. III, 16, 17) и «член Христов» (I Кор. VI, 15). Телесный состав призван к соучастию не только в земной жизни, но и в загробной. И христианская формула жизни это не служба телу, а служба тела. Этого не понимает или не желает понять телесный человек, этот живущий во плоти «должник плоти» (Римл. VIII, 12), беспомощный по отношению к инстинктам и позволяющий им детерминировать его поведение. Далее христианская антропология производит «разделение души и духа» (Евр. IV, 12) и сообразно с этим различает еше душевного и духовного человека. «Душевные люди, не имеющие духа» (Иуд. I, 19) находятся во власти психических процессов, мешающих им подняться на духовную высоту метафизических и этических принципов, где полностью раскрывается настоящий человек. Только духовный человек «судит о всем» (I Кор. II, 15). Человек, пребывающий на духовной высоте, «имеет ум Христов» (I Кор. II, 16) и познает в самом себе Христа (II Кор. XIII, 15). Как выразился Державин, «плоть есть персть земная, а дух — влияние небес».

Благодаря своему сложному составу человек занимает на земле центральное положение. Своим телом он включен в материальную природу. И благодаря этому он соучаствует в жизни растений и животных. Но своим духом он причастен сверхприродному миру. И это роднит его с ангелами, буквально вестниками, вестниками Божьей воли в мире сем. Такое положение человека хорошо изображено в оде Державина «Бог»: «Поставлен, мнится мне, в почтенной Средине естества я той, Где кончил тварей Ты телесных, Где начал Ты духов небесных И цепь существ связал всех мной. Я связь миров повсюду сущих, Я крайня степень вещества, Я средоточие живущих, Черта начальна Божества. Я телом в прахе истлеваю, Умом громам повелеваю, Я царь — я раб, Я червь — я бог!»

В отличие от языческого римского права, понимавшего личность как своего рода личину, маску (persona) или искусственную голову

(caput) которая то надевается на более или менее привилегированных граждан, то укорачивается (capitis deminutio), то совсем снимается или вообще не надевается (servus caput non habet), христианство сразу же признало личность неотъемлемым признаком всякого человека. Для него личность это не индивид, т.е. буквально, более уже не делимая частица материи (individuum от dividere, делить), это не единица, которая, механически слагаясь или умножаясь с равными и подобными ей единицами, без остатка растворяется в социальной массе. Это также не сверхчеловек, становящийся по ту сторону добра и зла, чтобы самоопределиться в своеволии. Это индивидуальность, в которой фактическое своеобразие сочетается со всечеловеческим призванием. Слово «человек» в Новом Завете не «звучит гордо», как у Максима Горького. Но это звание носили Христовы спутники. И посему апостол Петр, когда сотник Корнилий «встретил его и поклонился, падши к ногам его, — поднял его говоря: я тоже человек» (Деян. X, 25, 26). Это звание носил и «человек Христос Иисус» (I Тимоф. II, 5), Сын Божий, охотно именовавший себя сыном человеческим. Всю полноту и ценность человечности определил Понтийский Пилат, когда, указывая на Богочеловека, он сказал: «Се человек».

В своем дальнейшем развитии учение о человеке более или менее уклонялось от христианской антропологии, а иногда и совершенно отвергало ее. Так, например, в средние века возобладало учение о двойном составе человека — из души и тела. Их соотношение связали с Аристотелевым учением о форме и материи. И под влиянием Аристотеля некоторые схоластики учили, что душа формирует, образует тело. Декарт разъединил душу и тело: душа это мысль, а тело это пространство. Общего между ними нет ничего. Если же они пребывают в согласии, то, как на этом настаивали картезианцы, это происходит по каждому случаю, при каждой оказии благодаря вмешательству Божества. Так возник «окказионализм», охотно прибегавший к аналогии между парою часов, показывающих одно и то же время. Лейбниц пошел дальше и учил, что гармония между душою и телом не устанавливается Богом ad hoc при всяком отдельном случае, а предустановлена Им раз навсегда. Таким образом вместо учения о воздействии души на тело получилась теория их параллелизма. Этим устранялся драматизм человеческого состава. И уподобление часам сообщало поведению человека механический характер. Дальше пошел в этом направлении Спиноза. Вместо дуализма души и тела он провозгласил монизм единой мировой субстанции, по отношению к которой то, что именуется душою или телом, это не более как акциденции; и человек это духовный автомат (automa spirituale). Даль-

нейшая эволюция состояла в том, что или возродили старое о физическом влиянии (influxus physicus) тела на душу или же просто свели всего человека без остатка к телу. Сенсуалисты учили, что разум это чисто выскобленная доска (tabula rasa), пассивно воспринимающая и отражающая внешние впечатления через органы чувств: сенсация и рефлексия — такова Локкова формула человеческой активности. Удивительно, что он еще выделял из этого процесса нравственные идеи, которые он считал прирожденными каждому человеку. Но сенсуалисты XVIII века оказались последовательнее: Ла Меттри написал книгу с красноречивым заглавием «Человек машина». Некоторое улучшение произошло в конце этого века. Лессинг, Гердер, Кант, Шиллер сообщили гуманности (Humanität) смысл уважения к личности и ее достоинству во всяком, даже падшем человеке. И Кант различал две антропологии: одна интересуется тем, что природа делает из человека; другая — тем, что человек делает из природы.

В XIX веке возобладало первое понимание антропологии. Ее имя было усвоено и присвоено натуралистическою доктриною, утверждавшею, что кто знает тело человека, тот знает и душу и дух, ибо это не более как его функции; была отвергнута мысль Шеллинга, что «дух есть вечный остров, к которому нельзя добраться от материи через какие угодно обходы без прыжка». Иные антропологи пошли еще дальше. Отвергая дух, одни из них отрицали и душу, но хоть допускали «душевные явления». И так появилась «психология без души». Другие на этом не остановились. Они отвергли и душевные явления и свели их или к психофизиологии или просто физиологии. Стали все более и более демонтировать и унижать человека. Все духовное сводится к душевному, душевное к телесному, телесное к биологии, биология к химии, химия к физике и механике. И получилось данное Ле Дантеком определение человека: un mecanisme de mecanismes de mecanismes, механизм, состоящий из механизмов, которые в свою очередь состоят из механизмов. Но нет худа без добра. Крайности натуралистической антропологии вызвали критику. Целый ряд философов и ученых XX века усомнился в том, что путь от тела через душу к духу соответствует требованию всякого научного познания объяснять неизвестное известным, темное ясным (obscurum per clarum). Совсем напротив, тут делаются тщетные попытки объяснять ясное темным (clarum per obscurum). И вот появляется новое учение о человеке. Оно идет, так сказать, не снизу вверх, а сверху вниз. От духа нисходят к душе, а от души к телу. Вместо того, чтобы объяснять душевную жизнь человека процессами, происходящими в животных и растениях, Дриш, несмотря на то, что он — ученик материалиста Геккеля, прибегает к обратному пути. Он именует животных и растения

психоидами, т.е. душеподобными существами и пытается понять то, что в них происходит, по аналогии с тем, что мы наблюдаем у человека. Зомбарт, Мизес и другие ученые возвращаются к христианской трихотомии, учат о духе, душе и теле и особенно настаивают на необходимости начинать с духа, ибо именно тогда similia similibus cognoscuntur, подобное познается подобным. В этом отношении они только повторяют заявление ап. Павла: «кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?» (I Кор. II, 11).

XII. Женщина.

Христианское понимание человека распространяется и на женщин. Апостольское понятие «внутреннего человека» (Римл. VII, 22; Ефес. III, 16) применялось к ним апостолом Петром, призывавшим, чтобы их украшением служил «сокровенный сердца человек» (I Петра, III, 4). И апостол Павел провозгласил: «нет мужескаго пола ни женского, ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Галат. III, 28). Эти заявления были естественным последствием того, как Иисус Христос относился к женщинам. Когда женщина возлила на Его голову драгоценное миро, Он истолковал это как предварение помазания Его тела к погребению (Марк. XIV, 8). И Он просил «оставить ее и не смущать» (6). Не смущал Он личною беседою бедной вдовы, пожертвовавшей две лепты от скудности своей (Лук. XXI, 1-4). Но, подозвав своих учеников, Он дискретно обратил их внимание на то, «что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу» (Марк. XII, 43). Он прощал (Лук. VII, 48) или не осуждал (Иоан. VIII, II) грешницу без фарисейского негодования, но также и без идеализации падшей. При этом Он не разглагольствовал: Он только писал перстом на земле, наклонившись низко (Иоан. VIII, 6, 8), чтобы не смущать ни грешницы ни грешников и оставить их наедине с обличающею (9) совестью. Все это было необычно во время оно. Необычно было и то, что Христос беседовал с женщинами серьезно и о серьезном. По тогдашним понятиям вопросы духа не существовали для них. С ними вообще не очень-то разговаривали. И посему даже ученики Христовы «удивились, что Он разговаривал с женщиною» (Иоан. IV, 27). Еще более было удивительно, что, беседуя с нею у колодца, Он не ограничился разговором о питьевой воде, а перешел к вопросу о духе и истине. В

доме Марфы, которая «заботилась о большом угощении» (Лук. X, 40), Христос говорил слово избравшей благую часть и сидевшей у Его ног Марии. Однако и у Марфы жизнь не ограничивалась домашним кругом и одним житейским попечением. По поводу смерти Лазаря Христос беседовал именно с нею, а не с Мариею. И при этом оказалось, что и ей далеко не чужда благая часть (Иоан. XI, 27). Слово Христово одинаково обращалось и к мужчинам и к женщинам, которые «следовали за Ним и служили Ему» (Марк. XV, 41). В свою очередь они наряду с апостолами распространяли это слово: «и многие Самаряне уверовали по слову женщины» (Иоан. IV, 39). Апостол Павел приветствовал женщин, которые «много потрудились о Господе» (Римл. XVI, 2, 6, 12). Он же учил, что верующая жена может освятить и спасти неверующего мужа (I Кор. VII, 14, 16).

Все это было чем-то неслыханным во время оно. Ни языческая ни ветхозаветная традиция не соответствовали такому отношению к женщинам. «Уведите прочь эту женщину», так, например, простился со своею плакавшею женою Сократ перед смертью. У древних римлян женщина первоначально считалась вещью, право на которую регулировалось юриспруденциею движимого имущества. Поскольку в ней стали находить живое и даже человекообразное существо, постольку она обрекалась на вечное несовершеннолетие под властною рукою мужчины: она — дочь своего мужа, сестра собственного сына. Ей мало дано. Но взыскивается с нее много. Столь же подчиненное положение отводилось женщине и по Ветхому Завету. Как Диоген не нашел человека, так не нашел женщины и Экклезиаст: «еще искала душа моя и не находила вот чего: мужчину одного из тысячи я нашел, а женщины между всеми ими не нашел» (Эккл. VII, 28). Несерьезное и неуважительное отношение к женщине еще долго продолжалось и впоследствии, даже в тех рыцарских и дворянских кругах, которые возвели ее на пьедестал «дамы». От нее требовалось только, чтобы она была дамою приятною во всех отношениях и, как выразился Монтескье, «сохраняя себя для удовольствия одного, служила еще для развлечения всех». Провозглашенная в 1789 году «Декларация прав человека и гражданина» оказалась не более как декларациею мужчин. И напрасно Олимпия де Гуж в своей «Декларации прав женщины» взывала, что «если женщина имеет право восходить на эшафот, то она должна также иметь право на трибуну». Мирабо и Робеспьер настаивали на подчиненности женщины. Наполеонов гражданский кодекс 1804 г. сильно ограничил семейные и имущественные права женщин. На них не было распространено введенное во Франции в 1848 г. всеобщее избирательное право. И не малым успехом пользовались оскорбительные суждения о них женоненавистника Шопен-

гауэра. Жорж Санд, а впоследствии т.н. суффражистки в Англии поставили т.н. женский вопрос. Но ответ на него по большей части стали искать не в христианстве, давным давно решившим его в благоприятном смысле, а вне его и даже вопреки ему. Женскую эмансипацию, т.е. освобождение часто понимали в смысле права на распущенность, т.н. свободную любовь, что в сущности невыгодно для самих женщин и скорее унижает их, чем возвышает. Сейчас женский вопрос более или менее всюду разрешен в смысле правового, политического и хозяйственного равноправия. Имея в виду численный перевес женщин над мужчинами, предоставленное им избирательное право может когда-нибудь обеспечить им большинство в законодательных учреждениях. Как в этом, так и в других отношениях оказалось возможным утверждать, что наступает царство женщины («гинекократия») и что будущее принадлежит ей. Ей теперь много дано. Но тогда с нее много должно и взыскиваться. Можно ли ожидать, что, выйдя на общественное поприще, она внесет оздоровление в семейную и публичную жизнь, будет бороться против алкоголизма, проституции, преступности, милитаризма и вообще «спасет мужа» (Иер. XXXI, 22)? Или она только присоединит свои недостатки к тому злу, которое успели натворить мужчины, и даже, как легендарная Цирцея, превратит их в свиней? Все зависит от того, вспомнит ли современная женщина, кому она обязана признанием за нею человеческого достоинства, и поймет ли она, к чему это ее обязывает. Одна французская поговорка галантно отождествляет волю женщины с Божиею волею: ce que la femme veut, Dieu veut. Шиллер воздал честь женщинам за то, что они «украшают земную жизнь небесными цветами». Но он же отметил, что во время народных волнений иные из них напоминают гиен. События последних десятилетий выдвинули таких женщин как Коллонтай, садистические чекистки с расширенными от кокаина зрачками, испанская «Пассионария» и румынская Анна Паукер.

XIII. Общество.

Как и всякая религия, т.е. буквально, связь, христианство связывает людей не только с Божеством, но также и друг с другом. Unus christianus nullus christianus. Христианское учение об обществе содержится в следующих текстах: «если ходим во

свете, то имеем общение друг с другом» (I Иоан. I, 7); «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их» (Матф. XVIII, 20); «Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас» (Иоан. XIV, 20); «один Бог и Отец всех, который над всеми, и через всех, и во всех нас» (Ефес. IV, 6). Из этого следует, что общество это понятие не сборное, а соборное. Это не механический агрегат, не инертная масса, влекомая физическою необходимостью, не стая. Это свободный союз одушевленных и одухотворенных лиц, сознательно сработающих во имя высших принципов. Самым существенным в нем является не физическое общение и даже не психическое, а духовное. Сообразно с этим общество это союз личностей. Не оно творит личности, а напротив, личности творят его. Каковы личности, таково и общество. И настоящая общественность не столько дана как естественный факт, сколько задана как моральная обязанность. Более или менее успешно эта задача может выполняться только во имя Божие. Через Бога, с которым, как заметил даже язычник Цицерон, у человека «первое общество» (prima homini cum Deo societas), личность приобщается обществу и притом такому, в котором все низшее, разъединяющее отпадает как не существенное. Это общество, «где нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Колос. III, 11), Лейбниц назвал христианское братство превосходнейшим и самым широким обществом (fraternitas christiana societas excellentissima, latissima humana societas). Наконец, христианская общественность строится не на борьбе, паразитизме или приспособлении к какой угодно среде, а на сотрудничестве и взаимопомощи. «Если друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал. V, 15). Участники христианского общения — «соработники Божии» (I Кор. III, 9). И к ним относятся слова Христа: «Я посреди вас как служащий» (Лук. XXII, 27). Они «носят бремена друг друга» (Галат. VI, 2), «повинуясь друг другу» (Ефес. V, 21) и «подчиняясь друг другу» (I Петра V, 5), ибо «кто отличает тебя? что ты имеешь, чего бы не получил?» (I Кор. IV, 7); «никто не ищи своего, но каждый ищи пользы другого» (X, 24). Такая общественность исключает принудительную «уравниловку» или тоталитарную Gleichschaltung. Она приемлет факт социальной дифференциации, но при непременном условии сохранения сотрудничества и взаимопомощи: «служения различны, а Господь один и тот же» (XII, 5). Жизнь человека это призвание и служение. Посему «служите же друг другу каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией» (I Петра, IV, 10). «Как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так и

мы многие составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены» (Римл. XII, 4, 5). Благодаря такому сотрудничеству общество описывается как « тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей» (Ефес. IV, 16). «Тело же не из одного члена, а из многих» (I Кор. XII, 14). При этом случается, что «члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее» (22). И всегда возможно, что первые окажутся последними, а последние первыми (Матф. XIX, 30). Таким образом, как это отметил Лилиенфельд, и христианству не чуждо уподобление общества организму. Но при этом биология приводится отчасти как иллюстрация, отчасти как назидание, подобно тому «симбиозу» или взаимопомощи растений и животных, которые русские ученые Кесслер и Северцов, а вслед за ними Кропоткин противопоставили учению дарвинистов о борьбе уже за одно голое существование как основном законе всякой жизни. В социальной философии первых десятилетий XIX века еще существовало понятие «духовного организма».

Идеалом христианского общества, посколько оно занято житейским попечением, является такое его устройство, чтобы каждый его член трудился в соответствии со своими способностями, никогда не упуская из вида общего блага — согласно завету Иоанна Златоуста: «никто не должен жить для себя одного, но всякий, и художник, и воин, и земледелец и купец обязан посвящать себя занятиям для пользы и выгоды общества. Кто живет только для себя одного, а о других не радит, тот лишний, тот не человек».

Идеалом христианского общества, поскольку горе имеются сердца, является церковь с ее призванием «собрать воедино чада Божия расточенные» (Иоан. XI, 52) и сделать «близкими бывших некогда далеко» (Ефес. II, 13). Согласно никейскому символу такая единая церковь, как singulare tantum, является предметом не знания, а веры, т.е. «уповаемых извещения, вещей обличения невидимых» (Евр. XI, I). Фактически от монизма идеальной единой церкви еще весьма далек плюрализм реальных эмпирических церквей с их вероисповедными и юрисдикционными перегородками, которые, как заметил один русский иерарх, не доходят до неба. Но это нисколько не должно колебать веру в единую церковь как предел, асимптоту всякого единения верующих. И это налагает на всех христиан обязанность не только молиться о соединении всех, но также и трудиться в этом направлении, предпочитая подлинную христианскую любовь тому, что третий вселенский собор осудил как «надменность власти мирские под видом священнодействия».

XIV. Этика.

Когда появилось христианство, уже существовало немало моральных учений в своем роде весьма усовершенствованных. На дальнем востоке давно уже соблюдалось почтение к родителям и предкам согласно заветам Конфуция. В Индии проповедовалась мораль пассивного страдания и сострадания, мораль бледного размышления, стирающего с лица румянец воли и все же накапливающего такую громадную духовную энергию, что из головы отшельника идет пар, дикие звери ложатся у его ног и испуганные боги почтительно являются к нему за поручениями. Та природа, на которую ориентировалась греко-римская этика, иногда настолько одухотворялась, что стоики приписали ей заповедь всечеловеческой солидарности. Наконец, Ветхий Завет рядом с несовершенным законом местного и временного значения содержал универсальные заповеди и проповедывал «мир и дальним и ближним» (Исаия LVII, 19). Тем не менее христианство не только оживило этическую проблематику, но еще внесло в нее большую высоту, ширину и глубину.

Прежде всего оно очистило от чужеродных примесей обе предпосылки всякой этики, а именно свободу и долг. Античную мораль приводила в оцепенение мысль о роке, фатуме, против которого бессильны не только люди, даже и цари, как Эдип, но еще и боги. Стоическая этика не только не провозгласила освобождения человека от судьбы, но напротив всемерно подтверждала философскими доводами его зависимость. О фатуме написал специальный трактат Цицерон. И имела успех формула: ducunt volentem fata, nolentem trahunt судьба ведет желающего и тащит сопротивляющегося. Стоики еще затемнили свободу материализмом: Сенека уверял, что все вещественно, даже добро, bonum corporalis res est. И вот христианство решительно отвергло такой детерминизм, особенно подчинение человека «гнусной», как выразился Кантемир, материи. Правда, ап. Павел видел «в членах своих иной закон, противоборствующий закону ума его» (Римл. VII, 23). Но это не физический монизм. Это дуализм, допускающий преодоление физического закона духом, проповедующий такое преодоление и считающий его вполне возможным, ибо у людей есть по крайней мере «начаток духа» (Римл. VIII, 23). А это служит залогом нашего перехода «от рабства тления в свободу славы сынов Божиих» (Римл. VIII, 21). Христианская этика обращается к свободному человеку: «к свободе призваны вы, братия» (Гал. V, 13). Но это не свобода ничем не сдерживаемого произвола. Это свобода, связанная нормою долженствования, оценивающею человеческое поведение. Христос заявил: «если бы Я не при-

шел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения в грехе своем» (Иоан. XV, 22). Ап. Павел высказался еще решительнее в послании к народу юристов: «грех не вменяется, когда нет закона» (Римл. V, 13); «где нет закона, нет и преступления» (Римл. IV, 5); законом познается грех» (III, 20); «я не иначе узнал грех, как посредством закона» (VII, 7). Отсюда правило уголовного права цивилизованных народов: nullum crimen sine lege.

Кроме веры в свободу и в обязанность, с этикою по большей части связывается вера в воздаяние: добро вознаграждается, а зло наказывается. Такова языческая вера в Немезиду. Таково же и ветхозаветное учение о награждающем и карающем Боге. Пятикнижие учит о каре, постигающей не только нарушителей закона, но и «детей за вину отцов до третьего и четвертого рода» (Исх. XX, 5, Числ. XIV, 18, Второз. V, 9). У пророков наследственная ответственность за грехи заменяется личною. Иеремия предсказывает такие дни, когда уже не будут говорить: «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина»; но «каждый будет умирать за свое собственное беззаконие, кто будет есть кислый виноград, у того на зубах и оскомина будет» (Иер. XXXI, 29, 30). И Иезекиил сообщает об отмене пословицы относительно винограда и оскомины (Иез. XVIII, 2), ибо «сын не понесет вины отца и отец не понесет вины сына» (20). Согласно ветхозаветному учению воздаяние получается на земле и наградою за добро оказывается наслаждение земными благами. Такова именно была награда, полученная Иовом за его верность Богу (Иов. XLII, 12, 17). И вот христианство одухотворяет воздаяние. Евангелие не обещает награды на земле, где все преходяще и несовершенно и посему праведник нередко преследуется, а злодей как будто благополучен. Оно говорит «велика ваша награда на небесах» (Матф. V, 12). Это конечно не значит, что оно обещает нечто вроде языческой Валгаллы или Магометова рая. Небесная награда это «жизнь вечная во Христе», тогда как «возмездие за грех смерть» (Рим. VI, 23). Адские же муки Исаак Сирин прекрасно определил как «позднее раскаяние». И Иоанн Златоуст предлагал: «будем доискиваться не о том, где геенна, а как избежать ее». Сообразно с этим получается христианское решение проблемы счастья. Она до того занимала античную этику, что греки выражали понятия «хорошо делать» и «быть счастливым» одним и тем же словом. И Варрон насчитал целых 288 решений этой проблемы. Общим у всех них было благополучие в обстановке земной жизни, между тем нагорная проповедь открывает совсем иную перспективу блаженства. О земле говорится по поводу кротких, что они унаследуют ее. Плачущим обещается утешение, алчущим и жаждущим правды — насыщение ею, миротворцам — наре-

ние сынами Божиими, милостивым — что они только помилованы будут. Величайшая награда обещается нищим духом и изгнанным за правду, «ибо их есть царство небесное»; чистым сердцем, «ибо они Бога узрят» (Матф. V, 3-10). И всем, кто подвергается поношениям и гонениям за Христа, предлагается радоваться и веселиться, ибо велика их награда не в мире, который лежит во зле, а на небесах. (12).

Христианство застало несколько ответов на вопрос, почему в мире существует зло, вопрос, который у Платона ставится в виде сопоставления благополучного злодея и гонимого, распятого праведника. Псалмопевец недоумевал: «доколь, Господи, нечестивые торжествовать будут?» (Пс. XCIV, 3). Согласно персидскому учению Зороастра, или «маздеизма», существуют два бога: добрый Ормузд и злой Ариман. Они ведут между собою борьбу. И в нее вовлечена вся тварь. У древних греков была склонность приписывать все беды зависти богов (как, например, в рассказе о Крезе) и вообще их неуместному вмешательству в человеческие дела. Так, например, у Гомера Приам утешает Елену: «ты предо мною невинна, единые боги виновны». Эпикур, напротив, снимал с богов всякую ответственность. В мире, учил он, нет логики, нет целесообразности. В нем не видно плана. Сколько ненужных пустынь, гор, болот. Сколько болезней и всяческих бедствий. Но все это произошло случайно, благодаря механическому сцеплению атомов, из которых состоит весь мир. Боги здесь решительно не при чем. Они ведь совершенны. Значит они счастливы. Значит, они ни о чем не беспокоятся. Они ведут беззаботное существование в «метакосмиях», т.е. междумировых пространствах, нисколько не интересуясь тем, что делается на земле. Христианское решение проблемы зла состоит в том, что оно происходит от злоупотребления свободою, тою, как выразился Августин, меньшею свободою (libertas minor), которая состоит в возможности грешить (posse peccare), в отличие от большой свободы (libertas maior), свободы праведника, который уже не может грешить (non posse peccare). И не Богу следует приписывать происхождение зла в мире, «потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью» (Иак. I, 13, 14). Посему ап. Павел предостерегает: «берегитесь, чтобы сия свобода ваша не послужила соблазном» (I Кор. VIII, 9). Не злой Бог, а злые люди являются источником зла на земле. «Радикальное зло» Кант находил в самой природе человека.

Маловерные или неверные люди вместо того, чтобы оправдаться перед Богом и молить Его, чтобы Он научил их оправданиям Своим, совсем напротив требуют от Него, чтобы Он оправдался перед ними. Особенно сильно это выразил персидский поэт и философ Омар

Хайям: «Ты наше сердце в грязный ком вложил. Ты в рай змею коварную впустил. И человеку — Ты же обвинитель? Скорей прости, чтоб он Тебя простил». «Скажи», вопрошает Леонид Андреев, обращаясь к небесам. Почему мир устроен не так, как хотелось бы разным людям? В частности как совместить Божию благость со злом в мире: si Deus bonus, unde malum? Этот вопрос стал очень актуален в XVII столетии, когда процветал деизм и философия религии сосредоточилась на Боге-Творце. Ответ Декарта состоял в том, что Бог знал, что делал, когда творил мир и не нуждался ни в чьих советах; на это указывал уже пророк Исаия: «кто уразумел дух Господа и был советником у Него и учил Его?» (Исаия, XL, 13). Ответ Спинозы состоял в том, что никакого зла в мире нет, ибо, учил он, «под реальностью и совершенством я понимаю то же самое», различие добра и зла это предрассудок, а объяснение чего бы то ни было волею Божиею это убежище невежества (asylum ignorantiae) и великое препятствие науки. Иной ответ дал Лейбниц в книге, озаглавленной «Опыт теодицеи о благости Бога, свободе человека и происхождении зла». Мир, учил он, не был бы творением Божиим, если бы он не был наилучшим из возможных миров. Если же в нем существует зло, то это не более как недостаток добра. Зло не эффективно, а дефективно. Оно не непреодолимо, ибо мир развивается, эволюционирует и, значит, изменяется, а где изменение, там всегда есть возможность совершенствования. Этою возможностью обладают и «монады», из которых по учению Лейбница состоит весь мир. Посему он назвал их perfectihabiae. Таков и человек, одна из наиболее свободных монад. Он и может и должен участвовать в творческой, совершенствующейся эволюции. Свой оптимизм Лейбниц старался подкрепить характеристикою Бога как доброго и даже любезного существа, которое он нашел возможным уподобить царствовавшим в его время женщинам. Как этот тон, так и все вообще изящное построение Лейбница не удовлетворило тех, кого смущает драматизм человеческой жизни и обилие всякого рода бедствий. Вольтер возроптал по поводу Лиссабонского землетрясения и в своем романе «Кандид» высмеял учение о том, что все идет к лучшему в лучшем из миров. У Достоевского Иван Карамазов заявляет: «Бога приемлю, но мира Его не приемлю», и посему «билет Ему почтительнейше возвращаю». Стендаль шел дальше и утверждал: «единственное оправдание Бога это то, что Он не существует». А некоторые протестанские богословы вообще отказываются от разрешения проблемы теодицеи, т.е. буквально, богооправдания. Быть может, затруднение вызывается неправильною постановкою проблемы. Тем не менее у нее есть одно достоинство: благодаря ей не усыпляется совесть и в поисках смысла жизни созна-

ние следует указанию бл. Августина: «ищи выше».

Христианская этика это этика не мысли, а действия. Она проповедует не жалкие слова, которые порождают другие слова, в свою очередь порождающие новые слова, слова и опять слова. Она не довольствуется одною лишь мыслью, порождающею мысли же и никогда не переходящею в действие. Она осуждает книжников и фарисеев, которые «говорят и не делают, возлагают на плечи других людей бремена тяжелые и неудобоносимые», «а сами не хотят и перстом двинуть их» (Матф.XXIII, 3, 4). Ее ценность не во взывании, не в словесном назидании, а в делании и живом примере. «Что вы зовете Меня: Господи! Господи! и не делаете того, что Я говорю?» (Лук. VI, 46). «Как же ты, уча другого, не учишь себя самого?» (Римл. II, 21). «Дети мои станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (I Иоан. III, 18). «Будьте же исполнители слова, а не слушатели только» (Иак. I, 22). И только «употребляющие усилие восхищают царство небесное» (Лук. XVI, 16). Этим христианская этика существенно отличается от того морального интеллектуализма, который парализует волю и, как у Гамлета, вытесняет румянец воли бледностью размышления. Так именно понимал сущность этики Сократ, который ставил познание добра и зла выше соответственного делания, так что выходило, что лучше быть сознательно злым, чем бессознательно добрым. Продолжая эту традицию, Аристотель ставил на первое место «дианоэтические» добродетели рассудка. А Спиноза допускал только умственную любовь к Богу (amor Dei intellectualis). Бодрым призывом к деятельности христианская этика существенно отличается от ведантизма и буддизма с их проповедью пассивной бездеятельности. Такая проповедь оправдывается полным равнодушием к миру и ко всему, что в нем творится. Христианство же не довольствуется таким нейтралитетом и не удовлетворяется квиетизмом. Оно удостоверяет, что мир лежит во зле. Но на этом оно не успокаивается. Оно стремится обличить и преодолеть это зло. Сам Христос дал этому живой пример, осудив книжников и фарисеев за измену духу и изгнав торжников, вздумавших превратить храм Божий в «торговый дом» (Иоан. II, 16) и «вертеп разбойников» (Матф. XXI, 13). Чего христианство не одобряет, так это воздаяние за зло злом же (Римл. XII, 17; Сол. V, 15). Вместо того, чтобы ожесточать злых, оно советует обезоруживать их всюду, где можно, «мудрою кротостью» (Иак. III, 13). Ап. Павел предлагал «с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины» (I Тимоф. II, 25) и «если возможно быть в мире со всеми людьми» (Римл. XII, 18). В этом именно смысле Христос предлагал отдать сутяге даже больше, чем он требует, а именно, кроме рубашки, еще и

верхнюю одежду (Матф. V, 40). Он призывал любить даже и врагов. Но врагов Он все-таки называл врагами, т.е., противниками добра. И Он совсем не советовал проявлять эту любовь в виде потакания и угождения злым людям или одобрения их злодеяний. Только в тех случаях, когда они не поддаются никаким вразумлениям и, не ведая, что творят, а то и ведая, решают доконать свою жертву, ей ничего не остается как принять полностью мучение и даже чем скорее, тем лучше: «что делаешь, делай скорей» (Иоан. XIII, 27), сказал Христос предателю. Архиепископ Александрийский св. Петр, сам принявший мученический венец во время Диоклетиана, обратил внимание, что Христос «не сам себя предал, но ожидал, доколе не пришли на Него с оружием и дрекольми». И посему он не одобрял тех экзальтированных исповедников, которые добровольно спешили отдать себя мучителям и этим как бы приглашали их сотворить зло: «да не соделаемся для них виновниками множайших смертей, аки бы вынуждая их к большему ожесточению». Такую же мысль выразил Алексей Константинович Толстой в шуточном стихотворении, которое очень оценил Владимир Соловьев: «вонзил кинжал убийца нечестивый в грудь Деларю; тот, шляпу сняв, сказал ему учтиво: благодарю» т.д. Призыв Христа «не противься злому» (Матф. V, 39) нередко толковался совсем превратно. Одни, как Ницше, видели в нем подтверждение своего понимания христианства как рабской религии, одобряющей унижение человеческого достоинства. Другие, как Лев Толстой, не видят никакой разницы между праведною силою и злодейским насилием. И он проповедовал пассивное непротивление всякому злу, даже тому, которое причиняется ни в чем неповинным людям. Но настоящий христианин не может равнодушно смотреть на их страдания и идти по удобной линии наименьшего сопротивления, фарисейски утешаясь тем, что сам то он лично не причастен к злу, и, как Пилат, умывая себе руки. Когда человек по своей слабости не в силах если не положить душу свою за униженных и оскорбленных, то хоть заступиться за них, то это не оправдывает его ни перед Богом ни перед собственною совестью.

У всякой этики есть одна основная добродетель, кругом которой располагаются все ее требования. В Платоновой, а отчасти и вообще во всей античной морали такова справедливость, как синтетическая добродетель, охватывающая остальные, а именно мудрость, мужество и умеренность. В Новом Завете это любовь. «Теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (I Кор. XIII, 13). «Более же всего имейте усердную любовь» (I Петра, IV, 8). «Любовь есть совокупность совершенства» (Кол. III, 14). Христианская этика это этика любви. Христианская любовь это любовь духов-

ная. Этим она отличается от любви телесной, т.е. плотского влечения, и от любви душевной, т.е. сочувствия, симпатии, вообще эмоционального расположения, которое проявлял иногда и сам Христос (Марк. X, 21, Иоан. XI, 5, XIII, 23, XIX, 26, XXI, 20), особенно по отношению к семье Лазаря и к своему ученику Иоанну. У духовной любви, как и у всего религиозного, двойное направление — метафизическое и социальное. Метафизическое это любовь к Богу — совсем новый религиозный мотив, возможность которого отрицал Аристотель. Еще необычнее, что христианство учит не только о любви людей к Богу, но и о любви Бога к людям. По языческим понятиям боги или беззаботны и равнодушны к судьбе человеческой, или завидуют людям или запугивают их. Между тем по христианским понятиям «Бог есть любовь» (I Иоан. IV, 8, 16). И «в том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына своего, чтобы мы получили жизнь через Него» (I Иоан. IV, 10). Это обязывает. «Если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга» (I Иоан. IV, 11). Так получается заповедь социальной любви. Можно установить три степени ее проявления. Высшая ее степень это самопожертвование. «Если кто хочет идти за Мною — говорил Христос, — отвергнись себя» (Матф. XVI, 24). Это значит не только «полагать душу свою за други своя» (Иоан. XV, 13) или «за братьев» (I Иоан. III, 16). Это значит и нечто гораздо большее: «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матф. V, 43, 44). Только при такой любви люди могут быть хоть приблизительно так совершенны, как совершен Отец небесный» (48). Однако в отличие от фарисеев, самодовольно убежденных, что они полностью исполняют свои обязанности, ни один настоящий христианин не станет утверждать, что он действительно не погрешает против так понятой заповеди любви. Недаром в писании сказано: «никто не благ, как только один Бог» (Марк. X, 18). Менее всего на это притязают настоящие праведники. Когда преподобного Агафона спросили, кто праведник и кто грешник, он ответил: «грешник это я, а кто праведник — один Бог знает». Вторая степень проявления любви это милосердие к голодным, жаждущим, странникам, нагим (Матф. XXV, 35 и след.), вообще к нуждающимся и обездоленным. Такую любовь проявил не только милосердный самарянин, «оказавший милость» (Лук. X, 37) человеку, который попался разбойникам, но и сам Христос, когда «увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были как овцы, не имеющие пастыря» (Марк. VI, 34), или когда сказал своим ученикам: «жаль мне народа, что уже три дня находятся при мне, и нечего им есть» (Матф. XV, 32, Марк. VIII, 2). Вместо «любить» русский на-

род говорит «жалеть». И Владимир Соловьев назвал «жалостью» этическое отношение человека к человеку. Наконец, третья степень христианской любви это «нелицемерное братолюбие» (I Петра, I, 22). «Все вы братья», говорил Христос (Матф. XXIII, 8). Это не только братство по крови во имя общего родоначальника, ветхого Адама (Деян. XVII, 26). Это братство во Христе, во имя общего Отца небесного, «ибо один у вас Отец, который на небесах» (Матф. XXIII, 9). В таком «братолюбии любовь» (II Петра, I, 7). Понимали ли свою непоследовательность идеологи французской революции 1789 года, когда, присоединив к свободе и равенству братство, они одновременно провозгласили «дехристианизацию»? Не может быть настоящего братства без христианства. И этим объясняется неудача всяких попыток создать на ахристианской или даже антихристианской основе такие суррогаты братства, как «солидарность», «взаимность» или «социальная междузависимость». Сначала всеми мерами, выражаясь сербским глаголом, «разбратили» людей, а потом стали тщетно искать замену братства.

Задача всякой этики дать человеческой жизни смысл и направление. Для обозначения этического смысла жизни древние греки употребляли слово «биос» в отличие от растительной и животной жизни, которую они называли «зоон». В начале XIX века позабыли это различие. Слово «биос» было усвоено и присвоено натуралистами. То, что прежде называлось зоологией в широком смысле слова, стали именовать биологией. Сообразно с этим у жизни отняли ее моральный смысл. Ее стали понимать только как физиологический процесс на физико-химической основе. Согласно формуле Биша (Bichat) жизнь это «сумма функций, сопротивляющихся смерти». По формуле Клода Бернара жизнь это просто смерть, точнее, медленное умирание. Спенсер объяснял, что жизнь это «приспособление внутренних процессов к внешним». При таком понимании жить это просто прозябать без какого бы то ни было смысла: «proper vitam vivendi perdere causam». Как выразился как-то Пушкин в момент уныния, такая жизнь это «дар напрасный, дар случайный». Воля к такой жизни, которую Анатоль Франс цинично определял как переход «из дыры в яму», не может быть ничем оправдана. Отсюда пессимизм и «нирвана», т.е., как ее обыкновенно понимают, конечный идеал полного небытия. Когда убийце Столыпина Богрову предложили просить о помиловании, чтобы сохранить свою жизнь, он отказался: «что такое жизнь? еще несколько тысяч котлет». Для ускорения конца и для избежания сопряженных с жизнью неприятностей античный философ Гегезий предлагал самоубийство. За ним в новое время последовал Ле Дантек, автор определения человека как механизма, состоящего из меха-

низмов, которые в свою очередь состоят из механизмов. Он проповедовал «эутанасию», буквально благую смерть, т.е. безболезненное самоубийство.

Совсем иначе относится к человеческой жизни христианство. Оно различает в ней два плана — телесный и духовный. Настоящая жизнь — духовная. Телесное же существование это не жизнь. Это даже не сон, как озаглавил одну свою пьесу Кальдерон. Это смерть. В этом смысле «начальник жизни Христос» (Деян. III, 15) заявил, что слушающий Его слово и верующий в Пославшего Его «перешел от смерти в жизнь» (Иоан. V, 24). Ап. Павел отождествлял греховную жизнь со смертью. Закон греха это закон смерти (Римл. VIII, 2). «Грех вошел в мир и грехом смерть» (V, 12). Люди стали «мертвыми по преступлениям» (Ефес. II, 5). О самом себе апостол писал: «грех ожил, а я умер» (Римл. VII, 9, 10); «бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (24). И ап. Иоанн разъяснил: «мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти» (I Иоан. III, 14). Христос же пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Иоан. X, 10). Началом такой, т.е. духовной жизни является рождение свыше: «если кто не родится свыше, не может увидеть царствия Божия» (III, 3). Это рождение «не от крови, не от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога» (I, 13). Дальнейшая эволюция духовной жизни состоит в том, что «мы все преображаемся» (II Кор. III, 18) и как бы воскресаем еще до наступления физической смерти. «Вы воскресли со Христом» (Кол. III, I), «ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его. то должны быть соединены и подобием воскресения» (Рим. VI, 5). А тогда физическая смерть это только «иного жития вечного начало».

В пределах церкви конкретной связью между такой чисто духовной жизнью и телесной являются таинства, которые совершаются с привлечением материальных элементов. Таковы в особенности крещение «от воды и Духа» (Иоан. III, 5) и причащение пресуществляющимся (Матф. XXVI, 26, 28, Марк. XIV, 22, 24, Лук. XXII, 19, 20, I Кор. XI. 24. 25) хлебом и вином.

Каков же смысл жизни человека с христианской точки зрения? Прежде всего жизнь это призвание. Протестантские богословы, особенно кальвинисты уделяют чрезвычайно много внимания догматическому вопросу о призванных и избранных ко спасению. В настоящей христианской этике вопрос ставится гораздо проще. Созданный по образу и подобию Божию всякий человек призывается не искажать этого образа и всемерно стремиться возможно более уподобиться своему совершенному первообразу. Таково общее призвание

всех людей. Оно облагораживает их и возвышает над всей прочей тварью. Оно требует уважения к личности каждого человека, даже падшего и погрязшего в пороках, ибо в нем все еще заложены возможности, связанные с образом и подобием Божиим. Кроме такого общечеловеческого призвания, у каждого человека есть еще особое призвание в зависимости от полученных им даров и талантов. Так как люди — не индивиды, т.е. буквально «неделимые», а индивидуальности, не особи, а особы, не экземпляры рода человеческого, а личности, никогда не повторяющиеся, то и их дары не одинаковы. Сообразно с этим и «служения различны, а Господь один и тот же» (I Кор. XII, 5) и «каждому дается проявление Духа на пользу» (7). Это духовное призвание относится не только к духовенству, но также и к мирянам. При правильном употреблении их многообразные духовные дары обращаются во славу Божию. И все они тогда являются служителями духа, «поставленными на дело служения» (Ефес. IV, 12). Наконец, когда человек добросовестно и серьезно относится к тому житейскому делу, которым он занимается и которое дает ему почитание и общественное положение, то это дело освящается как «профессия», буквально, исповедание (по-немецки Beruf, т.е. призвание). Тогда все, конечно не предосудительные, занятия приобретают моральную ценность «функции», т.е. в первоначальном смысле этого слова службы, и притом двойной — Богу и обществу. В этом смысле св. Екатерина Сиенская говорила, что Христос ходит и среди кухонных горшков. Если бы каждый человек имел охоту и возможность добросовестно заниматься именно тем делом, которое соответствует его способностям, то, как утверждал Платон, были бы устранены очень многие социальные затруднения. И труд из проклятия превратился бы в благословение. Еще больше содействовало бы облегчению жизни сознание, что каждый по своему, но все сообща стараются быть соработниками Отцу, который «делает еще и доныне» (Иоан. V, 17). Если бы все люди были не принципиально только, а фактически совершенно равны, т.е. если бы совсем не было не только искусственного общественного неравенства, но и естественного, неравенства пола, возраста, способностей, здоровья и т.п., то не было бы никаких оснований для какой бы то ни было социальной этики. Но так как этого нет и так как установленное в цивилизованных странах формальное юридическое и политическое равенство представляет, как заметила г-жа Сталь, не более как восстановление естественного неравенства, то всегда будет существовать проблема, как должны относиться друг к другу неравные люди и как применить к ним ту справедливость, которую римляне называли aequitas. Без христианства эта проблема не может быть не только решена, но даже маломальски правильно поставлена.

Жизнь человека это не только призвание. Это еще испытание. Объективно оно состоит в том, что с момента своего появления на свет человек и в личной и в общественной жизни наталкивается на всевозможные телесные, душевные и духовные затруднения. Они иногда до того тяжелы, что испытание становится крестом. И тогда жизнь превращается в несение креста. Боссюэ уверял, что «наиболее свойственный Евангелию закон — это нести свой крест». Какое величие, какая сила духа, какая вера требуется для того, чтобы не пасть под тяжестью креста, не возроптать, не усомниться в Боге, не отречься от Него. И как огромна ответственность тех, на которых возложено более легкое бремя! Могут ли они спокойно наслаждаться телесным здоровьем, душевным покоем и общественным благополучием, видя, сколько горя, сколько страданий переносят их ближние далеко не всегда по собственной вине? Действительно ли они сами вполне безупречно выполняют свое призвание? Этот вопрос не может не возникнуть у всякого человека с нормальным нравственным сознанием. И это дает основание субъективному испытанию жизни человеческой: «Кто из вас без греха?» (Иоан. VIII, 7). Действительно ли данный человек выполняет свое назначение? Имеет ли он право быть довольным самим собой и ставить себя в пример другим? Не должен ли он, «сурово совесть допросив», помнить, что он должен поспешать на Божеский призыв? Не является ли он должником перед Богом и людьми? Не должен ли он словами мудрой молитвы «даруй ми зрети моя прегрешения» просить Бога как о милости, как о даре, чтобы Он помог ему познать самого себя, не обольщаться, открыть в себе несовершенство и греховность и покаяться. Недаром и Иоанн Креститель (Матф. III, 2, Марк. I, 4, Лук. III, 3, Деян. XIII, 24) и Христос (Матф. IV, 17, Марк. I, 15) начали свое благовествование с призывом к покаянию. У Шекспира Гамлет говорит о себе, что хотя он производит впечатление порядочного человека, однако он мог бы рассказать о себе такие вещи, что лучше было бы ему не родиться. Карлейль назвал главным смертным грехом горделивое убеждение в собственной безгрешности.

Призвание, испытание, а подчас и крест — таков христианский смысл личной жизни. Смысл общественной жизни людей содержится в формуле: «слава в вышних Богу, на земле мир, в человецех благоволение» (Лук. II, 14). Эта формула столь значительна, что ее можно признать средоточием, концентрацией всего христианского мировоззрения. Она настолько универсальна, что ее могут принять и не христиане, поскольку и они задумываются над смыслом жизни. Здесь привлечены все три, так сказать, измерения всякой религии — ввысь, вширь и вглубь. И здесь указывается задача совместной

жизни людей на земле. Это не утопия земного рая, невозможного, пока мир лежит во зле и еще не наступила полнота времен. Это не тот вечный мир покойников, о котором Лейбниц прочел надпись над входом в одно кладбище. Это не тот мир оцепеневшей пустыни, который насаждают всяческие насильники, по поводу чего Тацит заметил: ubi solitudinem faciunt pacem appellant. Это также не тот фальшивый мир, точнее, перемирие, передышка, мир, для достижения которого надо готовиться к войне: sivis pacem, para bellum. Настоящий мир, как и царство Божие, не от мира сего. Это Божий мир (Римл.XV, 20, 33, I Кор. XIV, 33, I Сол. V, 23, Кол. III, 15, Филип. IV, 7). Это мир, завещенный Христом: «мир оставляю вам, мир мой даю вам; не так как мир дает, Я даю вам» (Иоан. XIV, 27). Как ап. Иоанн заявил, что «Бог есть любовь» (I Иоанн IV, 8, 16), так ап. Павел провозгласил о Христе: «Он есть мир наш» (Ефес. II, 14). первое необходимое условие настоящего мира — это слава в вышних Богу, т.е. миролюбие во имя Божие, а не по корыстным, личным или политическим расчетам и не для земной славы: «не нам, Господи, не нам, а имени Твоему дай славу» (Псал. CXV, 1). Ганди приписывал неудачи Лиги Наций тому, что учредившие ее политики не очистили своего сознания и своей воли молитвой и покаянием. Второе условие мира это в человецех благоволение, т.е. желание добра другим людям или по крайней мере нежелание им зла. Мир Божий должен владычествовать в сердцах человеческих (Кол. III, 15). Но это не значит, что для мира достаточно успокоение только отдельных личностей. Мир социален. И посему это не тот личный покой к которому стремились восточные «исихасты», уходившие от мира в аскетическое сосредоточение на «умной молитве» в надежде на озарение «Фаворским светом». Как «царствие небесное силой берется и употребляющие усилие восхищают его» (Матф. XI, 12), так и тот земной «мир дальнему и ближнему», о котором писал уже пророк Исаия (Исаия LVII, 19) немыслим без усилий со стороны миротворцев. Только они могут быть уверены, что сынами Божьими нарекутся (Матф. V, 9). И чистые сердцем, между прочим, Бога узрят потому, что стараются иметь мир со всеми (Евр. XII, 14).

Христианское понимание мира существенно отличается от натуралистической теории Конта и Спенсера. Согласно этой теории, с естественной необходимостью, по закону природы, совершенно независимо от того, желают ли этого люди или нет, грубый, варварский военный тип общества уходит в безвозвратное прошлое. И на смену ему выступает промышленный тип, при котором уже нет больше войн, так что сама собой осуществится мечта пророка Исайи о серпах и оралах вместо мечей (Исайя, II, 4). Поверив этому предсказа-

нию ученных, поэт Виктор Гюго воодушевился и в «Легенде веков» изобразил наш двадцатый век как счастливую эпоху, когда над городами станут носиться воздушные корабли, из которых будут раздаваться гимны во славу мира и сыпаться цветы на ликующие народы. Но двадцатый век наступил. И что же оказалось? Промышленность не только не упразднила войны, но напротив, начала служить ей. И появилась военная промышленность. Воздушные же корабли действительно летают над землей. Но на людей они сбрасывают совсем не цветы. Невольно вспоминаются слова пророка Иеремии: «ждем мира, а ничего доброго нет, — времени исцеления, и вот ужасы» (Иер. VIII, 15, XIV, 19). И «великое запустение будет на этой земле» (Исаия, VI, 12). Почему? Потому что «нет мира нечестивым» (Исаия XLVIII, 22; LVII, 21), и потому, что ахристианские и антихристианские пацифисты пренебрегают предостережением Христа: «без Меня не можете сделать ничего» (Иоан. XV, 5).

Где жизнь, там и смерть. «Биологически», в современном смысле этого слова, она является естественной необходимостью. Все, что рождается, обречено на смерть. Проф. Сикорский назвал ее последним долгом человека на земле. Она наступает то насильственно (в случае убийства или какой-нибудь катастрофы), то благодаря проникновению в организм смертоносных микробов, то вследствие одряхления организма. От образа жизни человека зависит ее замедление или ускорение. И в этом смысле до известной степени правильно замечание, что люди не умирают, а сами себя убивают, особенно если они «прожигают жизнь» и вообще ведут себя недостойно. «Нечестивые привлекли смерть и заключили союз с ней» (Прем. Солом. I, 16). «Оттого многие из вас немощны и больны, и не мало умирает» (I Кор. XI, 30), «ибо возмездие за грех смерть» (Римл. VI, 23). Но все-таки все люди смертны. У Толстого Иван Ильич принимал силлогизм: «все люди смертны; Кай — человек; значит, он смертен». Но он не только не хотел, а как-то даже не мог применить этот силлогизм к себе: то Кай, а я то совсем не Кай. Тем не менее и его настигла смерть и притом очень мучительная («Смерть Ивана Ильича»). Одним из любимых сюжетов средневековых и позднейших художников, например Гольбейна, была «пляска смерти»: она изображалась в виде скелета с косой, настигающей людей всех званий и состояний в разгаре их жизни. Биологи утверждают, что умирание начинается уже с момента рождения. Все усилия омолаживания стариков путем прививки им разных желез и других приемов, вообще т.н. макробиотики, т.е. учения об удлинении жизни, в лучшем случае только откладывают на некоторое время неизбежную смерть. Дальше этого не шел, например, Мечников, мечтавший только о том, чтобы люди умирали, вполне насытив-

шись жизнью, подобно Аврааму (Быт. XXV, 8) и Исааку (XXXV, 29). Уже пророк Исаия мечтал о том, что «не будет более малолетнего и старца, который не достигал бы полноты дней своих, ибо столетний будет умирать юношею» (Исаия, LXV, 20). Однако во всех этих случаях смерть не устраняется. Она только откладывается. «И не будет того во век, чтобы остался кто жить навсегда и не увидел могилы» (Псал. XLVIII, 9, 10). О Мафусаиле сказано: «и он умер» (Быт. V, 27). И прав был Лермонтов, уверявший: «смешно бессмертие на земли». В легенде об Агасфере оно не смешно, а трагично. У словенцев есть пословица: «сегодня весел, завтра пепел».

С телесной смертью человека прерывается и его душевная жизнь. И вполне естественно возникает вопрос: что же такое смерть? Есть ли у нее какой-нибудь смысл? Или же прав Маутнер, назвавший смерть «непонятным отрицанием непонятной жизни». Если наша земная жизнь это только «прохождение тени» (Прем. Сол. II, 5; Парал. XXIX, 15), или, как уверял даже ап. Иаков, «пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий» (Иак. IV, 14), то стоит ли жить? К чему тогда думать и заботиться о вечном, бесконечном, даже просто о будущем? Не лучше ли оглушать себя, не думая о завтрашнем дне? «Покойся, ешь, пей, веселись» (Лук.XII, 19). Рви день, carpe diem. Станем есть и пить, ибо завтра умрем» (I Кор. XV, 32, Исаия XXII, 13) и скажем вместе с Рабле: «опустите занавес, фарс разыгран». Станем отмахиваться от мысли о смерти, подобно Вольтеру, шутившему, что он одной ногой стоит в гробу, а другой дрыгает. Но если отнестись серьезно к такому пониманию смерти, то нельзя не «возненавидеть жизнь» (Екклез. II, 17), ибо при таком образе мысли и жизни «сыны человеческие скоты сами по себе» (III, 18) и «преимущества у человека перед скотом нет» (19).

Для того чтобы осмыслить смерть, необходима сверхбиологическая точка зрения. И тогда как жизнь человека, так и его смерть не исчерпываются возникновением и прекращением телесных процессов, пространственных и временных, и душевных, только временных. Остается внепространственная и вневременная личность с ее духовной жизнью. Что ее ждет после смерти? На этот вопрос можно дать три ответа: или уничтожение, или бессмертие или воскресение.

Формула уничтожения приходится по душе материалистам. При этом они ссылаются на естествознание. Но как раз оно учит, что в природе ничто не уничтожается. Уничтожение, т. е., полное исчезновение, превращение в ничто чего бы то ни было в мире было бы не меньшим чудом, чем отвергаемое материалистами творение из ничего. Одним из основных начал естествознания является закон не уничтожения, а сохранения материи, энергии или иного субстрата

чувственного мира. Почему духовная энергия должна исчезнуть бесследно, если физическая не уничтожается? Поскольку бессмертие понимается как сохранение, постольку оно должно было бы быть более приемлемо для материалистов, чем уничтожение. Однако естествознание признает действительно бессмертными только низшие, одноклеточные организмы: они делятся, размножаются, но не умирают, по крайней мере естественной смертью.

Но и независимо от естествознания вера в бессмертие такого высшего организма как человек существует с давних времен. На первобытных ступенях культуры верили, что люди и после смерти продолжают существовать и притом именно в таком виде, в каком остановилась их земная жизнь. Сообразно с этим в могилы клали все необходимые для продолжения земной жизни до жен покойников включительно. Верили, что они могут даже выходить из могил и возвращаться в среду живых людей (французское les revenants, возвращенцы). Но так как покойник это все-таки труп, т.е., человек без чего-то очень существенного, то его появление вызывает страх. И средством против «вампиров» у некоторых народов доныне считается вбивание кола в могилу. Вера в бессмертие была облагорожена античными философами. Они считали, что человек состоит из души и тела. Платон учил, что тело это тюрьма, в которую заключена душа. Смерть это выход души из тюрьмы и начало ее самостоятельного существования, не имеющего конца. Платон допускал, что душа после смерти опять возвращается в земную жизнь. И его удивляло, что при этом она сама выбирает себе свое прежнее состояние. По учению Аристотеля, усвоенному схоластиками, все предметы, в том числе и человек, состоят из формы и материи. Материальную основу человека составляют четыре элемента: земля, вода, огонь и воздух. А форма, образующая из них личность, это душа. Материя портится и уничтожается. Формы же остаются навсегда. Благоприятным обстоятельством для такой веры было статическое мировоззрение, согласно которому мир это замкнутое пространство, наполненное предметами, которые подчинены логическому и онтологическому закону тожества: А всегда есть А и никогда не может перестать быть А. Один из последних могикан этого мировоззрения Кант определил бессмертие как «бесконечное продолжение существования личности того же самого разумного существа».

Под влиянием античной традиции, а также вследствие смешения души и духа многие христианские мыслители усвоили идею бессмертия. Но при этом они уже влагают в это слово иное содержание, более соответствующее христианскому мировоззрению, а именно воскресение. Окоченевшее, как холодный труп, но, в отличие от него, не

разлагающееся бессмертие не соответствует динамическому, эволюционному христианскому пониманию жизни. Настоящие христиане это люди обновления (I Петра II, 9), поспешающие к совершенству (Евр. VI, I). Если бы им удавалось уже во время земной жизни становиться так же совершенными, «как совершен Отец небесный» (Матф. V, 48), то они были бы готовы для бессмертия, ибо окончательное духовное совершенство исключает эволюцию, изменение: «когда настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» (I Кор. XIII, 10). Но этого нет. Посему ап. Павел писал о Боге: «единый, имеющий бессмертие» (I Тим. VI, 16), «царь веков нетленный» (I Тим. I, 17). Об этом напоминает и погребальная песня: «святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный, помилуй нас». Теория бессмертия еще и потому неприемлема для христианства, что его относят только к душе, предоставляя тело весьма плачевной участи. Между тем для христианского воззрения тело это не только немощная плоть и носитель преходящих душевных процессов. Это еще «член Христов» (I Кор. VI, 15), «храм Святого Духа» (19). И воскресает весь человек, не исключая и тела, которое при этом преобразуется, ибо «сеется в тлении, восстает в нетлении, сеется тело душевное, восстает тело духовное» (I Кор. XV, 42, 44). В «нашем жительстве на небесах Господь наш Иисус Христос преобразит уничиженное тело наше» (Филип. III, 20, 21). Совершенно неприемлема для христианства вера, что загробное существование это аристократический удел только избранных лиц. Так рассуждал язычник Тацит при погребении Агриколы: non cum corpore exstinguntur magnae animae. Так рассуждал и придворный проповедник Людовика XIV Боссюэ, начавший было одну свою проповедь в присутствии короля словами «все мы умрем» и поправившийся: «почти все». Так рассуждал протестантский богослов Сабатье и до известной степени С. Н. Булгаков. Еще менее приемлемо учение Н. Ф. Федорова о нашем долге не плодить новых людей, а каким-то непонятным образом воскрешать всех умерших.

Для христианского мировоззрения, также как и для Клода Бернара, жизнь, взятая в земном плане, это непрерывное умирание. Ламартин назвал жизнь прелюдией к песне, первую ноту которой поет смерть. «Я каждый день умираю», писал ап. Павел (I Кор. XV, 31). Разница только в том, что умирание понимается не в телесном смысле, а в духовном. Духовно человек умирает всякий раз, когда отходит от своего настоящего призвания. А вообще не одухотворенная жизнь это уже смерть. Но от такой смерти человек воскресает уже во время своего земного существования, поскольку он приобщается Христовым «глаголам вечной жизни» (Иоан. VI, 68). «Слушающие слово Христово имеют жизнь вечную и переходят от смерти в

жизнь» (V, 24). Первоисточник такой жизни — не протоплазма, а Христос, который есть «путь и истина и жизнь» (XIV, 6). Это жизнь во Христе, ибо «мы Им живем и движемся и существуем» (Деян. XVII, 28). Биография этой жизни начинается рождением свыше (Иоан. I, 13), «от Духа» (III, 6). Затем следует непрерывное преображение (II Кор. III, 18). И одним из моментов этой эволюции, столь же радикальным, как в эволюции тела выход из утробы матери, является то, в чем биологи видят прекращение жизни, именуемое смертью, а христиане — преставление и «иного жития вечного начало». Как зерно, погребенное в землю, не оживает, если не умирает (Иоан. XII, 24, I Кор. XV, 36), так и человек вступает в настоящую жизнь только после прекращения его земного существования. Умирая, он «отходит». «Верные до смерти получают «венец жизни» (Откр. II, 10). Когда же наступит полнота времен, тогда «последний враг истребится — смерть» (I Кор. XV, 26).

В «Анне Карениной» Толстого говорится, что по поводу смерти брата Левина открылись «в этой обычной жизни как будто отверстия, сквозь которые показывалось что-то высшее». Но тайна этого высшего нам недоступна: «еще не открылось, что будем» (I Иоан. III, 2). Нам дано только предупреждение не воображать, что жизнь вечная это только повторение земной жизни: «в воскресении не женятся ни выходят замуж» (Матф. XXII, 30). Тем, которые упорно хотят приоткрыть эту тайну, не мешает иметь в виду совет Иоанна Златоуста: «будем доискиваться не о том, где геенна, а как избежать ее», а также слова Тертуллиана: «ты хочешь знать, как ты оживешь; узнай сначала, если можешь, как ты вошел в жизнь». Те же «вопрошающие мертвых» (Втор. XVIII, II), которые пытаются удовлетворить свое любопытство с помощью спиритизма или обращаются ко всякого рода гадателям и прорицателям, нередко становятся жертвами обмана и вместо мистики получают мистификацию; во всяком случае они уклоняются от христианского пути. Относительно загробных мытарств и вообще сверхъестественного мира не следует искать знамений, которые, все равно, не дадутся (Матф. XVI, 4). Гораздо достойнее исправно выполнять свое земное призвание, моля Бога о даровании возможности «прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати» и о «христианской кончине живота нашего, безболезненной, непостыдной и мирной» «Честна пред Господом смерть преподобных Его» (Псал. CXVI, 15). «Блаженны мертвые, умирающие о Господе» (Откр. XIV, 13). И «умерших в Иисусе Бог приведет с Ним» (I Сол. IV, 14). Страшна не физическая смерть а та «вторая» духовная, которой угрожает Апокалипсис (Откр. II, II, XX, 6, 14, XXI, 8). Страшны те адские муки, которые гораздо глубже, чем думал не-

когда старец Зосима («страдание о том, что нельзя уже более любить»), Исаак Сирин определил как позднее раскаяние и которые человек может испытывать еще и до смерти. Страшно такое состояние, когда доведенные до отчаяния «люди будут искать смерти, но не найдут ее, пожелают умереть, но смерть убежит от них» (Откр. IX, 6).

Склонный к «юридизму» католический Запад подчеркивает значение посмертного дня гнева (dies irae) с осуждением грешников на вечные муки. «Ангельский доктор» Фома Аквинский уверял, что блаженство райских небожителей увеличивается от сознания мук осужденных. Над входом в ад, как его изобразил Данте, красуется зловещая надпись: «оставьте всякую надежду, вы, которые входите». И попав в качестве туриста в ад, Данте с отвращением отпихивает грешников, хватающихся за его ноги. Православному сознанию более близок долготерпеливый и милостивый (Псал. CII, 8, Иис. Сирах. XVIII, 9) Бог, не желающий, чтобы кто погиб (II Петра III, 9), а напротив, желающий, чтобы все люди спаслись (I Тим. II, 4). Ориген и Григорий Нисский в понимании Божьего всепрощения доходили до веры, что даже и дьявол после покаяния спасется. Русскую аналогию «Божественной комедии» Данте представляет появившееся в XII веке и переложенное Кузьминым на язык современной поэзии «Хождение Богородицы по мукам». Увидя адские муки грешников, Она «восплакася вельми и прослезися» и обратилась к Богу с мольбой: «помилуй, Владыко, грешная, яко видех я, и не могу терпети, да се мучю и аз со крестьяны». Бог внял Ее мольбе и дал грешникам покой от великого четверга до пятидесятницы. И все возгласили: «Слава милосердию Твоему». У Достоевского Мармеладов выражает уверенность, что Богом будут приняты «пьяненькие, слабенькие, соромники, потому что ни единый из них никогда не считал себя достойным сего».

Светлая христианская этика не только примиряет сознательных людей с неизбежностью физической смерти. Она дает покой (Матф. XI, 29) их «отмаявшимся» душам и «изгоняет страх» (I Иоан. IV, 18) перед «царем ужасов» (Иова XVIII, 14). Горе превозглашается только тем, кто нарушает Божьи заповеди. Настоящие христиане никогда не падают духом, ибо они духа не угашают: «мы всегда благодушествуем» (II Кор. V, 6); «нас огорчают, а мы всегда радуемся (VI, 10), писал ап. Павел, взывавший: «всегда радуйтесь» (I Сол. V, 16). Евангелие предлагает «радоваться и веселиться» (Матф. V, 12) даже гонимым за Христа. Физические страдания, принимаемые за веру, не могут заглушить сознание Христовой близости. И тогда жизнь становится житием. Даже мученики принимали пытки и казнь с радостью, ибо они получали повод свидетельствовать о правде Божьей (греческое слово «мартирос» означает «свидетеля»). А кроме того,

кровь мучеников считалась семенем христиан. Св. Серафим Саровский приветствовал всех, приходивших к нему: «радость моя». И у Достоевского Макар Иванович говорит подростку: «нет, ты не атеист, ты человек веселый».

XV. Эволюция европейской этики.

Таковы принципы христианской этики. Фактическая мораль христианских народов пошла своим путем. И она уже прошла три стадии: этику святости, этику чести и этику честности. После этого она заблудилась и до сих пор еще не нашла выхода.

Этика святости это моральный максимализм, признание настоящей нравственностью только величайшего совершенства и притом понятого как страдание. Это этика аскетизма, подвига, мученичества. Она очень высока. Но именно вследствии этого она более или менее осуществлялась только исключительными людьми, которые уходили от повседневной жизни или в монастырь и пустыню или в руки истязателей. А заурядные люди преклонялись перед святостью, но не ставили своею жизненною задачей непременно быть на ее высоте. Тем более они превозносили тех, кто этого достигал. Их окружали ореолом. И они стали предметом почитания, особенно если принимали мученический венец.

Понимаемая в смысле самоотверженного личного подвига этика святости пережила первые века христианства и сохранилась отчасти до наших дней. Крестившись, князь Владимир стал «бояться греха». И творимой России была поставлена задача стать «святой Русью». Идеал святости вдохновлял Достоевского, Толстого и вообще наложил свой отпечаток на всю русскую великую литературу. Недаром Вогюе признал ее первоисточником Остромирово евангелие.

Высшей моралью средневековья вне стен монастырей была этика чести. Генетически она отчасти связана с этикой святости, ибо среди святых почитаются и Георгий Победоносец и другие воины, а в сонме чинов ангельских имеется и архистратиг Михаил. Социально она шире этики святости. Но она все же аристократична. Это этика всего лишь одного сословия — «благородного» дворянства, несущего «точку чести» (point d'honneur) на острие шпаги. Для горожан, мещан, тем более для «приписанных к глыбе» крепостных крестьян этика чести не применима. Это люди «подлые», гадкие (vilains) прозя-

бающие ниже порога руководящей нравственности. Основная добродетель этики чести — верность. Верность Богу как небесному сюзерену, для которого надо отвоевать от неверных сарацин гроб Господень. Верность королю, которому однако вассал служит не как господину, а как первому между равными. Верность даме, с именем которой на устах паладин совершает чудеса ловкости и храбрости на турнирах и в боях и которой достаточно сказать слово, махнуть рукой или бросить перчатку, чтобы рыцарь, очертя голову, пошел на самое сумасбродное дело. Наконец, верность своему слову, хотя бы данному и врагу. Вообще рыцарь предупредителен ко врагу: aprѐs vous, messieurs les anglais — после вас, господа англичане (мы будем стрелять в вас). Вместо любви ко врагу — вежливость.

Такая этика не сразу исчезла после средних веков. Еще в XVIII веке Монтескье провозгласил именно честь принципом монархии — той сословной, дворянской монархии, о которой говорится в его «Духе законов». Но еще раньше началось ее вырождение. Старое рыцарство было высмеяно как донкихотство. Укрепленный замок был вытеснен городским отелем. А его средоточием стал салон, где и стали подвизаться эпигоны рыцарства. Потомки львиных сердец стали салонными львами, победителями дамских сердец. Вместо святых великомучеников и закованных в латы крестоносцев людьми «качества» стали великосветские кавалеры в разноцветных камзолах и в жабо. И они убивали не врагов, а время, утопая в развлечениях и соглашаясь, чтобы после них наступил хоть бы потоп. Он и наступил в 1789 году. Он смыл людей «качества» и их выродившуюся этику чести. Выплыли люди количества, предвкушавшие: после потопа мы. Они принесли новую мораль, подготовленную еще до революции, мораль честности.

Однако этика чести далеко не исчезла. Не исчезли и вызываемые ее поединки. Два великих поэта, Пушкин и Лермонтов, погибли на дуэли невольниками чести. Появилась и сельская честь, cavalleria rusticana. Дольше всего держалась эта этика в войсках. Во время первой мировой войны один английский летчик, заметив во время воздушного столкновения с немецким авиатором Рихтгофеном, что у того испортился летательный прибор, не захотел уничтожить безоружного противника в неравном бою и, послав ему рукой дружеское приветствие, исчез, утопая в сиянии голубого дня. Русский генерал Скалон предпочел добровольную смерть соучастию в «похабном» Брестском мирном договоре большевиков и немцев. Однако в новейших армиях этика чести вытесняется или партийностью или разнузданностью кондотьеров.

Мораль честности зародилась еще в конце средневековья среди

горожан, выделивших своеобразную купеческую аристократию с «фирмами» не менее древними и солидными, чем рыцарские геральдические щиты, и с торговыми домами, дорожившими своей репутацией не меньше, чем дворянские роды. Эти «подлые» с точки зрения рыцарской чести люди, возвышаясь, иногда стремились всеми правдами и неправдами «облагородиться» и пробраться в дворяне. Так получился комический тип мещанина во дворянстве. Его олицетворял не только простоватый Мольеров г. Журден (Le bourgeois gentilhomme) но и насмешливый Вольтер. Он осуществил мечту своей жизни в Фернейском замке, где он разыгрывал большого сеньора, держал салон и даже покровительствовал Богу: Deo erexit Voltaire, гласит надпись на выстроенной им часовне, причем крупными буквами написано не Божие имя, а Вольтерово. В «Женитьбе» Гоголя разборчивая купеческая дочка непременно хочет выйти замуж за дворянина. Однако были и такие горожане, которые с гордостью носили звание, не хуже дворян защищали его честь (как у Лермонтова «удалой боец, сын купеческий» Калашников) и вместо того, чтобы тянуться во дворянё, вырабатывали свой этос и свою буржуазную мораль. Это и была этика честности.

Ее сущность — профессиональная добросовестность. Честный человек не считает для себя труд унизительным, как люди профессиональной чести. Он сам трудится, правда, не для других, а для самого себя. Но он считает справедливым, чтобы трудились и другие и притом тоже для самих себя. Он не зарится на чужое добро. Но он не желает, чтобы наносили ущерб его добру. Вообще он согласен и желает, чтобы с ним поступали так, как он поступает с другими. Он демократичен. Он требует равной меры для всех. Его мораль притязает на всеобщность и необходимость. В этом смысле он вдохновлял всю философию XVIII века. Кантов категорический императив, всеобщий и необходимый, уравнительный, добросовестный представляет классическую форму морали честности. И по своему был глубоко прав один Дюссельдорфский купец, написавший Канту, что его моральная философия не дала ему ничего нового, но внесла ясность в то, что он и раньше сознавал.

Так, постепенно расширяясь, общественная мораль христианских народов шла от святости единоличных праведников через аристократическую рыцарскую честь к всеобщей буржуазной честности, к тому, что Теодор Рузвельт назвал евангелием честности. Однако, в 19 веке «буржуазная мораль» была высмеяна и отвергнута сначала романтиками, а потом социалистами. И получилась пустота. Вместо того, чтобы заполнить ее новыми регулятивами или вернуться к старым, а еще лучше к вечным этическим принципам, техника стала вы-

теснять этику, теология деонтологию. И нашлись люди, провозгласившие аморализм добродетелью. Большой вопрос — стала ли от этого жизнь людей легче и лучше.

XVI. Христианская деонтология.

Средоточие всякой этики составляет деонтология, или учение об обязанностях. Этические истины — деонтологические. И их нельзя заменять логическими или онтологическими истинами. В первом случае нравственные понятия удаляются от жизни, превращаются в отвлеченные термины и подвергаются более или менее схоластической обработке по правилам формальной логики. Получаются системы, пленяющие сухих педантов искусным сцеплением понятий, но очень далекие от драматизма и трагизма подлинной жизни человеческой. Во втором случае вместо того, чтобы искать как люди должны поступать, рассматривается, и притом без всякой оценки, как люди поступают в действительности и что они думают о своих поступках в разные времена и в разных местах. Так получается обширная литература по психологии и социологии человеческого поведения. При отсутствии руководящих, регулятивных идей такая этология, или наука о нравах, представляет не более как накопление множества отрывочных фактов, нуждающихся в освещении. Когда же сырой материал этих фактов освещается натуралистической доктриной, то дурная метафизика парализует или во всяком случае портит доброе изучение. Всякая деонтология предполагает большую или меньшую независимость от физической, психической и неподходящей метафизической онтологии. Она убеждена, что нормальный человек может не быть рабом телесной стихии и душевных страстей. Кто совершенно не может справиться с ними, тот ненормален и глубоко несчастен. Те же теоретики, которые утверждают, что все люди таковы, и считают вместе с Клачесом, что дух это не более как паразит физиологии, не ведают, что творят. А творят они злое дело, ибо убивают то сознание ответственности, которое нередко имеется даже у закоренелых злодеев. Виктор Гюго возмущался теми, кто уверяет, что добродетель это сахар, порок — соль и все — только химия: «выйти из бессмертия; быть орангутангом; и желать быть скотом, имея выбор быть душой!» Деонтологии враждебна метафизика, внушающая людям, которые прекрасно могли бы владеть собой, что все их поведение «детерминируется», т.е. определяется и даже предопределяется всякого рода независящими от их воли «факторами». В пылу борьбы против пелагианства бл. Августин склонен был припи-

сать Богу такой детерминизм. За ним в этом отношении пошли Лютер, написавший трактат De servo arbitrio, и особенно Кальвин. Получилось как бы возложение на Бога ответственности за всякое человеческое поведение. Поскольку при этом человеку все-таки предоставляется кое-какая свобода, постольку от него требуется, чтобы он оправдывался перед Богом не делами, а только верой. И это несмотря на совершенно определенное предупреждение ап. Иакова: «как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак. I, 26). Когда Достоевский писал, что в сердце человека идет борьба между Богом и дьяволом, он тоже отдал дань этой односторонности. Христианская этика не провозглашает детерминизм. И ее вера в божественное Провидение отнюдь не исключает призыва человека к свободе (Гал. V, 13) и ответственности: «итак, стойте в свободе, которую даровал вам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» Гал. V, 1). Без свободы нет обязанностей. Может быть речь только о связанности человека независимыми от него силами, Святой Нил Синайский считал нормальным, чтобы человек относился к Богу не как запуганный и беспомощный раб и не как своекорыстный наемник, а как сын Отца небесного.

Из трех модальностей, а именно возможности, действительности и необходимости этика отправляется от необходимости, однако не онтологической, а деонтологической. Затем она переходит к возможности осуществления ее требований. «Ты можешь, потому что ты должен», настаивал Кант. И, наконец, исследуется действительность, как результат осуществления, хотя бы частичного, или неосуществления тех возможностей, которые морально необходимы. В этом смысле можно сказать, что биография как всякого человека, так и целых народов, которым «Бог живой попустил ходить своими путями» (Деян. XIV, 15, 16), вообще вся история человечества это непрерывная и глубоко трагическая смена более или менее неосуществленных возможностей, диктовавшихся нравственной необходимостью. В этом же смысле Платон назвал идею добра «величайшим знанием», Кант учил о примате, т.е. первенстве практического разума перед теоретическим, а Генрих Риккерт признал всякое познание этическим.

Нравственная обязанность (officium) существенно отличается от юридического обязательства (obligatio). Обязанность основывается на велении совести и на заповеди Божией. Обязательство же по большей части вытекает или из двухстороннего договора (obligatio ex contractu) или из нанесенного вреда (obligatio ex delicto). Предметом обязательств является выполнение или невыполнение точно определенных действий, относящихся по большей части к материальным благам. Обязательственные отношения регламентируются и контро-

лируются гражданским законодательством. В цивилизованных государствах оно следит за тем, чтобы они не противоречили добрым нравам. И в случае спора истец имеет право требовать, чтобы ответчик добросовестно (bona fide) выполнил взятое им на себя обязательство. Между тем нравственность, особенно христианская, налагает на людей такие обязанности, которые выполняются совершенно добровольно и не могут быть предметом правового притязания. Только у первобытных народов и у язычников отношение между божеством и людьми понимается как договор, по началу do ut des. Так, например, у деловитых римлян жрецы были как бы юрисконсультами и нотариусами в вопросах благочестия, которое Цицерон определил как справедливость по отношению к богам: est enim pietas iustitia adversus deos. Мотив договора имелся также в самом понимании ветхого «завета». В Библии говорится о Божием «завете с Авраамом, Исааком и Иаковым» (Исх. II, 24). Исходящие от Бога законы (Исх. XXI, 1) сопровождаются санкцией за их исполнение (Исх. XXIII, 23, Втор. VII, 2) и неисполнение (Лев. XXVI, 14 и след.). В четвертой книге Царств говорится: «и заключил Иодай завет между Господом и между царем и народом, чтобы он был народом Господним» (XI, 17; II Парал. XXIII, 16). А в книге Неемии упоминается данное Израильским народом «твердое обязательство» с подписью, печатью и клятвой» (X, 1, X, 30). Но Новый Завет это благая весть без какого бы то ни было правового притязания. Молитва об «оставлении нам долгов наших» (Матф. VI, 12) имеет в виду невыполнение обязанностей, а не нарушение обязательств. Когда ап. Павел писал «вы куплены дорогой ценой» (Кор. VI, 20, VII, 23), он не имел в виду, что за это требуется оплата как в юридических актах купли-продажи. И тот юридизм, который протестанты вменяют в недостаток католической церкви, состоит не в том, что между Богом и человеком признается договорное отношение, а в том что Бог любви вытесняется Богом судьей, в день гнева (dies irae) приговаривающим людей к строгому наказанию за неисполнение Его заповедей. Впрочем Сертильянж в своем «Катехизисе неверующих» утверждает, что «само таинство это договор обмена (un contrat d'échange), а не даровое благодеяние».

Нравственные обязанности бывают отрицательные и положительные: «не делай того-то и того-то» и «делай то-то и то-то». Отрицательные обязанности свойственны начинающей этике. И их воспитательное значение огромно. Они предъявляют людям требование пользоваться своей духовной свободой так, чтобы сдерживать и ограничивать страсти и похоти, не давать им воли. Такова личная ценность отрицательных обязанностей. Их социальная ценность состоит в том, что они очень облегчают совместную жизнь людей. Не

только большинство десяти заповедей имеет отрицательный характер, но многие философы склонны сводить всю нравственность к требованию: не делай другим того, чего не хочешь чтобы тебе делали другие. Регулятивами положительных обязанностей являются такие идеи как добро, справедливость и т.п. Когда эти отвлеченные и не поддающиеся точному определению идеи заполняются тем или иным конкретным содержанием, то получаются идеалы. Так, например, согласно Платонову идеалу справедливость состоит в том, чтобы каждый человек «делал свое дело», т.е. то, которое соответствует его способностям. Идеал нередко олицетворяется. Вся «Этика» Аристотеля сосредоточена на идеале разумного человека, всегда умеющего выбирать середину между двумя крайностями; и тогда, например, храбрость оказывается серединой между трусостью и безрассудной отвагой, щедрость — серединой между скупостью и расточительностью. Для христианской этики идеал совершенства это прежде всего Отец наш небесный (Матф. V, 48). Имея это в виду, Шаррон определил Бога как наше последнее усилие в сторону совершенства. Затем следует Христос как идеальный посредник между Богом и людьми. Наконец, святые как прообразы праведной жизни. Есть и прообразы зла в виде дьявола, нечистых духов или злодейских литературных типов. Печальным проявлением морального извращения является идеализация зла в виде Каина, Иуды предателя и т.п. В 1950 году вышла книга Гургена Яникиана «The Triumph of Judas Iscariot», изображающая Иуду как лучшего апостола, и «интернациональное литературное общество» наградило ее медалью Марка Твена. Бодлер вздумал было воспеть «цветы зла». Но затем он одумался и посвятил свое творчество католической церкви. Быть может, еще тлетворенее, чем открытое служение злу, то моральное безразличие, в котором психиатры усматривают душевную болезнь (moral insanity) или парадоксальное смешение добра и зла, возмущавшее пророка: «горе тем, которые зло называют добром и добро злом, тьму почитают светом и свет — тьмою, горькое почитают сладким и сладкое — горьким» (Исаия V, 20).

Нравственные идеи и идеалы обыкновенно ведут к формулировке тех или иных деонтологических норм, или правил. Где же общее правило, там естественно возникает вопрос о его применении к тем или иным частным случаям, или в переводе с латинского языка «казусам». Так получается казуистика. У этого слова есть и хороший и плохой смысл. В хорошем смысле казуистика означает заботу о том, как лучше выполнить общую нравственную обязанность в данном частном случае или как разрешить столкновение между разными обязанностями, например, обязанностью всегда говорить правду

(Ефес. IV, 25, Захар. VIII, 16) и милосердием, которое не позволяет сказать надеющемуся на излечение тяжело больному, что его дни сочтены. Примеры такого рода доброй казуистики имеются и в ответах Спасителя на каверзные вопросы фарисеев и в посланиях апостолов, особенно Павла, прошедшего фарисейскую школу. Плохая казуистика это та, о которой писал пророк Исаия: «все заповедь на заповедь, заповедь на заповедь, правило на правило, правило на правило, тут немного и там немного» (Исаия XXVIII, 10). Это та казуистика, в которой большими мастерами были фарисеи, эти «вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие» (Матф. XXIII, 24) и «затворяющие царство небесное, ибо сами не входят и входящих войти не допускают» (Матф. XXIII, 13). Они воображали, что своим крючкотворством могут поставить Христа в затруднительное положение. Плохая казуистика проникла в католическую этику, когда «лаксисты» одержали верх над «ригористами» и широко развернули теорию «пробабилизма» и «интенциональной» морали. Это теория, знакомая уже Цицерону, который различал perfectum officium и medium officium, заменяла в морали необходимость вероятностью. Человеческие поступки оценивались не как добрые или дурные сами по себе и в зависимости от их соответствия или несоответствия деонтологической норме, а применительно к их последствиям. Цель оправдывает всякие средства, если последствия оказываются благоприятными в том или ином отношении. При всяком поступке существенна не его нравственная ценность, а его пригодность для тех или иных «интенций», т.е. намерений и целей. Вероятность такой пригодности и признается высшим мерилом такой морали. Сообразно с этим дополнили и даже почти вытеснили традиционное деление поступков на добрые и злые учением о таких поступках, которые сами по себе морально безразличны, но получают нравственную ценность только применительно к тем или иным обстоятельствам. В протестантских кругах эта мораль вызвала большое негодование. И Лютер сжег казуистический сборник «Summa angelica». Но протестовали и многие католики, особенно янсенисты и Паскаль, строго осудивший пробабилизм иезуитов в своей книге «des provinciales».

Христианская деонтология обыкновенно учит о троякого рода обязанностях: к Богу, к самому себе и к другим людям. Против такого деления иногда возражают, что, собственно говоря, все обязанности относятся к Богу и все хорошее делается «ради Бога». У традиционного деления имеются два недостатка. Во-первых, в нем отсутствуют обязанности по отношению к Богочеловеку и ко Святому Духу. Кроме того, в обычном делении или совсем не упоминаются обя-

занности по отношению к природе или о них говорится только по поводу человеческого тела. Между тем человек, которого иногда называют микрокосмом, т.е. малой вселенной, занимает как бы центральное положение между Богом и природой. Вершиной своего духа он приобщается божественности. Но его телесное бытие укоренено в природе. И недаром книга Бытия учит о его сотворении из земли. Поэтому у человека не может не быть нравственных проблем, связанных с его отношением не только к собственной плоти, но и ко всей природе вообще. Конечно у христианина это отношение совсем иное, чем, например, у языческого стоика, проповедовавшего жизнь по природе (secundum naturam vivere), или у натуралиста нового времени, подчиняющего всякое поведение детерминизму механической природы. У христианина есть и негативные и позитивные обязанности по отношению к природе. Таким образом взятую в полном объеме христианскую деонтологию составляет учение об обязанностях по отношению к Богу, Иисусу Христу, Святому Духу, к людям, включая обязанности к самому себе, и к природе.

XVII. Обязанности по отношению к Богу.

Отрицательные обязанности по отношению к Богу точно указаны в Моисеевом законодательстве: не сотвори себе кумира (Исх. XX, 4) и не приемли имени Господа Бога твоего всуе (7). Под сотворением кумира в тесном смысле разумеется обожествление произведений человеческих рук. Таков был тот телец, которого Аарон вылил из золотых серег, добросовестно выполняя требование народа «сделай нам бога» (Исх. XXXII, 1). Таковы были те два золотых тельца, почитание которых установил Иеровоам, чтобы обманным образом отвлечь народ от его веры; «не нужно вам ходить в Иерусалим: вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли египетской» (III Царств, XIII, 28). Пророк Осия возмущался: «сделали для себя литых истуканов из серебра своего по понятию своему — полная работа художников — и говорят они людям, приносящим жертву: целуйте тельцов» (Осия XIII, 2). Кроме тельцов, обоготворяли изображения и других животных: «какого-либо скота, который на земле, какой-либо птицы крылатой, которая летает под небесами» (Втор. IV, 17), «вола, ядущего траву» (Псал. 105-19), «козлов и тельцов» (2 Пар. XI, 15), какого-либо гада, ползающего по земле, какой-либо рыбы, которая в водах ниже земли» (Втор. XVIII, 18), «животных, самых отвратительных, которые по бессмыслию сравнительно хуже всех» (Прем. XV, 18); «они даже некрасивы по виду, как другие

животные (19). Автора Премудростей приводило в негодование то, что «почитали за богов тех из животных, которые и у врагов были презренными» (Прем. XII, 2). И Иезекиил возмущался, что кадят «всяким изображениям пресмыкающихся и нечистых животных» (Иезек. VIII, 10, 11).

Сравнительно высшей ступенью идолопоклонства было сотворение по образу и подобию человеческому кумиров, «представляющих мужчину или женщину» (Втор. IV, 16). Ветхозаветных ревнителей возмущало, что человек ставил выше себя и обожествлял творение собственных рук: рубят деревья в лесу, «и это служит человеку топливом, и из того же делает бога, и поклоняется ему, делает идола и повергается перед ним» (Исаия XLIV, 14, 15). И они реалистически описывали такое производство: «художники сами из людей же» (Исаия XLIV, 11), «будучи смертным, он делает нечестивыми руками мертвое, поэтому он превосходнее божеств своих, ибо он жил, а те никогда» (Прем. XV, 17); «суетный труженик из той же глины лепит суетного бога, тогда как сам недавно родился из земли и вскоре пойдет туда же, откуда он взят» (Прем. XV, 8); «вырубают дерево в лесу, обделывают его руками плотника при помощи топора, покрывают серебром и золотом, прикрепляют гвоздями и молотом, чтобы не шаталось» (Иер. X, 3, 4); «их носят, потому что ходить не могут» (5); «поднимают его на плечи, несут его и ставят на свое место; он стоит, с места своего не двигается; кричат к нему — он не отвечает, не спасает от беды» (Исаия XLVI, 7) «есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат, и нет дыхания в устах их» (Псал. CXXXIV, 15). И посему, предупреждает Иеремия, «не бойтесь их, ибо они не могут причинить зла, но и добра делать не в силах» (Иер. X, 5). (Таков был и деревянный Перун с серебряной головой и золотыми усами, который был ниспровергнут в Днепр, ставший Иорданом русского народа). Кроме рукотворных богов, собственных и чужих, Молоха (Лев. XVIII, 21), и Ваала (IV Царств. 17, 16), поклонялись еще «воинству небесному» (IV Царств XVII, 16), т.е. светилам: «солнцу, луне и звездам» (Втор. XVII, 3, Иер. VIII, 2, Иезек. VIII, 16) или говорили дереву «ты мой отец» и камню «ты родил меня» (Иер. II, 27). Такой культ сопровождался соответственными обрядами и суевериями: «проводили сыновей своих чрез огонь и гадали и волшебствовали» (IV Царств XVII, 17), прибегая к «прорицателям, гадателям, ворожеям, чародеям, обаятелям, вызывающим духов, волшебникам и вопрошающим мертвых» (Втор. XVIII, 10, 11).

У древних греков и римлян идолопоклонство была так распространено, что, как уверял Петроний, легче было встретить бога, чем человека, ибо, как учил Фалес, все было полно богов. При этом все

— это природа. Как писал Тютчев, «их мир был храмом всех богов». Божества олицетворяли природные стихии. Посему теогония, т.е. происхождение богов, тесно связывалась с космогонией, т.е. происхождением мира: боги рождались вместе с природой. Античное вероучение это обожествление природы. Нравоучение это жизнь, согласная с природой. Обряд это почитание природы то в виде большой семьи богов разноименных или одноименных (Jupiter optimus maximus, лучший и величайший из Юпитеров), то в виде божественной матери природы: что такое природа как не бог, разъяснял Сенека. Статуи богов или считались только их символами или отождествлялись с ними. Так возникла вера, что боги пребывают в собственных изваяниях и, как созданная Пигмалионом Галатея, могут сходить со своих подножий к людям. Посему оказалось возможным, что при виде исцеления паралитика ап. Павлом «народ возвысил свой голос, говоря: боги в образе человеческом сошли к нам. И называли Варнаву Зевесом, а Павла Ермием. Жрец же идола Зевеса, находившегося перед их городом, приведши к воротам волов и принесши венки, хотел вместе с народом совершить жертвоприношение» (Деян. XIV, 11-13). Когда римские императоры стали обожествляться (divus Caesar), так что, например, Домициан требовал, чтобы к нему обращались со словами «dominus et deus noster, то предметом поклонения и притом обязательного сделались их статуи.

В своем трактате «О природе богов» Цицерон проявил скептическое отношение к ним («я хотел бы знать, кто такой тот Геркулес, которому мы поклоняемся»); но в заключении он выступил в защиту язычества как опоры римской государственности. Овидий разъяснял: expedit esse deos, полезно, чтобы были боги.

Новый Завет призывает славить Бога в вышних (Лук. II, 14, XIX, 38). Этим исключается изменение «славы нетленного Бога в образ подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим и пресмыкающимся» (Рим. I, 23). К негодованию язычников ап. Павел доказывал, что «делаемые руками человеческими не суть боги» (Деян. XIX, 26). Но вере в Бога, который превыше и природы и человека, пришлось преодолеть двоеверие, ибо языческая традиция далеко не сразу была прервана. Многие христиане верили, что в идолах живут если не боги, то демоны, с которыми можно вступать в общение (I Кор. X, 20). И Минуций Феликс специально доказывал, что «идолы это не боги». С другой стороны римляне приписывали христианам грубые суеверия: они мол поклоняются голове осла или солнцу и для своих таинств употребляют кровь язычников. Рецидивы язычества вспыхивали иногда с большой силой. Это произошло не только при Юлиане Отступнике, но еще и в начале V века, когда в связи с нашествием

Алариха в Риме стали обвинять Бога христиан в бессилии и открыто поклоняться идолам; это вызвало отповедь бл. Августина.

Несмотря на оптимистическое предсказание пророка Исаии «идолы совсем исчезнут» (Исаия II, 18) и на предостережение ап. Иоанна: «дети, храните себя от идолов» (I Иоан. V, 21), еще и доныне часто нарушается заповедь о несотворении кумиров. В XVIII веке Гольбах не на шутку призывал «заблудших смертных» к поклонению природе и к сооружению алтарей «физическому богу». Теперь в отличие от древности рукотворные кумиры заменены идеологическими. В XIX веке этому положил начало Гегель, назвавший государство божеством. И появилась новая мифология. Для многих всевозможные социальные идеалы стали идолами. Fingunt creduntque. Таков, например миф всеобщей забастовки, который, по утверждению Жоржа Сореля, и может и должен заменить устаревший, по его мнению, миф Христа, уже не воодушевляющий массу. Муссолини провозгласил миф нации, понятия, которое, как уверял Занквил, якобы представляет единственно мыслимую ныне религию. Многие воспринимают социализм мифологически и эсхатологически, ибо веруют в догматы Маркса и надеются на будущий земной рай, эту мирскую имитацию царства небесного. Преклонение перед главами тоталитарных режимов, особенно Лениным и Сталиным, проникнуто духом идолопоклонства. Поскольку оно искренно, постольку это напоминает пьесу Ростана «Шантеклер», в которой куры верят, что солнце восходит по приказу петуха. Поскольку же оно вынуждено, постольку вспоминается замечание Ефрема Сирина: «многие поклоняются мучителю, с трепетом взывая: ты наш спаситель». В Германии при Гитлере была сделана попытка восстановить в разгаре XX века с его культурой древнюю германскую мифологию: культ Одина, Валгаллы и т.п. Духом «неопаганизма» проникнута книга ближайшего сотрудника Гитлера, Розенберга «Миф XX столетия». В январе 1946 года японский император Хирохито догадался объявить, что «император это не живой Бог». За такого в Монголии, повидимому, принимали авантюриста из России барона Унгерн Штернберга.

Из заповеди о неприятии имени Божия всуе следует обязанность не предаваться суеверию и не злоупотреблять именем Бога. Суеверие особенно типично для первобытного сознания. Его основу составляет убеждение, что с помощью всяких заклинаний или даже просто произнесения имени того или иного сверхъестественного существа можно вызвать его появление. И тогда это существо предоставляет себя в распоряжение заклинателя, получающего таким образом магическую силу производить с его помощью те или иные чрезвычайные действия, добрые или злые. Но нередко верили, что, вызвав та-

кие существа, люди уже не знают, как от них отделаться: и тогда те преследуют и их и других людей. Гете использовал этот мотив в своем «Фаусте». Еще и сейчас имеется множество суеверных людей, убежденных, что с помощью тех или иных формул или манипуляций они могут предотвратить или вызвать зло со стороны всяких сверхъестественных сил. При этом они совершенно забывают о Божьем промысле.

Вера, что Бог поддается магическому воздействию со стороны людей и что даже можно вызвать Его появление с помощью соответственной заклинательной техники, совершенно чужда и противна духу христианства. «Бога никто не видел никогда» (Иоан. I, 18, I Иоан. IV, 12, I Тимоф. VI, 16). И только чистым сердцем дано обетование, что они Бога узрят (Матф. V, 8). Никакими заклинаниями нельзя заставить Бога появиться пред лицом людей. А «пречестное и великолепное» имя Его настолько свято и возвышенно, что во время литургии к Нему обращают особое прошение, чтобы Он сподобил нас со дерзновением неосужденно смети призывати это имя. Первое прошение молитвы Господней — это «да святится имя Твое». Не менее священно и имя Иисуса Христа. «Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних» (Филип. II, 9, 10); «Он столько превосходнее ангелов сколько славнейшее пред ними наследовал имя» (Евр. I, 4). Иногда, не довольствуясь простым призывом псалмопевца «пойте имени Его» (Псал. LXVII, 7), пытаются создать особый культ имени Божия. В XVII веке два францисканских монаха (св. Бернардин Сиенский и Иоанн Капистрано) установили празднование имени Божия; и в 1721 году этот праздник был распространен на всю католическую церковь. На Афоне тоже появился культ «имясловия». Как это ни невероятно, у французов выражение «имя Бога» (nom de Dieu) считается неприличным ругательством.

Люди злоупотребляют Божиим именем, когда лицемерно или кощунственно приписывают Его святой воле свои нечистые намерения. Ссылаясь на пророка Исаию (XL, 13), ап. Павел вопрошал: «кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? (Римл. XI, 34). Тем не менее часто случается, что люди воображают, будто Богу угодно именно то, что желательно им. И они самоуверенно утверждают «с нами Бог» вместо того, чтобы, сурово допросив свою совесть, с покаянием воздержаться от тех или иных действий, памятуя призыв ап. Павла: «да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа» (II Тимоф. II, 19). Лицемерие, эта, как выразился Ларошфуко, «дань добродетели, воздаваемая пороком (un hommage que le vice rend à la vertu), состоит в том, что заведомое нарушение

Божией заповеди прикрывается видимостью ее соблюдения и призыванием имени Божия. Кощунство проявляется в насмешках над Богом или в приписывании Ему дурных человеческих намерений и дел. Фридрих II цинично уверял, что «Бог всегда с самыми сильными батальонами».

Вершиной положительных обязанностей в отношении к Богу является призыв: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Матф. V, 48). Это значит, что человек обязан не только не заглушать в себе образ и подобие Божие, но еще, как теперь выражаются, сублимировать их, т.е. всемерно поднимать, возносить. Вся сознательная жизнь человека становится осмысленной в полной и окончательной мере лишь постольку, поскольку является соработанием Богу, который «делает еще и доныне» (Иоан. V, 17). Каковы бы ни были обстоятельства личной и публичной жизни человека, он никогда не должен уклоняться от единого на потребу (Лук. X, 42). И он должен с благоговением выполнять свое жизненное призвание, принимать испытания и нести свой крест. Без благоговения или благочестия нельзя носить высокое имя человека. Недаром Катрфаж назвал человека в отличие от других существ «религиозным животным». Благоговение у некоторых народов понимается как «страхопочтение» (немецкая Ehrfurcht, сербское страхопоштованье). Страх при этом не означает испуга перед террором свыше согласно сентенции: primus in orbe deos fecit timor. Веруют и трепещут только бесы (Иак. II, 19). Христианство же призывает «смело действовать о Господе» (Деян. XIV, 3), «небоязненно» (XIX, 8), «со всяким дерзновением» (XXVIII, 31). Ап. Иоанн разъяснил, что «в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся не совершен в любви» (I Иоан. IV, 18). Если верующие приступают к таинствам со страхом Божиим и верой, то это означает не презренную трусость, а богобоязненное отсутствие горделивого самопревознесения, сыновнее смирение пред Отцом небесным и сознание того, что Ницше называл «пафосом дистанции». При упоминании имени Божия Ньютон всякий раз почтительно снимал шляпу. Входя в храм, даже неверующие, конечно не одичавшие, держат себя если не благоговейно, то хоть благопристойно. Глумление над религией и кощунство до того противны нормальной, не изуродованной человеческой природе, что оно нередко шокирует даже атеистов. Благоговение проявляется не только вовне. Оно немыслимо без соответственного внутреннего умонастроения. внутреннее богопочитание проявляется как в сознании человеком своей объективной зависимости от Бога, «ибо все из Него, Им и к Нему» (Римл. XI, 36), так и в его субъективном устремлении к Богу всем существом — и умом, и волей и чув-

ством: «Ты влек меня, Господи, и я увлечен» (Иер. XX, 7). Поскольку можно без слишком большого ущерба разнимать на части целостную внутреннюю жизнь человека, постольку можно сказать, что устремление ума проявляется в вере, устремление воли — в надежде и устремление чувства — в любви.

XVIII. Вера.

Богословы различают объективную веру (fides quae creditur, вера, которая веруется), т.е., откровение, и субъективную (fides qua creditur, вера, которой веруется), т.е., убеждение, что действительно существует нечто такое, чего нельзя ни доказать ни показать, ни вообще подтвердить данными нашего естественного опыта. Принципиально вера существенно отличается от знания. Но фактически элементы веры в большей или меньшей степени имеются во всяком знании. Не кто иной как основатель позитивизма Огюст Конт настаивал на том, что мы принимаем на веру даже факты естествознания, ибо никто не может проверить все эти факты. Когда мы прибегаем к гипотезам или когда мы подставляем теоремы вместо проблем, мы заменяем знание верой. Все формальные построения, держащиеся логическими выводами из условных и взятых на веру предпосылок, относятся к знанию только наполовину. В науке вероятное преобладает над достоверным. А где вероятность, там уже и вера. Паскаль даже сделал попытку из вероятности христианства сделать заключение о его истинности.

Предметом религиозной веры является сверхприродное и сверхчеловеческое Божество. Для действительной веры Бог это не гипотеза, не предположение, не возможность (tout est possible, même Dieu, все возможно, даже Бог) и не необходимость (согласно заявлению Вольтера «если бы Бога не было, то Его надо было бы выдумать»), а наиболее реальная действительность: Ens realissimum, Сущий) отсюда «наш Он покой» церковнославянской азбуки). Где вера, там всегда возможно и сомнение. Недаром в Евангелии сказано: «верую, Господи, помози моему неверию» (Марк. IX, 24). Недаром и Платон писал, что если нам вообще нужна помощь Божия, то она особенно необходима когда мы хотим доказать, что Бог существует. Из житий святых известно, что даже самые крепкие в вере среди них нередко искушались сомнениями. Но у тех, кто действи-

тельно живет жизнью духа, эти сомнения рано или поздно, но неизбежно только укрепляют веру. «Бог! конец пустыне!» воскликнул Блок. Слепой вере христианство предпочитает свободное испытание: «все испытывайте» (I Сол. V, 21).

Подсчитано, что слово «вера» повторяется в Новом Завете 240 раз. Ап. Павел дал ее классическое определение: «вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых» (Евр. XI, 1). Он же подтвердил, что «мы ходим верой, а не видением» (II Кор. V, 7). В Евангелии сказано, что «Бога никто не видел никогда» (Иоан. I, 18, I Иоан. IV,12,Тимоф. VI, 16). И на просьбу Филиппа «покажи нам Отца» Христос ответил: «видевший Меня видел Отца» (Иоан. XIV, 8, 9). Он же признал неуместным требование знамений (Матф. XII, 39, XVI, 4, Лук. XI, 29). Но «сокровенный» (Исаия, XVL, 15). Бог открывается людям в своих заповедях: «а что мы познали Его, узнаем из того, что соблюдаем Его заповеди» (I Иоан. II, 3). Есть еще и другой путь подтверждения веры познанием Бога — через любовь к самому Богу, так и к ближним. «Кто любит Бога, тому дано знание от Него» (I Кор. VIII, 3). «Всякий любящий рожден от Бога и знает Бога» (I Иоан. IV, 7). «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (Иоан. IV, 8).

Последствиями веры в Бога являются верность Ему, хотя бы в малом (Матф. XXV, 21, 23) и доверие к Нему. К верности призывал ап. Павел: «стойте, братие, в вере, мужайтесь, утверждайтесь» (I Кор. XVI, 13). Верность проявляется в том, что верующий никогда не отступает от Бога и никогда не постыдится Его. Ни соблазны ни угрозы не могут отвратить такого человека от Бога. Он никогда не отрекается от Него «пред людьми» (Матф. X, 33). Он свидетельствует о Нем до готовности принять мучение и смерть за это, чему живой пример дали мученики (по-гречески «свидетели»). Где верность, там и доверие. Кто действительно верит в Бога, тот признает Его не только Творцом, но и Промыслителем. И тот доверяет Отцу небесному во всяком случае не менее, чем мы доверяем нашим земным отцам. Тот на всех путях своей жизни всегда твердо уверен, что Бог никогда не забывает и не оставляет его и что даже волос не может упасть с его головы без Божией воли на то (Матф. X, 30). И тот не требует, чтобы эта воля всегда соответствовала его желаниям. Тот не считает Бога ответственным за всякого рода неудачи, действительные или только мнимые. Однако доверие к Богу отнюдь не ведет к пассивной бездеятельности, квиетизму, фатализму, признанию такого предопределения, которое исключает какую бы то ни было свободу. Вера без дел мертва. (Иак. II, 26). Она воодушевляет не только ум, но и волю. И именно она дает возможность двигать горами (Матф. XVII, 20, XXI,

21, Марк. XI, 23). «Все возможно верующему» (Марк. IX, 23).

Отсутствие веры, или неверие, может быть троякое: отвергающее, равнодушное и ищущее. Отвергающее неверие это принципиальный атеизм. Иногда, особенно у таких вероотступников, которые не могут остаться совсем без всякой веры, он сопровождается той или иной социальной мифологией. В этом смысле Достоевский писал о глубокой религиозности даже совершеннейшего атеизма. Атеизм это не отсутствие веры, а вера в то, что нет Бога. Но иногда атеизм является просто признаком духовной пустоты, нередко очень циничной: в «Молитве атеиста» Ришпен провозглашает: «у меня брюхо и я скот, все к лучшему». К нему нередко присоединяется озлобленность «наглых ругателей» (II Петра III, 3). И тогда получается воинствующее безбожие. Если оно располагает средствами правительственного принуждения, тогда подвергаются гонениям не только христиане, но и вообще люди с верой и духовными запросами. Много зла сделано в этом отношении во имя формулы Маркса: «религия это опиум народов».

Равнодушное неверие не преследует религии, но отворачивается от нее и пытается заменить веру какими-нибудь другими духовными рессурсами. Так, например, Гете писал: «у кого есть искусство и наука, тот имеет также и религию; у кого их нет, пусть имеет религию». По поводу такого же неверия Робеспьер заметил: «атеизм аристократичен». Этим он хотел сказать, что неверие предполагает очень высокую культуру, правда, соединенную с разочарованием в ее высшем смысле. Но так как такой культуры у широкой народной массы нет, то Робеспьер отверг атеизм и сделал попытку возместить христианство культом «Высшего Существа». Т.н. агностицизм, отмахивающийся от религиозной проблематики ввиду невозможности справиться с ней научными средствами, очень близок к равнодушному неверию. Когда Эйнштейн находился еще в Германии, какой-то американский журналист запросил его по телеграфу, верует ли он в Бога. И он по телеграфу же ответил, что верует в Бога Спинозы, т.е. в природу.

Наконец, ищущее неверие это т.н. богоискательство, стремление к «недоведомому» Богу. Это — сознание как объективной неудовлетворительности безбожия, ибо оно оставляет без ответа целый ряд проблем огромного значения, так и его субъективной недостаточности, ибо оно не дает душевного покоя. Недаром сказано: «блажен, кто верует: тепло ему на свете». В романе Достоевского «Бесы» Шатов на вопрос, верует ли он в Бога, отвечает: «я буду верить». Таким же стремлением были проникнуты те афиняне, которые поставили алтарь «неведомому Богу» (Деян. XVII, 23). И это дало ап. Павлу ос-

нование заметить им: «по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны» (22).

От неверия легковерие отличается тем, что бытие Божие не отвергается но профанируется. О Боге отзываются неуважительно, легкомысленно, нередко даже игриво. Гейне как-то заметил, что «добрый Бог» (le bon Dieu) его простит: «ведь это Его ремесло». Существует порнографическая литература о Боге и религии. Чрезмерная близость к святыне нередко сопровождается неуместной фамилиарностью.

XIX. Надежда.

Чей ум исполнен веры в Бога, у того и воля поддерживается «спасающей» (Римл. VIII, 24) надеждой на Него. Это не значит, что человек может возложить на «Бога надежды» (XV, 13) всю заботу о нем и о других и после этого пребывать в бездеятельности. Такое понимание несовместимо с призывом верующих к делам. И недаром наша пословица говорит: на Бога надейся, а сам не плошай. Христианская надежда основывается на высказанном уже в Ветхом Завете убеждении, что Бог «долготерпелив и милостив» (Псал. CIII, 8, Иис. Сирах. XVIII, 9). Он «не сотворил смерти и не радуется погибели живущих» (Ирем. I, 13). «Бог помышляет, как бы не отвергнуть от Себя и отверженных» (II Царств, XIV, 14). «Он не хочет смерти грешника» (Иез. XXXIII, 11), беззаконного (XVIII, 23) и умирающего (32). Всем, в особенности грешникам (XXXIII, 11) Он предоставляет возможность «обратиться от путей своих и жить» (XVIII, 23, 32). В Новом Завете сказано, что «Господь долго терпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (II Петр. III, 9), «чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (I Тим. II, 4). Такой надеждой исключается отчаяние, безучастно предающееся судьбе, этой, по выражению Гейне, «бледной девушке с оловянными руками и печальным сердцем». Как бы низко не пал человек, у него никогда не должна исчезнуть надежда на Божию помощь, конечно, если он покается и будет стараться восстановить в себе образ и подобие Божии, искаженные по его собственной вине. Милость Божия к не особенно исправным людям очень красочно выражена в Слове огласительном Иоанна Златоуста, которое читается на пасхальной заутрене: «аще кто по шестом часе достиже, ничтоже да сумнится, ибо ничимо не от-

щетевается. Аще кто лишися и девятого часа, да приступит ничтоже сумняшеся, ничтоже бояся. Аще кто точию достиже и во единонадесятый час, да не устрашится замедления. Любочестив бо сый Владыка, приемлет последнего якоже и первого; упокоевает в единонадесятый час пришедшего, якоже делавшего от первого часа, и последнего милует и первому угождает, и оному дает, и сему дарствует. И дела приемлет, и намерение целует, и деяние почитает и предложение хвалит. Темже убо внидите вси в радость Господа своего: и первии и втории, мзду приимите. Богатии и убозии, друг с другом ликуйте. Воздержницы и ленивии, день почтите. Постившиися и непостившиися, возвеселитеся днесь». Псалмопевец выражает непоколебимую уверенность, что «Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах» (Пс. XLVI, 2); «когда я в страхе, на Тебя я уповаю» (Пс. LVI, 4), «ибо Ты надежда моя, Господи Боже, упование мое от юности моея» (Пс. LXXI, 5). В литургических возгласах Бог именуется «упованием всех концов земли и сущих в море далече». Лермонтов писал, что «чувство есть у нас святое — надежда, Бог грядущих дней». Блаженство веры естественно дополняется блаженством надежды: «блажен человек, уповающий на Тя» (Пс. LXXXIV, 13).

Где надежда, эта, выразился Пегюи, «совсем маленькая девочка, которая встает каждое утро», там и терпение: «надежда, когда видит, не есть надежда, ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении» (Рим. VIII, 24). «В скорби будьте терпеливы», учил ап. Павел (Рим. XII, 12). Терпением исключается разочарование, в «Боге всяческого утешения» (II Кор. I, 3). Мир лежит и будет лежать во зле. Никаких иллюзий относительно будущей земной жизни благая весть Христова не поддерживает. Совсем напротив, она призывает быть готовыми к ухудшению судеб человеческих. И в то же время она призывает не только не ужасаться (Марк. XIII, 7), но надеяться и притом с радостью: «должно всегда молиться и не унывать» (Лук. XVIII, 1). В этом нет противоречия, если отчетливо сознавать, на что именно надо надеяться. Не на личное благополучие, не на осуществление утопических мечтаний о рае на земле, а на то, что совершится воля Божия и ничто не может поколебать ее. К такой надежде не применимо определение Бэкона: «надежда это хороший завтрак и плохой ужин». Соработая Богу, который «делает и доныне», и исполняя свое призвание, человек надеется, что Бог поможет ему. В чем будет состоять эта помощь, нам не дано учесть вперед: «еще не открылось, что будем» (I Иоан. III, 2). И было бы недостойно, если бы мы вздумали подсказать Богу, чего мы от него ожидаем и что Он должен сделать для этого. «Кто укажет Ему путь Его? Кто может сказать: Ты поступаешь

несправедливо?» (Иова XXXVI, 23). Французская поговорка гласит: делай, что ты должен, а пусть наступит то, что может. И правильно сказано в книге Иова: «богобоязненность твоя не должна ли быть твоей надеждой, и непорочность путей твоих — упованием твоим?» (IV, 6). Не мешает иметь в виду, что сам Христос Спаситель предупреждал: Я ничего не могу творить Сам от Себя» (Иоан. V, 30). У Паскаля Бог обращается к человеку с такими словами: «Я, который сотворил тебя без тебя, не могу спасти тебя без тебя».

Великим грехом против христианской надежды является горделивая самонадеянность. Она проявляется в трояком виде. Одни уверены, что Бог сочувствует всем их замыслам и почему-то непременно должен содействовать их осуществлению, хотя бы эти замыслы совсем не соответствовали Его святым заповедям; но они тогда твердят: с нами Бог. Другие поступают еще хуже и надеются, что Бог покроет их злодеяния: об итальянских бандитах рассказывают, что они приступают к разбою с молитвой об успехе; у Гоголя городничий, забывая, что «жертва Богу — дух сокрушенный» (Псал. L, 19), и что «жертва нечестивых — мерзость, особенно когда с лукавством приносят ее » (Притчи Сол. XXI, 27), обещает поставить Богу пудовую свечу, если ревизия не обнаружит всех его злоупотреблений, а Чичиков приступает к мошенничеству с мертвыми душами, «перекрестясь по русскому обычаю». Наконец, третьи, отвергая слова Христа «без Меня вы не можете делать ничего» (Иоан. XV, 5), воображают, что они могут все сделать без Христа или даже против Христа. Много зла натворила такая самонадеянность. И ею в значительной степени вызван тот духовный и социальный хаос, который царит в наше время.

Где надежда, там и молитва. Для неверующих людей или верующих только в механический детерминизм, всякая молитва это абсурд, как это и выразил не знавший блаженства веры Тургенев: «о чем бы ни молился человек — он молится о чуде. Всякая молитва сводится на следующее: Великий Боже, сделай, чтобы дважды два — не было четыре». И он сделал безотрадный практический вывод из этого: «станем пить и веселиться — и молиться». Если это верно, то молитва должна была бы давным давно совсем исчезнуть из человеческого обихода. А между тем с незапамятных времен человечество молилось и молится. И нет никаких признаков, что оно когда-нибудь перестанет молиться. Первобытные народы понимают молитву как магическое средство или выпросить у богов те или иные, по большей части материальные блага, или даже заставить их исполнять все, что угодно молящимся. Еще и доныне есть дикари, которые за исполнение молитв мажут губы своих божков салом, а за неисполнение бьют

их. Вера в магическую силу молитвы не чужда и более высокой языческой культуре. Платон утверждал, что много бед может натворить молитва неразумного. Есть русская поговорка: «заставь дурака молиться, а он и лоб расшибет». Христианская молитва это сыновнее обращение к Богу человека, созданного по Его образу и подобию. Возможны три вида таких молитв: созерцательный, благодарственный и просительный. Созерцательная молитва это богомыслие. Это, по определению Нила Постника, «беседа ума к Богу». Это песнь Богу, сама собой возникающая, когда, отложив всякое житейское попечение, горе имеем сердца. Князь П. Вяземский писал: «молись! дает молитва крылья душе, прикованной к земле». Что такое величайшие произведения человеческого искусства, как не воплотившаяся в слове, красках, изваяниях, звуках созерцательная молитва? Таково же значение всякого научного исследования, если оно проникнуто исключительным и чистым влечением к истине. Ап. Павел писал: «буду петь духом, буду петь и умом» (I Кор. XIV, 15). Благодарность, как заметил уже Аристотель, очень редко проявляется во взаимных отношениях людей. Но люди, духа не угасившие, не могут не быть благодарны Богу за Его дары. Посему ап. Павел писал: «будьте постоянно в молитве, бодрствуя в ней с благодарением» (Колос. IV, 2). «Евхаристия» буквально значит благодарение. И такие богословы как митрополит Антоний (Храповицкий) понимают ее не как умилостивительную жертву, а как благодарственное приношение. Кант писал, что при виде красот природы невольно является потребность возблагодарить за них Господа. И выражение «слава Богу» очень глубоко укоренилось в человеческом обиходе. Один американский журналист, побывавший в советской России, так описал приемный экзамен в «вуз» (высшее учебное заведение): «что такое Бог? — буржуазная выдумка для порабощения рабочих, — Хорошо, вы приняты. — Слава Богу». Просительная молитва это воззвание к Богу или о предотвращении зла, личного или общего, или же о помощи в добре, но никак не во зле. Кто действительно верит в Бога и в Провидение, кто убежден, что без воли Божией ни один волос не падет с головы человека и что случай это не более как «инкогнито Провидения» (по выражению Жуковского), тот вполне естественно взывает к Богу во всякое время живота своего и особенно тогда, когда на его долю выпадают более или менее тяжкие испытания. Кто ослабевает под тяжестью носимого креста, так что его душа скорбит смертельно, тот не может не последовать за Христом, который Сам молился: «да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Матф. XXVI, 39, Лук. XXII, 42). Он же научил, как надо молиться: «когда молишься, не будь как лицемеры, которые любят в синагогах и на

углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми» (Матф. VI, 5). Лесков с неодобрением отзывался о старших, которые учат детей «молиться рукой», т.е. машинально творить крестное знамение без всякого обращения к Богу. «А молясь — учил Христос — не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у него» (Матф. VI, 7, 8). И Христос дал несравненный образец молитвы. Это молитва Господня, сыновняя молитва к Отцу нашему, сущему на небесах, превыше всего земного. Прежде всего воздается подобающая честь святому имени Его. Затем выражается надежда, что придет то царствие Его, о котором известно, что оно не от мира сего. За этим следует преклонение перед волей Божией, действенной и в небесах и на земле. Только после этого молитва становится просительной. Из множества материальных благ она просит только об одном — о хлебе насущном, да и то только на текущий день, ибо довлеет дневи злоба его (Матф. VI, 34) и кто для себя собирает слишком богатые житницы на земле, тот отвлекается от единого на потребу и не считается с тем, что смерть может настигнуть его гораздо раньше, чем он предполагает. Затем идет прошение о прощении нам долгов наших, т.е. невыполненных обязанностей по отношению к Богу, поскольку мы сами оставляем должникам нашим, т.е. прощаем другим то зло, которое они нам причинили, «ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш небесный» (14); посему «когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого» (Марк. XI, 25). Затем мы просим Бога не ввести нас во искушение, но избавить нас от лукавого. Бог испытывает человека, но не искушает его и не может искушать, ибо искушать это значит склонять ко злу: «Бог не искушается злом и Сам не искушает никого» (Иак. I, 13). Не искушал никого и Христос, который Сам был искушаем диаволом (Матф. IV, 3 и след.), (Марк. I, 13, Лук. IV, 3 и след.), после чего «возвратился в силе духа в Галилею» (Лук. IV, 14). На такую именно силу духа мы надеемся, моля Бога уберечь нас от тех, «не иных, как человеческих» (I Кор. X, 13) искушений и соблазнов, которыми так богат мир, лежащий во зле. В таком мире «надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Матф. XVIII, 7). Вот и мы молим Бога, чтобы Он или совсем предотвратил от нас это горе или же «при искушении дал и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (I Кор. X, 13). Уже одна молитва, как таковая, предохраняет от искушения, ибо в людях с немощной, т.е. бессильной плотью она поддерживает бодрый дух (Матф. XXVI, 41, Марк. XIV, 38, Лук. XXII, 40). Заключается моли-

тва Господня выражением уверенности, что Божие есть царство и сила и слава во веки. Христос указал еще один высокий образец молитвы. Это молитва мытаря: «Боже, милостив буди ко мне грешному» (Лук. XVIII, 13). Не мало поразительных по возвышенности и глубине молитв составлено святыми отцами и праведниками. Воспетый А. К. Толстым Иоанн Дамаскин был поэт. Лучшие поэты всех времен и народов вдохновлялись мотивом молитвы. Она позволяла Лермонтову «в минуту жизни трудную» сбрасывать «цепь бытия» и чувствовать себя «так легко, легко». Пушкин переложил на стихи молитву Ефрема Сирина, «которую священник повторяет во дни печальные великого поста». В ней содержится мольба об освобождении от духа праздности, уныния, любоначалия и празднословия и о даровании духа целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви. И она просит как об особой милости: «даруй ми зрети моя прегрешения». Таким же духом проникнуто и песнопение: «покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче». Если вникнуть в ектении и другие богослужебные молитвы, то нельзя не поразиться их высотой, широтой и глубиной. В «молитве благостной» (выражение Ив. Аксакова) личное отступает перед общим и сверхличным и материальное — перед сверхматериальным. В «Добротолюбии или словесах и главизне священного трезвения» содержится философия молитвы, принадлежащая Нилу Постнику: «Молитва есть беседа ума к Богу. Молитва есть кротости и безгневия прозябание. Молитва есть радости и благодарения предложение. Молитва есть печали и уныния отогнание. Не молися твоим быти хотением не бо всяко согласуют хотению Божию. Но паче, якоже научился еси, молися, глаголя: да будет во мне воля Твоя. Молитва есть восхождение ума к Богу. Молитва есть подобающее достоинству ума действие, или лучшее и чистое того употребление». К сожалению, некоторые акафисты чересчур проникнуты духом упадочной византийской реторики.

Что касается исполнения молитв, то, конечно, сильно заблуждаются те, которые воображают, что это составляет Божию обязанность. Правильное молитвенное отношение человека к Богу не имеет в себе ничего юридического. Молящийся не может требовать от Бога, чтобы Он сделал именно то, что ему молящемуся, угодно, «ибо кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать?» (Римл. XI, 35). Даже «если ты праведен, что даешь Ему? или что получает Он от руки твоей?» (Иов. XXXV, 7). Одно дело правда человеческая, а другое правда Божия (Римл. X, 3). И «кто укажет Богу путь Его; кто может сказать: Ты поступаешь несправедливо?» (Иов. XXXVI, 23). «Кто уразумел дух Господа и был советником у Него и учил Его? С кем советуется Он, и кто вразумляет Его и наставляет Его на путь

правды, и учит Его знанию и указывает Ему путь мудрости?» (Исаия. XL, 13, 14). «Бог знает, в чем вы имеете нужду прежде вашего прошения у Него» (Матф. VI, 8). Посему, если человек просит «доброго», как говорят французы, Бога (le bon Dieu) об исполнении его неразумного и, может быть, даже вредного для него самого пожелания, то он должен радоваться, если его молитва не исполняется. Недаром один английский автор писал о «проклятии исполненной молитвы». Каково прошение, таково и исполнение. Весьма нередко «мы не знаем, о чем молиться, как должно» (Римл. VIII, 26). Но Христос недаром сказал: «если пребудете во Мне и слова мои в вас пребудут, то чего ни пожелаете, просите, и будет вам» (Иоан. XV, 7); «если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Ваш небесный даст благо просящим у Него» (Матф. VII, 11, Лук. XI, 13). По словам псалмопевца «Бог исполняет желания боящихся Его» (Пс. CXLV, 19) у ап. Иакова сказано «много может молитва праведного поспешествуема» (Иак. V, 16). Но праведный не станет молиться о неподобающем.

XX. Любовь.

Дохристианскому сознанию в большей или меньшей степени были знакомы все разновидности любви: телесная, душевная и духовная. Идеологией первых двух служила мифология, третьей — философия. В античном мире дела любви относились к ведению особой богини — Афродиты у греков, Венеры у римлян. Божеством низшего ранга считался Эрос или Купидон, изображавшийся в виде голого мальчика с колчаном и стрелами, которыми он пронзал сердца влюблявшихся. Мифология изобиловала рассказами о всевозможных любовных похождениях богов. Плотская и душевная любовь считалась помрачением рассудка: amans, amens писал Плавт. Философы пытались сублимировать любовь и поднять ее на высоту духовности. Платон, этот, как его назвал Мейстер Эккарт, «великий священник», учил о «философском эросе», т.е. бескорыстном влечении к познанию, и о такой «платонической» любви, которая соединяет людей во имя чистых идей. Сенека уверял, что только мудрец умеет любить.

Ветхий Завет превратил любовь из инстинкта и эмоции, одинаково бесконтрольных, в Божию заповедь: «Слушай, Израиль: Господь Бог наш Господь един есть, и люби Бога твоего всем сердцем

твоим и всей душой твоей и всеми силами твоими» (Второз. VI, 4, 5). Кроме любви человека к Богу, говорится также и о любви Бога к людям, однако только к одному народу: «ты народ святый у Господа Бога твоего; тебя избрал Господь Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле, не потому чтобы вы были многочисленнее других народов, но потому что любит вас Господь» (Втор. VII, 6-8). «Только отцов твоих принял Господь и возлюбил их и избрал вас, семя их после них, из всех народов» (X, 15).

В Новом Завете подтверждается древний закон (Матф. XXII, 36 и след.) любви к Богу. При этом Христос прямо таки ссылается на текст Второзакония, начиная со слов: «слушай, Израиль» (Марк. XII, 29). Но к этому присоединяется еще и «новая заповедь» (Иак. II, 8). Во-первых, подчеркивается, что любовь к Богу это «первая и наибольшая заповедь» (Матф. XXII, 38). Во-вторых, с этой заповедью гораздо неразрывнее, чем в Ветхом Завете, связывается «вторая подобная ей» (39) заповедь любви к ближнему. Ап. Иаков назвал ее «законом царским» (Иак. II, 8). «Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (I Иоан. IV, 20, 21). Далее, для этой любви оказывается недостаточным требование «люби ближнего твоего как самого себя» (Лев. XIX, 18). Согласно этому требованию мерилом альтруизма служит эгоизм. Христово мерило несравненно шире: «вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матф. V, 43, 44). Наконец, Христова заповедь любви универсальна: «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. III, 28). Высший идеал совершенной любви это сам Бог, которого ап. Иоанн нашел возможным даже определить как любовь (I Иоан. IV, 8); «любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него» (9).

По аналогии с гелиотропизмом, т.е. неудержимым тяготением растений к солнцу, любовь к Богу может быть названа теотропизмом. Бл. Августин считал это чувство свойственным всем людям, ибо, объяснял он, человек создан с направлением к Богу. Кто любит Бога, тот устремляется к Нему всем своим существом, не только умом, но всей душой и особенно чувством. «Вера, действующая любовью» (Галат V, 6), до того приближает человека к Богу, что через нее в значи-

тельной степени осуществляется богопознание: «кто любит Бога тому дано знание от Него» (I Кор. VIII, 3). Этим оправдывается изречение: pectus facit theologum, грудь образует богослова. Василий Великий утверждал, что «невозможно отвне научиться любви Божией». Но в ком она действует изнутри, тот стоит на пути «совокупности совершенства» (Кол. III, 14). Апостолом любви обыкновенно считается Иоанн. Однако пламенный гимн во славу ее составлен не им, а Павлом: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви — то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (I Кор. XIII, 2-8). Данте уверял, что солнце и звезды движутся любовью. А Владимир Соловьев писал: «все, кружась, исчезает во мгле, неподвижно лишь солнце любви».

Любовь к Богу бывает созерцательная и деятельная. В первом случае чувство питает ум и восполняет его дискурсивные, разнимающие рассуждения целостной интуицией. Во втором случае оно питает волю и подбодряет ее эмоциональными импульсами. В течение истории эти два направления неоднократно мельчали и искажались. Так, например, Спиноза допускал только головную, интеллектуальную любовь к Богу (amor Dei intellectualis), которого он к тому же отождествил с природой. (Deus sive natura). В Англии слово charity получило иронический смысл: оно стало означать или лицемерие или желание отделаться от обязанности любви дешевым и далеко не всегда бескорыстными подачками. Robert Pollok так описал такого благодетеля: «одной рукой он кладет пенни в урну бедности, а другой вынимает оттуда шиллинг». А между тем прав был Бернанос, провозгласивший la charité ou l'enfer! любовь или ад! Но его глас вопиет в пустыне. Одни служители духа пренебрегли духовной любовью и сосредоточили все свое внимание на проблемах душевной любви. Другие пошли еще дальше и все, относящееся к любви, свели к т.н. половому вопросу или к похоти (libido), которую Фрейд возвел на степень царицы всей жизни человеческой. Нелюбовь к Богу и нежелание даже упоминать Его имя привело к исчезновению во Франции и

Италии старого обращения «adieu» и «addio»; оно заменено «лаическим» bonjour и buon giorno. По-английски все реже и реже говорят «good bye (God be with you). Сербы еще говорят «збогом». И еще не исчезло русское «спасибо».

XXI. Обязанности по отношению к Богочеловеку.

Русская поговорка гласит: до Бога высоко. Бог, которого никто никогда не видел, оставался бы, как выразился немецкий философ Лихтенберг, олицетворенной непонятностью, если бы посредником между Ним и человечеством не был Богочеловек. В Нем божественная природа сочеталась с человеческой. Он пребывал во время оно среди живых людей, общался с ними, учил их словом и делом. На земле Его нет больше. Но Он всегда есть и остается для нас вечным путеводителем к настоящей жизни, «ибо мы Им живем, и движемся и существуем» (Деян. XVII, 28). Всякому человеку, будь он верующий или неверующий, достаточно заглянуть в Евангелие, чтобы познать и оценить духовное наследие Христа во всей его реальности. Это наследие становится действенным в меру его осуществления людьми. Отвлеченный призыв «будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Матф. V, 48), получает конкретное содержание через Сына, который «явил» (Иоан. I, 18). Вот это явление Христа и есть конкретный идеал совершенства. И им указуются обязанности по отношению к Христу.

Первая отрицательная обязанность состоит в том, чтобы не «стыдиться Его и Его слов в роде сем прелюбодейном и грешном» (Марк. VIII, 38, Лук. IX, 26), не «отвергаться Христа перед человеками» (Лук. XII, 9), не «отрекаться от Него перед людьми» (Матф. X, 33, II Тимоф. II, 12) ни при каких обстоятельствах. От Него уходили «с печалью» (Марк. X, 22) разочарованные, ибо Он не обещал им того, на что они рассчитывали, или требовал больше, чем они могли или хотели выполнить. Многие из Его учеников, слыша Его, «говорили: какие странные слова! Кто может это слушать?» (Иоан. VI, 60). «Многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним» (66). Его слова иногда приводили Его учеников в ужас (Марк. X, 24). «Когда были они на пути, восходя в Иерусалим, Иисус шел впереди их, а они ужасались и, следуя за Ним, были в страхе» (32). «Когда же «взяли Его» (Марк. XIV, 46), «тогда, оставивши Его, все бежали» (50). А Петр, который еще недавно «с усилием говорил: хотя бы мне и надлежало умереть с Тобой, не отрекусь от Тебя» (Матф. XXVI, 31, 35), не только «отрекся перед всеми» (Матф. XXVI, 70, Марк XIV, 68), но

еще «начал клясться и божиться: не знаю человека сего, о котором говорите» (Марк. XIV, 71, Матф. XXVI, 74). Во время гонений случалось, что миряне и даже клирики не только отрекались от Христа из страха мучений и хулили Его, как того, например, требовал Плиний Младший, но даже выслуживались перед язычниками и доносили на своих единоверцев. Этому явлению посвящено немало церковных канонов. Ренегаты христианства имеются и ныне. Когда они становятся распорядителями публичной власти, тогда они подвергают религию гонениям. И тогда исповедание Христа и свидетельство о Нем опять принимает характер мученичества, на которое готовы далеко не все христиане.

Вторая отрицательная обязанность — не «оскорблять Христа» согласно 45-му правилу св. Василия Великого («аще кто, приняв имя христианина, оскорбляет Христа, таковому нет никакия пользы от наименования»). Оскорбляющие Христа в этом смысле не отрекаются от Него. Совсем напротив, все, что они делают, они делают как бы во имя Его. Но при этом они пользуются этим именем не только всуе, а еще и оскорбительно. Это происходит в двояком виде. Одни самодовольно уверяют себя и других, что они — настоящие христиане, т.е. полностью, без остатка выполняют свои христианские обязанности. Они забывают слова Христовы: «кто не берет креста своего и не следует за Мной, тот не достоин Меня» (Матф. X, 38). Кто в полной мере хочет следовать за Христом, тот должен «отвергнуться себя» (Матф. XVI, 24, Марк. VIII, 34). Кто же по слабости человеческой так далеко не идет, тому совесть должна напоминать, как он еще далек от подлинного христианского совершенства. Если же он этого не сознает, то он проявляет или моральную тупость или такую гордыню, которая оскорбляет Христа. Его воображаемое подражание Богочеловеку является такой же имитацией, как и подражание человеку обезьяны, этой карикатуры человека. Никто иной как ап. Павел писал о себе: «братия, я не почитаю себя достигшим; а только забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе» (Филип. III, 13, 14). Другие идут еще далее в оскорблении Христа: делая не Его дело, а противное Ему, они утверждают, что следуют Ему. Невыполнение или даже нарушение Его заветов они лицемерно или софистически стараются покрыть и оправдать Его авторитетом. О таких людях сказано: «кто говорит: я познал Его, но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины» (I Иоан. II, 4). К обоим случаям применимо замечание Шербюлье, что Бог более любит тех, которые Его отрицают, чем тех, которые Его компрометируют.

Основная положительная обязанность по отношению ко Христу

это соблюдать Его заповеди и притом не на словах только, а на деле. В этом именно состоит любовь к Нему: «кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» (Иоан. XIV, 21). И «кто говорит, что пребывает в Нем, тот должен поступать так, как Он поступал» (I Иоан. II, 6), давая пример (Иоан. XIII, 5) своим последователям. Тот соблюдает «правду Божию чрез веру в Иисуса Христа» (Римл. III, 22). Для того Христос, как выразился Иоанн Дамаскин, является «крайним пределом желаний». Для того в жизни «один учитель — Христос» (Матф. XXIII, 8). И тот сообразует свое поведение с требованиями любви, милосердия и братолюбия. Делая добро меньшим братьям, алчущим, жаждущим, странствующим, нагим, больным, заключенным, он делает добро как бы самому Христу (Матф. XXV, 35-40). Только к таким людям полностью относятся слова апостола: «вы Христовы, а Христос — Божий» (I Кор. III, 23).

XXII. Обязанности по отношению к Святому Духу.

Понятие духа очень многозначно и дает повод для всяческих недоразумений. Их не исключает английское различие между ghost и spirit; эти слова в свою очередь далеко не однозначны. Иоанн Дамаскин отметил, что словом «дух» обозначают и Бога, и душу, и ангела, и демона, и дыхание, и воздух и ветер. С древнейших времен не только мифология, но и философия, а также разные религии более или менее материализуют это понятие. На Западе Европы к каждой из четырех Аристотелевых стихий приурочивали и сооответственных духов: к огню — саламандр, к воде — ундин, к воздуху — сильфов, к земле — гномов. В поисках «духовной» пятой эссенции (квинтэссенции) алхимики извлекли из своих реторт алкоголь, названный «спиртом», а также то, что ван Хельмонт назвал «газом» (от Geist, дух). Астрологи верили, что каждая планета управляется «правящим духом» (spiritus rector). Декарт приписывал физиологические процессы в человеческом теле каким-то «жизненным духам». Гегель понимал под духом какую-то абсолютную мировую субстанцию, субстрат всякого бытия и становления, воплощающийся и в природе и в истории. Привидения именуются духами. Монтескье назвал «духом законов» их смысл и цели. Т.н. спиритуалистическая философия противопоставляет дух материи. Спиритизм основан на вере в материализацию духа умерших. Материалисты никакого духа не знают и

знать не хотят. Гельвеций написал книгу «о духе» только для того, чтобы доказать, что никакого духа нет. Клагес назвал дух паразитом тела. Дутые шины у автомобильных колес называются «пневматическими», т.е., в переводе с греческого «духовными». И один из итальянских банков носит название San Spirito, Святой Дух. В своей «Сказке для детей» Лермонтов скорее запутал, чем разъяснил это понятие: «но дух — известно, что такое дух: жизнь, сила, чувство, зрение, голос, слух — и мысль — без тела — часто в видах разных».

Многозначность «духа» проявилась и в Ветхом Завете. Подсчитано, что в нем это слово упоминается 131 раз в физическом смысле, 39 в физиологическом, 74 в психологическом, 134 в сверхъестественном, причем как Святой Дух только 3 раза. В Новом Завете, который некоторые протестантские богословы считают книгой Святого Духа по преимуществу, слово «дух» без всяких эпитетов упоминается 220 раз, как Святой Дух — 91, как Дух Божий — 19, как Дух Христов — 5 раз. Вопрос о сущности Святого Духа и о том, от кого Он исходит, только ли от Отца или также и от Сына (Filioque), является предметом длительных богословских споров и решается не одинаково православной и католической церковью. Для христианской этики существенно понимание Духа как Божественного начала, столь характерного для нашего познания Бога, что Он даже определяется как Дух; «Бог есть дух; и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Иоан. IV, 24); «Господь есть Дух» (II Кор. III, 17). Вместе с тем существенный признак настоящего человека это причастность духу, ибо «мы имеем начаток Духа» (Римл. VIII, 23) и «Бог дал залог Духа в сердца наши» (II Кор. I, 22, V, 5). «Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче!» (Гал. IV, 6). Сообразно с этим обязанности по отношению к Св. Духу могут быть разделены на объективные и субъективные.

Отрицательная объективная обязанность состоит в том, чтобы не хулить (Матф. XII, 32, Лук. XII, 10, Марк. III, 29) и «не оскорблять Святого Духа Божия» (Ефес. IV, 30), «Духа благодати» (Евр. X, 29). Хула на Святого Духа это непростительный грех: «всякий грех и хула простятся человекам; а хула на Духа не простится» (Матф. XII, 31); «всякому, кто скажет слово на Сына Человеческого, прощено будет; а кто скажет хулу на Святого Духа, тому не простится» (Лук. XII, 10) «ни в сем веке ни в будущем» (Матф. XII, 32), «но подлежит он вечному осуждению» (Марк. III, 29). Такая хула непростительна потому, что произносится она не по неведению или недоразумению. Она сознательна. И она означает или горделивое самоутверждение человека или, что еще хуже, его готовность полностью отдаться во власть злых сил или безоговорочно подчиниться материальной сти-

хии. При этом мысль о чем бы то ни было сверхприродном и сверхчеловеческом решительно отвергается и еще не просто, а с насмешкой и поруганием. Отсутствие гордыни и скромное сознание несовершенства собственного духа и есть та «нищета духовная», которой дано обетование царства небесного (Матф. V, 3, Лук. VI, 20).

Отрицательные субъективные обязанности в отношении духа троякие: «духа не угашать» (I Сол. V, 19) ни в себе ни в других, «не всякому духу верить» (I Иоан. IV, 1) и никогда не падать духом. Угашение духа это сознательный отказ от того, что есть в человеке лучшего и высшего. Это — моральное самоубийство, переход от духовной жизни к исключительно психофизическому существованию, без Божества, без вдохновенья, без идей, без идеалов и вообще без всякого смысла. «И между этими существователями я должен пресмыкаться», возмущался Гоголь уже в ранней молодости. Тяжко погрешает человек, угашающий в самом себе дух. Но еще больший грех берет он на свою душу, когда он угашает дух в других людях, особенно в малых сих, высмеивая всякий идеализм, всякую чистоту, всякое бескорыстие, всякую веру как наивность, отсталость, предрассудок. С обязанностью не угашать духа в себе и в других связана обязанность не поддаваться влиянию гасителей духа. Новый Завет настойчиво предлагает «не всякому духу верить, но испытывать духов« (I Иоан. IV, 1), отвергая «дух заблуждения» (2), «дух, действующий в сынах противления» (Ефес. II, 2), «духов обольстителей» (I Тимоф. IV, 1) и «дух антихриста» (3). Наконец, верующий христианин никогда, ни при каких обстоятельствах, не должен падать духом и впадать в тот «дух уныния», о котором вместе с духом праздности, любоначалия и празднословия упоминается в великопостной молитве Ефрема Сирина и который св. Макарий Великий назвал «унынием бесовским».

Положительная обязанность по отношению к Духу состоит прежде всего в признании Его. Объективно это значит быть убежденным, что над человеком и над природой есть сверхчеловеческое и сверхприродное Божество, к которому неприменимы никакие психофизические или натуралистические понятия. Субъективно это значит сознавать в себе наличие духовного начала, превышающего как телесные процессы, протекающие в пространстве и времени, так и меняющиеся во времени душевные состояния. Это начало, как и все принципиально первичное, не поддающееся точному определению, особенно в психофизических или натуралистических терминах, сверхпространственно и сверхвременно. Именно благодаря ему человек из индивида или экземпляра рода человеческого становится личностью с никогда не повторяющейся индивидуальностью. Это же начало возвышает человека над всей прочей тварью и образует связую-

щее звено между Богом и человеком. И вот настоящий человек обязан не только не угашать духа, но также и делать из него надлежащее употребление. «Если мы живем духом, то по духу и поступать должны» (Гал. V, 25). Ап. Павел различал душевного человека и духовного. Душевный, т.е. живущий исключительно психофизической жизнью человек, «не принимает того, что от Духа Божия и не может разуметь, потому что о сем надлежит судить духовно» (I Кор. II, 14). Зато «ревнующий о дарах духовных» (XIV, 1) «духовный судит о всем» (II, 15). Еще хуже обстоит дело с плотским человеком, т.е. таким, которому чужда не только духовная, но даже душевная жизнь, и который «только о плотском помышляет» (Римл. VIII, 5). Плотский человек духовно и душевно немощен. Он покорно «исполняет вожделения плоти» (Гал. V, 16). Между тем у «служащих Богу духом и не на плоть надеющихся» (Филип. III, 3), совсем напротив, немощна плоть, а дух всегда бодр» (Матф. XXVI, 41). В борьбе между духом и плотью у них побеждает дух. Тогда отпадает «всякое раздражение и ярость, и гнев и крик и злоречие со всякой злобой» (Ефес. IV, 31). «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссора, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное» (Гал. V, 19-21). «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (22, 23). При условии преодоления притязаний плоти на господство тело становится тем, чем оно и должно быть, а именно способным к превращению из тела душевного в тело духовное» (I Кор. XV, 44, 46), «храмом живущего в нем Святого Духа» (VI, 19, III, 16). И тогда «тело мертво для греха, но дух жив для праведности» (Римл. VIII, 10). Серафим Саровский оставил завет «стяжания святого духа». Поразительный пример того, как преобразует людей такое стяжание, явили Христовы ученики. Сопровождая Учителя, они проявляли иногда полное непонимание Его проповеди (Марк. VII, 18), имея очи не видели, имея уши не слышали (VIII, 18). Им не было чуждо суетное местничество (Марк. IX, 34, Лук. XXII, 24), окаменение сердца (17), трусливость (Марк IV, 40, IX, 6, X, 32), маловерие (Марк. IV, 40), малодушие, доходившее до отречения от Него, да еще с клятвой (Марк. XIV, 71, Матф. XXVI, 74). И вот когда от них совсем отошел Христос и, казалось бы, они должны были совершенно разочароваться в Нем и навсегда отречься от Него, эти «несмысленные и медлительные сердцем» (Лук. XXIV, 25) люди стали неузнаваемы. Они совершенно преобразились. Они начали ревностно исповедовать и проповедовать учение Того, кто «был умервщлен по плоти, но ожил духом» (I Петра III, 18). И они

мужественно претерпевали гонение и мучения. Произошло же это после того как они «исполнились Духа Святого» (Деян. 11, 4).

XXIII. Обязанности по отношению к человеку.

Обязанности по отношению к человеку определяются тем, что для христианства человек это именно человек, не более, но и не менее. Это, по выражению Паскаля, не ангел и не зверь. Он выше зверя, но ниже ангела. Его часто называют микрокосмом, т.е. космосом в миниатюре. Но так как под космосом разумеют только физическую природу, то у этого определения имеется существенный недостаток: оно не учитывает причастности человека к горнему, сверхкосмическому миру; без этого, как выразился Григорий Нисский, ему оказывается не больший почет, чем мышам и комарам. Типичным для человека является образ и подобие Божие, а также возможность видеть в Боге Отца Небесного. Его жизнь, как личная, так и общественная сопряжена с целым рядом обязанностей. Они выполнимы, ибо у него имеется дар свободы. Но благодаря накопившимся в этом мире злоупотреблениям этой свободой мир лежит во зле. Из этого вовсе не следует, что христианство «не удалось», как это нередко говорят. Не удалось нечто иное, а именно, известное стремление устроить человеческую жизнь не только без христианства, но нередко и вопреки ему. Есть легенда, что на вопрос как устранить зло из мира, Бог ответил: «а вы перестаньте делать его — вот и все». Этого зла накопилось столько, что людям долга приходится поневоле не столько творить новое добро, сколько по возможности уменьшать старое зло. В этом и состоят христианские обязанности по отношению к человеку. Они могут быть разделены на личные и публичные, или социальные.

XXIV. Обязанности по отношению к самому себе.

Основная обязанность человека — быть человеком в настоящем смысле этого слова. Это значит не только иметь человеческое бытие, но также и осуществлять человеческое долженствование. Быть человеком это значит жить, однако не в смысле физического прозябания

или психофизических переживаний, а в смысле выполнения своего высокого призвания. Жизнь это талант, полученный от Бога. И человек не смеет ни зарывать его в землю ни, тем более, губить его. Объем такой жизни огромен: человеку даны образ и подобие Божие и ему задано быть совершенным как совершен Отец небесный (Матф. V, 48). Из этого вытекают как отрицательные, так и положительные задачи.

Первая отрицательная задача — не предаваться гордыне, самомнению, не приписывать себе воображаемого совершенства, ибо «все мы много согрешаем» (Иак. III, 2) «и гордость житейская не есть от Отца, но от мира сего» (I Иоан. II, 15). «Никто не обольщай самого себя» (I Кор. III, 18). «Не думайте о себе более нежели должно думать» (Рим. XII, 3). «Облекитесь смиренномудрием, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (I Петр. V, 5). «Кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?» (I Кор. IV, 7). Не кто иной как Сам Христос сказал о себе: «Я кроток и смирен сердцем» (Матф. XI, 29). Он же предупредил: «всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лук. XIV, II, XVIII, 14; Матф. XXIII, 12). «Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоющие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лук. XVII, 10). Однако настоящее смирение это не горделивое и лицемерное ханжество, «унижение паче гордости», а также не то болезненное, ничем не оправданное чувство собственного ничтожества и полной непригодности к чему бы то ни было, которое психиатры именуют комплексом малоценности (Minderwertigkeitskomplex). Быть человеком вообще, а христианином в особенности, это значит не уклоняться от своего призвания и не искажать его, но честно выполнять.

Вторая отрицательная задача — не поддаваться искушению и соблазнам, как внутренним, так и внешним. «Извнутрь, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимства, злоба, коварства, непотребства, завистливое око, богохульства, гордость, безумства. Все это зло извнутрь исходит и оскверняет человека» (Марк. VII, 21-23, Матф. XV, 19). Эти внутренние соблазны питаются плотскими вожделениями и душевными страстями. А их союзником и защитником нередко выступает человеческий ум, который тогда становится великим софистом, находящим для всякого зла если не оправдание, то объяснение. Вот почему Новый Завет предостерегает против ложной мудрости: «не высокомудрствуйте» (Римл. XII, 16), «ибо написано: погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну» (I Кор. I, 19, Исаия

XXIX, 14); «один у вас наставник — Христос» (Матф. XXIII, 10). Внешние искушения и соблазны исходят от лежащего во зле мира сего. Посему апостол предостерегает: «не любите мира ни того, что в мире, кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего» (I Иоан. II, 15, 16). При этом мир понимается не столько как факт, сколько как принцип, как нежелание пойти вслед за Тем, Кто «в мире был и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал» (Иоан. I, 10). Вместо того, чтобы побуждать людей горе иметь сердца, мир тянет их вниз. Как видно из житий святых, даже уход от мира в пустынножительство сам по себе еще нисколько не спасает от искушений. И если спасение хоть одной заблудшей души радует Отца небесного, то падение праведника вызывает торжество тех злых сил, которыми так изобилует мир сей.

Есть еще одна отрицательная обязанность к самому себе — не усыплять своей совести, а, напротив, «подвизаться всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми» (Деян. XXIV, 16). Укоряющий голос совести далеко не всегда приятен уму, который слишком часто спешит к ее «очистке». Мало приятны чувству и «угрызения» совести, этого ангела хранителя человека, который охраняет от искажения образа и подобия Божия. Но так как мир лежит во зле, то в нем слишком часто преуспевают недобросовестные и бессовестные люди. На это неоднократно указывается в Ветхом Завете: «покойны шатры у грабителей и безопасны у раздражающих Бога» (Иов. XII, 6); «почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки?» (XXI, 7); «почему путь нечестивых благоуспешен и все вероломные благоденствуют?» (Иерем. XII, 1). Это вводит в великий соблазн людей колеблющихся и с ослабленной совестью. У них является искушение «позавидовать безумным, видя благоденствие нечестивых» (Псал. LXXXII, 3). Тогда они усыпляют свою совесть, впадают, как выразился Макарий Великий, в «окамененное нечувствие», угашают дух и нередко искажают в себе не только образ и подобие Божие, но даже просто человеческий вид.

Все положительные обязанности человека по отношению к себе состоят в исполнении своего призвания. Прежде всего это призвание к жизни. Рассуждая физиологически, можно более или менее удовлетворительно объяснить факт рождения всякого человека как вполне естественное явление. Но у этого явления есть и свой сверхъестественный смысл. Как объяснил Пушкину митрополит Филарет, жизнь это совсем не «дар напрасный, дар случайный». Почему нужно было, чтобы на свет появился именно данный человек с его никогда не повторяющейся индивидуальностью? Это произошло совсем не

потому, что это ему самому заблагорассудилось. Его воля не предшествует рождению, а следует за ним. Его рождение было угодно иной, высшей воле, без которой ничто в мире не происходит. И если эта воля даровала ему жизнь, то это обязывает его прежде всего принять эту жизнь, как бы ни была тяжела ее физическая, моральная и социальная обстановка. Так как не он начал свою жизнь, то не ему и прекращать ее. Этим осуждается самоубийство как самочинный акт, дерзновенно стремящийся пресечь неисповедимые пути Провидения.

Но жить только для того, чтобы жить, недостойно настоящего человека. Это осуждали даже язычники: propter vitam vivendi perdere causam. Как учил Иоанн Златоуст, «мы рождены не для того, чтобы есть, пить и одеваться». И Василий Великий объяснял: «устройство твоего тела показывает твое назначение. Ты создан с головой, обращенной к небу, чтобы ты не влачил своего существования на земле, но чтобы ты обращал взоры к небу и Богу». Жизнь человеческая это не только факт. Это еще и задача или призвание. «Жизнь пережить — не поле перейти». Необходимыми условиями для правильного выполнения призвания к жизни являются самопознание и самообладание.

Уже Сократ взывал: «познай самого себя». Тем не менее человек до сих пор остается загадкой для самого себя. Вот почему совсем недавно могла появиться книга одного ученого (Alexis Carrel), озаглавленная «L'homme, cet inconnu» (человек, это неизвестное). Объясняется это тем, что, не довольствуясь естественным самопознанием на основании непосредственного, повседневного житейского опыта и сверхъестественным самопознанием, убеждающим человека в его причастности Божеству, люди часто принимают за самопознание всякого рода искусственные теории. Независимо от «высокомудрия» (Римл. XII, 16, I Кор. I, 19) всех этих отвлеченных теорий у каждого человека есть собственное конкретное самосознание. Правильно понятое это не самолюбование, не самообольщение, а самокритика: «да испытывает же себя человек» (XI, 28). Это дело нелегкое. Недаром псалмопевец спрашивает: «кто усмотрит погрешности свои?» (Псал. XVIII, 13). Здесь помогают совесть и стыд, благодаря которому у человека «открываются глаза» (Быт. III, 7). При этом полезен сравнительный метод: сопоставление собственного характера и поведения с теми христианскими идеалами, который указаны в Слове Божием, а также сравнение самого себя с другими людьми и даже с животными, которые иногда могут пристыдить человека, если он еще не совсем опустился на дно: «спроси у скота, и научит тебя» (Иов. XII, 7).

Одним теоретическим самопознанием далеко не исчерпываются личные обязанности человека. С ним связано практическое само-

обладание. Нормальный человек это не пассивное игралище эмоций, страстей и вожделений. Он сдерживает и направляет их. Его поведение определяется не моторами, а мотивами. Уже языческие философы учили: — я имею, а не имеюсь. Даже детерминисты не обходятся без признания необходимости самообладания. Так, например, пять книг «Этики» Спинозы не без основания уподобляются пятиактной драме, в которой происходит борьба между необходимостью и свободой: непосредственно за книгой о рабстве человека следует книга о его свободе с указаниями как преодолевать «аффекты», клин клином вышибая, т.е. противопоставляя одни аффекты другим. Самообладание дается не легко. На это по личному опыту указал ап. Павел: «добро, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю... ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих» (Римл. VII, 19, 23). Моральное самоуправление человека, или, как выразился Платон, «политика внутри нас» неосуществима без постоянного упражнения. По-гречески слово «упражнение» — «аскезис». Отсюда аскетизм. Он был знаком античному миру, однако, в отличие от индусского понимания, преимущественно в смысле телесного упражнения — бега, метания диска или дротика — и вообще спортивной гимнастики — в надежде, что таким путем образуется здравый ум в здравом теле. С христианской точки зрения такое упражнение недостаточно: «упражняй себя в благочестии, ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие на все полезно» (I Тимоф. IV, 7, 8). Поскольку упражнение необходимо для самообладания, постольку каждый настоящий христианин это аскет в пределах того, что он может вместить. Высочайшая степень аскетизма это не только полный отказ от всех мирских благ, но также и самоотречение, следование в максимальной мере призыву Христа: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за мной» (Марк. VIII, 34). «Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» (Гал. V, 24). Церковь почитает как святых и угодников Божиих тех подвижников, для которых следование Христу это главная, даже единственная жизненная задача и которые посему усердно предаются или созерцательному аскетизму, стремясь «выйти из себя и внедриться во Христа» или самоотверженно помогают всем нуждающимся в бескорыстной помощи. В этом смысле Нил Постник определил инока как «от всех отлучившегося и ко всем присоединенного». Такие подвижники дают великие примеры преодоления психофизического засилья. Для средних христиан как в Священном Писании, так и в святоотеческой литературе

и житиях святых содержится немало наставлений относительно психофизического аскезиса. Много ценных указаний на этот счет содержит «Добротолюбие». Душевное самообладание проявляется в том, чтобы не давать воли аффектам и страстям. Для этого иногда достаточно вывести их из подсознательной сферы в область ясного сознания. Кто, например, не просто сердится, а сознает, что он сердится, тот уже в значительной степени преодолел свою гневную эмоцию. Тот получает возможность проверить ее объективную оправданность. И тогда ему легче сделать волевое усилие, чтобы, если не совсем отделаться от гнева (согласно формуле «ты сердишься, Юпитер, значит, ты неправ»), то по крайней мере ввести его в оправданные границы.

Труднее самообладание телесное. В теле происходят такие процессы, как например, рост и перистальтика, которые протекают независимо от нашей воли. Ей только в слабой мере удается предотвращать и преодолевать болезни. Кант уверял, что напряжением воли можно якобы излечивать насморк. Есть движения, которыми мы полностью управляем с помощью моторных средств нашего организма: поднимаем или опускаем руки и ноги, ходим, бегаем и т.п. Но есть обширная область потребностей, вожделений, похотей, которые делают нас «должниками плоти» (Рим. VIII, 12), если мы не можем или не хотим справляться с ними. Хотя в Новом Завете тело и плоть нередко упоминаются как синонимы и сказано, что «Слово стало плотью» (Иоан. I, 14), однако можно различать тело как факт и плоть как принцип. И тогда становится ясной сущность телесного самообладания. Пока человек жив, он должен сохранить вверенное ему Богом тело до самой смерти, этого, по выражения проф. Сикорского, «последнего долга человека на земле». И он должен установить мир и сотрудничество между духом и телом, этим, как его назвал Франциск Ассизский, «братом ослом», и даже плотью, о которой Иоанн Лествичник писал: «она моя и помощница и противница, и защитница и приятельница». На необходимость для жизни поддержания телесного существования указал ап. Павел: «никто не возненавидел свою плоть, но питает и греет ее, как Господь церковь» (Ефес. V, 29). Пища для питания, одежда и жилище для согревания это необходимые условия телесной жизни, ее биологический «минимум существования». Но всякая неумеренность, всякий максимализм в удовлетворении этих потребностей представляет уже плотское искушение, отвлекающее человека от единого на потребу.

Новый Завет не указывает, что, как и сколько должен есть исправный в религиозном отношении человек. Этим он отличается от ветхозаветной регламентации: «не прикасайся, не вкушай, не дотра-

гивайся» (Кол. II, 21). Голод это не добродетель, а напротив, как понимали язычники, дурной советник (malesuada fames) и повод для искушений (Матф. IV, 2). Выбор пищи, т.е. того, что «входит не в сердце, а в чрево и выходит вон» (Марк. VII, 19), сам по себе безразличен. Это совсем не проблема, «ибо царствие Божие не пища и питие, но праведность, и мир и радость во Святом Духе» (Римл. XIV, 17). «Пища не приближает нас к Богу, ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем» (I Кор. VIII, 8). Ап. Павел не видел подвига «в некотором небрежении о насыщении плоти» (Кол. II, 23), но одобрял разумную диету, «ибо иной уверен, что может есть все, а немощный ест овощи» (Римл. XIV, 2). Он писал Тимофею: «впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (I Тимоф. V, 23). Единственное, что осуждается, это обжорство и пьянство, которые порабощают человека плоти, губят его тело и представляют социальную ненормальность: «иной бывает голоден, а иной упивается» (I Кор. XI, 21). Без телесного хлеба насущного человек не может существовать, ибо «пища служит к сохранению жизни» (Деян. XXVII, 34). Но «не хлебом одним будет жить человек» (Матф. IV, 4). Настоящий «хлеб Божий есть тот, который сходит с небес» (Иоан. VI, 33). А кто «бросается на разные снеди» (Иис. Сирах. XXXVII, 32) и чрезмерно заботится о «пище тленной», тот не алчет пищи духовной, «пребывающей в жизнь вечную» (Иоан. VI, 27). Жизнь это не банкет.

Новый Завет не придает принципиального значения также и вопросу о том, «во что одеться» (Матф. VI, 25). Не видя ничего греховного в том, чтобы у человека, кроме будничной одежды, была и праздничная» (XXII, 11), Христос все-таки указал своим ученикам «обуваться в простую обувь и не носить двух одежд» (Марк. VI, 9), когда отправлял их на апостольское дело. Ап. Павел писал: «имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (I Тимоф. VI, 8). Он же объяснял, что настоящим украшением женщин не может служить «многоценная одежда» (II, 9). Ап. Иаков осудил встречу по платью, когда одетого в богатую одежду сажают на почетное место, а бедного в скудной одежде заставляют стоять или сидеть у чужих ног (Иак. II, 3). Еще более предосудительны экстравагантности модных нарядов и идолопоклонство перед костюмом, доходящее до того, что Карлейль нашел возможным назвать иных людей вешалками, на которые надето платье.

Жилище не менее необходимо для жизни, чем пища и одежда. Бочка Диогена не опровергает, а, напротив, подтверждает это. Но делать из заботы о жилище абсолютную цель это значит пренебрегать словами апостола: «наше жительство на небесах» (Филипп. III, 20);

то «домостроительство тайн Божиих» (I Кор. IV, 1), о котором пишет тот же «мудрый строитель» (III, 10), основано не на материальной, а на духовной архитектонике: «мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворный, вечный» (II, Кор. V, 1).

Без удовлетворения элементарных материальных потребностей невозможно телесное существование человека. А такое существование представляет необходимое условие как его душевной жизни, так и его духовной деятельности: primum vivere, deinde philosophari, сначала жить, а потом философствовать. Зло не в том, что удовлетворяются материальные потребности, а в том, как они удовлетворяются. Если их удовлетворение становится самоцелью, причем люди в таких случаях обыкновенно теряют всякую меру и не могут сказать самим себе «довольно», то жизнь теряет всякий смысл: тогда вопрос о средствах существования устраняет вопрос о самом существовании; и из списка потребностей вычеркивается единое на потребу. Против этого предостерегал Христос: «не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?.. Ищите же прежде царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам... Итак не заботьтесь о завтрашнем дне. Ибо завтрашний сам будет заботиться о своем. Довольно для каждого дня своей заботы» (Матф. VI, 31-34). Свое отношение к преходящим и изменчивым материальным благам ап. Павел определил так: «умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии» (Филип. IV, 12). Но в обоих случаях он не забывал того, что гораздо существеннее и скудости и изобилия.

Много материальных забот, а также плотских искушений связано с полом. Мировая литература неоднократно отмечала всю его трагическую неотразимость: «Женщина с моря» Ибсена, «Песнь торжествующей любви» Тургенева, вдохновившая Вагнера легенда о Тристане и Изольде. Шопенгауэр видел в половом влечении отвлечение человека от его высшего призвания, т.е. от созерцания чистых идей. Но с ослаблением или прекращением этого влечения человек, по его мнению, подобен выжатому лимону, ни к чему не пригодному. Вайнингер считал пол основой всякого человеческого характера. С этой точки зрения он подводил всех женщин под два типа: мать и распутницу. Фрейд пошел дальше. Он признал похоть (libido) основой всего человеческого существа. Во всех духовных и душевных проявлениях человеческой жизни он усмотрел не более как «сублимацию» все той же похоти. Словом какой-то пансексуализм, дающий мнимо научное оправдание половой распущенности.

Есть три способа преодоления или умиротворения полового влечения: разврат, воздержание и брак. Виды разврата очень разнообразны и совершенствуются с прогрессом культуры. Тот «проми-

скуитет», т.е. беспорядочные отношения между полами, с которого многие социологи начинают эволюцию семьи, гораздо более типичен для современного общества, чем для простодушных первобытных племен. Сущность разврата можно определить как низведение мужчин и женщин на уровень самцов и самок с заменой любви функциями половых органов и желез, как выразился Монтэнь. Без всякого стыда, цинично, т.е. в буквальном переводе как собаки, люди случаются, разлучаются и как ни в чем не бывало возвращаются к текущим делам. Предохранительная и лечебная техника безопасности от венерических заболеваний все более и более совершенствуется, но ценой какого морального растления — об этом мало кто думает. Сколько зла делают себе, а еще более другим те, которые пользуются проституцией, т.е. как выразился Толстой, утоляют жажду из грязной лужи, или предпочитают прелюбодеяние, т.е. кражу у чужих семейств их чести и благополучия, или пользуются чужой неопытностью для удовлетворения собственной похоти без всяких дальнейших обязательств: Во всех этих случаях вопиющим образом оскверняется храм человеческого тела. Но великий софист, человеческий ум, находит и для этого оправдание и притом не только физиологическое, но и моральное: не согрешишь, не покаешься. Чего стоят хотя бы николаиты (Апокал. II, 6), которые, повидимому, искали путь ко спасению через изнурение плоти распутством! Как превратно многие истолковывают слова Христовы о грешнице: «прощаются ее грехи многие за то, что она возлюбила много» (Лук. VII, 47).

Воздержание обыкновенно высмеивается у мужчин, а в последнее время, когда распространился тип «полудевы» и холостячки (la garconne), также и у женщин. Оно дается не легко. В этом признался не кто иной как ап. Павел: «дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился»(II Кор. XVII, 7): «усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (I Кор. IX, 27). Евангелию знакомы самые суровые средства полового самообуздания (Матф. V, 29, 30). Даже из житий святых явствует, что без большой борьбы и с внутренними и с внешними искушениями не дается «умение соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения» (I Сол. IV, 4, 5). Этим мотивом вдохновились такие писатели как Флобер, Анатоль Франс и Лесков.

Нормальное в моральном отношении удовлетворение половых потребностей получается только в браке. Это конечно не значит, что он существует только как лекарство против похоти (remedium concupiscentiae) согласно мнению иных католических богословов или

что, согласно грубому и неожиданному у защитника человеческого достоинства определению Канта, брак это не более как «соединение двух лиц различного пола для пожизненного взаимного обладания их половыми особенностями». Связующее начало брачного союза это не похоть, а любовь, и притом не только плотская, но и душевная, т.е. взаимная симпатия, а также духовная, делающая семью аналогией церкви. «Честный брак» (Евр. XIII, 4). это «великая тайна по отношению ко Христу и к Церкви» (Ефес. V, 32). Григорий Богослов писал: «брак есть ключ, открывающий путь к чистоте и любви». А Иоанн Златоуст назвал брак таинством любви и семью — малой церковью.

Христос указывает на молитву и пост как на средства против соблазняющих человека злых сил (Марк. IX, 29). Действительно, созерцательная и благодарственная молитва возвышает человека и дает ему повод не только отложить всякое житейское попечение но и «очистить себя от всякой скверны плоти и духа» (II Кор. VII, 1). А просительная молитва «может и искушаемым помочь» (Евр. II, 18). Пост это не только полное или временное воздержание от чревоугодия или от известных видов пищи (мясной или молочной), что, по мнению врачей полезно для здоровья. Это не «питание со скорбью» (Быт. III, 17). Это нечто иное. Это, как выразился Иоанн Златоуст, родитель смиренномудрия. Это такое внимание к духовному призванию человека, при котором удовлетворение телесных потребностей сводится к минимому. «Пост установлен для усмирения нашего тела» (Седьмое правило Тимофея, епископа Александрийского). При этом техника питания не имеет существенного значения, ибо «не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст» (Матф. XV, 11). И ап. Павел именует лжесловесниками запрещающих употреблять в пищу то, что сотворил Бог» (I Тимоф. IV, 3).

Существенную личную обязанность человека составляет труд. Прежде чем приступить к своему служению, «Иисус преуспевал в премудрости и возрасте, будучи в повиновении» (Лук. II, 52, 51) у трудовой семьи плотника. И своими учениками Он выбрал трудящихся. Христианство призывает людей не к безделью, а к труду во всех его проявлениях, не только физических, но также душевных и духовных. Оно не смешивает созерцательности с ленью, этой, как выразился Баратынский, «ржавчиной ума». И оно осуждает тех, которые «поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся» (II Сол. III, 11). Профессиональный труд это не самоцель, отвлекающая человека от всяких других жизненных забот, как этого в интересах своего личного предприятия требовал от матросов Помпей: navigare necesse est, vivere non necesse, плавать необходимо, а жить не необхо-

димо. Труд это средство. Прежде всего это средство существования: «кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (10). А кроме того, это средство для выполнения человеком своего призвания соответственно полученному им таланту, которого он не смеет зарывать в землю. Если бы общественная жизнь людей была устроена нормально, то труд каждого человека соответствовал бы его способностям и силам. Тогда он считался бы не проклятием или постылой повинностью, а удовлетворением здоровой потребности. И тогда был бы осуществим тот идеал «привлекательного труда», о котором, правда, с присоединением совершенно фантастических подробностей мечтал Фурье. Так как этого нет, то для одних труд нередко является тяжелым крестом, другие несут еще более тяжелый крест в тщетных поисках труда, хотя бы и обременительного, а третьи живут припеваючи, без заботы и труда. Живой пример трудовой жизни в ее христианском понимании показал ап. Павел. Не пожелав «ни от кого ни серебра, ни золота, ни одежды» (Деян. XX, 33), он в Коринфе добывал себе средства к жизни деланием палаток (XVIII, 3). «Мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работой ночь и день, чтобы не обременить кого из вас» (II Сол. III, 7, 8). «Вы помните, братия, труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедовали у вас благовестие Божие» (I Сол. II, 9). «Памятуя слова Господа Иисуса: блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. XX, 35), апостол показал, что евангельские трудящиеся еще уделяют нуждающимся: «сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии. Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых» (33-35).

Нормальное общество основано на разделении труда не только при производстве материальных благ, но также и в гораздо существенном «соработании Богу» (I Кор. III, 9). Тогда люди, «как живые камни, устрояют из себя дом духовный» (I Петра II, 5), могут сказать о себе: «дом Его (Христа) это мы» (Евр. III, 6) и памятуют слова Христовы: «Я посреди вас, как служащий» (Лук. XXII, 27). К этому святому делу призываются все люди. «Служения различны, а Господь один и тот же» (I Кор. XII, 5). И «проклят, кто дело Господне делает небрежно» (Иер. XLVIII, 10).

XXV. Обязанности по отношению к другим людям.

Если не считать легендарного Робинзона (до появления Пятницы) и таких отшельников, которые удаляются в совершенно необи-

таемые места и прекращают какое бы то ни было общение с прочим миром, то всякий человек с момента рождения и до смерти состоит в непрерывном и многообразном соприкосновении с другими людьми, или, как выражаются немцы «солюдьми» (Mitmenschen). Словом «я» всегда подразумеваются и ты, и он, и мы, и вы, и они. Ахристианская социология сводит взаимоотношения людей к борьбе, паразитизму и приспособлению. Борьбу, или войну уже древний Гераклит признал основой совместной жизни людей, создавшей, между прочим, их деление на свободных и рабов. В XVII веке имела большой успех формула Гоббса: bellum omnium contra omnes, борьба всех против всех. В XIX веке Дарвин провозгласил борьбу уже за одно существование, за жизнь (struggle for life) основным законом органического мира. Геринг признал борьбу источником права, Лоренц Штейн усмотрел в государстве арену борьбы за власть, Маркс свел всю хозяйственную жизнь к борьбе классов. Понятие паразитизма социального происхождения. В переводе с греческого языка паразит это нахлебник, дармоед, питающийся чужим хлебом. Затем это понятие было перенесено на некоторые природные явления. Паразитами стали называть такие растения, как омелу, которая прикрепляется к дереву и питается его соками, такие опухоли, как рак, когда некоторые клеточки разрастаются за счет всего организма, из которого они извлекают все его соки, и таких насекомых, которые питаются и размножаются на чужом теле. Затем это понятие вернули в социальный мир и применили его к эксплуатации одних людей другими. Некоторые обществоведы провозгласили ее «железным» законом человеческого общежития. Наконец, приспособление состоит в том, что в интересах самосохранения живые существа до того прилаживаются к внешней среде (mimicry), что как бы совершенно сливаются с ней. В переводе на человеческие отношения среда «заедает» личность.

Все эти формулы приемлемы для христианского мировоззрения лишь постольку, поскольку они отмечают темные стороны мира, лежащего во зле. Но принципиально оно решительно отказывается видеть в них единственный, окончательный и непоправимый смысл человеческих взаимоотношений. Оно не только противопоставляет вражде слова Христовы «мир вам» (Иоан. XX, 19, 21, 26), но и предупреждает о ее нецелесообразности: «берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал. V, 15); «все, взявшие меч, мечом погибнут» (Матф. XXVI, 52); «кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом» (Апокал. XIII, 10). Уже Ветхий Завет предостерегал: «кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукой человека» (Быт. IX, 6); «когда кончишь опустошение, будешь опустошен и ты; когда прекратишь грабительства, разграбят и тебя»

(Исаия XXXIII, 1). Вопреки утверждению Гоббса для христианства человек человеку не волк (homo homini lupus est), а человек. Решительно осуждается паразитизм и всякого рода эксплуатация, когда, например, люди богатеют благодаря «плате, удержанной у работников, пожавших поля» (Иак. V, 4). Приспособление к миру, лежащему во зле и «не познавшему» (Иоан. I, 10) благую весть Христову, допускается не как способ личного преуспеяния в таком мире, а как педагогическое средство для успеха проповеди. В этом смысле Христос без притчи не говорил народу (Матф. XIII, 34). И посылая проповедников «как агнцев среди волков» (Лук. X, 3), Он рекомендовал им «мудрость змеиную и кротость голубиную» (Матф. X, 16). В таком же смысле и ап. Павел признавался: «будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобресть: для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобресть Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобресть подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона (не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу), чтобы приобресть чуждых закона. Для немощных был как немощный, чтобы приобресть немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (I Кор. IX, 19-22). «Я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись» (X, 33).

Для того, чтобы совместная жизнь людей была если и не совершенной, то хоть мало-мальски сносной необходимо соблюдение целого ряда обязанностей. Первые отрицательные обязанности — не превозносить паче меры и не унижать других людей. Культ кесарей, Наполеона, Гитлера, Муссолини, Сталина, любимого существа того или иного пола — все это грубый фетишизм, чуждый христианству. Для него нет ни сверхчеловека ни подчеловека. Оно признает только человека. Каковы бы ни были его физические или моральные недочеты, он все же человек и в нем нельзя оскорблять человеческое достоинство. Уже Ветхий Завет осудил «скудоумных, которые высказывают презрение к ближним своим» (Притчи Сол. XI, 12) и «над всем издеваются» (Псал. LXXII, 8): «с мольбой говорит нищий, а богатый отвечает грубо» (Притчи XVIII, 23); «кто ругается над нищим, тот хулит Творца его» (XVII, 5). «Что унижаешь брата своего?» спрашивает ап. Павел (Римл. XIV, 10). Не от Евангелия пошло наименование людей низкого происхождения «подлыми», гадкими (vilains), или зажиточных «богатыми» (от бога).

Новый Завет предупреждает: «не судите, да не судимы будете» (Матф. VII, 1, Лук. VI, 37). Это не значит, что следует признавать похвальным все то, что делают другие. Это значит, что нельзя смотреть «на сучек в глазе брата своего и не замечать бревна в собствен-

ном глазе» (Матф. VII, 3). «Неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, делаешь то же» (Римл. II, 1). Вместо того, чтобы самодовольно, как фарисеи, осуждать других грешников, не мешает проверить собственное поведение, а также подумать и о том, нет ли и нашей вины в том, что другие погрешают. Нередко мы сами толкаем ближних на путь греха.

И тогда мы погрешаем против обязанности не соблазнять и не искушать ближних. Есть очень много людей, которые, видя, что другие лучше их и свободны от их пороков, не успокаиваются, пока им не удается и их втянуть в то зло, которое для них стало привычкой. Таких людей обижает всякая чистота, всякое моральное превосходство. И вместо того, чтобы оберегать неиспорченных и подражать им, они всемерно стараются развратить их и, как выразился св. Киприан, «похитить у них то, что принадлежит вечности». Особенно тяжкий грех берут на себя те, которые соблазняют малых сих: «кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили во глубине морской» Матф. XVIII, 6, Марк. IX, 42). Так как мир лежит во зле, то в нем не могут не быть соблазны. «Но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Матф. XVIII, 7).

К отрицательным обязанностям относится также требование не делать другим зла. Под злом здесь надо разуметь не только нанесение физического страдания или материального ущерба. Гораздо существеннее зло моральное. Таким злом является как причинение душевных терзаний, так и угождение, потворство, содействие дурным наклонностям других людей, толкающее их на путь не исправления, а напротив, дальнейшего отступления от добра. Делающий зло другим тем самым причиняет зло и самому себе: «скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое» (Римл. II, 9).

Христианское общество принципиально строится не на эгоизме, а на альтруизме. Этим определяются положительные обязанности его членов. Все они как бы должники друг друга. «Мы ничего не принесли в мир» (I Тим. VI, 7). «Что ты имеешь чего бы не получил?» (I Кор. IV, 7). На эти тексты охотно ссылаются французские идеологи социальной «междузависимости» (interdépendance sociale), особенно Леон Буржуа, провозгласивший солидарность как основание для требования, не только морального, но даже юридического, чтобы каждый член общества уплатил свой «социальный долг». Задолго до Буржуа те же мысли, правда в более специальном применении к долгу русской интеллигенции по отношению к народу высказывали представители русской «субъективной» школы в социологии Лавров

и Михайловский. Если Кесслер, Северцев и Кропоткин, а вслед за ними целый ряд ученых заметили, что среди растений и животных существует не только борьба, но и обмен услуг, то тем более это должно иметь место в человеческом обществе, а среди христиан и подавно.

Минимальной взаимной обязанностью людей является мир. А его условия точно определены в Евангелии: это «слава в вышних Богу и в человецех благоволение». Это второе требование совсем не непомерно. Вместо совершенной, но и трудной добродетели любви не только к ближним, но и к дальним, не только к друзьям, но и к врагам, достаточно благоволение, т.е. элементарное доброжелательство. Иго такой добродетели вполне согласуется с правильно понятыми личными интересами. Франклин уверял, что если бы мошенники знали, как выгодно быть честным, то они перестали бы быть мошенниками. А Спенсер прославил «эгоальтруизм». Если горит дом соседа, то нельзя успокоиться на том, что моя хата с краю: опасность угрожает и ей; и помогая соседу тушить свой дом, я охраняю и мой собственный. Эпикур предпочитал полное равнодушие к чужой беде. И во время бури, когда кораблю, на котором он плыл, угрожала опасность, он для успокоения своих попутчиков показал на свинью, которая как ни в чем не бывало продолжала есть из своего корыта. Но, не говоря уже о том, что человек не создан по образу и подобию свиньи, этот пример совсем не убедителен: во-первых, в случае кораблекрушения погибла бы и свинья, а во-вторых, она предназначалась на убой.

Ап. Павел призывал: «радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» (Римл. XII, 15). Другими словами он призывал к симпатии, буквально состраданию во взаимных отношениях между людьми. но при этом симпатию надо понимать не так, как Адам Смит, объяснявший, что когда один человек видит страдание другого, то он принимает меры, чтобы самому не пострадать: если, например, он видит, что другого ударяют по ноге, то он отодвигает свою ногу, чтобы удар не пришелся по ней. Христианская симпатия совсем иная: при виде чужого страдания является потребность помочь, при виде чужой радости является потребность принять в неи искреннее участие без всякой зависти и недоброжелательства. Таким образом разделенная радость становится двойной радостью, разделенное горе половинным горем. (geteilte Freud' ist doppelt Freude, geteilter Schmerz ist halber Schmerz).

Где симпатия, там и взаимопомощь. Люди, «братолюбивые друг к другу с нежностью» (Римл. XII, 10), «носят бремена друг друга» (Гал. VI, 2). Тогда «каждый уделяет по расположению сердца, не с

огорчением и не с принуждением, ибо доброхотно дающего любит Бог» (II, Кор. IX, 7). Тогда у творящего милостыню «левая рука не знает, что делает правая» (Матф. VI, 3). Мейстер Эккарт писал: «если ты даже восхищен на седьмое небо и созерцаешь Бога, и твой ближний попросит у тебя есть — лучше для тебя спуститься на землю и сварить ему тарелку супа, чем продолжать созерцать Бога». А в одном рассказе Лескова огородник молится Богу о таком урожае, которого хватило бы и для вора.

Ко всем этим обязанностям человека по отношению к отдельным лицам присоединяются общественные обязанности по отношению к семье, народности, правовому и хозяйственному сотрудничеству, государству и церкви. Правильное их выполнение означает «соработание Богу» (I, Кор. III, 9). Тогда люди, «как живые камни, устрояют из себя дом духовный» (I Петра II, 5), воодушевляясь словами Христа: «Я посреди вас как служащий» (Лук. XXII, 27). К этому святому делу призываются все люди. «Служения различны, а Господь один и тот же» (I Кор. XII, 5). И «проклят кто дело Господне делает небрежно» (Иер. XLVIII, 10). Учение о соответственных обязанностях составляет предмет христианской социологии.

XXVI. Обязанности по отношению к природе.

Человек в известном смысле является средоточием мироздания. Вершинами своего духа он оказывается «причастником Божеского естества» (II Петра I, 4), ибо «Бог создал человека образом вечного бытия Своего» (Прем. Солом. II, 23). Своим же телом «из праха земного» (Быт. II, 7) человек укоренен в материальной природе. Радищев назвал человека «единоутробным сродственником всему на земле живущему». Благодаря этому ничто природное ему не чуждо.

Природу можно понимать реалистически и номеналистически. В первом случае это вселенная, космос как единое, универсальное целое. Во втором случае это не более как множество небесных и земных тел, неодушевленных и одушевленных, или, как выразился Кант, «совокупность всех вещей, поскольку это предметы наших чувств».

На природу в ее отношении к Божеству можно смотреть трояко. Или она совпадает с Ним: Deus sive natura Спинозы, причем природа то олицетворяется, как у древних греков и римлян, то считается механизмом. В первом случае получается пантеизм, во втором — в

сущности — атеизм. Или природа рассматривается как эманация Божества, нечто органически, эволюционным путем из Него проистекающее при посредстве всяческих «эонов». Или, наконец, она понимается как творение сверхприродного, трансцендентального Бога. Именно так решают вопрос иудаизм и христианство. Этим определяются обязанности человека по отношению к природе.

Первая отрицательная обязанность — не олицетворять ее, т.е. не видеть в ней какое-то живое существо с волей и намерениями: «куда на выдумки природа таровата» (Крылов). Тогда ее часто называют заботливой матерью, пекущейся о всей твари и о человеке. Кант учил, что люди стремятся к согласию, но природа, которая знает лучше, что им нужно, дает им несогласие. Иначе смотрел Пушкин, назвавший природу «равнодушной». А поездка в Полесье вызвала у Тургенева такие мысли: «мне нет до тебя дела — говорит природа человеку; я царствую, а ты хлопочи о том, чтобы не умереть».

От олицетворения природы всего один шаг до ее обожествления. Гольбах предлагал воздвигать алтари «физическому богу». Как заметил Гейне, в начале XIX века вся немецкая метафизика прониклась пантеизмом. Романтики превратили даже Спинозу в «богопьяного» пантеиста. И Бисмарк в своих воспоминаниях пишет, что вместе со всеми своими сверстниками он вступил в сознательную жизнь как пантеист. Чистый пантеизм отвергает сверхприродного Бога. Но возможен полупантеизм, пытающийся сочетать такого Бога с божественной природой. Тогда история мира становится каким-то богоматериальным процессом и получается двойная вера — в Бога Отца и в Мать Природу. Смутное тяготение к этому можно усмотреть у разных русских писателей, особенно у Достоевского. Хромоножка в его романе «Бесы» передает слова старицы: «Богородица — великая мать сыра земля есть». Иван Карамазов почти обожествляет «клейкие весенние листочки, голубое небо». Владимир Соловьев с его вечной женственностью и «положительным всеединством» и С. Н. Булгаков с его «софийностью» отдали дань такому полупантеизму.

Если человек это не дитя природы, сотворенное по ее образу и подобию, и если своим духом он возвышается над ней, то это отнюдь не значит, что он должен или отворачиваться от нее, впадая в акосмизм, или объявлять ей войну в надежде на ее искоренение. Даже поврежденная природа это не абсолютное зло. Это не порождение сатаны. Это такое же Божие творение, как и человек, хотя и не носящее подобно ему образа и подобия Божия. Посему вторая отрицательная обязанность человека по отношению к природе — не стремиться к уничтожению как ее, так и ее произведений.

С этим связана положительная обязанность — уважать в ней Бо-

жие творение. Это тем нормальнее, что она непрерывно соучаствует в нашей жизни. Она разделяет с нами и наши горести и наши радости. «Вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Римл. VIII, 22). И радуется всякая тварь, когда мы прославляем нашего общего Творца. В Шиллеровом гимне к радости к человеческому хору присоединяются червь и херувим. У А. К. Толстого Иоанн Дамаскин выражает уверенность, что Бога «хвалить в своем глаголе не перестанут никогда ни каждая былинка в поле ни в небе каждая звезда». И это воодушевляет святого поэта: «о если б мог в мои объятья я вас, враги, друзья и братья, и всю природу заключить!» Природа не только сопутствует нам в нашей нынешней, временной и относительной жизни. У нее есть будущее, и притом такое, которое связано с предстоящей нам жизнью вечной. «Небеса исчезнут как дым и земля обветшает как одежда» (Исаия. LI, 6, Псал. CI, 27). «Небо и земля прейдут» (Матф. XXIV, 35). «Нынешние небеса и земля сберегаются огню» (II Петра, III, 7); «воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают» ((12). Но — говорит Бог — «Я творю небо и новую землю и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце» (Исаия LXV, 17); ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Апок. XXI, 1). А в новом небе и новой земле «обитает правда» (II Петра, III, 13) и Бог будет всяческая во всех.

С уважением природы связана обязанность познавать ее и притом не только физически, но и метафизически. Впадали в крайность те древнейшие отцы, которые считали естествознание ненужным и даже вредным как отвлечение от единого на потребу. Как писал Ломоносов, «испытание натуры свято». Познание природы освобождает ум от суеверия. А оно проявляется не только в фетишизме дикарей, готовых видеть сверхъестественную силу даже в деревьях и камнях. Проявляется оно также в том натурализме, который, как какой-то уродливый атавизм, несмотря на высокий уровень культуры проявляется у многих исследователей и истолкователей природы, «возвращающихся опять к немощным и бедным вещественным началам и хотящих еще снова поработить себя им» (Гал. IV, 9). Свободное от предвзятых суеверных теорий изучение природы обогащает наш ум множеством более или менее точных фактов. Из этого вытекает широчайшая возможность технического применения познания природы, благодаря чему не человек является ее рабом, а напротив, она в значительной степени становится его «роботом». Но одним научным естествознанием и технологией не исчерпывается обязанность изучения природы. Ее научное познание восполняется философским объяснением. Через природу мы восходим к Богу, через

творение к Творцу, «ибо от величия красоты созданий сравнительно познается Виновник бытия их» (Прем. Солом. XIII, 5) и «невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы (Римл. I, 20). «Небеса проповедуют славу Божию» (Псал. XVIII, 2). «Небеса возвещают правду Его» (XCVI, 6). В главе 43-ей книги Премудрости Иисуса Сирахова все явления природы поэтически приписываются Богу: облака вылетают как птицы (15), снег ниспадает как опускающаяся саранча (19) и рассыпается по земле как соль (21), вода облекается льдом как бы в латы (22) и т.п. Даже основоположники механического мировоззрения в XVII веке не могли обойтись без веры в Творца, которого, как уверял Вольтер, надо было бы выдумать, если бы Его не было. И, как выразился тот же Вольтер, «законоучители показывают Бога детям, а Ньютон доказывает Его мудрецам». Вслед за пророком Исаией, назвавшим небо Божиим престолом, а землю «подножием» (Исаия 66, 1). Бюффон усмотрел в природе «внешний трон Божьего великолепия». Множество философов и поэтов, созерцая природу, возносятся к Богу и воздают хвалу Ему. Английский поэт Юнг назвал ее даже христианкой, которая проповедует роду человеческому. У нас Державин в оде «Бог» писал: «Ты есть — природы чин вещает». При виде мирной природы. «когда волнуется желтеющая нива» и т.д., Лермонтов восклицает: «и в небесах я вижу Бога!» В недавно вышедшей книге Вл. Крымова «Дрозофилы и мы» (1947) прославляется божественный «высший разум».

Св. Максим Исповедник заметил, что имеющим очи, чтобы видеть, весь невидимый мир является в символах мира видимого. Подтверждению этого посвящена книга сербского епископа Николая Велимировича The Universe as Symbols and Signs (1950). В Ветхом и Новом Завете животные и растения не только соучаствуют в человеческих переживаниях, даже таких как покаяние (Иона III, 7, 8), но и символизируют евангельское благовестие. Христос изображается не только как «пастырь добрый, полагающий жизнь свою за овец» (Иоан. X, 11), но и как «Агнец Божий», который берет на себя грех мира» (I, 29). Сообразно с этим Его изображали в образе агнца. На Востоке в конце VII века Трулльский собор положил этому конец: 82-ой канон этого собора повелевает «отныне образ Агнца, вземлющего грехи мира, Христа Бога нашего, на иконах представлять по человеческому естеству вместо ветхого агнца». Но на Западе этот образ сохранился. В алтаре Гентского собора изображено написанное в XV веке братьями ван Эйками поклонение Агнцу так, как оно написано в Апокалипсисе: пред Ним стоят все ангелы и «великое множество людей, которые пришли от великой скорби» (VII, 11, 14).

В некоторых католических странах кондитерские изготовляют к Пасхе сахарных барашков с крестом и хоругвей. Попытку освежить символ Агнца в православном богословии сделал С. Н. Булгаков в книгах «Агнец Божий» и «Невеста Агнца». На стенах римских катакомб Христос символически изображался в образе рыбы, ибо буквы греческого слова «ихθис» понимались как «Иисус Христос Божий Сын». Вдохновивший одно стихотворение Мережковского «серафический отец» Западной церкви Франциск Ассизский воспел Солнце, дружил с соколом, проповедовал ласточкам и называл собственное тело «братом ослом». Мотив дружбы пустынножителя с медведем усвоен русской иконографией.

Начиная с древних баснописцев животные считаются символами человеческих добродетелей и пороков: собака изображает и верность и бесстыдство (отсюда «цинизм»), лисица, которой Христос уподобил Ирода (Лук. XIII, 32), — хитрость, свинья — невоздержание, голубь — кротость (Матф. X, 16). Как ни стараются материалисты породнить человека с обезъяной через какого-то «примата», она является не более как его каррикатурой, только внешне похожей на него (латинское название обезьяны simia одного корня со словом similis, похожий; и Энний писал: simia, quam similis turpissima bestia nobis). Но и она своей необычной нежностью к своим детенышам (Affenliebe) может пристыдить иную нерадивую мать.

Одно средневековое стихотворение, каждая строка которого начинается словами non sibi не себе, перечисляет животных, которые трудятся не для себя, а для человека и служат ему. Это обязывает его к заботливости о них. Но как часто люди забывают об этой обязанности: Мальбранш бил нещадно свою собаку. Когда ему заметили, что ей больно, он, как истый картезианец, возразил, что ее завывание это только дрожание голосовых связок. У Некрасова изображен озверевший погонщик, который стал бить обессилевшую лошадь поленом, ибо «показалось кнута ему мало»: «и уж бил ее, бил. Лошадь только вздыхала глубоко и глядела (как люди глядят, покоряясь неправым нападкам). Он опять: по спине, по бокам. И вперед забежав, по лопаткам и по плачущим кротким глазам». Преступлением против природы является хищническая эксплуатация ее даров — далеко не неисчерпаемых, как недавно предупредил американский ученый Осборн: вырубают леса, истощают почву, истребляют целые породы живых существ и т.п. В августе 1949 года «объединенные нации» (UNO) созвали конференцию на предмет сохранения материальных рессурсов нашей планеты.

Человек призван не подчиняться природе, а преодолевать ее и даже подчинять ее себе. Благодать, которая, как учил Фома Аквин-

ский, не уничтожает, а совершенствует природу, — это Божий дар, сообщающий человеку способность к культуре, т.е. обработке сырого материала природы. Когда силы небесные с нами невидимо служат, тогда и силы природы должны нам видимо служить. Технология и может и должна производить чудеса. Она призвана преодолеть самый тяжелый вид человеческой зависимости, а именно зависимость от косной природы. И человек обязан не зарывать свои технические способности в землю. Предосудителен только такой доходящий до неистовства (furor technicus) «техницизм», который превращает технику из средства в самоцель. Еще более предосудительно превращение техники в средство для злых целей. Сейчас изобретаются такие ужасные средства взаимного истребления людей, что недавняя вера в науку, соединенная с надеждой, что она даст людям благополучие, теперь сменяется страхом перед ней.

Кризис современной культуры в значительной степени вызван торжеством техники над этикой. В связи с этим раздаются жалобы, что христианство не удалось. Но эти жалобы неосновательны. Не христианство не удалось, а стремление создать человеческое благополучие без Христа и даже против Христа. А между тем Он совершенно определенно предупредил: «без Меня не можете сделать ничего» (Иоан. XV, 5).

* * *

Продолжением настоящего курса является прочитанный в 1949-50 академическом году курс христианской социологии.

ВВЕДЕНИЕ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Б. А. Константиновский*

16 июня 1870 года император Александр Второй подписал указ о введении в России »Городового Положение», т.е. закона об общественном управлении городов. Этой реформой был положен конец тем порядкам до-реформенной Руси так ярко изображенной Н. В. Гоголем в «Ревизоре».

20 марта 1862 года последовало высочайшее повеление «о безотлагательном принятии мер к созданию общественного управления». В тот же день было издано «Положение об общественном управлении г. Москвы» как часть предложений т.н. Тучковского комитета», возглавляемого Московским Ген.-Губернатором Тучковым.

Необходимо отметить, что в Санкт. Петербурге в 1846 году действовало общественное управление, автором которого был Н. А. Милютин, брат Д. А. Милютина — сподвижника Царя-Освободителя — военного министра и впоследствии графа и генерал-фельдмаршала. Общественное управление столицы 1846 года было во всех отношениях менее удачным по сравнению с Московским 1863 года. Так, например, СПБ Общая Дума из 250 гласных от пяти сословий столицы собиралась с 1846 г. по 1870 г. всего только на 17 заседаний. Ее исполнительный орган — Распорядительная Дума из 12 членов была полностью подчинена СПБ Генерал-губернатору.

В положении 1863 года для Москвы было:
1) ослаблено начало сословности, 2) отделены сословные учреждения

---

* Бывший профессор Гарвардского и Колумбийского университетов.

от чисто городских, 3) в Распорядительной Думе уничтожено привилегированное положение дворянства и купечества, 4) были допущены представители от крестьян и, наконец, 5) была предоставлена большая самостоятельность выборным учреждениям. Так, например, созыв Думы происходил без предварительного разрешения властей, а из числа членов Распорядительной Думы быз изъят коронный чиновник, который входил в состав СПБ Распорядительной Думы по назначению. Введение общественного управления в Москве было только предварительным шагом к введению общественного управления повсеместно во всех городах Империи.

На подготовку и собирание материалов, а также на разработку и обсуждение в Государственном Совете законопроектов ушло восемь лет. В подготовительных работах играл главную роль директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел А. Д. Шумахер. Первая стадия — сбор материалов с мест. С этой целью были учреждены местные комитеты в 595 городах. Вторая стадия — свод отзывов местных городских комитетов. Эти материалы составили том в 140 печатных страниц. Из числа 595 городов только 27 незначительных городков высказались против проектируемого общественного управления, считая, что они вполне удовлетворены своими Сквозник-Дмухановскими. В 1864 году, пользуясь этими материалами было разработано два проекта. Второе Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, рассмотрев эти проекты, дало по ним следующее заключение: «придать настоящему труду Министерства внутренних дел полноту и законченность, представляющие ручательства зрелости и обдуманности всех предначертаний. Сверх того, большая часть указанных сведений и исследований имеет важное значение в отношении научном, и лица, направляющие эти работы, без сомнения заслуживают благодарность от всякого интересующегося судьбой нашего отечества».

В заседании Государственного Совета 31 марта 1866 года было решено распространить самоуправление на 248 городов. За отставкой министра вн. дел П. А. Валуева в 1868 году последовал пересмотр проекта в министерстве вн. дел.

Государственный Совет в заседании 28 марта 1869 года отнесся отрицательно к этому, по существу, второму проекту, т.к. по мнению Гос. Совета в разработке нового проекта не принимали участия представители городов. Поэтому была образована комиссия под председательством Управляющего Вторым Отделением Собственной Е. И. В. Канцелярии с участием экспертов городских голов и гласных.

Эта комиссия, рассмотрев вновь проект в 14 заседаниях в феврале-марте 1870 года, окончательно одобрила проект, который

был внесен в Гос. Совет 31 марта 1870 года.

При обсуждении проекта Гос. Совет внес ряд поправок, а именно: 1) «Городское Положение» было переименованно в «Городовое Положение» в память «Городового Положения», изданного в царствование Императрицы Екатерины Второй в 1785 году, 2) Городское Общественное Собрание было переименованно в Городскую Думу, а Распорядительная Дума в Городскую управу.

11 мая 1870 года «Городовое Положение» было окончательно утверждено Гос. Советом, а месяц спустя получило санкции Царя-Освободителя.

* * *

При разработке и рассмотрении проектов возник ряд принципиальных вопросов:
1) о составе городских избирателей, 2) о председательствовании в Городской думе и Управе, 3)и о пределах самостоятельности органов городского самоуправления.

В проектах министерства вн. дел право голоса предоставлялось только плательщикам прямого налога, т.е. домовладельцам и владельцам торгово-промышленных предприятий.

Таким образом из числа избирателей выпадала наиболее культурная и образованная часть общества: лица либеральных профессий, чиновники и т.д., если они не владели недвижимым имуществом. Министр Вн. Дел П. А. Валуев был сторонником этих начал в проекте. Когда этот проект рассматривался при Мин. Вн. Дел гр. Д. Толстом, возник вопрос о введении квартирного налога на квартиронанимателей с предоставлением им права участия в городских выборах. Сторонники этих мер высказывали соображения о пользе образованной части общества в управлении городами и о роли в этом случае квартирного налога. Некоторые губернаторы в своих заключениях писали о нежелательности предлагаемых мер, расширяющих круг городских избирателей. Со своей стороны А. Шумахер предлагал, чтобы сами города ходатайствовали о введении квартирного налога. Тем не менее, многие провинциальные города высказывались против налога из-за ничтожности суммы сборов и на технические трудности сбора этих средств. В результате, квартирный налог, дающий право голоса на выборах в «Городовое Положение» не вошел в новый закон.

Вторым вопросом, вызвавшим многочисленные прения, был вопрос о председательствовании в Городской Думе и Управе. В первом проекте Гор. Дума должна была избирать собственного председателя. На этой точке зрения стояла Собственная Е. И. В. Канцелярия.

Эту точку зрения разделяли и при рассмотрении второго проекта при министре вн. дел А. Е. Тимашеве.

Между тем эксперты разделились. Большинство во главе с кн. В. Черкасским было за разделение, т.е. чтобы дума имела собственного председателя. Мнение большинства экспертов поддерживали А. Е. Тимашев и А. Шумахер, ссылаясь на земское положение 1864 года. Однако, Гос. Совет решил в пользу соединения, в результате чего в Городской Думе по положению 1870 года председательствовал Городской Голова.

Император Александр Второй еще до приступа к реформе своими повелениями 25 марта и 13 октября 1859 года указывал: «предоставить большую самостоятельность и большее доверие». Первый проект вручал право надзора губернатору путем внесения протестов в двухнедельный срок в Сенат. При рассмотрении этого проекта во Втором Отделении Собственной Е. И. В. Канцелярии было предложено учредить с этими целями особое Губернское присутствие в составе: Председателя Окружного суда, председателя Губернской земской управы, Городского Головы губернского города и управляющего Казенной Палатой.

По этому вопросу большинство экспертов высказалось в пользу предложения Второго Отделения, в том числе и кн. В. Черкасский и С. П. Б. гласный В. И. Лихачев. При рассмотрении законопроекта в Гос. Совете, последний стал на точку зрения Второго Отделения и большинства экспертов с указанием, что коллегиальный надзор авторитетнее, чем надзор, осуществляемый губернатором единолично. М. В. Щепкин считал, что этот коллегиальный надзор был одним из лучших нововведений Городового Положения 1870 года.

* * *

Городовому положению 1870 года повезло в том смысле, что проведение в жизнь этого положение было возложено на А. Шумахера, который с любовью принял на себя этот труд. Достаточно указать, что благодаря его стараниям в 1879 году начало выходить в свет оф. издание «Городская Хроника». Затем было издано «Городовое Положение с объяснениями» и 3 тома «Материалов, относящихся до нового общественного устройства в городах Империи», т.е. документальная история реформы. Какое благодатное влияние имела эта реформа на общественное хозяйство городов можно судить по нижеследующим данным. В половине 19 ст. накануне реформы в 595 губернских и уездных городах городские доходы распределялись следующим образом:

в	10	городах	от	250	рб. до	500	рб. в год.
в	36	городах	от	500	рб. до	1000	рб. в год.
в	159	городах	от	1000	рб. до	2500	рб. в год.
в	189	городах	от	2500	рб. до	5000	рб. в год.
в	79	городах	от	5000	рб. до	10000	рб. в год.
в	57	городах	от	10000	рб. до	25000	рб. в год.
в	20	городах	от	25000	рб. до	50000	рб. в год.
в	13	городах		более		50000	рб. в год.

В юбилейном издании «Общественное хозяйство г. Москвы к 25 летию введения реформы М. П. Щепкин дал следующие статистические данные:

Доходы 1863 — 1867	9040542 рб.
Доходы 1868 — 1872	11620000 рб.
Доходы 1873 — 1877	16710000 рб.
Доходы 1878 — 1882	20855043 рб.
Доходы 1883 — 1887	23784841 рб.
Доходы 1888 — 1892	31232000 рб.

Если сопоставить рост доходов общественного управления г. Москвы с ростом расходов на училища, то получается:
годы 1873 — 1877 доходы выросли на 45%, а расходы на училища на 364%; годы 1878 — 1882 доходы выросли на 27%, а расходы на училища на 138%; годы 1883 — 1887 доходы выросли на 11%, а расходы на училища на 62%.

Император Александр Третий, который вообще был противником реформ своего отца Императора Александра Второго, тем не менее, должен был признать в своем указе от 11 июля 1894 года, что: «Городовое Положение принесло в течение 20 лет своего применения немаловажную пользу».

---

* Гр. Джаншиев. — Эпоха Великих Реформ. стр. 531 и след.

БИОГРАФИЯ ПРОФЕССОРА, Д-РА ПРАВ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА СИНАЙСКОГО*

(1876-1949)

Синайский, Василий Иванович, происходил из духовной семьи. Родился он 25 июля 1876 г. в Тамбовской губернии.

По окончании юридического факультета Юрьевского Университета был оставлен в 1904 г. для подготовки к профессорскому званию при кафедре догмы и истории римского права.

В 1905-1906 г. провел год заграницей, в Бельгии, где научно работал в библиотеках и в Социологическом Институте в Брюсселе.

Представив на pro venio legendi работу «Подушный надел в древнем Риме», т. I, Юрьев, 1907 г., был избран приват-доцентом по кафедре догмы и истории римского права, а затем в 1909 г., по защите магистерской диссертации, был избран экстраординарным профессором на кафедру гражданского права в том же Юрьевском Университете (в Юрьеве-Дерпте).

В 1910 г. был избран профессором на кафедру римского права в Варшавском Университете, а в 1911 г. был приглашен в Университет Св. Владимира в Киеве на кафедру гражданского права. Там же в течение некоторого времени читал курс торгового права.

По защите в 1913 г. докторской диссертации был избран ординарным профессором на кафедру гражданского права в Университете Св. Владимира в Киеве.

Тема обеих диссертаций: «Очерки из истории землевладения и права в древнем Риме», том I, Юрьев 1908 г., том II, Киев 1913 г.

В Киеве же читал лекции в других высших учебных заведениях (гражданское право и гражданский процесс — в Коммерческом Институте; гражданское право — на Высших женских курсах и т.д.), а также состоял директором основанного им в 1917 г. Юридического Института, преобразованного впоследствии в Социологический, где кроме юридических предметов, читал также курс социологии.

В Университете Св. Владимира в Киеве был им основан старший научный семинар по вопросам гражданского права. Научные труды этого семинара были опубликованы в трех томах.

---

* Настоящие материалы были любезно предоставлены в распоряжение редакции проф. Г. П. Струве. Библиография и краткая биографическая справка составлены дочерью покойного В. И. Синайского — Наталией Васильевной Синайской. (Ред.).

В Киеве в 1914-1915 гг. вышел первым изданием, а в 1918 г. — вторым его курс «Русского гражданского права», в двух томах.

В 1915 г., в Киеве же, был издан его труд, явившийся плодом долголетних исследований и командировки на Кавказ, озаглавленный «Древнеримская община в сравнении с русской казачьей общиной», с приложением собранных материалов и планов.

В. И. Синайский принимал также участие в юридической прессе, в частности в «Вестнике Гражданского Права», «Юридическом Вестнике», «Вестнике Права» и т.д.

В 1922 г., по приглашению Латвийского Университета, переехал в Ригу, где до конца 1944 г. состоял бессменно ординарным профессором по кафедре гражданского права и вел основанный им старший научно-исследовательский семинар по гражданскому праву.

В том же Университете читал практический курс «Методологии юридических наук», а также, в течение нескольких лет, по поручению факультета, курс истории и догмы римского права.

В Риге же читал лекции в других Высших учебных заведениях: Институте практических знаний, в Народном Университете и в Русском Институте Университетских Знаний.

В течение четырех лет был юрисконсультом Министерства Финансов в Риге; основателем и председателем научного общества «Эквитас» (Aequitas); основателем в 1928 г. журнала «Юрист», выходившего под его редакцией на латышском языке; состоял постоянным сотрудником издававшейся в Риге Латвийской Энциклопедии, где в частности вел отдел римского права; был сотрудником журналов «Вестник Министерства Юстиции» (T.M.V.), «Юрист» (J), «Закон и суд», и др., а также многих газет...

Состоял членом Société d'histoire de droit в Париже, American Academy of Political and Social Science в Филадельфии, Comitato Scientifico della *Rivista di diritto agrario* — во Флоренции, Istituto di studi legislativi в Риме...

В 1936 г. в Риге было отмечено его шестидесятилетие и одновременно тридцатипятилетие его научной деятельности.

В связи с этим в Риге была издана, под заглавием «Vassilii Sinaiski opera», составленная его учениками полная библиография всех его научных трудов и статей, опубликованных, как в России, Латвии, так и за границей (около 500 названий).

Его основные труды относятся прежде всего к областям гражданского и римского права.

В области гражданского права В. И. Синайский своей научной задачей считал не чистую догматику права, а изучение основных принципов, их развитие и реализацию не только в системе действующего права, но в определенной гражданско-правовой среде, в так называемом нормативно-правовом обществе.

Что касается римского права, то, в отличие от догматиков, В. И. Синайский пытался доказать, что грандиозное построение римского права не было создано по определенному плану, но выросло в процессе исторического развития из норм положительного права, действовавших с одной

стороны в публичном, с другой — в гражданско-правовом обществе, причем автор в особенности подчеркивал то, что в древние времена сакральное право, находившееся в ведении юристов-жрецов, имело большее значение, чем светское право, что объясняется теократическим укладом древнеримской жизни.

Что касается светского права, то, по мнению ученого, в нем следует различать разные «слои», из которых древнейшим являлось так называемое квиритское право, носившее военно-сакральный характер; многие институты частного права выросли из публичного права, когда с расширением древне-римской государственности замкнутое квиритское братство (община) стало народным братством (Populus).

За свою работу «La cité quiritaire», опубликованную в 1923 г. в Анналах Латвийского Университета, получил премию.

Хотя всю свою жизнь В. И. Синайский был профессором-юристом и хотя его научные труды относятся прежде всего к юридической области, в своей научно-исследовательской работе он не ограничивался лишь вопросами права, но посвятил ряд своих исследований вопросам древней культуры, изучению и сравнению древних календарных систем, происхождению древней хронологии (пользуясь для этого найденным им сравнительным методом истолкования и согласования источников и другими комбинированными методами), проблемам сравнительного фольклора, в частности юридического, в котором видел хранилище древнего научного знания, а также древней письменности и т.д...

Знание древних языков помогало ему в его научно-исследовательской работе.

Свои работы проф. В. И. Синайский публиковал на русском, латышском, французском, немецком и других языках, войдя в семью европейских ученых (см. приложение).

Н. В. С.

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА ПРАВА ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА СИНАЙСКОГО

I. По истории римского права

A. Опубликованные в России

1. Подушный надел в древнем Риме, т. I, Юрьев, 1907, по-русски, с кратким изложением по-немецки (pro venio legendi)

2. Очерки из истории землевладения и права в древнем Риме (магистерская и докторская диссертации), т. I, *Юрьевские Ученые Записки,* Юрьев-Дерпт, 1908; т. II, *Киевские Университетские Известия,* Киев 1913.

3. Die Grundverteilung nach der Zahl der Männer (*Studien,* Bd. II, Kiev, 1913), in Russian, with German résumé.

4. So gen. Geschlechtsorganisation der ursprünglichen Gemeinde (*Studien,* Bd. II, Kiev, 1913), in Russian, with German résumé.

5. Die Erbschaftsgründe der Hausangehörigen und die Frage des Familieneigentums (*Studien,* Bd. III, Kiev, 1913), in Russian, with German résumé.

6. Древне-римская община, в сравнении с русской казачьей общиной (с приложением двух планов), *Киевские Университетские Известия,* Киев, 1915.

B. Опубликованные за границей. (на французском языке)

7. La cité quiritaire (de l'origine de l'histoire agraire, de l'histoire du droit de la Rome ancienne et de ses institutions religieuses et guerrières), Riga, 1923, en français.

8. La cité populaire considérée au point de vue de la cité quiritaire, Riga, 1924, en français.

9. Chronologie et historiographie de Rome dans leurs rapports mutuels, Riga, 1925, en français.

10. Les XII Tables au point de vue de la chronologie de Rome, de son droit et de son calendrier, Riga, 1926, en français.

11. Rome et son droit théocratique et laïque considéré au point de vue de la mythologie, de l'historiographie et de l'histoire, Riga, 1928, en français.

12. Identité des lois et bases chronologiques de l'histoire romaine, *Epistolae et logistorici,* № 12-14, Riga, 1932.

13. Problèmes du droit romain au point de vue du droit Quiritaire (et nouveaux fragments des Instituts de Gaius), Riga, 1936.

14. Rome et Chine dans quelques rapprochements (juridiques, économiques, réligieux, chronologiques, astrologiques, totémiques et folkloriques), *L.U.R. (Annales de l'Univ. de Lettonie),* Riga, 1936, I.

II. По гражданскому праву

A. Опубликованные в России

15. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве (с приложением действующих русских законов, сенатской практики и указателя русской литературы), *Ученые Записки Юрьевского Университета,* Юрьев-Дерпт, 1910.

16. Необходимо ли нам спешить с изданием Гражданского Уложения и можем ли мы создать его в настоящее время? Варшава, 1911.

17. Русское гражданское право, в двух томах, 1-ое издание: Киев, 1914-1915; 2-ое издание: Киев, 1918 (и другие).

B. Опубликованные за границей

18. Abhandlungen zur Theorie und Geschichte des Zivilrechts, *LUR (Annales de l'Univ. de Lettonie)* I,I, Riga, 1930, 199.

19. Основы гражданского права в связи с частью III Свода узаконений, действующих в Латвии и Эстонии, Рига, 1931, I, VIII+502 стр., по-русски.

20. Латвийское гражданское право. — Общие основы гражданского права (Prolegomena), Рига, 1935, X + 290 стр., по-латышски (и другие).

III. По другим вопросам

21. Folklore juridique, *L.U.R. (Annales de l'Univ. de Lettonie),* I,4, Riga, 1931.

22. Théorie du folklore comme science ancienne, *Annali dell'Istituto Orientale di Napoli,* Vol. V, VI, SIEM, 1932-1933.

Série: **Epistolae et logistorici:**

23. Ueber das zehnmonatliche Jahr und die chronologische Methode, *E. et L.*, № 6/7, Riga, 1927.

24. Хронологический метод истолкования и согласования источников (Письмо вместо доклада, адресованное IV-ому Съезду Русских Ученых в Белграде). Рига, 1923.

25. Théorie de la chronologie ancienne civile et naturelle, appliquée à quelques institutions historiques, juridiques, de folklore et d'historiographie, Riga, 1931.

26. Counting as primordial basis of human culture (New methodology), *E. et L.*, № 15-18, Riga 1933.

27. Культура и право (Введение), E. et. L. № 19, Рига, 1939, по-русски.

28. Culture et droit au point de vue de la science ancienne (abrégé), *E. et L.*, № 20-22, Riga, 1939 (en français).

29. Культура и язык, *E. et L.*, № 23-24, Рига, 1939, по-русски.

30. Культура и число, *E. et L.*, № 25-27, Рига, 1940, по-русски.

31. Псково-Печерский монастырь. — Общий культурно-исторический очерк, с репродукциями с картин и рисунков академика С. А. Виноградова, по-русски, с предисловием по-французски, Рига, 1929.

32. Dzive un cilveks (=Жизнь и человек) Riga, 1937, по-латышски.

33. Жизнь и человек (философско-психологические очерки, посвященные современному человеку), Рига, 1938, по-русски (и другие).

Статьи в журналах и других изданиях:

I. Опубликованные в России:

1. Война и Особые Совещания, *Юридический Вестник,* 1915, IX(I), 207-230.

2. Война и право завещания, *Вестник Права,* 1916,4,97-99.

3. «Возмездная виндикация» в нашем праве и проекте, *Вестник Права,* 1916, 25, 617-620.

4. «Законная» доля алиментов жены из жалованья мужа.

Вестник Права, 1915, 51/52, 1239-1242.

II. Опубликованные за границей (на французском языке):

1. Situation juridique agraire an Lettonie après la grande guerre. Rivista di Diritto Agrario, Fasc. № 4, Firenze, 1932.

2. Ordre des matières dans la législation de Justinien. *Studi in memoria di Aldo Albertoni,* Vol.I. CEDAM, Padova, 1933, 181-203.

3. "Ex jure Quiritium", *Studi in onore di Salvatore Riccobono nel XL. anno del suo insegnamento,* IV. Palermo, 1936, 57-75.

4. Situation juridique agraire en Lettonie (Courlande) avant la grande guerre depuis le XIX siècle (en comparaison avec le droit romain). — *Archivio "Vittorio Scialoia" per le consuetudini giuridiche agrarie,* Vol. 3, F. 1-2, Firenze, 1936.

5. Quelques coutumes agraires chez les paysans lettons, *Archivio "Vittorio Scialoia",* Firenze, 1936.

III. Опубликованные за границей (в эпоху независимой Латвии, на латышском и русском языках)

1. Организационные нормы гражданского права, *T.M.V.*, 1928, 7/8, 209-218; 10/11, 324-336; 12, 415-424; (на латышском языке).

2. Ревизия или реформа (Заметки к проекту Латвийского Гражданского Уложения). Jurists, 1928,1, 3-6.

3. Практика и теория, Jurists, 1928,2, 33-36.

4. Lietderība un noteikumi likumu tulkošanā, *Jurists* 1928,3, 65-72.

5. Равенство перед законом и плохой гражданин. *Jurists,* 1928,4, 97-102.

6. Неотложное дело для граждан, в особенности для юристов, *Jurists,* 1928,5, 129-132.

7. а. Равенство перед законом и плохой гражданин.

б. Идея правонарушения в древнем и современном гражданско-правовом обществе.

в. Неотложное дело для граждан, в особенности для юристов.

г. Значение юбилея в прошлом и настоящем.

д. Научный комментарий на сенатские решения. Библиотека «Aequitas», №5, Рига, стр. 52.

8. Толкование законов вообще и гражданских в частности, *T.M.V.* 1929, 7/8, 235-254.

9. Научный комментарий на сенатские решения, *Jurists,* 1929, 4(11) 113-116; 1929, 5, 12, 147-152; 1929, 8(15), 247-250.

10. Правовая догма, *Jurists,* 1929, 6(13), 171-174.

11. Латвийский Университет (Университетская Конституция), *Jurists,* 1929, 7(14), 195-200;

12. Право и семья, *Jurists*, 1929, 8(15), 225-228.

13. Право и воспитание, *Jurists*, 1929, 9(16), 257-264;

14. Гражданско-правовое общество, *Jurists*, 1930, 2(18), 4-46; 3(19), 75-78; 4(20), 103-108;

15. Launprātība kā mūsu dzives launums, *Jurists*, 1930, 4(20), 97-100

16. Эвикция, *Jurists*, 1930, 5(21), 137-140.

17. Error, *Jurists*, 1930, 6(22), 169-182;

18. Факт и право, *Jurists*, 1930, 7(23), 193-196;

19. Patapinajuma līgums sakara ar reala liguma dabu sena Roma un III. dala, *Jurists*, 1930, 8(24), 237-240.

20. Glabajūms kā realais līgums romiešu tiesibās un III. dalā, *Jurists*, 1930, 9(25), 263-266.

21. Памяти проф. Балодиса, *Jurists*, 1931, 1(26), 1-4.

22. Динамические нормы в гражданско-правовом обществе, *Jurists*, 1931, 2(27), 35-42.

23. Гражданско-правовое общество как предмет науки гражданского права и его виды, *Jurists*, 1931, 4(29), 95-102.

24. Надо ли закрывать двери юристам? *Jurists*, 1932, 2(36), 33-34;

25. Право на брак, *Jurists*, 1932, 3(37), 71-76.

26. Ревизия гражданского законодательства или Латвийский гражданский кодекс, *Jurists*, 1932, 3(37), 65-68.

27. Программа Латвийского Гражданского Уложения (Свод узаконений ч. III и Свод Российских законов т. X, ч.1) 1933, 16.

28. Fideikomissa fonds, *Jurists*, 1933, 1(44), 1-4.

29. Теория и практика гражданского права — доклад, прочитанный на 1-ом конгрессе юристов, *Jurists*, 1933, 3(46), 67-70; 4/5 (47/48), 97-102.

30. Проблема толкования гражданских законов, *Jurists*, 1933, 6(49), 161-164.

31. Сакральное право и свод Латвийских гражданских законов, *Jurists*, 1933, 7(50), 192-200; 8/9 (51/52), 233-238; 1934, 1(53), 7-14.

32. Латвийский проект об обручении, о личных и имущественных отношениях супругов и о наследовании их в связи с вопросами общей методологии составления законов. *Закон и Суд*, 1933, 7(37), 1243-1250.

33. а. Программа истории Римского права.

б. Введение в историю Римского права, *Jurists*, 1934, стр. 18.

34. Философия русского права, *Jurists*, 1934, 2(54), 33-40.

35. О собственности и о новом законе о найме, *Jurists*, 6(58), 161-164.

36. Адопция лиц, находящихся под родительской властью, *Jurists*, 1934, 7(59), 193-196.

37. Юридическая сделка (Negotium), Валютный закон 18 июня 1921 г. *Jurists*, 1934 8/9 (60/61), 225-230.

38. Приобретение имущества через передачу (traditio) *Закон и Суд*, 1934, 6(46), 1581-1588.

39. Saimniecibas tiesību lietiskās normas, *T.M.V.*, 1935, 4, 657-743.

40. Приобретение имущества путем передачи (traditio), *Jurists*, 1935, 1(62), 1-8.

41. Musu mantojuma tiesibas ka tiesibu mantot raksturojums. *Jurists*, 1935, 2(63), 33-38.

42. Servitūtu tiesības savā uzbuvē un pamatprincipos, atskiriba no realnastam, *Jurists*, 1935, 3/4 (64/65), 65-70.

43. Parsona tiesibas, sakara ar macibu par tiesiskam vienibam ka tiesibu subjektiem, *Jurists*, 1935, 5(66), 108-110.

44. Юридический характер обязательного права, *Jurists*, 1935 6/7 (67/68), 133-140; 8/9 (69/70), 177-188.

45. Юридическая сделка (Negotium) и Латвийский валютный закон 14 июня 1921 г., в связи с современной проблемой о золотой или валютной клаузуле. *Закон и Суд*, 1935, 4(54), 1925-1934.

46. Обеспечение исполнения обязательства, основанного на договоре, *Jurists*, 1936, 3/4(73/74), 43-46; 5/6(75/76), 109-116.

47. Статусы обязательного права, *Jurists*, 1936, 7/8 (77/78), 121-126.

48. Некоторые вопросы наследственного права, в связи с новым проектом Гражданского Уложения, *T.M.V.*, 1936, 3, 596-604.

49. К проекту частного международного права. *Закон и Суд*, 1936, 1(61), 3111-3118.

50. Принцип справедливости в Латвийском гражданском праве, *Jurists*, 1937, 7/8 (85/86), 119-130.

51. Принципы Гражданского Уложения и семейное право, *T.M.V.*, 1938,1, 30-58.

52. Личность и личные права в новом Гражданском Уложении. *T.M.V.*, 1938,2, 326-349.

53. "Aequitas" и "Jurists", *Jurists*, 1938, 1/2 (87/88), 1-4.

54. Наследование супругов в нашем Гражданском Уложении (C.L.), *Jurists*, 1938, 1/2 87/88), 9-14.

55. Справедливость, в частности правовая, в Латвийском Гражданском Уложении, *Закон и Суд*, 1938, 2(82), 3881-3888; 3(83), 3925-3932.

56. Письменная форма в авторском праве (к толкованию статей

43, 67-69 и 88 Закона 10 мая 1937 г. об авторском праве). *Закон и Суд,* 1938, 5(85), 3985-3988.

57. Наши права и обязанности в Новом Гражданском Уложении, 1938, 1, 34-39.

58. Древний латышский общественный порядок в отражении народных песен. *Tautas vesturei,* 1938, 115-131.

59. Наши права и обязанности в новом Гражданском Уложении. *Rakstu Krajums Pagalms,* 1938, 167-175.

60. Народное творчество в его новом понимании, как народного знания истинного пути жизни. *Родная Школа,* 1931, 5.

61. Новое восприятие жизни (теория и практика). *Un.,* 1936, 13, 106, 305-306; 14(107), 328-331.

62. Чему ребенок учит отца и мать. *М. М.,* 1938, 11, 9.

63. Учение, воспитание и образование, *М. М.,* 1938, 18, 9.

IV. Опубликованные на латышском языке в Латвийской Энциклопедии
(общей численностью 252), из которых наиболее значительные:

1. Цивилизация (II, 3864-3867)
2. Corpus iuris civilis (II, 3980-3986)
3. Curiae (II, 4038-4041)
4. Хронология (III, 4306-4310)
5. Деликт (III, 5016-5019)
6. XII Таблиц (III, 5489-5491)
7. Факт и право (V, 8254-8258)
8. Gens (V, 9941-9944)
9. Hereditas (V, VI, 11741-11745)
10. Юридическая методология (VIII, 14738-14741)
11. Квиритское право (X, 19329-19336)
12. Личные права (XVI, 31, 763-31. 766) и др.

V. Рецензии (общей численностью 50), из которых следует упомянуть:

1. К. Чаксте, «Покупка в кредит в Латвии и за границей» (*Jurists,* 1931, 8/9, 33-34)

2. А. Швабе, «Право древне-ливонских рыцарей; текст и критика источников» *TMV,* 1932, 289 и след.)

J. Jurists — Юрист

TMV — Tieslietu Ministrijas Vestnesis — Вестник Министерства Юстиции

LKV — Latvijas Konverzacijas vardnica — Латвийская Энциклопедия

Some Basic Problems of Translation from Russian to English*

Alexander P. Obolensky

No translation, irrespective of its merits, is a full-fledged creation; it receives its identity from the original. Thus, translation is an interpretative art. In the realm of belles-lettres, the translator is as partial in his work as the reader is in his evaluation of it. Yet on this moving ground, certain principles inherent in the linguistic peculiarities of both languages can be set forth as guidelines. I must acknowledge that I am not a professional translator and, therefore, do not lay claim to having made an exhaustive investigation of the subject at hand. However, I submit that any teacher of foreign languages who faces problems of linguistic interaction must, to some extent, act as a translator. In the following observations which derive mainly from my experience as a teacher, I will confine myself to a few general elementary considerations. I shall begin by putting into focus the most important syntactic disparities encountered by translators who deal with Russian and English texts.

I. In the very process of his work, the translator never translates each word separately. He has to deal with the author's thought or image in its completeness, always subordinating the functional semantics of a given

*Text of a paper delivered in Russian by Professor Obolensky at a symposium devoted to translation problems in Russian and in English, held on July 24, 1976 at the Russian School of Norwich University, Vermont. The author wishes to express his appreciation to Prof. William M. Murphy of Union College for his valuable suggestions.

term to the realization of the general concept. At this juncture arises the syntactical issue of word order.

a. Since Russian belongs to the category of synthetic languages, the word order in a Russian sentence is much less rigid than in English.[1] The latter, an analytic language, has historically adhered to a rather fixed word order. Therefore, the translator's first task is to determine whether or not it is necessary to transpose the components of a given sentence. For that purpose one should start by identifying the *central element* of the sentence, usually the subject, but perhaps the *stressed element,* or the *semantic* (logical) *predicate,* and bring it out successfully in the language of the translation. Moreover, with respect to phraseology, the Russian sentence is generally characterized by a use of accumulating elements in which the full meaning is not realized until the last word. Hence, the reader's attention is progressively drawn toward the end of the sentence. To take a simple and obvious example, in ordinary English speech the subject comes at the beginning of the sentence; in Russian, often at the end. For instance: *Roses were blooming in the garden* 'В саду цвели розы,' or *My mother was sitting by the window* 'У окна сидела моя мать.'

b. The presence or absence of the determinate or indeterminate English article can create difficulties in translation. Let us take for example the following English sentence: *A man came into the room.* If the translator should fail to transpose the components of this sentence, that is to say, should reproduce it in the same word order, i.e., 'Человек вошел в комнату,' the reader would draw an erroneous inference, as the correct translation should read: 'В комнату вошел человек.' Such word order is required by the presence in English of the indeterminate article which refers to an unknown person. Thus, the same idea in Russian is rendered by an inversion of word order, i.e., 'В комнату вошел человек.' This type of rearrangement is most often encountered in declarative sentences. Had the reference been to a known person, then the English sentence with the determinate article, *The man came into the room,* would be translated into Russian with the same word order: 'Человек вошел в комнату.' In narrative sentences, where there is no strongly pronounced emphasis on any particular syntactical element, the translation usually follows the same word order as in the original. For example: *I see a picture* 'Я вижу картину.'

---

[1] A. M. Peshkovsky points out that "the sentence 'Ia vchera vecherom prishel domoy' lends itself to 120 variants depending on the word order in the sentence." Cited by K. I. Bylinsky and D. E. Rosenthal in *Literaturnoye redaktirovanie* (Moskva: Gos. izd. Iskusstvo, 1957), p. 243.

c. Another type of sentence which, in translation, requires only a partial change of word order deals with the problem of inversion. In ordinary speech, devoid of any emotive quality, inversion occurs more often in Russian than in English. An excellent illustration would be the impossibility of using in English a possessive pronoun in post-position; yet in Russian this inversion is not only allowed, but quite common: *Душа моя мрачна,* or *Моя душа мрачна.* Therefore, in instances such as these, the translator must use his own judgement in making a choice. It is just as impossible to translate into English the nominal part of a predicate expressed by a short form adjective, such as *Тиха украинская ночь,* since that form does not exist in English. But apart from communicating information, language may also express an emotion. This is often achieved, though, one suspects, more readily in Russian than in English, by means of an emphatic inversion stressing a particular word or expression. For poetic or emphatic purposes, English, as well as Russian, allows for inversions. In English, these most frequently involve participles, adjectives and adverbs, such as in: *Blessed are the meek, for they shall inherit the earth,* or *Bright was the moon that shone upon the snowy plain,* or *Never can I remember...* .Since this rhetorical device is less common in English than in Russian, the impression it leaves is stronger. For instance, in emphasizing rapid motion, the English inverted sentence *Up went the flag* produces a stonger impact than the Russian 'Взвился флаг' which also contains an inversion. When a Russian translator comes upon a sentence in which the English author uses inversion for a specific rhetorical purpose, he would have to find an appropriate wording in Russian to convey the identical emotion.

II. In the process of translation, one cannot avoid being struck by the disproportion in the quantity of words needed in English and in Russian to transmit the same concept, the English requiring more, the Russian fewer. For an accurate illustration of the point at issue, it is best to turn to poetry. A simple word computation within a Russian and an English octave stanza will show a far greater number of words used in English. For the sake of argument, let us compare Pushkin's poem «Домик в Коломне,» a model of conciseness in poetic style, with Byron's *Don Juan.* In the eight lines of every Pushkin's stanza, we can count 40, 42, 43 words. If we place by its side Byron's stanza, we find that each of its eight lines numbers up to 65 words. Therefore, the English translator will have to incorporate the thoughts and poetic images of the Russian poet in a number of words exceeding by one third the amount to be found in the original. Of course, this is also true in prose. A vivid example from contemporary literature may be taken from one of Solzhenitsyn's

"Sketches" entitled "Breathing," in which the author writes: *Я стою под яблоней, отцветающей — и дышу.* In English, this sentence becomes much longer; in the translation by Harry Willetts 'I stand under an apple tree that is losing its blossom — and I breathe,'[2] one qualifying Russian word is replaced by five words in English. Hence, aside from lexical considerations, the paucity of case-endings and other morphological complexities in English is to be compensated by additional words which act as syntactical bonds.

However, the numerical prevalence of English words is, so to speak, counterbalanced by their syllabic "scantiness." It is particularly pertinent to cite at this point the syllabic tabulation computed by K. Chukovsky in his most valuable work *Vysokoe iskusstvo,* in which he gives the following distribution for each 1000 words of text:[3]

	one syll.	two syll.	three syll.	four syll.	five syll.	six syll.	average length of the word
English	824	139	30	6	1	—	1.22
German	428	342	121	41	8	—	1.74
Russian	328	288	237	121	19	6	2.24

III. Granted, the brevity of English words lends a special intensity of expressiveness as well as sharp conciseness to the language, but in return for these merits, what untold difficulties stemming from the lack of grammatical gender and verbal aspect await the translator of Shakespeare! In his article "On Linguistic Aspects of Translation," R. Jakobson writes:

> In order to translate accurately the English sentence "I hired a worker" a Russian needs supplementary information, whether this action was completed or not and whether the worker was a man or a woman, because he must make his choice between a verb of completive of noncompletive aspect — нанял or нанимал — and between a masculine and feminine noun — работника or работницу. If I ask the utterer of the English sentence whether the worker was male or female, my question may be judged irrelevant or indiscreet,

[2] Harry Willets, trans., "Breathing," by Alexander Solzhenitsyn, *Encounter,* 24, No. 3 (March 1965), 3.

[3] K. Chukovsky, *Vysokoe iskusstvo* (Moskva: 1968), p. 190.

whereas in the Russian version of this sentence an answer to this question is obligatory. On the other hand, whatever the choice of Russian grammatical forms to translate the quoted English message, the translation will give no answer to the question of whether I "hired" or "have hired" the worker, or whether he/she was an indefinite or definite worker ("a" or "the"). Because the information required by the English and Russian grammatical pattern is unlike, we face quite different sets of two-choice situations; therefore, a chain of translations of one and the same isolated sentence from English into Russian and vice versa could entirely deprive such a message of its initial content.[4]

To the impediments deriving from the lack of grammatical gender and verbal aspect, one might add a few others. Let us recall how masterfully Pushkin made use of the transition from the formal *вы* to the intimate *ты* and back from *ты* to *вы* in Tatiana's letter to Onegin. (It is noteworthy that Pushkin refers to this letter from Tatiana as "a translation from the French.") And while on the subject, let us look at the English personal pronoun *you* (not to be confused here with the generic pronoun *one*) in the following pronominal sentence: *You could get sick with only two drinks.* It is only through context that the reader can infer whether one specific person or many people are being addressed to or whether the statement is of a general declarative nature and is addressed to no one in particular.

IV. One of the lexico-semantic characteristics of the English language is a combination of many meanings deriving from different functions assumed by one and the same word. The dictionary is of no help here; it is only the context which imparts to the word its own meaning. Let us take as an example the connecting word *as*, which, in English, may be used as an antecedent or demonstrative adverb; as a relative or conjunctive adverb referring to quantity or degree, quality or manner, time and place, result or purpose; for introducing dependent sentences or clauses. Or it can be prefixed to prepositions and adverbs. The polysemantic fluctuations of this word could be illustrated as follows:

The letter as received 'в том виде как'
As I entered the room 'в тот момент когда'
As the value is decreasing, the cost is increasing 'между тем как'
Be so good as 'будьте любезны'
As much as 'настолько, насколько'

[4] R. Jakobson, "On Linguistic Aspects of Translation," in *On Translation* (Cambridge: Harvard Univ. Press, 1959), p. 236.

As well as 'также как'
As far as X is concerned, or *As to* 'что касается'
As soon as 'как только'
As far as I know 'насколько я знаю'

The same holds true for the preposition /adverb/ conjunction *but:*

I have but ..., or *He is but a boy* 'всего лишь'
All of us but a few 'кроме,' 'за исключением'
But for the support of X ... 'если бы не,' 'не будь'
But then 'но с другой стороны'

V. Appearing in different context, a word might retain or lose its semantic identity. It acquires, so to speak, a "chameleonic" quality. Here too the context should help to determine what semantic variant of the word should be used. The choice of a synonym should always be present in the translator's mind. In the following attempt at classification, several general types of semantic correlation become apparent.

a. **Equivalent** — refers to a word or expression which fully and completely coincides with the original. Equivalents do not depend upon the context, but correspond exactly to one another in sequence and in meaning. The words *rose, geography,* etc., or the expressions *to cast a look* 'бросить взгляд,' *bitter truth* 'горькая правда,' *to play with fire* 'играть с огнем' are equivalents. However, here we might come face to face with what R. Budakov calls "the false friends of the translator,"[5] words that are phonetically and orthographically virtually identical, but functionally dissimilar. The Russian word ***позитивный,*** for instance, seems to be the exact equivalent of the English 'positive.' Nevertheless, upon close examination, it becomes apparent that in each language the word carries its own set of meanings and, more often than not, cannot be translated as an equivalent in the other. It is easy to see the semantic connection in the following sentences: *I have been in a positive state of excitement* 'Я был по-настоящему взволнован.' Yet there is a striking semantic non-equivalency between the English word *positive* and the Russian 'позитивный.' A literal translation: "Я находился в позитивном состоянии возбуждения' would be obviously unacceptable. The adjective *gallant* is another such "false friend of the translator." In Russian, the word 'галантный' is monosemantic and means: markedly courteous, especially towards ladies. In English, however, the same word *gallant* is polysemantic. Often it means noble or brave: 'a gallant soldier;' sometimes — fine, grand, splendid: 'a gallant show;' much more rarely — markedly polite.

---

[5] R. Budakov, *Iskusstvo perevoda* (Moskva: 1971), p. 162.

b. **Analogy** — is a semantic affinity which appears to be the most frequent type of correlation encountered in the process of translation. Analogy deals with words relatively comparable to the original, yet involves a choice from the synonymic stock of the language of translation. In selecting the proper word, the mood and/or overtone of the original text should serve as a guideline. (In poetics, such choice of word is contingent upon metrical and/or phonetical considerations.) For example, with reference to a *source* 'источник,' a choice of the following analogous adjectives may be considered: *достоверный, подлинный, надежный* 'reliable,' 'sure,' 'safe,' 'trustworthy.'

c. **Antonymic translation** — consists of transmitting a turn of phrase by a contrasting turn of form, paying more attention to structure as opposed to substance. An affirmative statement may often be conveyed by a negative one, and vice versa. For instance:

In shirt sleeves 'без пиджака'
Take it easy 'не волнуйтесь'
To sit up 'долго не ложиться спать'

d. **Compensation** — is a method of translating expressions and utterances which are entirely non-existent in the language of the translation. This is primarily the case in the rendering of short and concise proverbs, popular maxims, or brief utterances implying a guiding principle of life. The important question here is not the degree of linguistic proximity to the original, nor the visual imagery, but the manner in which the inner meaning of an image, symbol or metaphor is recreated in the language of the translation. This presents a real challenge to the translator. At the outset, five broad classifications can be singled out:

1. a complete similarity in syntactic and semantic pattern:
   Привычка — вторая натура 'Habit is second nature'
   or
   Крайности сходятся 'Extremes meet'
2. a differentiation in grammatical number and/or word order:
   Игра не стоит свеч 'The game is not worth the candle'
   or
   Не все золото, что блестит 'All that glitters is not gold'
3. a partially related pattern with some differentiation in imagery:
   Большому кораблю большое плавание 'A great ship asks deep waters'
   or
   Одна ласточка весны не делает 'One swallow does not make a summer'
4. a complete differentiation in imagery:
   Пуганая ворона куста боится 'Once bitten twice shy'

5. a total absence of any corresponding proverb, as in the case of a strongly emphasized national or folkloric saying: *Не плюй в колодец: пригодится воды напиться* 'Don't spit in the well; you may have to draw water from it' (with or without the inclusion of the explanatory remark: "as we Russians say," or "as the Russian proverb goes.") A descriptive device may be used to transmit *Копейка рубль бережет;* one can say 'Take care of the kopecks and the rubles will take care of themselves,' or 'Take care of the pennies and the dollars will take care of themselves.'

VI. Goethe once remarked that through translation one's awareness of the intranslatable reveals the differences between cultures. This observation becomes particularly illuminating when the translator comes across the diminutive forms of Russian substantives or adjectives. English is definitely inadequate to transmit the wide variety of their emotive meanings. Irrespective of their syntactic arrangement, Russian diminutives convey "directly," so to speak, their semantic shade of significance. In Russian, for the substantive alone, up to twenty productive diminutive suffixes may be found. By contrast, the number of English diminutives is much more limited. Such are:

-erel* — *cockerel* 'петушок'; *pickerel* 'щучка'
-ette — *kitchenette* 'кухонька'
-kin — *lambkin* 'ягненочек'
-let — *booklet* 'книжечка'; *kinglet* 'царек'
-ling — *nestling* 'птенчик'; *suckling* 'сосунок'

More productive is:

-y (ie) — *girlie* 'девушка'; *auntie* 'тетушка'; *doggy* 'собачонка'; as well as proper names: *Billy, Johnny Betty, Tommy,* etc.

Aside from very few exceptions, Russian diminutives are lost in English. In most cases, an adequate method of compensation has to be found based on lexical rather than morphological ways of expression. Adjectives such as *tiny, small, little, dear* or *darling* should be used. Moreover, particular attention should be given to polysemantic words such as *ручка,* a diminutive for 'hand,' but meaning also 'handle' as well as 'fountain-pen' without any diminutive connotation; or *ножка,* a diminutive for 'leg' meaning also 'the leg of a table,' again without any diminutive implication.

*May also convey a depreciatory overtone of unknown origin: "mongrel," "scoundrel," "doggerel."

A remark on the nature of poetic translation

As mentioned previously, a translation by nature is not an intrinsic creation, for it must of necessity relate to an original text. However, irrespective of its subservient position, a translation may acquire a life of its own and become an independent artistic creation. This is particularly true in the realm of poetics. While a prose translation is mainly concerned with a most faithful adherence to the original, a translation of poetry does not entirely rely on the fulfillment of such a goal. A translation of prose requires an anatomical precision, no more and no less.[6] In translations of poetry, however, the information that is transmitted — "the prose statement" — may be substantially weakened in order to achieve a better correlation among thought, image and sound. The translator must, therefore, strive to penetrate behind and beyond the apparent surface meaning of the words. In his task the good translator must be not only a linguist but an artist.

Historically speaking, poetic translation, unlike its counterpart in prose, has become an inherent part of Russian literature as a specific genre. It suffices to compare the poetic translations of Zhukovsky, Pushkin, Lermontov, perhaps even of Pasternak, with Dostoevsky's translation of *Eugénie Grandet;* the latter has sunk into oblivion, while the former are ensconced as part of Russian literature. The reason I will now attempt to discuss.

A poem is above all an artistic creation; it need have no utilitarian value, no scientific precision; least of all is it meant for the transmission of mere information. It could be argued that, like any artistic masterpiece, a poem does not merely aim at recreating the outer facets of reality. Above all Art presupposes on the part of the artist an inner contemplative attitude, his own original vision and reproduction of it. Unlike prose translation, verse translation is less subordinate to the original. Thus, the original text could be regarded, to some extent, as an incentive, a challenge, a starting point, as well as provide the subject matter of creative translation. The precision and faithfulness so important in prose translation become, in translations of poetry, the main temptation of the translator. In Zhukovsky's aphorism, "верность рабская [к переводу сти-

[6] As correctly remarked by Jack Posin: "Improvement on the original would make the end result worthless. Counterfeit money must be made not better than the government's, but just as good as the government's. The translator should have a similar ambition." From "Problems of Literary Translation from Russian into English," *AATSEEL Journal,* 13 (1955), p. 15.

хов] становится рабской изменой" ("servile faithfulness... becomes servile infidelity").

But how easy it is, when translating poetry, to run to the other extreme. "*Facilius est plus facere quam idem*" ("it is easier to do more than likewise"), remarked Quintilian. A poet-translator is not always successful in restraining what Chukovsky has called "his personal inclination, sympathy, predilection" in order to reveal more accurately the creative personality of the original poet.

Somewhere between these two extremes exists ample and fertile ground for the creation of truly original works of art. If one supports the notion that the theme treated by the original poet is not necessarily exhausted by, nor restricted to, its initial content, that there can be more than just one adequate expression of "The Prisoner of Chillon," "Der Erlkönig" or "Горные вершины" (a translation of Goethe's poem beginning "Über allen Gipfeln ist Ruh"), then indeed, the theme of the poem may lend itself to various interpretations. The poet-translator must, however, overcome the difficulty of perceiving and, therefore, of expressing without exaggeration or diminution the correlation between the original and the translation. Such interpretations, when successful, can be called variations, imitations or arrangements, much as we have in music "Variations on a theme by Haydn" of Brahms. It is in just such poetic interpretations that the literature of Russia abounds, thanks to the creative genius of her best poets. In prose, on the other hand, an imitation of a work like Balzac's *Eugénie Grandet* would never become a work of art on its own merits; only a faithful translation of it would be a rewarding achievement, but would not become an integral part of Russian literature.

A typical example of an exact verse translation, with all its inherent qualities and drawbacks, is provided by Vladimir Nabokov in his English version of *Eugene Onegin*. "In my translation," he wrote in the preface to his 1964 edition, "I have sacrificed to total accuracy and completeness of meaning every element of form save the iambic rhythm, the retention of which assisted rather than impaired fidelity."[7] He then proceeded to do as he claimed with a commendable scholarly precision. As an exacting translator, armed with a scalpel much in the manner of the artist Chertkov in Gogol's *The Portrait*, Nabokov steadfastly kept on hewing,

[7] Vladimir Nabokov, "The Servile Path," *On Translation* (Cambridge: Harvard Univ. Press, 1959), p.97.In the 1975 revised edition of his translation of *Eugene Onegin*, Nabokov goes all the way and tells the reader: "I have sacrificed to completeness of meaning every formal element *including* the iambic rhythm, whenever its retention hindered fidelity" (1975, I:x).

bringing his translation of *Eugene Onegin* to the ultimate pinnacle of accuracy. In his translation one can even detect a certain pedagogical asceticism (a remark uttered without any shade of irony or praise); one could use his translation to construct a literal Russian-English dictionary of *Eugene Onegin*, for all words are correctly reproduced. The poem, however, remains motionless; all that remains of Pushkin's masterpiece is a lifeless body. The translator has made a death mask of it. In his work Nabokov relied almost exclusively on the verbal structure, on the semantic backbone of the poem, refusing to discard or sacrifice any detail. Yet sacrifices must be made for the sake of the unconstrained grace of Pushkin's verse. Without going as far as Robert Frost in his aphorism "Poetry is what is left out in translation," we might be justified in concluding that accuracy is not necessarily synonymous with truthfulness, and that in every great poetic masterpiece there is "something that should be left alone, something that is untranslatable, a certain substratum ' which is not to be translated, something not to be overcome, something that should be by-passed".[8]

What Christopher Marlowe says about the difficulties of a poet in *Tamburlaine the Great* (Part One) applies with equal force to the translator of poetry:

> If all the pens that ever poets held
> Had fed the feeling of their masters' thoughts,
> And every sweetness that inspir'd their hearts,
> Their minds, and muses on admired themes;
> If all the heavenly quintessence they still
> From their immortal flowers of poesy,
> Wherein, as in a mirror, we perceive
> The highest reaches of human wit;
> If these had made one poem's period,
> And all combin'd in beauty's worthiness,
> Yet should there hover in their restless heads
> One thought, one grace, one wonder, at the least,
> Which into words no virtue can digest.
> (v. i)

[8] S. Marshak, "Poezia perevoda", *Literaturnaya gazeta*, May 31, 1962.

List of Works Consulted

Akhmatova, O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov.* Moskva: Sovetskaia Entsiklopedia, 1966.

Akulenko, Valerii V. *Anglo-russkii i russko-angliiskii slovar' 'lozhnykh druzei' perevodchika.* Moskva: Sovetskaia Entsiklopedia, 1969.

Fedorov, Andrei. *O khudozhestvennom perevode.* Leningrad: Gos. izd. khud. lit., 1941.

———— . *Vvedenie v teoriu perevoda. Moskva, 1953.*

Katzer, Zhulius. *Pis'mennyi perevod s russkogo iazyka na angliiskii.* Moskva: Izd. vysshaia shkola, 1964

Komissarov, V. N. *Posobie po perevodu.* Moskva, 1960.

Leningrad, Universitet. *Teoriia i kritika perevoda.* Izd. Leningradskogo universiteta, 1962.

Tolstoy, Sergei S. *Osnovy perevoda s angliiskogo iazyka na russkii.* Moskva, 1957.

Toper, P. "*O nekotorykh printsipakh khudozhestvennogo perevoda.*" *Novyi Mir,* 1 (1952), 232-47

Voprosy khudozhestvennogo perevoda: sbornik statei. Sostavitel': Vlad. Rossels'. Moskva, 1955.

Review Essay:

FAITHFUL RUSLAN

Nadja Jernakoff*

The date given at the end of the Russian text of *Vernyi Ruslan*[1] is 1963-1965. Its first publication in Russian by Possev-Verlag in Frankfurt, West Germany is dated 1975. Since then readers of German, French, Swedish, Norwegian, Italian, etc. — more than a dozen languages in all — have had the opportunity to read this splendid novella by Georgi Vladimov, a prominent and highly talented Russian writer who lives in the Soviet Union. With the appearance of this translation by Michael Glenny, English-language readers will, at last, be able to sample for themselves the novel which many Russians regard as Vladimov's masterpiece. It is well known that for many years a story initially called simply "The Dogs" circulated within the Soviet Union by way of *samizdat*. Because of its outstanding literary qualities it was, at one time, attributed to the pen of Aleksandr Solzhenitsyn. Vladimov retitled the book *Faithful Ruslan* during a long period of meticulous rewriting of his story which, in its final form, was smuggled to the West in 1974.

The book deals with the heroic spirit of a German Shepherd dog trained from early puppyhood to guard prisoners in a labor camp. The dog's finest attributes are his devotion to Duty (the word is capitalized in the Russian text) and his loyalty to his master. The story begins at the time when *Ivan Denisovich* left off, that is, at the time of partial abolition

---

* Nadja Jernakoff is Instructor of Russian at Union College, Schenectady, New York.

[1] **Faithful Ruslan: The Story of a Guard Dog,** by Georgi Vladimov. Translated from the Russian, with a foreword, by Michael Glenny and with an introduction by Richard Adams. New York: Simon and Schuster. 1979. 220 pp. $9.95.

of labor camps in the late 1950's. As a result, the dogs are left "unemployed," Ruslan among them. His world, the only one he ever knew, begins to crumble around him. The strong sense of dignity and pride in his own worth and in his special training does not allow him to mingle with the other dogs, nor accept food and shelter from anyone except his master. Ruslan reverts to the state of a wild beast, hunting in the woods for his food and finding a temporary occupation as the "voluntary" guard of an ex-prisoner. At the close of the book Ruslan, having mistakenly taken a band of marching workers for a column of prisoners, remembers his Duty and proceeds to reestablish order among the unruly crowd in a manner appropriate to guard dogs. The loser, of course, is Ruslan, whose death is brought about by severe clubbing. Bewildered but full of dignity to the end, Ruslan dies alone as befits a hero, but not before having experienced, as in happier days, a last quasi-mystical call to Duty.

The events of the story flow smoothly against a background of vivid images of life in camp and existence on the outside, interrupted by flashbacks and punctuated by strong dramatic passages, among them a riot by the dogs, a cold-blooded shooting of an inmate guilty of killing the camp informer, and the ill-fated attack on the column of workers. The reader closes the book upon what emerges as an upside-down world, having been reminded in the process that man is capable of actions to which an animal will never be a party — to wit, the rebellion of the dogs inside the camp.

It was reported in the press (*New York Times*, 29 April 1979, p. 30, col. 4) that when at a news conference the newly released dissident, Valentin Moroz, was describing his imprisonment, he "told of beatings he had received from prison guards. In particular, he said, he remembered a train ride to Moscow three years ago when guards pummeled him 'without reason. The best being in that group was a dog — he didn't have any desire to bite me.' " This comment by a man who only two days earlier had been a "resident" of the Gulag serves to underscore the fact, already evident in Vladimov's novella, that in the frightful, nightmarish world of the Gulag men act like animals and animals display human, even humane qualities.

If Solzhenitsyn in *One Day in the Life of Ivan Denisovich* succeeded in giving us an unforgettable vision of one day in the life of one man in one labor camp as told by that man, and in the process acquainted his readers with contemporary reality in one country, then Vladimov has gone one step further in time and reality. It is known that the events described in the book, such as the attack upon the column of workers by dogs trained to do just that, have indeed occurred in the Soviet Union. At

the same time the entire story is masterfully told from the point of view of the dog — a *tour de force* in canine psychology — and the parallel of beasts and people is brilliantly handled. Thus, the episodes in *Faithful Ruslan,* though remaining firmly rooted in the realities of our time, also become symbolic. On February 18, 1976, Moscow's *Literaturnaya Gazeta* published an interview with Georgi Vladimov at a time when he was still a member of the Writers' Union of the USSR. In this interview, during which *Vernyi Ruslan,* of course, could not be mentioned, the writer in discussing his approach to prose says that, in his opinion, an author's personality reveals itself most fully in "parabolic" prose "which entails something higher than what is depicted in it, a certain impulse, an outlet to the principal phenomena of existence..." (*trans. N. J.*). *Faithful Ruslan* fits quite well into his definition.

It is always rewarding to see an outstanding literary work made available to readers of another language, and the present translation is no exception. Michael Glenny has, on the whole, given us an adequate rendition of *Vernyi Ruslan.* In an excellent essay on translation, Alexis Klimoff stated that accuracy is "the degree to which a translation communicates the content, spirit, and manner of the original" and does not merely relate to "basic meaning."[2] Taking this statement as a premise, one must recognize that Mr. Glenny has been able to preserve in his translation not only the tone of compassion for beasts and men alike which characterizes Vladimov's novel but also the parabolic quality of the tale. Yet one finds too often sprinkled throughout the book inaccuracies in literal translation. For instance: the color *malinovo-krasnoe* is not "reddish-brown" (p. 33), but rather "crimson" or "raspberry-red"; *s glazu na glaz* means "privately" or "without witnesses" and not, as Glenny translates it, "looking him straight in the eyes" (p. 109); *tolstyi lokot' voditelia* [the driver's fat elbow] is transformed by Glenny into "the driver's big bony elbow" (p. 37); in the translator's words the lazy dog Djulbars "trotted around the firewood stack" (p. 53) rather than "thrashed the firewood stack [with his tail]" which is what *lupanut' po drovam* means; undecided about what to make of *krutoi lob,* Glenny initially translates it as a "bony forehead" (p. 22), then as a "high forehead" (p. 70), and finally as a "steeply sloping forehead" (p. 142); *odin prozhektor valialsia vnizu* is most certainly not "one searchlight was...pointing straight down" (p. 26), but "one searchlight was lying about below"; *priznat'sia sebe v neliubvi khoziaina* [to admit to himself

[2] Alexis Klimoff, "Solzhenitsyn in English: An Evaluation," *Aleksandr Solzhenitsyn: Critical Essays and Documentary Materials* (Belmont, Mass: Nordland Publishing Company, 1973), p. 535.

the master's lack of love] is rendered by "to acknowledge that he [Ruslan] no longer loved Master" (p. 77) which, given the context, makes no sense; *v drugikh za eto palili bez okrika* should have been translated as "others had been fired at without warning for that" and not as "others had been attacked without warning for trying to do the same thing" (p. 40); *i vse otsluzhennoe im* means "and all his time spent in Service" rather than Glenny's "and all his troubles" (p. 141); an important philosophical aside by the author is distorted by the incorrect rendition of the phrase *brezglivo pereshagivaiushchim cherez kakoi-to porog* as "self-righteously crossing over some threshold" (p. 55) instead of the appropriate "crossing over some threshold in disgust"; and, the locale of the story notwithstanding, Shabby Man's words about Stiura's imaginary rival *ty b ee so svetu szhila* [you would have hounded her to death *(coll.)*] should not be translated as "you'd have her arrested" (p. 97).

A special word must be said about Mr. Glenny's constant and unnecessary softening of dialogue, especially of phrases and expletives used by camp guards and plain folk. It is somewhat ludicrous to have an exuberant and ironic tractor driver who greets Ruslan's master with the earthy Russian greeting *Zdorόvo, vologodskii* say meekly "Hi, there, soldier!" (p. 34); and it is completely out of character for a desperate camp guard to answer his captain's question about a disobedient dog with "God knows, Comr'd Cap'n..." (p. 131), especially when Vladimov has him saying *Kholera ego znaet...* .

Some readers might observe more than once a lack of spit and polish in the structure of English sentences, resulting almost always in the weakening of the idea to be translated. For instance: Ruslan is afraid to die, *no esli vmeste s khoziainom — eto drugoe delo* [but if it had to happen together with Master, that would be another matter]. Glenny translates it "but if he was with Master, it was another matter" (p. 25). In another passage where Vladimov speaks of Ruslan and the bitch, Alma, the sentence *sovmestnoe zadanie sblizilo ikh neobychaino* [their mutual assignment brought them unusually near to one another] is considerably weakened by Glenny's rendition "the thing they had done together made them feel unusually close" (p. 51). And why not leave contemporary sensibilities aside and translate faithfully what the author has written when, speaking through Ruslan, he says that "the pedestrian belonged to the strong sex" [*ego prinadlezhnost' k sil'nomu polu*], instead of changing it, as does Glenny, to "the pedestrian belonged to the male sex" (p. 45), especially when in the same paragraph the author tells us that the dogs took no notice of women or children, considering them as mere "objects in space." Glenny has also reduced the impact of the following sentence when he incorrectly translates *No troe kak raz zakonnaia mera na Rusi*

[But a group of three is precisely the legal limit in Russia] as "A party of three was the legal limit in Russian prison camps" (p. 45).

The most serious weakness of Mr. Glenny's translation lies in his frequent editing of the author's words, expanding what is said in the original Russian. At times Mr. Glenny explains rather than translates, thus turning Vladimov's crisp and vivid Russian into flat and unexciting English. Two or three examples should suffice to illustrate the point. Vladimov describes an attempted escape as follows: *Bezumetz, kuda by on delsia v otkrytom pole, da na vidu u vsekh.* Glenny's rendition is "He must have been mad because there was nowhere for him to go, out in the open fields and in full view of everyone" (p. 30). This passage is not particularly difficult to translate, and it can be made to approximate the Russian original much more closely: "The madman, where could he have gone in the open field and in full view of everyone." In another place, the author describes a tractor knocking down poles which support the barbed wire stretched around the camp perimeter. He writes... *tak chto prishlos' ego neskol'ko raz bodat' s razbegu* [so that it required a number of running butts]. Glenny translates it as "...so that the tractor had to butt the pole several times after backing away to get a run at it" (p. 40). It is well known that the English language often requires more words than the Russian to express the same thought. But surely, the difference can be minimized and need not be as inordinate as it appears in the passage where Glenny explains one difficult Russian word by using thirteen English words: outside a bakery Ruslan meets a man and a woman; [*ona*] *kinula emu dovesok.* Granted, the word *dovesok* is difficult to translate; still, it is possible to avoid the soporific effect of "[she] threw him the scraps of bread that the baker had given her as a make-weight" (p. 48) by using the phrase "an extra piece" as a close approximation of *dovesok* and, in so doing, retain the rhythmical balance of the Russian sentence.

It is a rare occurrence when a literary masterpiece appears in any language (and this reviewer considers *Vernyi Ruslan* as belonging to that category); but it is rarer still when the stylistic level of the translation rises to that of a superbly crafted piece of writing. Sadly, the present translation is no exception. Happy as we are to have a good translation, we would be happier to have a better one.

Since first impressions are often of great importance, a final criticism must be addressed to the designer of the jacket. To him I would say: please, Mr. Zagorsky, read about your subject-matter before attempting to reproduce it. In the present case the task has been made easy by Vladimov's marvellously colorful description of Ruslan and his fellow guard dogs: "a black stripe down the back divided the broad forehead in two and gave it a look of sullen menace, while the short ears and muzzle

added to the impression of ferocity; the color of the flanks gradually shaded off from a steely, bluish-gray to rust-red or an incandescent orange, and the long hairs hanging down from the belly were shot with a shade that might have been called 'the color of dawn.' Dawn-colored, too, was the thick ruff around the throat, the heavy, crescent-shaped tail and the big, muscular paws" (p. 43). The animal on the cover, although beautifully drawn, bears no resemblance to any Shepherd dog I know, and certainly not to Ruslan. Indeed, he looks suspiciously better suited for the task of retrieving mallards rather than men.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ МЕМУАРОВ

О. П. Ильинский*

Мемуарный фонд на всех европейских языках очень обширен. Классификация мемуаров по эпохам, по темам и по значению могла бы составить предмет специальной работы. Удивительно, что даже при беглом ознакомлении с проблемой видно, что мемуары вообще изучены недостаточно. Мемуары использованы историками, исторический аспект их в какой то мере разобран, все же остальные аспекты явно недооценены, а иногда даже не выявлены исследователями.

Развитие художественной литературы в самом начале двадцатого и в конце девятнадцатого века (М. Пруст, А. Белый, Ю. Тынянов, А. Моруа, Р. Музиль и др.) поставило перед литературоведами проблему литературоведческого обследования мемуаров. Эта задача сама по себе не предрешает, конечно, вопроса о художественности меумаров, но она предполагает возможность расклассифицировать мемуарный фонд кроме всего прочего по принципу художественно-стилистических особенностей. Далее может быть намечена проблема связи между мемуарной и художественной литературой определенной эпохи. Ведь большая или меньшая зависимость мемуарной литературы от художественной в данную эпоху может быть связана например с вопросом о достоверности мемуаров и таким образом находится на пересечении истории и литературоведения. В настоящей работе мы заняты литературоведческой классификацией и оценкой

* Oleg Ilyinsky, Assistant. Professor of Russsian Literature and Language, New York University, New York.

русского мемуарного фонда первой половины девятнадцатого века. Главным источником нам служит исторический журнал «Русский Архив», в течении более чем пятидесяти лет (1863-1917) публиковавший мемуарные материалы предшествующей эпохи. Из всех русских исторических журналов мы выбрали «Русский Архив», как наиболее солидное и научное издание такого рода. Издатель журнала, Петр Иванович Бартенев, друг А. С. Хомякова, одно время библиотекарь Чертковской Библиотеки в Москве, имел доступ к очень большому количеству мемуарно-исторических материалов, многие из которых им впервые опубликованы. Чисто исторический аспект мемуаров лежит вне темы данной работы, художественные же особенности их за первые пятьдесят лет девятнадцатого века здесь будут поставлены в связь с явлениями русской художественной литературы соответствующего периода (впрочем, хронологические рамки для художественной литературы будут несколько расширены).

Литературоведческое сопоставление русского мемуарного и литературно-художественного наследия тем более естественно, что оно лишь закрепляет процесс, происходящий в художественной практике русских художников слова по крайней мере с начала деятельности Пушкина и особенно Л. Н. Толстого («Капитанская дочка» — стилизована под семейную хронику; «Рославлев» — под мемуарные записки; «Детство и отрочество» — под мемуары; «Война и мир» — немыслима вне мемуарного фонда). Таким образом, мостик между мемуарной и художественной литературой переброшен еще в девятнадцатом веке, а в двадцатом та же традиция по своему преломилась в новом русском историческом романе (Ю. Тынянов, А. Толстой), а также в творчестве А. Белого. Следовательно, в данной связи возникает ряд основных вопросов, а именно: 1) В какой степени мемуарный жанр и жанры художественной литературы (роман, повесть) могут быть сопоставлены друг с другом? 2) В чем сущность основных мемуарных стилей, могущих претендовать на художественность? 3) Какой именно аспект мемуаров используется художником слова, если присутствует элемент стилизации, то чем именно она достигается? 4) В чем конкретное различие подхода к мемуарам скажем у а) Пушкина, б) Л. Толстого, в) Тынянова, г) А. Н. Толстого? 5) Какие предпосылки мемуарной литературы могут быть использованы художественной литературой нашего времени (в русской литературе интересное преломление мемуарных элементов находим у Солженицына, в западной литературе те же элементы некоторым образом используются в антироман). Один перечень вопросов показывает, что литературоведческое изучение мемуаров в настоящее время особенно актуально, так как дает возможность оттенить ряд особенно-

стей современной нам художественной литературы и художественной психологии, в ее непрерывной связи с прошлым. Таким образом, изучение мемуаров по своей задаче в первую очередь является устремлением к будущему и нашей современности, к конкретным задачам, стоящим перед литературой сегодня и завтра.

В области изучения мемуаров удивительно то, что при подходе к ним (по крайней мере в русском литературоведении) их художественный аспект не изучался. Известную роль тут сыграло то, что политическая ситуация в Советском Союзе далеко не благоприятствует публикации мемуаров, а стало быть и изучению их. В «Русском Архиве» опубликовано более четырех сот материалов, имеющих непосредственное отношение к теме настоящей работы. Эти материалы под углом данной темы в научный оборот практически не введены. не переизданы, а следовательно, малодоступны. Удивительно то, что для Запада ситуация в общем такая же. На несколько сот мемуарных материалов, хранящихся в Нью-Йоркской Публичной Библиотеке, не приходится ни одной литературно-критической работы о них. Даже если предположить случайность, это все равно свидетельствует о недостаточном количестве работ.

За фактом отсутствия литературно-критических работ о мемуарах стоит молчаливое отрицание в них художественных целей и достоинств. Между тем, то и другое нужно ведь еще доказать. Мемуары — понятие очень широкое. Поэтому следует хотя бы в общей форме их классифицировать, и указать в каком именно разрезе они нас интересуют. В связи с этим важно выяснить следующее: может ли жанр мемуаров иметь художественное значение, и если да, то в каких случаях и каковы особенности художественных мемуаров. Вполне естественно, что вовсе не всякие мемуары следует рассматривать, как художественные. Заранее исключаются мемуары протокольного характера, смысл которых состоит исключительно в том, что фиксируется определенный объект или ряд объектов с чисто исторической целью. Одним из характерных признаков художественного принципа в мемуарах является вольное или невольное внимание к самому процессу воспоминания, к природе памяти. В художественных мемуарах важно не только что, но и как. Мемуарист следит за движением памяти, при этом не только учитывает возможность деформации объектов воспоминания, но прямо идет на нее, тем самым выдвигая память на первый план. Память таким образом превращается в инструмент творчества, иногда даже в источник художественности. Этот процесс может быть для автора вполне бессознательным. В таком случае необходим подробный анализ текста. Наличие в мемуарах субъективного сдвига также может дать основание отнести ме-

муары к разряду художественных. Мемуарист, в отличие от историка, рисует не столько прошлое, сколько свое представление о прошлом. Это верно и в тех случаях, когда мемуарист стремится к полной объективности. Деформация за счет памяти вовсе не обязательно идет во вред достоверности и очень часто — в пользу художественности и психологическому богатству текста. От жанровых признаков художественных мемуаров следует отличать проблему одаренности автора. Естественно, что выделяя художественные мемуары, мы прежде всего обращаем внимание на жанровые признаки и лишь после этого сосредотачиваем внимание на личности автора, высказываем определенное суждение о степени одаренности. Возможна такая, несколько схематическая формулировка: материал относится к жанру художественных мемуаров, если в авторе преобладает образно-психологическое мышление, если же в авторе преобладает историк, протоколист, ученый, то данный материал к художественным мемуарам не относится.

Значительный интерес мемуары представляют в связи с тем, что для данной эпохи ярко демонстрируют уровень литературной продукции непрофессионалов. На фоне мемуаров процесс развития художественной литературы может предстать в новом освещении. Критерий оценки художественной литературы должен быть поставлен в связь с мемуарной литературой того же времени. Мемуары определенным образом воздействуют на художественную литературу и в свою очередь подвергаются ее воздействию. Историки литературы часто искусственно отрывают художественную литературу от мемуарной, возникают схемы, согласно которым например, проза Лермонтова преодолевает штампы Марлинского, а между тем мемуарная проза до Лермонтова и Марлинского обходится без штампов и пользуется приемом, который в художественной литературе появляется значительно позднее. Мы получаем однобокое представление о развитии художественной литературы. Если бы некоторые виды мемуаров были изучены как литературные произведения, этого не случилось бы.

По отношению к художественной литературе мемуары могут играть роль контекста или источника, в зависимости от того, имеют ли они художественное или чисто документальное значение. Иногда, впрочем, обе функции и совпадают. Между художественной и мемуарной литературой существуют двухсторонние отношения — художественную литературу можно рассматривать на фоне мемуаров или наоборот. Данная работа ставит перед собой несколько взаимосвязанных задач, а именно: 1) дать характеристику ряда конкретных мемуарных материалов в соответствии с намеченными категориями.

2) сопоставить эти материалы с соответственными явлениями художественной литературы. 3) Поставить вопрос о том, как именно писатель-художник в разные эпохи использует мемуарные материалы.

Совершенно несомненно, что между мемуарами и художественной литературой (например, роман) есть много общего. Это общее и дает возможность сравнения, а с другой стороны и обмена между обоими жанрами. Поэтому, прежде чем перейти к основной теме нашей работы, мы кратко остановимся на жанре русского романа применительно к мемуарам. Основное формальное различие между романом и мемуарами состоит: а) в отсутствии в мемуарах сюжета, б) отсутствии там элемента выдумки, как такового. Если мы условно разобъем роман на лирическую и сюжетную часть, то увидим, что художественные мемуары соприкасаются с романом по линии лиризма. История развития романа, как жанра, со времен античности, указывает, что со времени романтизма в особенности, сюжетно-фабульная сторона романа, некогда игравшая главную роль, все более отходит на второй план, лирический же элемент приобретает все большее значение. В роман в виде лирического отступления все чаще и чаще входит эссе психологического, философского или иного характера. Такое эссе часто служит обрисовке характеров, мотивировке действий и т.д. Когда повествование в романе ведется от первого лица, а лирико-психологический элемент доминирует над сюжетом, мы вправе отметить, что такой роман по стилю приближается к мемуарам, а иногда представляет собой ничто иное, как «искусственные мемуары». Эссе (лирическое отступление) особенно важно, как звено, формально объединяющее оба жанра. Ведь мемуары с формальной стороны ближе всего именно развернутому эссе. Несколько упрощая можно утверждать, что всякий раз, когда мы слышим в романе голос автора, как таковой (будь то в «Войне и мире», у Филдинга в «Томе Джонсе» или у Джойса) мы имеем дело с явлением принципиально близким мемуарам. Прямая стилизация романа под мемуары является уже дальнейшим этапом по линии связи между двумя жанрами.

Кроме фабульно-сюжетной выдумки есть еще одно формальное различие между этими жанрами, и очень важное, а именно: что роман обычно претендует на художественность, в то время, как мемуары обычно рассматриваются вне этой категории. Тут можно напомнить, что оценки автора и литературоведа зачастую не совпадают, материал, первоначально не задуманный, как художественный, впоследствии рассматривается как таковой, а бывают случаи обратные (Гомер первоначально не имел той художественной функции, ко-

торую имеет для нас, «Дон Кихот» начался с пародии, сатирические «путешествия Свифта» не предназначались для детей и т.д.). Таким образом, основная функция не может быть абсолютным признаком при решении вопроса о художественности, как категории. Некоторые признаки художественных мемуаров намечены выше.

Со времен романтизма, с уменьшением роли сюжетно-фабульного вымысла в романе происходит неуклонное сближение между мемуарами и романом (предпосылки для этого существовали всегда). Л. Толстым во многих произведениях использованы мемуарные материалы, привнесены некоторые мемуарные приемы. В этом один из основных признаков толстовской школы.

В практике современного нам западного романа сюжетно-фабульная сторона играет вполне подчиненную роль (напр. у Вирджинии, Вулф, у Джойса, а также во французском антироман, у Бютора). М. Пруст стилизовал свои романы под развернутые эссе мемуарного характера, использовав таким образом для романа огромный опыт французской мемуарной литературы. В мемуарах, между прочим, очень силен лирический аспект, граничащий с поэтической прозой. С выдвижением в современной нам прозе лирического элемента на первый план, проблема мемуаров приобретает для литературоведения особую актуальность. Мемуарный материал не только можно, но, с точки зрения теории современной литературы, необходимо сопоставлять с материалом художественной литературы. Это прежде всего поможет нам оттенить ряд особенностей лирической прозы (а современная американская критика говорит даже о «лирическом романе», называя так антироман и его исторических предков — романы Ричардсона, гетевского Вертера и др.) В русской литературе ту же роль играет Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника».

Из большого количества мемуарных материалов «Русского Архива» для данной работы почти наудачу берем ряд текстов, относящихся к началу девятнадцатого века. Частично эти мемуары были фактически написаны в первую половину века, частично возникли позднее, но тематически относятся к тому же времени. Мемуары, использованные для этой работы, следующие: Хомутова А. Г. Из записок (1814) Р. А. 1867; Коростовец Н. Из путевых записок (1804 и последующие годы), Р. А. 1905; Дубецкой Н. П. Записки (1820) Р. А. 1915; Щербинин М. П. Воспоминания (1825) Р. А. 1876; Хвостова А. П. Мои бредни (1837) Р. А. 1907; Блудова А. Д. Записки (1870) Р. А. 1872. Эти воспоминания относятся к тридцатым годам девятнадцатого века. Литературоведческая характеристика перечисленных материалов составляет основной текст работы.

Эти материалы совершенно различны по своему характеру, по своим задачам, по профилю и положению авторов, по времени написания. Объединяет их только то, что все они своим предметом имеют начало девятнадцатого века. Самые ранние относятся, как видно, к 1804 г. и написаны тогда же. Самые поздние написаны почти полвека спустя после изображенных событий (Блудова). Записки Хомутовой представляют собой дневник и относятся к 1814 г., хотя, может быть, редактировались позднее (что мало вероятно). «Мои бредни» Хвостовой написаны около 1837 г. и охватывают период со второй половины восемнадцатого века. Каждый из перечисленных материалов в каком то отношении особенно характерен, рассмотрение их вместе даст возможность анализировать несколько мемуарных стилей и поставить некоторые проблемы. В связи с тем, что год написания мемуаров с литературоведческой точки зрения имеет кардинальное значение, естественно начать с одной из наиболее ранних дат — 1814 г., Записки А. Г. Хомутовой. Поскольку настоящая статья ограничена литературоведческим анализом, мемуары А. Г. Хомутовой представляют особый интерес. Эти записки любопытны в формально-стилистическом отношении. Основная тема «Записок» — впечатление от взятия Парижа русскими войсками (1814) в петербургских околопридворных кругах. Диапазон записок узок — Хомутова почти не переходит рамок своей семьи, говорит преимущественно о своих знакомых (которых, впрочем, много — так сказать «весь Петербург»). Обобщения общегосударственного и общественного характера почти отсутствуют. Основной интерес состоит в мастерском использовании языковых средств, в исключительной чисто литературной одаренности автора. Синтаксическая уравновешенность и краткость фразы, в сочетании с остротой художественного зрения, создает впечатление исключительной стилевой элегантности и легкости. Записки Хомутовой сделаны в виде дневника. Первая запись помечена «1814, 8 апреля». Несколько цитат:

«День был пасмурен, воздух тепел и сыр. Нева покрыта льдом, Адмиралтейский бульвар почти пуст. Марья Никитична Дурново и я, укутанные в шали, ходим по нем взад и вперед, недовольные нашей прогулкой. Вдруг Свечин догнал нас и с выражением радости и сомнения на лице, сказал — «Уверяют, что Париж взят». Несколько человек повторили счастливую новость, не смея утверждать ее. (...) Князь Куракин, в шитом фиолетовом кафтане с бриллиантами, бриллиантовыми пуговицами и жемчужными эполетами, важно выступал, сопровождаемый двумя лакеями, облитыми золотом (...) Нам сказали, что Наполеон лишен всех прав, что статуты его уничтожены и что Людовик Восемнадцатый объявлен королем (...) Я вышла на

балкон, вид с которого был великолепен, восхитителен. Академия, Биржа и Крепость сияли огнями, отражавшимися в гладкой поверхности Невы (...) Нарышкина скрывала под улыбкой свое беспокойство, ветка полыни, которую она собиралась вплести в венок из лавров, дрожала в ее руке (...) Балет амуров был на лугу. Танцевали в розовом, а ужинали в новом павильоне, который с тех пор назывался Павильоном Мира. (...) Флаг развевался на Зимнем Дворце — Император приехал, император возвратился в Петербург. Надо вставить себя в рамку тогдашнего времени, чтобы понять все волшебство этих слов и весь энтузиазм, который они возбуждали (...) Экипажи приезжали со всех сторон, дома освещались и наполнялись, окошки открывались и смешенные слова перекрещивались в воздухе (...) Двадцать первого июня я поехала на парад, который был в саду, под окнами дворца. Солнце ярко сияло, все фонтаны играли и освежали аллеи, где была толпа гуляющих. Семеновцы, два месяца тому назад державшие караул в Париже, стояли теперь под ружьем (...) Монплезир — не дворец, а домик с террасой, окруженный вековыми деревьями. Сколько лет, сколько поколений пережили они не потеряв своей свежести! С террасы можно было видеть весь Петербург с его златоглавыми церквями и Кронштадт с целым строем мачт...»

Количество цитат здесь довольно велико, но оно, во-первых, совершенно необходимо для дальнейших соображений, во-вторых, в связи с малодоступностью самого материала. «Записки» Хомутовой, благодаря очень ранней дате их написания, имеет смысл сравнивать в стилевом отношении только с Карамзиным в «Письмах русского путешественника», а также с французскими мемуарными текстами семнадцатого и восемнадцатого веков. Во фразе Хомутовой поразительно полное отсутствие вычурности, краткость, предметность, ясность составляют основу ее стиля. Карамзинская основа языка Хомутовой вполне естественна. Более удивительно, что в синтаксическом и образно-стилевом отношении фраза Хомутовой напоминает прозу А. С. Пушкина (1814 г. Пушкину было, как известно, 15 лет и проза его еще не существовала). Таким образом, стилевая общность объясняется единством источников, а кроме того, большой стилистической одаренностью мемуаристки. Дневниковая форма «Записок» налагает на них определенный отпечаток. Дневник располагает к свободе, к красочной импрессионалистичности стиля. Любопытна еще одна стилистическая особенность «Записок» Хомутовой. Расстановка слов во фразе построена с учетом звуковых эффектов, причем регулярное повторение определенных звукосочетаний создает то, что в применении к современной поэзии Е. Г. Эткинд называет «звуковой цепочкой». Так, например, фраза «Нам писали, что

Наполеон лишен всех прав, что статуты его уничтожены, что Людовик Восемнадцатый объявлен королем», имеет ярко выраженную звуковую окраску. Слово «Наполеон» по линии звуковой цепочки связано с «нам писали», а также со словом «лишен», «писали что» дает перекличку с «уничтожены», «Людовик», «Королем», «объявлен» дает следующий звуковой ряд и т.д. Звуковая цепочка есть отражение звуковой ассоциации. Звуковая ассоциация в русской прозе характерна, между прочим, для Пушкина. У Пушкина читаем, например: «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место. Тройка, семерка, туз... заслонили в воображении Германа образ мертвой старухи... Как она стройна — настоящая тройка червонная». Здесь сочетание слов «две неподвижные идеи» явно образуют звуковую цепочку, так же, как «тройка, семерка, туз» и «образ мертвой старухи» — смысловой параллелизм тут подчеркнут своего рода зеркальными взаимоотношениями между двумя звуковыми структурами. Здесь следует указать, что звуковые цепочки в художественной прозе никак не являются случайными, они совершенно закономерны, как следствие звуковой ассоциации, естественной для поэта (в случае Пушкина). Мы не знаем, писала ли Хомутова стихи. Но что звуковой строй ее прозы близок стихам, утверждать можно. Воспоминания Хомутовой — ранний образец поэтической прозы, не только по звуку, но и по образу близкой стиховой речи. «Нарышкина скрывала под улыбкой свое беспокойство, ветка полыни, которую она собиралась вплести в венок из лавров, дрожала в ее руке...» В прозе Хомутовой метрически организованные структуры, напр. «Флаг развевался на Зимнем Дворце» или «Академия, Биржа и Крепость сияли огнями», принципиально близки русскому стиху начала двадцатого века, напр.: Ахматовой «Помню выцветший флаг над таможней...» или «Морозное утро. С парада идут и идут войска...»

Если «Записки» Хомутовой рассматривать в плане общего развития русской прозы и с одной стороны поставить в карамзинско-пушкинский контекст, а с другой учесть перспективу развития прозы в двадцатом веке, ее «Записки» предстанут в качестве любопытного образца русской «непрофессиональной» прозы. В то же время стиль Хомутовой настолько выразителен и индивидуален, что автора следовало бы по этому признаку отнести к профессионалам. К сожалению, в «Русском Архиве» опубликован только один небольшой отрывок ее мемуаров и в то же время, там же указано, что она писала очень много. Можно предположить, что другие части ее мемуаров — пропали.

Интерес мемуаров Хомутовой не исчерпывается исключительно

формальными признаками. Мемуаристка рисует Петербург эпохи победоносного завершения войн с Наполеоном. Характеристики действующих лиц отличаются яркостью и изяществом. Исторические события трактуются как бы в семейном аспекте (что обычно для мемуаров и в то же время создает характерную стилистическую ситуацию, очень приятную для чтения). Этот семейно бытовой аспект гармонически сливается с государством, с общим стилем эпохи, с судьбой империи. При изучении мемуаров постоянно бросается в глаза это слияние семьи, государства и культуры. Именно умение показать это слияние (умение, так сказать, невольное) и составляет специфическую прелесть многих мемуаров. Семейно-бытовой аспект эпохи, так сказать, эпохи в действии требует особых приемов, особой художественной психологии. Форма дневника способствует непосредственности, создает не столько описание событий, сколько фиксирует впечатление от них, закрепляя словечки, намеки, иронические характеристики, в своей совокупности создающие ощущение живой жизни, проходящей перед глазами. Элемент иронии (иногда лирической иронии) чрезвычайно освежает мемуарное зрение Хомутовой, увеличивает емкость, подвижность ее художественной психологии. Сопоставление мемуаров Хомутовой с пушкинской прозой естественно, между прочим потому, что у Хомутовой налицо все те элементы, которые в прозе ценил Пушкин: легкость, занимательность, разнообразие, острота наблюдательности. Может быть, только выражение мысли в чистом виде для Хомутовой нехарактерно — но ведь речь идет о «непрофессиональной» прозе.

Анна Григорьевна Хомутова (1784-1856) родилась в Петербурге в военной семье. Получила хорошее домашнее образование, была знакома со многими писателями (Жуковский, Нелединский, Козлов, встречалась с Пушкиным). В жизни обычно пользовалась французским языком, писала на нем пьесы. Последние годы жизни прожила в рязанском имении своего брата, участника войн с Наполеоном, И. Г. Хомутова, автора воспоминаний, первоначально написанных по-французски.

По принципу противоположности с «Записками» Хомутовой можно сопоставить воспоминания кавказского офицера Н. П. Дубецкого. Хотя по времени действия они почти примыкают к предыдущим(двадцатые годы девятнадцатого века), возникли они лет на двадцать позднее и во всех отношениях от них отличаются. Перед нами воспоминания боевого офицера средних чинов. Действие происходит в Грузии и сосредоточивается вокруг одного военно-дипломатического эпизода, связанного с риском и опасностью. «Записки» Дубецкого носят характер авантюрной новеллы. Они напол-

нены действием и стиль подчинен одной общей задаче: передать общую динамическую напряженность (связанную с похищением важных бумаг из расположения противника). Общий стиль «Записок» пластичен, конкретен, выразителен. Грузинский колорит передан с большим мастерством. Характерно, что отдельные описания грузинского пейзажа отсутствуют, но топографические условия и особенности Грузии все время ощущаются читателем, так, как военные действия показаны на конкретной местности, с учетом ее особенностей, тактических возможностей и т.д. Это придает тексту особую выразительность. Природа входит в сознание читателя одновременно с действием, это действие мотивируя, направляя и подчеркивая. Автор «Записок» свежо и сильно чувствует природу, но нигде не выдвигает ее на первый план. Характерно, что воспользовавшись сравнительно небольшим военно-дипломатическим эпизодом, мемуарист разворачивает широкую и сложную картину Грузии. История, этнография, военно-стратегические соображения, бытовые зарисовки и природа трактуются автором в органическом единстве.

В русской художественной литературе военно-бытовая тема Кавказа обычно ассоциируется с именами А. Марлинского, Лермонтова, и Л. Толстого, причем Марлинский обычно рассматривается как создатель условного кавказского колорита, кавказских штампов и т.д. а Лермонтову и Л. Толстому вменяется в заслугу преодоления штампов. В отношении художественной литературы такого рода схема хотя и упрощена, но имеет все права на существование. Но при соприкосновении с мемуарным материалом упрощенность этой схемы особенно бросается в глаза. Ущербность этой схемы связана с тем, что схема возникла в результате подгонки процесса развития литературы в целом под привычные представления о развитии беллетристики. Как было уже указано выше, провести четкую грань между мемуарами и художественной литературой не всегда возможно. Более того. Представление о том, что данный жанр может быть художественен или нехудожественен исключительно по жанровому признаку — есть наследие поэтики классицистов и ограничивает поле зрения литературоведа. Несомненно, что мемуары Дубецкого, как и мемуары Хомутовой, следует учитывать в контексте художественной литературы.

В таком случае, тот факт, что Дубецкой не мыслит литературными штампами, не исходит из беллетристики (скорее — из деловых бумаг, рапортов и т.д.), не старается поразить читателя внешней «красивостью», дешевой «поэтичностью» изображаемого, должен квалифицироваться, как значительная художественная удача автора. Дубецкой с большим мастерством рисует характер страны, быта,

военных будней, с легкостью создает напряженную ситуацию, строит авантюрную новеллу. Все это чрезвычайно сближает мемуариста с Лермонтовым, Л. Толстым. Проза Лермонтова в момент написания «Записок» Дубецкого если уже существовала, то была явлением очень новым. Тем более, проза Л. Толстого. В то же время, у Дубецкого нет и следа штампов Марлинского, возможно, они ему попросту неизвестны, а если известны, то безусловно не нужны. Заслуга же обязательного преодоления романтических условностей автоматически приписывается писателям-классикам — Лермонтову и Л. Толстому. Пристрастие к односторонним схемам приводит к тому, что воздействие одного беллетриста на другого трактуется как факт обязательный. (Между тем, Л. Толстому для того, чтобы писать «по-толстовски», вовсе не обязательно было преодолевать штампы Марлинского. Толстой вполне мог развиваться вне Марлинского). С другой стороны, мы знаем, как много внимания отдавал Толстой запискам, дневникам, мемуарам. Это естественно. Нам неизвестно, читал ли молодой Толстой записки Дубецкого (по всей вероятности — нет), ведь они опубликованы только в 1915 г. Но можно с уверенностью утверждать, что прочти Толстой Дубецкого, он увидел бы у него свои собственные художественные принципы. Впрочем, Толстому вовсе не нужно было знать непременно Дубецкого, подобные материалы в распоряжении Толстого несомненно были и он умел их правильно оценить. Как бы то ни было, на фоне мемуаров вопрос о литературной преемственности, о смене литературных направлений выглядит несколько иначе, чем при одностороннем учете беллетристики. Кстати, вопрос о связи молодого Толстого с мемуарами довольно часто трактовался литературоведами. Но при этом следует отдавать себе отчет в том, что Толстой потому так охотно пользовался литературой мемуаров, дневников и записок, что их авторы часто художественно предвосхищали многие принципы толстовской прозы. Именно поэтому эти материалы следует изучать литературоведчески.

При безусловном значении мемуаров Дубецкого, конечно не следует преувеличивать это значение. «Записки» Дубецкого следует скорее всего воспринимать, как характерное явление, лежащее на пересечении документальной и художественной прозы. «Записки» Дубецкого интересны как показатель возможностей среднего мемуариста эпохи.

В несколько ином положении «Воспоминания» М. П. Щербинина, посвященные личности и деятельности М. П. Воронцова, относящиеся ко второй половине 1820-х годов (написаны лет на 20 позднее). Здесь перед нами крупный и динамичный портрет выдающегося

государственного деятеля, Наместника Новороссии и Главнокомандующего на Кавказе, писанный рукой его долголетнего секретаря. Этим определяется тот угол зрения, под которым мы видим Воронцова. Фигура Воронцова объективно чрезвычайно значительна. Его усилиями создавался Новороссийский край. Как человек, Воронцов был в высшей степени обаятелен и благороден. Постоянно находясь при Воронцове, Щербинин имел возможность наблюдать его в самых разнообразных обстоятельствах (от поездок в Англию, где Воронцов гостил у своей сестры, Леди Пемборк, до рукопашных стычек с чеченцами на Кавказской Линии) и будучи с ним в дружеских отношениях, далеко выходящих за пределы служебных обязанностей, написал великолепный, хотя несколько парадный портрет Воронцова. Щербинин постоянно подчеркивает внешнюю и внутреннюю красоту изображаемого. Парадность изображения в воспоминаниях Щербинина нисколько не противоречит находчивой гибкости, пластичной выразительности текста. Между прочим, многие воспоминания той эпохи носят парадный характер, это было в духе времени. Мемуаристы часто ассоциируют парадность с монументальностью или с объективной значимостью изображаемого. Это довольно типичная черта русских мемуаристов начала девятнадцатого века («Воспоминания» Хомутовой, несмотря на их «семейный» характер, тоже отличаются некоторой парадностью). С точки зрения стиля, парадность есть прием. Изучая мемуары, можно выделить ряд постоянных реалий, присутствие которых создает ощущение парадности. Сюда относится частое изображение дворцов, городских пейзажей (обычно — Петербург), придворного церемониала во всех его разновидностях, картин природы, иногда — батальных сцен и военных эпизодов. С точки зрения поэтики позднего романтизма и натурализма (для России — вторая половина девятнадцатого века) парадные мемуары казались отрицательным явлением, критика, а отчасти и читатель не были в достаточной степени подготовлены к их восприятию. Но в первую половину века парадность стиля со всеми ее реалиями, была естественна, так как для людей той эпохи внешняя красота была непременным атрибутом внутреннего содержания. Тогда еще не существовало того раздвоения, результатом которого стало недоверие к парадным стилям.

Портрет Воронцова написан на широком военно-историческом фоне. Цепь географических названий, номера воинских частей, данные о передвижении войск, административная терминология — все это создает определенную сетку понятий, отношений и ассоциаций, центром которой является личность Воронцова. Действие все время происходит как бы на географической карте. Воронцов держит в ру-

ках подвижную систему нитей, приводящих в движение страну. Личность мемуариста у Щербинина совершенно заслонена изображаемым. Мемуарист вообще обычно прячется за событиями, в этом невыгодность его положения по сравнению с писателем-художником. В мемуарах мы обычно не ищем художественности, тем самым закрывая себе путь к сознанию именно художественных закономерностей этого жанра. Тот факт, что изображаются реально жившие лица на фоне действительных событий, неминуемо создает совершенно особое отношение к материалу, как со стороны мемуариста, так и со стороны читателя. Чем же компенсируется в мемуарах отсутствие сюжетно-фабульной выдумки? В самой краткой форме: особым видом рефлексии, в результате которой отрезок времени, исторические события, пройдя сквозь память, превращаются в психологический поток, источником которого является личность мемуариста. Не запись событий, не фиксирование их, не информация о них, а переживание их составляет суть искусства мемуариста. Подход писателей-художников к мемуарам в русской литературе вообще разнообразен. Иногда писатели использовали мемуары исключительно как исторический материал, как бы «наклеивая» персонажей на исторический фон. Но уже Пушкин и Л. Толстой подошли к мемуарам иначе, а двадцатый век пошел за ними. Впрочем, в двадцатом веке существуют по крайней мере две различные школы подхода к мемуарному материалу — Ю. Тынянова и А. Н. Толстого. Тынянов документален, но антипсихологичен; А. Н. Толстой берет за основу романтизированную психологичность, а документально-мемуарный аспект оставляет на втором плане.

Хотя мемуары Щербинина не представляют той художественно-стилистической ценности, как например мемуары Хомутовой, они однако представляют определенный интерес и относятся к довольно большой группе мемуаров — к «служебным» мемуарам. В «служебных» мемуарах, как правило, отсутствует «семейная» тема (дающая обычно большой простор мемуаристу-художнику). Но, с другой стороны, «служебные» мемуары совершенно особая стилевая группа, имеющая свою традицию и свои закономерности. «Служебные» материалы дают возможность мемуаристу ввести такого рода реалии, которые могут ускользнуть от мемуариста иного профиля.

Среди «служебных» мемуаров начала девятнадцатого века необходимо отметить записки морского офицера Н. Коростовца. Особо интересны они датой написания — 1804. «Записки» Коростовца представляют собой нечто вроде путевого дневника в письмах (карамзинская традиция). Коростовец наивнее и проще других мемуаристов, упомянутых в этой работе, даже «грубее» их. Хотя литера-

турное достоинство его записок невелико, его все же можно поставить в связь с традицией Гончарова в «Фрегате Паллада» и «Морских рассказах» Станюковича. Плавая по северным морям, автор записок дает картины портовой жизни, морских нравов тех стран, где ему приходилось бывать. Для стиля его записок характерна большая примесь просторечия, мемуарист даже вульгарен по языку. Но, именно это является его характерным признаком и отличает его от большинства русских мемуаристов того времени. Стиль Коростовца — это стиль будущего мещанского романа 1820-1840 гг., языковая характеристика персонажей «Женитьбы» Гоголя. Мемуарист излишне болтлив, его записки имеют излишне бытовой (даже обывательский) характер. Хронологически это наиболее ранний из материалов этой работы. Независимо от качества, этот материал на общем фоне выделяется, как уникальный.

В художественно-стилевом отношении очень интересны мемуары А. П. Хвостовой (1767-1852), опубликованные под ироническим заглавием «Мои бредни». Хвостова окончила их в 1837 г. Эта дата выставлена под сопроводительным письмом Ю. Бартеневу, которое играет роль вступительной заметки. Это, собственно, не мемуары в точном значении этого слова. Среди авторов, упомянутых в данной работе, Хвостова — единственный литератор-профессионал. Она очень много писала (первая ее книга прозы «Камин и ручеек» напечатана в 1796 г. тиражем в 2400 экз., тираж по тому времени очень большой, имела большой успех). «Мои бредни» есть собственно собрание разнохарактерных литературных записей, частично — мемуарного, частично — исторического характера. У Хвостовой, между прочим, встречаем «исторический анекдот», по форме напоминающий «Старую записную книжку» П. А. Вяземского. Историко-бытовые записи Хвостовой обычно относятся к петровской или екатерининской эпохе. Они оформлены, как миниатюрные новеллы. Почти все они выдержаны в «народном» стиле, которым Хвостова владеет очень хорошо. В этих новеллах можно видеть элементы того, что впоследствии получило наименование «сказа», а самый стиль их можно сопоставить с орнаментальной прозой. Богатство народного языка — отличительная черта стиля Хвостовой. Пословицы, прибаутки, хлесткие народные словечки так и летят с пера Хвостовой. Наряду с этим, стиль Хвостовой намеренно архаичен и в то же время — нарочито небрежен. Хвостова иногда пародирует сказку, иногда намеренно создает сказочный колорит. Такого рода орнаментализм и стилизация под народность может быть сопоставлена с некоторыми явлениями русской прозы первой половины двадцатого века (Б. Пильняк, А. Н. Толстой). Хвостова создает характеристики некоторых персо-

нажей восемнадцатого века (например гротескных провинциальных помещиков). Она пользуется длинной фразой со множеством придаточных предложений, скобок и т.д. На первый взгляд ее фраза несколько тяжела, но такая фраза одновременно создает впечатление монументальности и как бы подчеркивает лексическое богатство. В основе языка Хвостовой — сложный лексический сплав, вобравший в себя элементы книжные, фольклорные и народно-бытовые, с примесью языка сентименталистов. «Вот тебе чурбан неотесанный» — пишет она Ю. Бартеневу — «рука искуснее моей может изваять из него изделие интересное». Характерным приемом ее стиля может служить описание Черменецкого озера:

«...я, читая модные сочинения, так подробно, так мило описывающие не только холмики, кусточки и даже грязи чужеземные, всегда дивлюсь, как господа местописатели не вздумали никогда взглянуть на прекрасное это озеро, так близко от столицы находящееся. Как изнеженое дитя на белой простыночке в колыбели качаясь, так Черемнец, колыхаясь в колыбели крутых берегов, остеняющих его на сорок верст в окружности, нежась на мелком песочке белом, отражает весело деревни и села, на хребте гор поселенные. Когда дитя это спокойно и тихо, резвые рыбки плавают безбоязненно на поверхности его... но горе, когда дитя раскапризничается: волны чернеют от злости и валы пенистые, мчась наперерыв один за другим, поглащают друг друга, пока не разобьются о берег серебряным блеском. Берег иногда стонет уныло и ветер, прорываясь сквозь деревья и горы, диким визгом отзывается. Горе тогда челноку рыбачьему. Горе диким уточкам и чайкам, так мило перед погодой бороздившими воду крылышком... Посреди озера, на островке... стоит великолепный древний монастырь Богословский, кучкою устарелых деревьев осеняемый». Характерна еще и такая фраза: «Ты услышишь гул омутов, бушующих дно ее (речки), и шипение гадов впивающихся».

В этом отрывке характерна прежде всего общая архаичность синтаксиса и фразеологии. Здесь мы видим своеобразное преломление архаичных аспектов карамзинской системы. Одновременно, стиль описания озера заставляет вспомнить гоголевские описания Днепра — «Страшная месть» и некоторые другие гоголевские тексты. У Гоголя мы нходим то же сочетание патетики, быта и фольклора.

Круг тем и интересов Хвостовой очень широк. Ее мемуары начинаются, например, размышлением о Байроне. Характеристика Байрона построена отчасти на фразеологии мартинистов и масонов, к которым Хвостова была близка. Своеобразным байронизмом вообще проникнуто многое у Хвостовой. Пейзажи ее, кроме того, отмечены влиянием Оссиана. Рассуждения на отвлеченные темы

(«Письма русского») вообще значительно слабее мемуарно-бытовых гротескных и пейзажных тескtов. В «Письмах русского» чувствуется непреодоленный Карамзин, и вообще, стиль ее бледнеет, как только она отрывается от народно-бытовой или природной стихии. Большой яркостью отличается, между прочим, ее описание русской пляски. Напомним, что все это писано до 1837 года, когда стиль ее уже сложился (ей в этом году было 74 года). Если представим себе, что пейзажи Хвостовой возникали, по всей вероятности, до Гоголя («Вечера на хуторе» напечатаны в 1835 г.), то оригинальность Хвостовой в плане развития стилей обратит на себя внимание. Стиль Хвостовой следует анализировать подробно — с точки зрения лексики, фразеологии, литературного контекста и т.д. Эти задачи выходят за рамки нашей работы.

Наконец, перед нами обширные мемуары гр. Антониды Дмитриевны Блудовой — дочери министра просвещения Д. Блудова, друга Жуковского, члена «Арзамаса». Воспоминания эти относятся к 1830 гг., но написаны много позднее, в 1870 г. По времени это самый поздний материал, включенный в эту работу. Поэтому мы и разбираем их в последнюю очередь. Воспоминания Блудовой относятся к группе семейно-политических. Наряду с характерными чертами семейных мемуаров, в них силен политико-публицистический элемент. Такое сочетание сравнительно необычно для той эпохи, тем более для женщины.

Легкость и изящество стиля в соединении с диалектичностью портретов и характеристик, плюс значительность самой эпохи и событий — вот сквозной признак «Записок» Блудовой. Портретные зарисовки отца, В. А. Жуковского, Николая I и других лиц семейного, придворного и литературного мира, щедро рассыпаны по тексту. Воспоминания написаны очень вдумчиво. Именно у Блудовой с особенной яркостью выступает природа мемуаров, как художественно-философского эссе, в котором изображение событий и лиц переплетается с размышлениями на исторические темы, где культура эпохи в различных аспектах предстает в качестве законченного и осмысленного целого. Политико-публицистическая тема входит в воспоминания на фоне польского восстания 1830-1831 гг. Семья Блудовых живет в это время в Берлине (кроме отца, оставшегося в Петербурге). Переписка Блудова с дочерьми и женой введена в воспоминания и составляет в них как бы второй план. Одновременно, в мемуары введен чисто документальный материал: царские манифесты, отрывки из газетных статей, административные распоряжения (касающиеся польского восстания) и др. Совершенно особую группу материалов в мемуарах Блудовой составляют отрывки из писем прусской коро-

левы Луизы, связанных с нападением Наполеона на Пруссию. Эти письма представляют значительную ценность, как человеческий документ и все вместе создают прелестный портрет королевы, которая тоже таким образом становится действующим лицом мемуаров. Кстати, со слов другого лица, Блудова описывает приезд прусской королевской четы в Петербург (1808 г.) Таким образом, воспоминания Блудовой построены очень широко, рамки их как бы раздвинуты, интерес и ценность воспоминаний усугубляется тем, что Блудова прекрасно подготовлена к своей заадче. Она воспитана на английской, французской и русской литературе (ее русский контекст это — Карамзин, Жуковский, Пушкин, Козлов и др.). Литературный горизонт ее, таким образом, очень широк, литературная реминисценция, цитата, параллель легко и органично входят в ее текст. В отношении к русской литературе, стилю и т.д. Блудова — убежденная карамзинистка. Будучи другом ее отца, Карамзин имел возможность непосредственно влиять на ее воспитание. Мировоззренчески она близка к славянофилам (линии И. Киреевского, Хомякова, П. Бартенева). Для понимания личности Блудовой важно то, что она очень религиозна. Религиозность окрашивает все ее мировоззрение. Таким образом, ее политические убеждения направлены в определенное русло, что однако не приводит ее к узости. Наоборот. Ее уверенный в себе политический консерватизм производит впечатление спокойной монументальности и широты. Следует обратить внимание на то, что внутренний мир Блудовой, ее специфическая позиция в рамках эпохи, среды, в политическом контексте, наконец, не нашли отражения в художественной литературе и следовательно — уникальны (это касается и некоторых других мемуаристов). Русская художественная литература к этому аспекту культуры не проявила достаточного интереса. Само собой разумеется, например, что придворная административно-бытовая культура — такая же часть общерусской культуры, как и всякая другая. Русская художественная литература подходила к этой теме крайне однобоко (например Л. Толстой к Николаю I). Мемуары до некоторой степени заполняют этот пробел.

Многообразие и широта ассоциаций очень характерна для Блудовой. Если мы текст Блудовой сравним с текстами романов Л. Толстого (ведь Блудова захватила так или иначе и эпоху, следующую непосредственно за «Войной и Миром», была современницей «Анны Карениной»), то заметим значительную бедность ассоциациями культуры у Толстого по сравнению с Блудовой. Ясно само собой, что о сравнении абсолютной значимости Толстого и Блудовой не может быть и речи, кроме того, мемуары — не роман, у романа свои закономерности, но писателям двадцатого века естественно задумы-

ваться о связях и использовании опыта мемуаров в романе. К этому мы еще вернемся. Здесь скажем только, что обогащение текста за счет ассоциаций — характерная черта жанра мемуаров и именно она легко переносима в область художественной литературы.

Русская художественная литература второй половины девятнадцатого века, как известно, не лишена тенденциозности. Врядли следует повторять, что это ей не на пользу. Отсутствие тенденциозности приятная черта мемуаров Блудовой. Несмотря на определенность точки зрения, Блудова не стремится ничего доказывать. Она всего лишь описывает то, что ей близко, описывает со всей сложностью присущей ей психологии. Она очень озабочена нравственной проблематикой и ее нравственные стандарты очень высоки. Говоря о сложности психологии, мы имеем в виду не какую-то особую, нарочитую усложненность, а просто гибкость ума, тонкость восприятия, многообразие интересов.

В мемуарах Блудовой довольно много внешней декоративности, связанной с изображением объективно красивых вещей (черта многих мемуаров). Об этом мы уже говорили в другой связи.

Что касается чисто внешних признаков стиля Блудовой, то они в плане истории стилей не обладают особенной характерностью. Здесь достаточно просто напомнить, что Блудова великолепно владеет стилем на карамзинской основе и как правило не переходит границ, намеченных в «Письмах русского пуиешественника». В то же время в связи с ее мемуарами возникает ряд проблем, касающихся мемуарного жанра в целом. Закончив краткий обзор мемуаров, мы ниже сделаем ряд обобщающих выводов.

Каждый из рассмотренных выше материалов является до известной степени типовым. В то же время, каждое из рассмотренных выше произведений обладает различной степенью приближения к художественной литературе. В основном рассмотренные мемуары делятся на три группы: военные, служебные и семейные. По ряду признаков семейные мемуары как правило ближе всего художественной литературе. Мемуары Хомутовой и Блудовой принадлежат к одному тематическому плану, однако резко различаются по стилю. Основная разница в том, что Хомутова, концентрируя все внимание на внешних деталях, на словесном оформлении, строит сложный словесно-звуковой рисунок, исходя в лексико-фразеологическом смысле из словаря одной тесно объединенной группы людей (петербургское околопридворное общество), причем этот словесно-звуковой рисунок граничит с поэтической прозой и до известной степени является самоцелью. У Блудовой, напротив, формальная сторона никак не стоит в центре внимания, мемуаристку занимают идеи

историко-политического характера, человеческие переживания, портреты и так далее. Наконец, мемуары Хвостовой составляют очень сложный словесно-смысловой сплав, где сам язык как бы выдвинут на передний план, причем лексика очень богата и разнообразна по своим источникам. О поэтической прозе можно пожалуй говорить и у Хвостовой, но основы ее стиля совершенно иные, чем у Хомутовой. Хвостова прокладывает путь сказа, стилизует сказку и т.д. Итак, в рамках одной тематической группы мы имеем три разных мемуарных стиля. Две другие тематические группы — служебная и военная — представляют значительно меньшее разнообразие. Авторские индивидуальности выражены слабее. Как бы то ни было, военно-служебная группа является интересной в литературном отношении группой мемуаров.

Композиционная специфика является одним из основных жанровых признаков мемуаров. Об отсутствии сюжета мы уже говорили. О том, что в основе композиции мемуаров лежит, как правило, психологический эссе мы тоже упоминали выше. Этот эссе, кроме того, примыкает к исторической прозе. До известной степени, мемуарист пишет историю в микрокосмосе (семья, служебная карьера, военный эпизод). Мемуарный эссе примыкает к субъективно-рефлектирующей традиции Монтеня. Композиционно, семейные мемуары можно сравнивать с сотами (отдельной ячейке соответствует эпизод или персонаж). Именно в характере соединения эпизодов и персонажей проявляется между прочим искусство и индивидуальность автора. В мемуарах, как правило, отсутствует сюжетное развитие, тем самым вопрос о времени ставится в мемуарах по иному, чем в сюжетной литературе.

Другим важным композиционным признаком мемуаров является сложный монтаж (кроме основного повествования в мемуары часто вкраплены письма, документы, вставные новеллы, воспоминания других лиц, отрывки из статей и т.д.). Все это создает впечатление множественности планов, полифонии материала, которая в мемуарах значительно более заметна, чем в романах той же эпохи. Толстой приводит в «Войне и Мире» растопчинские афишки и несколько писем, только и всего, но толстовская связь с мемуарами налицо.

Третий композиционный признак многих мемуаров (но не всех) это безгеройность. Целая вереница людей изображается в мемуарах на равных правах и то, что об одних лицах говорится больше, чем о других, по существу не выделяет их из контекста. Ведь «герой» в художественной литературе характеризуется действием. Впрочем, «герой» Щербинина М. С. Воронцов, «герой» Блудовой Александр I. Мемуары с «героем» составляют особую группу, приближаясь к сюжетному произведению.

Отсутствие сюжетно-динамического времени в мемуарах накладывает на них особый отпечаток. Уничтожая время при помощи ссылки на «прошлое», мемуары тем самым приобретают черты постоянно длящегося настоящего, которое благодаря этому выигрывает в выпуклой насыщенности изображения.

Итак, в данной работе нами кратко поставлена проблема о мемуарах, как литературном жанре, а именно выдвинут вопрос о классификации мемуаров, о соотносимости мемуаров и художественной литературы, об основных русских мемуарных стилях и о жанровых признаках мемуаров. Углубление и разработка этих тем — дело будущего, задача же данной работы — почти исключительно методологическая. В довершение к уже сказанному, ниже наметим еще несколько уточняющих соображений.

Русская художественная литература, как минимум со времен Пушкина, постоянно реагировала на мемуары. Эта реакция была не столь сильной, как могла бы быть, но достаточно заметной. Поэтому имеет смысл указать на ее возможные перспективы в будущем. Историческая тема в русской литературе, можно сказать, вполне традиционна (начинается, скажем с «Арапа Петра Великого», если взять новую историю, что естественней и проще). Повествование от первого лица автоматически переводит историческую тональность в мемуарную («Капитанская дочка»). И здесь возникает вопрос: в какой степени повествование от первого лица действительно переводит читателя из области объективного повествования в область мемуаров, как в особый психологический комплекс? И тут стоит отметить, что в пушкинской исторической художественной прозе «первое лицо» еще не использует мемуарного приема во всем его объеме. Это происходит, в основном, потому, что в произведениях как первого, так и третьего лица основным является повествование. В «Арапе Петра Великого», например: Пушкин ближе подходил к традиции мемуаров (французских), чем в «Капитанской дочке», где повествование идет от первого лица. Однако, как бы то ни было, мы можем констатировать, что художественная проза Пушкина соответствующей тематики исторична, но не мемуарна. Настоящий мемуарный аспект появляется лишь у Л. Толстого сначала в «Детстве и Отрочестве» (сразу внося принципиальные изменения в показ времени) время действия сокращается, увеличивая психологический объем того, что изображается, а потом, в ослабленном виде в «Войне и Мире», несмотря на третье лицо. Поэтому можно утверждать, что «мемуарный аспект» в художественной литературе не обязательно связан с «первым лицом». По отношению к данной проблеме сдвиг толстовской прозы по сравнению с пушкинской состоит именно в том, что у Толстого время повествовательное заменяется временем психологическим, как

в мемуарах. По линии психологизации времени после Толстого в русской литературе шли Чехов, Андрей Белый, в историческом романе Ю. Тынянов и А. Н. Толстой. В художественной практике первого нам приходится столкнуться с тем естественным фактом, что время историческое (точнее время исторической стилизации) и психологическое время мемуариста — вещи совершенно разные. Ю. Тынянов — блестящий знаток русских мемуаров, как исторического документа. В силу своего склада, как писателя, Тынянов всякий исторический текст рассматривает, как документ, а затем виртуозным использованием документа создает исключительно яркие монтажи, стилизовано и притом очень удачно воссоздающие эпоху («Вазир-Мухтар»). Но это в первую очередь время документальное, то есть — историческое.

Ни одна из европейских литератур, кажется, не обладает таким количеством мемуаров, как французская. И именно она уже в близкое нам время выдвинула художника, гениально спроектировавшего опыт мемуаров в художественную литературу — М. Пруст. Настоящая работа проделана с учетом метода Пруста. Всякий исследователь, читающий сегодня мемуары, невольно помнит о Прусте (уничтожение сюжетно-повествовательного времени, психологизация, ассоциативность, «эссе», принципиальная безгеройность — мы пользуемся для Пруста терминологией, с самого начала применяемой в данной работе). Русский мемуарный фонд достаточно богат чтобы к нему могли быть применены прустианские категории. Но русское литературоведение до сих пор мало занималось теорией мемуаров. Художника типа Пруста русская литература пока не выдвинула. Художник будущего сможет, опираясь на опыт Л. Толстого, Пруста, А. Белого, сделать психологическое время основой значительных художественных построений. И тогда русский мемуарный фонд может сыграть для него очень значительную роль.

В настоящей работе мы намеренно не коснулись вопроса о содержании мемуаров. Тема работы увела бы нас в другую сторону, так как мы ставили своей задачей стилистическую классификацию и постановку вопроса. В крупной работе о мемуарах вопросу о содержании естественно было бы отвести целую главу. Такая работа необходима. Настоящая статья является только началом работы.

СТОЛЕТИЕ ВОЙНЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ

Н. Кормилев*

В апреле 1977 года исполнилось сто лет объявлению войны, которая привела к освобождению Болгарии. Хотя эта война назревала почти два года, но Россия вошла в нее неподготовленная, ни в военном, ни в дипломатическом смысле. Эта война ей была не нужна, но с одной стороны, жажда реванша после унизительного Парижского мира, а с другой, яростная пропаганда славянофилов требовавших освобождения «братушек славян от турецкого ига», втянули Россию в эту войну, которая стоила больших человеческих и матерьяльных жертв и после которой плоды победы были отняты на Берлинском конгрессе.

Крымская кампания показала всю неподготовленность нашей армии и ее отсталость в военном отношении. Хотя уже появились нарезные винтовки и скорострельные орудия, наша пехота продолжала наступать сомкнутыми рядами и шагом, как во времена Наполеона. В армии господствовала преувеличенная централизация, парализующая инициативу начальников частей, все ждали «приказания свыше». Стройные линии частей на парадах и выправка считались важней обучению действиям рассыпным строем в поле. Стрельба залпами и штыковой удар считались решающими.

Сразу же по окончании войны 1854-55 годов, сначала ген. ад. Ридигер, а затем ген. лейт. Милютин внесли предложения об реорганизации армии, но к началу войны 1877-78 годов она еще не была за-

* Бывший лектор Instituto de Ciencias Naturales en Colegio Maximo de San Miguel, Buenos Aires, Argentina.

кончена. Самым важным нововведением была замена рекрутских наборов воинской повинностью. Офицерский состав тоже оставлял желать лучшего: высшее командование с трудом отрешалось от старой рутины, военные училища могли снабжать молодыми офицерами только гвардию и специальные роды войск, а пехота пополнялась из юнкерских училищ или производством юнкеров. Перевооружение армии тоже еще не было закончено: большинство солдат в пехоте все еще были вооружены старыми гладкоствольными ружьями и только вновь сформированные 5-ые стрелковые роты в батальонах имели нарезные винтовки, берданки. Наша полевая артиллерия оказалась бессильной против земляных укреплений Плевны и только с прибытием осадной артиллерии положение несколько улучшилось. В то же время, многие из турецких пехотных частей уже имели английские винтовки «пибоди», более дальнобойные, чем наши, а артиллерия была вооружена крупповскими орудиями. Как винтовки, так и орудия имели обильный запас аммуниции, которую не щадили.

Наша дипломатия, под руководством министра иностранных дел, князя Горчакова, не понимала наших исторических целей, намеченных еще Петром Великим, выход к свободному морю, т.е. обладание Константинополем и проливами, а заменила их «филантропией» — освобождением «братушек славян» и созданием «Великой Болгарии». Опасаясь английского вмешательства, император Александр II, еще в 1876 году, заверил лично английскую королеву Викторию, что Россия не намеревается забирать Константинополь и проливы, лишив Россию заранее самых важных результатов возможной победы, но англичан не убедил и как только наши войска приблизились к Константинополю, Англия ввела свой флот в Мраморное море. В противовес английскому флоту мы не имели ничего: по Парижскому миру 1856 года, Россия была лишена права иметь и строить военные суда на Черном море и хотя эта клаузула была Россией отказана в 1871 году, во время франко-прусской войны, но за все 6 лет до начала турецкой войны, мы не построили ни одного военного корабля. Даже слабый турецкий флот безраздельно господствовал на Черном море, а нам пришлось наспех вооружать торговые пароходы и держать наготове два корпуса, чтобы как-то защитить наши берега.

Отказывая Парижский договор в 1871 году, наша дипломатия совершила еще одну роковую ошибку: хотя наша нота Великим державам была составлена безупречным французским языком, она была так запутана и неясна, что вызвала недоумение. Даже Бисмарк выразился, что Россия,вместо того, чтобы отказать весь договор, а потом уже торговаться, что из него оставить, сама поставила себе ограничения. Англия и другие западные державы внесли «поправку», кото-

рую ни наш посол в Лондоне-барон Бруннов, ни князь Горчаков не поняли или проглядели. По этой «поправке» державы, граничившие с Черным морем, НЕ ИМЕЛИ ПРАВА ПРОВОДИТЬ СВОИ ВОЕННЫЕ СУДА ЧЕРЕЗ ПРОЛИВЫ, ДАЖЕ ЕСЛИ ЭТО РАЗРЕШИТ СУЛТАН! Этим мы закупорили наш Черноморский флот как в бутылке. По предложению князя Горчакова, император Александр II принял эту «поправку».

К началу войны положение в Европе было следующее: Франция все еще не оправилась от разгрома 1870-71 годов. В 1875 году она начала было оправляться, и Германия хотела предпринять «предупредительную акцию», но Россия и Англия предупредили ее, что этого не допустят. Бисмарк злобу затаил, но от акции отстал. Нашему же послу он прямо сказал: «Я добрый друг моих друзей и враг моих врагов». Еще в 1872 году в Берлине был заключен «союз трех императоров», русского, германского и австрийского. Цель союза была поддерживание мира в Европе, а главное на Балканском полуострове. В 1873 году декларация в этом смысле была сделана Россией и Австрией. Но на Берлинском конгрессе Германия и Австрия действовали как неприятели, а не как союзники.

Князь Бисмарк, не только выдающийся государственный деятель, но и отличный дипломат, разгромив Австрию в 1866 году, заставил ее выйти из Германского союза государств, в котором ее заменила Пруссия. Но, обеспечив Германии гегемонию среди немецких княжеств, он превратил Австрию в союзника, а при свидании Вильгельма I с Франц Иосифом в 1872 году, намекнул, что Австрия могла бы получить компенсацию на Балканах в виде Боснии и Герцеговины.

После разгрома в 1867 году Австрия превратилась в «двуединую империю», даровав венграм все права наравне с австрийскими немцами, но несмотря на то, что 2/3 ее населения были славяне, из-за сопротивления венгерской аристократии, славянам равноправие не было дано. Среди чехов и хорватов началось движение за эмансипацию, которое наши славянофилы посчитали желанием соединиться с Россией. Чехи от России желали только помощи для получения независимости, а хорваты были открытыми руссофобами. Среди сербов, части хорват и словенцев, населявших Австро-Венгрию, было движение за объединение всех южных славян в Югославию. Маленькая независимая Сербия была поэтому для Австро-Венгрии как заноза в боку, хотя сербский князь, Милан Обренович был австрофилом, а не руссофилом. Для Австрии было поэтому очень важно сохранение Оттоманской империи в целости, а не распадение ее на части и образование больших славянских государств.

В 1875 году в Невесинском округе Боснии и Герцеговины вспых-

нуло крестьянское восстание против тяжелых налогов и эксплоатации со стороны мусульманских помещиков — бегов, имевших феодальные права над христианской райей. Турки начали жестоко подавлять восстание, и христианское население начало укрываться в соседней Черногории. Восстание тайно поддерживала Австро-Венгрия. Наши славянофилы начали кампанию в поддержку славян. В Сербии началось возбуждение, но сербы не двигались, выжидая чем это кончится. Австрийский канцлер Андраши выработал программу реформ, которые западные державы должны были потребовать от султана: 1. Свобода вероисповедания для христиан 2. Прекращение отдачи сбора податей на откуп и 3. Выкуп феодальных повинностей. С согласия России и западных держав, Андраши собирался потребовать это от султана. Русский посол в Константинополе, генерал Игнатьев, имел очень большое влияние на руссофильского султана Абдул Азиса и посоветовал ему провести реформы еще раньше, чем он получит требование от Андраши. Султан согласился и издал соответствующие фирманы для первых двух требований, а для третьего у него просто не было денег. Восставшим дали амнистию и прекратили военные действия против них. Восставшие посчитали это признаком слабости и увеличили свои требования. Восстание продолжалось.

Англия сначала была индиферентна к восстанию, но Дизраэли, ненавидевший Россию и опасавшийся, чтобы она не воспользовалась этим восстанием для своих целей на Балканах, послал несколько броненосцев в Безику, при входе в Дарданеллы. Тем временем беспорядки в Турции распространились, в Салониках толпа убила немецкого и французского консула, и вспыхнули беспорядки и в самом Константинополе. Западные державы послали свои военные суда в Салоники. Наш посол в Константинополе уверял султана, что если он пошлет войска против черногорцев, которые помогали восставшим, то Турция развалится. Султан просил Россию воздействовать на черногорцев и послал императору Александру II письмо с изъявлением своей дружбы. Князь Горчаков нотой в резком тоне отказал, а император Александр II на письме султана сделал пометку: «я не нуждаюсь в его дружбе».

Генерал Игнатьев слал в С. Петербург депеши, уверяя, что Турция совсем прогнила и что, если сербы и черногорцы объявят ей войну, то она развалится. Болгары начали восстание в Родопах, турки ответили тем, что вырезали 15.000 болгар — мужчин, женщин и детей. По всей Европе прокатилось возмущение турецкими зверствами. Тем временем, по английским происками, младо-турецкая партия произвела переворот, сместила и скоро «покончила самоубий-

ством» султана Абдул Азиса, и заменила его недалеким Муратом V, но вскоре сместила и его, а на трон возвела руссофоба Абдул Гамида.

Наши славянофилы неистовствовали, требуя русского вмешательства. В Москве образовался «Славянский комитет», который усилил пропаганду.

Летом 1876 года император Александр II поехал в Бад Эмс, а по дороге заехал в Рейхштадт и встретился с Франц Иосифом. В Рейхштадте был подписан договор с Австро-Венгрией о создании балканских государств. Россия получала назад южную Бессарабию, отобранную Парижским договором, и Батум, а Австрия в награду получала бóльшую часть Боснии и Герцеговины. Этот договор держался в такой тайне, что даже не сообщили нашему послу в Константинополе, генералу Игнатьеву. Тем временем Сербия, не без русского подстрекательства, объявила войну Турции. Командующим сербской армией был назначен русский генерал в отставке, Черняев, и русские добровольцы в большом числе поехали в Сербию. Славянский комитет начал сбор пожертвований для сербов и болгар. Сербия еще не имела постоянной армии, а призвала народную милицию из необученных крестьян, которые не показывали особого воодушевления к войне и очень легко дезертировали. Одни русские добровольцы не могли задержать турецкую армию и были разбиты 17 октября 1876 года под Джунисом. Дорога на Белград была открыта. Сербский князь Милан послал императору Александру II отчаянную телеграмму, прося помощи: прислать две русские дивизии. Император Александр II дивизии не прислал, но послал Турции ультиматум, требуя перемирия на 6 недель или на два месяца. Хотя Турция уже усиленно вооружалась Англией, она еще не была готова к войне, приняла ультиматум и заключила перемирие, которое потом продлевали несколько раз.

Еще 3-го октября император Александр II созвал совещание министров в Ливадии. Министр финансов Рейтерн был против войны, указывая, что это было бы финансовой нелепостью и грозило бы государственным банкротством. Наш посол в Берлине тоже отсоветовал ввязываться в войну — Бисмарк ему прямо заявил, что Россия не должна рассчитывать на германских солдат. Но на совещании все же решили мобилизовать два корпуса и еще зимой занять Болгарию как залог для обеспечения наших требований.

Давление со стороны славянофилов все увеличивалось. Австро-Венгрия, видя нашу нерешительность после Джуниса, увеличила свои требования: потребовала всю Боснию и Герцеговину, чтобы война не распространилась на Сербию и Черногорию, чтобы на Бал-

канах не создавать больших славянских государств, и отказалась ввести войска в Боснию и Герцеговину одновременно со вступлением наших войск в Болгарию. Князь Горчаков сказал: «Австрия, по-видимому, смешивает дружественный нейтралитет с враждебным», но должен был принять все условия, и 3 января 1877 года был подписан договор в Будапеште, а в марте еще второй.

Тем временем Англия принимала все более враждебную позицию против России, ее флот стоял в Безике и она открыто вооружала турок.

Император Александр II обратился к Англии с просьбой созвать конференцию, которая была созвана в декабре 1876 года в Константинополе, но ничего не сделала и через месяц разъехалась. Турки заявили, что ввели конституцию, и что теперь все граждане имеют одинаковые права.

Император Александр II заверял Англию, что не собирается завоевывать Индию, что не думает занимать Константинополь и проливы, что не имеет претензий на Афганистан, но англичане не очень ему верили. В 1873 году русские завоевали Хиву, в 1876 Коканд и приблизились к границе Индии. После резкого турецкого ответа на нашу очередную ноту, император Александр II объявил войну Турции 24 апреля 1877 года и отдал приказ войскам перейти турецкую границу.

Наша дипломатия совсем растерялась и оставила Россию перед враждебной Европой: Австрия, загарантировав себе получение Боснии и Герцеговины, договорилась с Англией; Германия держала нейтралитет, но поддерживала Австрию; Франция еще не могла думать о какой-либо войне, а Англия встала открыто на сторону Турции.

* * *

Русский план войны был со сравнительно небольшими силами быстро пройти Румынию, перейти Дунай, разбить турок в Придунайской Болгарии, перейти Балканы и идти прямо на Константинополь, у стен которого продиктовать туркам условия мира.

План, можно сказать, наивный, совершенно недооценивавший величину и боеспособность турецкой армии. Веря донесениям генерала Игнатьева из Константинополя, что Оттоманская империя разваливается и что турецкая армия не в состоянии оказать серьезного сопротивления, для действий против турок были назначены совершенно недостаточные силы: в августе 1876 года было решено мобилизовать только 2 корпуса, но уже в ноябре мобилизовали еще два; в течение 1877 года мобилизовали еще три корпуса, а после неудач под Плевной послали на фронт гвардейский корпус (кроме кирасир) и гренадерский корпус.

С Румынией был заключен союз. Румыния могла мобилизовать до 100 тысяч человек, но в начале выставила только 30.000, да и те почти что бездействовали. Князь Карл румынский больше всего боялся подчиниться русскому командованию и всячески увиливал от требований нашего командования. Румыния почти не имела железных дорог, очень мало шоссейных, и нашим войскам приходилось пользоваться грунтовыми, которые после дождя были почти непроходимы.

Турки имели вдоль Дуная целый ряд крепостей, кроме того, в Восточной Болгарии четыре крепости-лагеря составляли сильно укрепленную базу, на которую опиралась самая сильная турецкая армия в 80.000 человек. На крайнем левом фланге, у крепости Виддина, стояла армия в 40.000 человек, а вдоль Дуная и в Добрудже более незначительные отряды. Кроме того, в Забалканье, на линии София-Адрианополь, было еще 25.000. Всего в начале войны турки имели 160.000 человек регулярных войск и несколько десятков тысяч иррегулярных (башибузуков). На Дунае турки имели флотилию в 5 броненосных канонерок и 3 винтовых шхуны, а на Черном море 22 броненосных и 82 небронеосных судна.

По объявлении войны, наши силы сразу заняли Южную Бессарабию, отобранную от России по Парижскому договору и вышли на Нижний Дунай, а перейдя Прут, вошли в Румынию и двинулись четырьмя колоннами к Среднему Дунаю. Первоначально мы имели значительные успехи: перешли Дунай в его нижнем течении и заняли северную Добруджу. Чтобы парализовать турецкую Дунайскую флотилию, мы в разных местах поставили мины, часть канонерок потопили, а другие укрылись под защиту рущукской крепости. Нашим главнокомандующим был назначен младший брат императора, великий князь Николай Николаевич старший. Кроме него, при армии еще находились три сына императора, великие князья Александр (наследник), Владимир и Сергей Александровичи и два родственника императора,герцоги Лейхтенбергские. Сам император Александр II время от времени приезжал со своим штабом в действующую армию. Такое количество высокопоставленных лиц стесняло действия главнокомандующего.

К сожалению, наши лучшие генералы Драгомиров и Гурко занимали второстепенные должности, а для героя Средней Азии, генерал-майора Скобелева 2-го, в начале войны вообще не нашлось положения и он сам, по своей инициативе, пристроился у генерала Драгомирова, назначенного произвести переход через средний Дунай у Систова. Этот переход был произведен блестяще и мы скоро укрепились на южном берегу Дуная, навели мосты и веером распространи-

лись на восток к Рущуку, на юг к Балканам и на запад к Никополю. Восточным, самым большим отрядом, командовал великий князь Александр Александрович (наследник), а под его командованием находились и его два младших брата. Этот отряд в 48 батальонов, 32 эскадрона и 216 орудий, быстро дошел до реки Янтры и городка Белы, который взял, и собирался идти на Рущук. Южным или Передовым отрядом (самым маленьким) командовал генерал Гурко. Этот отряд взял Тырново и двинулся к Балканским перевалам. Самый главный Шипкинский перевал защищали значительные турецкие силы, поэтому ген. Гурко двинулся на Ханкиойский перевал, считавшийся непроходимым для войск, взял его и прошел, выйдя в долину реки Тунжи и захватив город Казанлык. Действуя с юга и с севера, Гурко взял и Шипкинский перевал.

Западная группа войск, под начальством ген. лейт. барона Криденера, должна была взять Никополь на Дунае, а затем занять важный дорожный узел Плевну, но Криденер не спешил. В Никополе был Гассан-паша с 10.000-ым гарнизоном. Когда Гурко взял Тырново, Гассан-паша послал 2.000 человек занять Плевну. Криденер взял Никополь и отдыхал, считая, что его миссия окончена. В крепости Виддине был лучший турецкий генерал Осман-паша. Оставив в Виддине минимальный гарнизон, он форсированным маршем пошел в Плевну и занял ее под носом у Криденера, чья кавалерия его «не заметила», хотя он прошел в 40 км от нее. Не обратили внимания и на донесения румын, что из Виддина вышел большой турецкий отряд. На повторное приказание главнокомандующего занять Плевну, Криденер выслал два отряда, ген. лейт. Шильдер Шульднера и полковника Тутолмина, которые тоже не спешили. Шильдер Шульднер имел 7.500 штыков и 1.500 сабель, а Осман-паша в Плевне уже имел 15.000. Не выяснив положения, Шильдер Шульднер атаковал Османа-пашу и хотя сначала имел успех, но не имея резервов, расстреляв патроны и потеряв 75 офицеров и 2.346 нижних чинов, начал отступать. Хотя положение этого отряда было очень тяжелое, Тутолмин бездействовал со своим отрядом. К счастью турки не преследовали.

Первая неудача под Плевной имела громадное значение, и кроме морального удара, затянула войну на много месяцев и вызвала колоссальные жертвы с нашей стороны. Из-за неуспеха под Плевной, наше наступление на Восточном и Южном фронтах должно было быть остановлено, и мы перешли к обороне. Стало ясно, что наши силы недостаточны, и главнокомандующий отказался от плана наступать за Балканами. Наш Южный отряд должен был отступить к перевалам, хотя генерал Гурко защищался активно, высылая кавалерию в набеги, и основательно разрушил железную дорогу, которая

служила для подвоза армии Сулеймана-паши, перевезенной из Черногории в Деде-Агач на Эгейском море, а оттуда по железной дороге в Адрианополь.

Главнокомандующий снова приказал Криденеру взять Плевну, которая сковывала наши действия на других фронтах. Криденер имел в своем расположении три корпуса при 184 орудиях. 29-30 июля офицеры генерального штаба произвели глубокую разведку, и ген. Скобелев выяснил, что западнее реки Тученицы турки еще не имеют укреплений, и советовал атаковать со стороны Зеленых гор. Скобелев также выяснил, что Ловча, важный стратегический пункт, еще не укреплена и занята только небольшим отрядом, и советовал ее сразу взять, но Криденер не принял ни первого, ни второго совета, а решил атаковать со стороны Гривицы, которая была сильно укреплена. Считая атаку Плевны «рискованным предприятием», Криденер опять медлил, и только после повторного приказания главнокомандующего решил действовать. Хотя наше левое крыло, генерала князя Шаховского имело ясный успех, а Скобелев взял Зеленые горы, Криденер их не поддержал, а уложив под Гривицей массу людей, приказал отступать. Мы потеряли 176 офицеров и 6.856 нижних чинов, т.е. 25% наших сил. И вторая Плевна была проиграна из-за неспособности, малодушия и упрямства ген. Криденера, который не верил в успех.

Военный министр граф Милютин после 2-ой Плевны составил новый план действий: 1. Временно не наступать 2. Укрепить свою базу и позиции на всех трех фронтах, и 3. В центре иметь достаточный резерв.

Главнокомандующий одобрил план, но резерва не имел.

После 2-ой Плевны турки ободрились. Сулейман-паша решил взять перевалы и выйти в тыл нашим войскам на Восточном и Западном фронтах. Шипкинский перевал защищал болгарский генерал Столетов, который попросил у нового командующего Южным фронтом, генерала Радецкого, один полк, чтобы занять окружающие высоты, но тот отказал, думая, что тот преувеличивает. Когда с высоты Шипки увидели всю армию Сулеймана-паши, Столетов опять попросил помощи, но Радецкий опять не поверил. Три дня 6.000 шипкинских героев защищали проход от 22.500 армии Сулеймана. На четвертый день Радецкий приехал сам и подтянул резервы. Армия Сулеймана была отброшена с большими потерями. К сожалению, ген. Драгомиров был ранен в ногу и до конца войны вышел из строя. После последних потерь наша армия имела только 250.000 человек. Румыны должны были помочь, но князь Карл послал только одну дивизию занять Никополь.

С середины августа Мехмет-Али, командующий армией в Восточной Болгарии, начал наступление на наш Восточный фронт, который великий князь Александр Александрович должен был сократить и отступить на реку Янтру, но положение оставалось тяжелым.

В конце августа главнокомандующий поручил генералу князю Имеретинскому составить отряд, взять Ловчу и затем идти к Плевне. На этот раз Ловча уже была укреплена и занята сильным гарнизоном. Мы ее взяли, но по цене значительных потерь. Осман-паша было пошел на помощь Ловче, но опоздал. Князь Имеретинский его не атаковал и пропустил случай разбить его в поле. Пропустили его и наши войска под Плевной. Главнокомандующий начал подготавливать третий штурм Плевны, но она теперь была сильно укреплена. Нашим командующим был назначен генерал Зотов, тоже бездарность, который сильно преувеличивал силу турок, хотя мы были в два раза сильнее их. После сильной бомбардировки наши войска пошли на штурм. Гривицкий редут был взят, но дальше войска продвинуться не могли. Скобелев опять взял Зеленые горы и удерживал их два дня. Зотов не только не поддержал его, но сам вернул два полка, посланных ему на помощь ген. Крыловым! Хотя Скобелев отбил все атаки, Зотов приказал ему отступать. Осман-паша было послал против Скобелева до 40 батальонов, 4/5 своих сил! Так проиграли 3-ю Плевну!

После этого вызвали из России героя Севастополя, ген. ад. Тотлебена и ему поручили осаду Плевны. Насколько халатно велась осада Плевны, можно судить по тому, что два раза к Осман-паше пришли подкрепления по 1.500 повозок в сопровождении 15.000 войск, а наша кавалерия бездействовала. В конце концов, когда под Плевну пришла наша гвардия, после неудачной попытки пробиться, Осман-паша сдался со своей армией. Это был поворотный пункт войны. Кроме моральной победы и взятия многочисленных пленных, наша армия освобождалась для действий на других фронтах. Император Алексафдр II, который находился со своим штабом под Плевной, принял раненого Османа-пашу и вернул ему саблю. В Плевне были взяты в плен 10 пашей, 128 штаб. и 2000 обер офицеров и больше 43.000 солдат, и захвачены 7 знамен и 88 орудий. За взятие Плевны вел. князь Николай Николаевич получил орден Св. Георгия 1-ой степени, а Тотлебен — 2-ой.

С середины сентября и до сдачи Плевны наш Восточный отряд выдержал тяжелые бои с турками, одержав над ними победу. Наследник за это получил орден Св. Георгия 2-ой степени. Началась зима.

Характерный случай показал, как турки относились к румынам. После сдачи армии Османа-паши, двух младших турецких генералов

решили отдать румынам (румыны принимали участие в осаде Плевны). Узнав об этом, они разрыдались от стыда попасть в плен к румынам.

После взятия Плевны события начали развиваться ускоренным темпом. Наши успехи сильно раздражали Англию и Австрию. В Австрии были многочисленные митинги с требованием остановить наши войска вооруженной силой. Нам надо было спешить, и великий князь Николай Николаевич решил перейти Балканы сразу же, не откладывая на весну. Оставив румынам второстепенные операции, мы составили три отряда: восточный — наследника великого князя Александра Александровича, центральный — ген. Радецкого и западный — ген. Гурко. Турки укреплялись за Балканами, а в Адрианополе формировали новую армию в 150.000 человек. В то же время турки вели переговоры с Англией о ее вооруженном вмешательстве в войну. Главную защиту турки решили организовать перед Софией, для этого сняли с восточного фронта 60 батальонов и перебросили через Варну и Адрианополь к Софии. Ген. Гурко разбил турок Мехмет-Али-паши и отбросил к Балканам, затем обошел Орхание и захватил богатые склады оружия и продовольствия во Врачеше. Мехмета-Али сменили и назначили Шакир-пашу. Ген. Гурко имел до 70.000 войск, гораздо больше, чем Шакир-паша, и решил обойти его с флангов. В метель и при морозе в 20^0 войска штурмовали Балканы, прокапывая дорогу в снегу и втаскивая орудия на руках. Турки всюду были разбиты, и 8 января 1878 года ген. Гурко торжественно въехал в Софию.

Войска ген. Радецкого на центральном фронте уже четыре месяца выдерживали турецкие атаки и бомбардировки на Шипкинском перевале, страдая еще больше от морозов и невозможности укрыться. Несмотря на зиму, главнокомандующий приказал форсировать Балканы также на центральном участке. Взять турецкие позиции в лоб было невозможно, поэтому ген. Радецкий разделил свои силы на два отряда: западный — ген. Скобелева, — который должен был идти на Иметли, и восточный — ген. Мирского, — который должен был идти на Сельцы. Оба отряда должны были встретиться и атаковать турецкий укрепленный лагерь Шейново. Дорога отряда Скобелева была короче, но гораздо труднее, перевал был на высоте 5.000 футов и спуск был очень крутой. В мороз приходилось прокапывать дорогу в снегу до 4 метров глубины и на руках тащить орудия. Скобелев думал пройти его в 24 часа, но потратил 72 часа. Путь отряда ген. Мирского был длиннее, но гораздо легче и перевал был гораздо ниже. Отряд ген. Мирского подошел к Шейново с востока и начал атаковать. После упорного боя он взял первую линию укреплений и подо-

шел к главным, где застрял. В это время ген. Скобелев, подтянув свои растянувшиеся войска, атаковал с запада, и Вессель-паша ему сдался. В Шейнове было взято 2 паши, 4 полковника, 280 офицеров и около 30.000 солдат, 27 орудий, 7 знамен и много значков. Не имея известий от Скобелева и Мирского, и желая помочь им, Радецкий атаковал Шипкинские укрепления с севера, но без успеха. Скобелев потребовал, чтобы Вессель-паша приказал войскам на Шипкинских позициях тоже сдаться, что те и сделали.

После перехода Балкан на западе и в центре, сопротивление турок сломилось, Гурко и Радецкий двинулись на Адрианополь, взяли Филиппополь с бою, а Адрианополь сдался без боя. Войска Шакир-паши были загнаны в Родопские горы, а наши войска устремились к Константинополю.

Адрианополь был занят войсками ген. Скобелева, который командовал авангардом. Турецкие женщины поднесли ему букет роз в благодарность за то, что наши войска не грабили и не насиловали женщин, как это было обычным на Балканах. Англия и Австрия рассчитывали , что Адрианополь будет второй Плевной и турки надолго задержат наши войска, и были очень разочарованы, когда он пал без боя.

После падения Шейнова и сдачи Вессель-паши, турецкий военный министр прислал телеграмму нашему главнокомандующему, что султан высылает полномочия для заключения перемирия. Великий князь Николай Николаевич ответил, что без предварительного принятия наших условий мира, перемирия не может быть. 12 января 1878 года султан прислал вторую телеграмму, прося перемирия, на что главнокомандующий ответил, что условия мира будут переданы лицу, уполномоченному их принять, и тогда будет заключено перемирие. В тот же день император прислал телеграмму: не торопиться сообщать туркам наши условия, а продолжать наступление. Намик и Сервер-паши, высланные для переговоров, сначала отказывались принять наши условия, но 23 января согласились на все пункты, хотя протестовали против предоставления Болгарии автономии, считая, что это повлечет распад Оттоманской империи. Предварительные условия были: 1. Болгария получала автономию 2. Признание независимости Черногории, Румынии и Сербии с исправлением их границ 3. Автономия Боснии и Герцеговины 4. Вознаграждение России за ее издержки денежно и территориально и 5. По заключении перемирия приостановить военные действия.

Главнокомандующий настаивал на занятии нами Константинополя и проливов, считая, что только таким образом мы сможем защитить Черное море в случае войны с «морской державой», т.е. Ан-

глией, и предупредить захват их неприятелем.

Тем временем наше наступление продолжалось, хотя войска были чрезвычайно утомлены и совершенно обносились, не было сапог, а вместо фуражек — болгарские шапки и чалмы. Обозы отстали, артиллерия наполовину тоже отстала и не хватало снарядов и патронов, но дух войск был великолепный.

С заключением перемирия масса наших войск остановилась у Адрианополя и Херманлы, а передовые отряды были выдвинуты к побережью Черного, Мраморного и Эгейского морей.

Император послал дальнейшее разъяснение 22 января: 1. В случае вступления иностранных флотов в Босфор, войти в дружественные отношения с их начальниками относительно водворения порядка в городе общими силами 2. В случае иностранного десанта в Константинополе, избегать с ним столкновения и оставаться под стенами города 3. Если жители города или представители Великих держав будут просить о водворении порядка в городе, то констатировать этот факт и ввести войска 4. Ни в каком случае не отступать от сделанного нами заявления Англии, что мы не намерены действовать на Галлиполи. Англия тоже обещала не занимать полуострова. Достаточно послать наблюдательный отряд на перешеек.

Боясь английского вмешательства в войну, император еще в 1876 году заверил английскую королеву Викторию, что Россия не займет Константинополь и проливы, и сейчас у нас были связаны руки; мы дошли до Константинополя и остановились, против всякого здравого смысла, допустив Англию ввести в Мраморное море 4 броненосца и 1 пароход, имеющих на борту 3000 человек морской пехоты, которые остановились у Принцевых островов.

Сам император повидимому не знал, что делать. Узнав, что англичане вошли в Мраморное море, он 11 февраля приготовил телеграмму главнокомандующему, что поскольку англичане вступили в Мраморное море, то мы освобождаемся от обязательства не занимать Босфор и Дарданеллы, и что если они высадят десант, то мы должны будем вступить в Константинополь, а в отношении проливов, великий князь мог действовать, как найдет нужным, но все же воздерживаться от столкновения с англичанами. Но через пару часов, выслушав Горчакова, приказал послать другую: «Англичане приказали части своего флота войти в Мраморное море для защиты своих подданых в Царьграде. Нахожу нужным войти в соглашение с турецкими уполномоченными о вступлении наших войск с той же целью. Желательно, чтобы вступление было дружественным, но если они воспротивятся, то занять Царьград даже силою», оставив на усмотрение главнокомандующего сколько войск для этого назначить и выбрать

время, приняв во внимание очищение турками дунайских крепостей. Вторая телеграмма пришла первой, но затем пришла и первая телеграмма. Ни одна из них не имела ясного приказания занять Царьград. Великий князь на всякий случай подтянул войска к Константинополю, но его не занял.

Наше положение быстро ухудшалось: турки опомнились и стягивали войска в Константинополь, а из С. Петербурга приходили вести о политических осложнениях с Англией и Австрией, которая считала, что мы нарушили Будапештские договоры. Тем временем наши войска заняли Сан-Стефано, в котором 4 марта был подписан мир с Турцией.

По Сан-Стефанскому договору в Европе Турции оставались Константинополь, Адрианополь, Салоники, Эпир, Тессалия, Албания и Босния с Герцеговиной, но создавалась Великая Болгария от Дуная и Черного моря до Эгейского море и Охридского озера, с правом выбрать себе князя. Черногория получала независимость и прибавление территории в Герцеговине, Албании и выход к Адриатическому морю. Сербия, которая в ноябре 1877 года снова вступила в войну, получала Ниш, Пирот и Вранье, а Румыния — Добруджу в обмен на Южную Бессарабию, которую получала Россия. В Азии мы получали Батум, Карс, Ардаган и Баязет. Турция обещала реформы для армян и защиту их от курдов и башибузуков.

Этот договор, составленный генералом Игнатьевым, которому не сообщили о наших Будапештских договорах, был слишком скоро обнародован. Англия с Австрией стали на дыбы и не признали его, хотя он был ратифицирован султаном. Граф Андраши настаивал на созыве Европейской конференции в Вене, но Россия отказалась и предложила созвать Конгресс в Берлине, надеясь на помощь Бисмарка.

Англия заявила, что не признает мира в Сан-Стефано, и на Конгрессе должны рассматриваться все вопросы, и объявила созыв резервов. Война с Англией могла вспыхнуть в любое время. Австрия тоже предъявила свои условия, сводившие почти на нет все условия Сан-Стефанского договора.

На Берлинском Конгрессе нашими представителями были князь Горчаков, большую часть болевший и совершенно одряхлевший, и наши послы в Лондоне и Берлине; Германию представляли князь Бисмарк и фон Бюлов; Австро-Венгрию — граф Андраши и граф Кароли; Англию — Дизраэли, недавно получивший титул «лорд Биконсфильд» и лорд Салисбюри; Турцию — Каратеодори-паша, Мохамед-Али-паша и посол в Берлине. Были также представители Франции, Италии, Сербии, Румынии, Греции, Черногории и Персии. После ме-

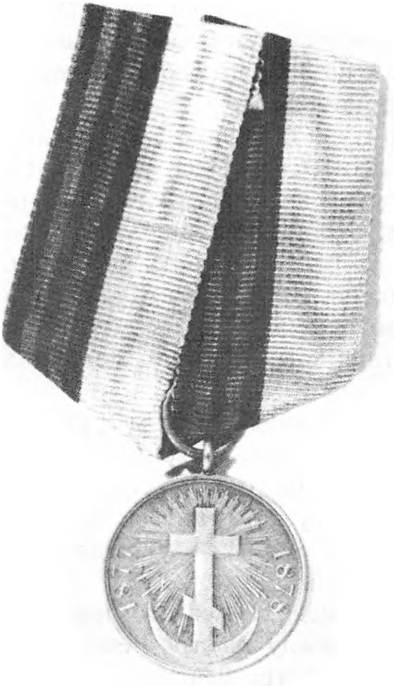
сяца дипломатических прений и маневров князь Горчаков уступил почти по всем пунктам, в результате чего, в состав Болгарии вошли только Придунайская Болгария и София, из Забалканской Болгарии сделали автономную область под турецким протекторатом — Восточную Румелию; Австро-Венгрия получила Боснию и Герцеговину и право держать войска в Новопазарском Санджаке, отделявшем Сербию от Черногории; Черногория получала небольшие части Герцеговины и Албании и порт Антивари; Сербия получила Ниш, Пирот и Вранье; Румыния — Добруджу, а Греция — часть Фессалии. Россия получила Южную Бессарабию, но без дельты Дуная, а в Азии — Батум, Ардаган и Карс, но возвращала Баязет. Фракия и Македония оставались турецкими. Англия за свои труды получила Кипр, а Франция — Тунис.

Так наша дипломатия проиграла то, что войска с таким трудом и жертвами завоевали. Не закончив реорганизацию армии, не имея флота на Черном море и не имея ни одного настоящего союзника в Европе, Россия не могла начать войну сразу с Англией и Австро-Венгрией. «Честный маклер» — Бисмарк — отомстил нам за 1875 год.

Еще в 1864 году князь А. И. Барятинский писал императору Александру II, советуя, в случае войны между Австро-Венгрией и Пруссией вмешаться в войну для раздела Австро-Венгрии. «Ключ к Константинополю находится в Вене», писал он, но как же Россия могла всадить нож в спину своему соседу, которого спасла в 1848 году, хотя император Франц Иосиф очень скоро это забыл! Так была еще раз упущена возможность завершить объединение России присоединением Галиции и Прикарпатской Руси и обеспечить наш правый фланг на случай войны с Турцией.

Объяснение фотографий

№1. Русская медаль, дававшаяся участникам войны 1877-78 годов. Медаль была трех сортов: серебряная, светлой бронзы и темной бронзы, на двухцветной ленте: половина георгиевская (черно-желтая), а другая андреевская (голубая). Серебряную медаль получали генералы, офицеры, унтер-офицеры и солдаты, защищавшие Шипку и принимавшие активное участие в осаде Баязета и штурма Карса. Светло-бронзовую медаль получали генералы, офицеры, унтер-офицеры, солдаты и члены болгарской милиции, участвовавшие в боях, а также моряки, участвовавшие в боях на Дунае и Чер-

1

2

ном море, доктора, сестры милосердия, санитары и священники, если они несли службу на полях битв. Темно-бронзовую медаль получали все, кто служил в действующей армии, но не принимал участия в боях.

№2. Румынский крест на черно-красной ленте давался членам русской армии, принимавшим участие в освобождении Румынии от турок.

Александр I и Федор Кузьмич

ОБЗОР МНЕНИЙ

*Евгения Ланге**

**Евгения Ланге*

Библиотекарь (Reference Librarian) Швейцарской Национальной Библиотеки в Берне. Автор различных статей в журналах, газетах, и сборниках на исторические темы. Представитель Русской Академической Группы в Швейцарии.

Александр I и Федор Кузьмич

ОБЗОР МНЕНИЙ

Евгения Ланге

19-го ноября 1825 г.в Таганроге скончался после краткой болезни Александр I, Император Всероссийский.

Он умер вдали от своих столиц, от правительства, от двора и императорской семьи. Только императрица Елизавета Алексеевна, его супруга, и небольшая свита были при нем.

Вскоре после его смерти стали распространяться слухи, что «настоящий государь жив, но скрывается, а в гробу везут тело другого человека...»

«Эти слухи как бы шли перед похоронной процессией».[1] По всей стране народ волновался, был встревожен этой внезапной кончиной. Там, где проезжала «печальная процессия» (как тогда выражались) собирались толпы и сопровождали ее, ожидая взглянуть на лицо умершего государя; говорили, что народ хочет удостовериться, что в гробу лежит действительно император Александр. В народе говорили также о том, что не допустят, чтобы его увезли из Москвы и что надо его похоронить с Петром II и прежними царями в Кремле.[2]

Слухи, записанные Федором Федоровым

Федор Федоров, московский дворовый человек, записал 51 такой слух. Он назвал их: «Московские новости, или новые, правдивые и ложные слухи, которые после виднее означутся, которые правдивые, а которые лживые...»[3] Там можно прочесть например следующее: «Государя убили, изрезали и долго его тела искали...», «...Государя напоили такими напитками, от которых он захворал и умер», «...Все тело так почернело, что никак и показывать не годится», «...Государь жив, его продали в иностранную неволю», или «Он уехал на легкой шлюпке в море».

Несколько лет эти слухи волновали народ, но понемногу их стали забывать. Гораздо позже, однако, они опять ожили и сосредоточились на образе таинственного старца, который проживал в Сибири и называл себя Федором Кузьмичем.

Слух о яхте английского лорда

С «легкой шлюпкой», на которой государь якобы уехал в море, связан очевидно слух, по которому Александр скрылся из Таганрога на яхте, будто бы отвезшей его в Палестину. Яхта, так говорили, принадлежала лорду Лофтусу, другу императора, английскому посланнику при русском дворе. Но лорд Августус Лофтус был английским посланником в России при Александре II, а не при Александре I.[4] Говорили также о лорде Лэндсдоун (Landsdowne), посланнике при дворе Александра I, помогшем якобы государю скрыться. Проф. князь А. П. Щербатов говорит об отъезде Александра на яхте лорда Каткарта, сначала в Палестину, а потом на Афон.[5]

Писатель и публицист Лев Дмитриевич Любимов сообщает свидетельство, известное ему через Е. Глуховцову, автора повести о Федоре Кузьмиче.[6] Ее приятельница Екатерина Сергеевна Озерова, фрейлина императрицы Марии Федоровны, вдовы Александра III, работала над историей царствования этого императора и видела в придворных архивах копию выдержки из вахтенного журнала одного английского судна, в которой было сказано, что по приказу английского посланника при русском дворе, неизвестный человек в крестьянской одежде был взят ночью на борт в Таганроге и отвезен в Палестину. Было запрещено брать других пассажиров. Любимов относится скептически к этому источнику.[7]

От него же мы узнаем, что английские газеты 1825 и 1826 гг. распространяли слух, что официальная версия о смерти Александра I не соответствует действительности и что на самом деле царя похитили на море. Выдающийся историк царствования Александра I Н. К. Шильдер пишет, что «фантастические рассказы о таганрогских событиях неоднократно появлялись в 1826 г. и в заграничных газетах».[8]

Генерал Игнатий Иванович Балинский много лет изучал «тайну» Александра I. Нам известно о его изысканиях из различных источников.

Великий князь Андрей Владимирович, двоюродный брат Николая II, сообщил о них, например, в письме князю Барятинскому в 1926 г.[9]

Генерал Балинский встретился с великим князем после Революции в Кисловодске, последнем убежище на русской территории нескольких членов царской семьи и некоторых других лиц. Великому князю удалось спастись, Балинский же погиб и все его бумаги, как и записки великого князя, были потеряны.

Прочитав книгу Барятинского (вероятно французское издание 1925 г.), великий князь решил ему написать то, что ему было известно от Балинского.

Следуя английской версии, Балинский нашел, что английский лорд, друг Александра, бывший посланником в России очень короткое время, действительно имел яхту (имени этого лорда великий князь очевидно не знал). Балинский старался узнать, была ли эта яхта в ноябре 1825 г. в Таганроге. Администрация Таганрогского порта ответила, что все документы порта 1823-1826 гг. были посланы по особому приказу в С.-Петербург в Морское Министерство. Но в министерстве это досье не было найдено, во всяком случае Балинский не мог его обнаружить, как и не мог узнать об его участи. Попытка получить доступ к вахтенному журналу яхты через потомков лорда также не увенчалась успехом — ему было сказано, что эти бумаги содержат семейную тайну.

Как великий князь Андрей Владимирович, так и А. Дубасова, сообщают об исследованиях Балинского, о которых последняя знала также от него самого.[10]

Каждая версия этого рассказа немного отличается от других. По сведениям Дубасовой, Балинский обратился в контору английского Ллойда «где сохраняются списки судов мира» и узнал, что 25 ноября оставалась на рейде Таганрога лишь «яхта английского лорда N.» (имени которого Дубасова не помнила). «При этом Ллойдом установлено, ...что в шканечный журнал яхты не было занесено ни даты выхода яхты из Таганрога, ни назначения ее, однако было указано, что через несколько недель... яхта оказалась ...в Средиземном море».

Кроме того, Дубасова сообщает, что Балинскому удалось проследить какого-то «загадочного путешественника» где-то в Сирии и Палестине, а затем его приезд в Киев к графу Остен-Сакену, тогдашнему генерал-губернатору Киева.[11] С ним «велись таинственные переговоры». В результате ему «были выданы бумаги на имя Феодора Козьмича, даны... указания для путешествия в Сибирь и белая лошадь. ...Осталась легенла о проезде человека на белом коне, загадочного, молчаливого и внушавшего невольное почтение», читаем мы у Дубасовой.

От нее же мы узнаем, что при своем посещении Александро-Невской Лавры перед отъездом в Таганрог, Александр будто бы передал митрополиту запечатанный пакет с приказанием вручить его после его смерти «государю, наследующему престол. ...Митрополит, к которому обратился Балинский, ничего ...об этом пакете не слыхал, но ...разрешил ему обыскать Лаврский архив...» К удивлению митрополита Балинский действительно нашел пакет. Однако вскрыть его митрополит не мог разрешить Балинскому, «а велел ...отвезти его Саблеру, обер-прокурору Синода, который отказался сообщить... о дальнейшей участи пакета».[12]

Любимов слышал в Париже рассказы об изысканиях Балинского, а С. Б. Окунь, советский историк, сообщает нам о записке «Правда о Федоре Кузьмиче» известного искусствоведа Н. Н. Врангеля по рассказам Балинского.[13]

Врангель, записавший этот рассказ, обещал Балинскому никому не говорить об услышанном. О главном содержании этой записки будет речь ниже.

По этой рукописи С. Б. Окунь сообщает довольно фантастические сведения о мнимом исчезновении Александра I. Отцом Николая I был якобы не Павел I, а лейб-медик Марии Федоровны, англичанин Вильсон. Портрет Вильсона (миниатюра) в Гатчине показывает «разительное» сходство с Николаем Павловичем. Вильсону будто бы было поручено «уладить дело» в пользу Николая. «Александр отбыл в Индию, Вильсон же возвратился в Англию» и через него переводились «секретные суммы» для Александра. Эти суммы перестали выплачивать в год появления Федора Кузьмича в Сибири. Насчет этого сохранились, по мнению Балинского, архивные записи, но в фондах архива министерства императорского двора таких записей, по словам Окуня, нет.

Балинский дает еще одно любопытное сведение в записи Врангеля о том, что императоры Николай I и Александр II передавали своим наследникам какие-то пакеты документов с приказанием хранить их в тайне. «Великий князь Николай Михайлович (с его собственных слов) как-то спросил об этом императора Александра III; но государь, рассердясь, сказал: «Очень уж ты любопытен. Тебя это не касается».[14]

Морис Палеолог, писатель, член Французской Академии и последний французский посланник в России до Революции, уверен, что Александр I не умер в Таганроге, но не верит в тождество императора и старца.[15]. Он считает, что по новейшим изысканиям (в 30-х годах нашего века) Федор Кузьмич не имеет ничего общего с драмой в Таганроге. Он предпочитает верить, что Александр умер в каком-нибудь монастыре в Святой земле.

Фрэнсис Гриббл, автор книги об Александре I, также считает более вероятным, что он умер после своего таинственного исчезновения где-нибудь, где никто его не знал; причем тело его было предано морю или же погребено в какой-нибудь чужой стране, в безымянной могиле.[16]

ЧАСТЬ I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Что повело к возникновению слухов и легенды

Причины, по которым многие верили, что Александр I не умер в 1825 г.; сформулированные Толстым.

Что послужило поводом к этим слухам:

«во-первых, то, что Александр умер совершенно неожиданно, не болев перед этим никакой серьезной болезнью;

во-вторых, то, что умер он вдали от всех, в довольно глухом месте, Таганроге;

в-третьих, то, что когда он был положен в гроб, те, кто видели его, говорили, что он так изменился, что нельзя было узнать его, и что поэтому его закрыли и никому не показывали;

в-четвертых, то, что Александр неоднократно говорил, писал — и особенно часто в последнее время, — что он желал только одного: избавиться от своего положения и уйти от мира;

в-пятых (обстоятельство малоизвестное), то, что в протоколе описания тела Александра было сказано, что спина его и ягодицы были багрово-сизо-красные, чего никак не могло быть на изнеженном теле императора».[17]

К этим пунктам можно прибавить следующее:

• К первому пункту: неожиданность смерти Александра I служит аргументом для многих исследователей; но имеется ряд источников, подкрепленных документами, указывающих на болезнь Александра I, приведшую к смерти.

• Ко второму пункту: принимая во внимание болезнь императрицы — выбор Таганрога (сырость, суровый климат) кажется непонятным. Сторонники легенды считают, что Александр I избрал Таганрог, т.к. оттуда он мог легче исчезнуть.

Историк Шумигорский, убежденный противник легенды, предполагает, что выбор Таганрога, вместо южного побережья Крыма, предложенного врачами, был сделан государем ввиду возможности возникновения военных действий против турок; Крым был более подвержен опасности.[18]

Надо думать, что «крымская лихорадка» (малярия) при выборе Таганрога, а не Крыма, не играла роли. О ней заговорили по всей вероятности позже, когда Александр из поездки по Крыму вернулся больным или после его смерти.[19] Князь Петр Михайлович Волконский, генерал-адъютант и друг Александра, состоявший в Таганроге

при императрице, записал в дневник свой разговор с государем после его возвращения из Крыма. На вопрос о здоровье государь отвечал: «У меня легкий жар, который я получил в Крыму, несмотря на прекрасный климат, который нам так хвалили. Я думаю, что мы отлично сделали, избрав Таганрог для пребывания моей жены».[20]

Выбор Таганрога был сделан вероятно самим Александром. Он посещал его и раньше и факт, что это было «глухое место», делал его должно быть более привлекательным в глазах Александра.[21]

• К третьему пункту: перемена в лице Александра после смерти якобы «до неузнаваемости» и слухи, что поэтому гроба больше не открывали, явились для сторонников версии «ухода» важным аргументом в пользу предположения, что в гробу лежало тело другого человека. Но как известно, покойники иногда изменяются настолько, что их трудно опознать. Кроме того, неудачное и неумелое бальзамирование сыграло вероятно при этом немалую роль.[22]

Несмотря на то, что лейб-медик Виллие[23] говорит о «полной сохранности тела», а хирург Тарасов[24] пишет, что только цвет лица «немного изменен в светло-каштановый», что «ни мало не изменило черт лица», князь Волконский еще до отбытия «печальной процессии» из Таганрога сообщил, что «хотя тело и бальзамировано, но от здешнего сырого воздуха лицо все почернело и даже черты лица покойного совсем изменились...»[25]

Некоторая несогласованность и противоречия в письмах и дневниках были для сторонников «ухода» Александра одним из доказательств их недостоверности. Так и в приведенных свидетельствах Виллие и Тарасова с одной стороны, а князя Волконского с другой, они видят доказательство фальсификации.

Княгиня Софья Григорьевна Волконская, супруга князя Петра Михайловича, также описывает изменения в лице покойного государя: потемнение от кислот, запавшие глаза, нос, ставший почти орлиным. Однако, когда сняли корону с головы на время путешествия «[мы]... узнали его... Волосы выглядели ...как при жизни. Его рот сохранил еще ту тонкость, которая отличала его черты; этот последний раз он нам всем показался более похожим на того, каким мы его знали, чем перед тем».[26]

Кроме уже названных свидетельств, что гроб открывали и в пути (пять раз по мемуарам Тарасова),[27] существуют по крайней мере два случая показаний лиц, присутствовавших при вскрытиях гроба.

Так во втором донесении генерал-адъютанта графа Василия Васильевича Орлова-Денисова от 7-го февраля 1826 г. (под начальством которого перевозили тело) мы читаем: «По снятию деревянной крышки, крышка свинцового гроба оказалась на своем месте и в со-

вершенной сохранности, кроме только угла правой стороны близ головы»; «в том же самом месте конец железного прута, служащего подпоркой свинцовой крышки, немного отстал от своего места. Когда же свинцовая крышка была с возможною осторожностью нами поднята, то положение самого тела в гробу представилось нам в совершенном порядке и сохранности...» Донесение это отпечатано в статье великого князя Николая Михайловича.[28] Надо предполагать, что увидя отставший от своего места прут свинцовой крышки «близ головы» (очевидно внутри свинцового гроба), специально было обращено внимание и на голову, в сохранности ли она, а следовательно и на лицо государя.

Присутствовавшие при этом вскрытии гроба названы графом Орловым-Денисовым поименно. Все они видели тело Государя и никто из них ни тогда, ни позже «не усомнился в чертах лежащего перед ними усопшего», как устанавливает Николай Михайлович.

Второе показание лица, присутствовавшего при вскрытии гроба, находится в записках Леопольда фон Герлаха, сопровождавшего принца Вильгельма Прусского (брата императрицы Александры Федоровны), впоследствии германского императора, бывшего 4-го марта 1826 г. при вскрытии гроба в Царском Селе с царской семьей. Фон Герлах сам не был при этом, но записал все со слов принца под 16 марта (4-го по старому стилю) 1826 г.[29] «Принц рассказывал, как вскрыли гроб и императрица Мария Федоровна несколько раз поцеловала руку покойного и воскликнула: Да, это мой дорогой сын, мой дорогой Александр; ах, как он исхудал! Три раза она возвращалась к покойному. Принц был очень потрясен видом покойного».

Великий князь Николай Михайлович пишет по этому поводу: «Вполне понятно, что близкие родственники, как мать и братья, а также принц Вильгельм Прусский, часто видавший покойного государя, должны были найти изменение в чертах усопшего, происшедшие и от бальзамирования, и от тряски в пути»[30]; а также конечно и от разложения.

Но в том, что принц «был потрясен видом покойного», приверженцы теории «ухода» видели доказательство, что принц видел в гробу какого-то чужого покойника.

И в словах императрицы Марии Федоровны — «Да, это мой сын» сторонники легенды также усматривают основание считать, что то было сказано лишь для вида, чтобы лучше сохранить тайну Александра, а на самом деле перед ней лежало тело постороннего человека. Слова эти действительно странны — как будто в том, что это Александр, было сомнение. Но можно объяснить их и тем, что до царской семьи дошли слухи, будто в гробу везут не государя. Кроме всего

прочего, трудно представить, что императрица Мария Федоровна стала бы целовать несколько раз руку умершего чужого человека.

Тарасов также описывает это прощание. Приготовив по поручению князя Голицына тело для прощания царской семьи, Тарасов остался (вместе с графом Орловым-Денисовым и одним из камердинеров) по приказу князя в церкви за ширмами: «Спустя несколько минут вся императорская фамилия с детьми ...вошла в церковь при благоговейной тишине и все целовали лицо и руку покойного».[31]

О неожиданном прибытии императрицы Марии Федоровны в Бабино (до описанного прощания в Царском Селе) рассказывает Палеолог: «...Она одна... По ее приказу открывают гроб. Защищенное холодом и ароматами, тело представляется в полной сохранности». Внимательно посмотрев на покойного, Мария Федоровна сразу же уехала.[32] Палеолог видит в этом посещение последствие «несколько дней до того» полученного «загадочного» письма княгини С. Гр. Волконской.[33] Содержало ли это письмо сообщение, что в гробу везут чужого покойника? Оно относилось по всей вероятности к совсем другому обстоятельству, т.е. к событиям, предшествующим 14 декабря.

Кроме официальной версии, что в гробу везли действительно тело покойного государя, есть три других мнения.

Во-первых, что это было тело курьера фельдъегеря Маскова, погибшего при несчастном случае на пути в Таганрог. Александр встретил его 3-го ноября, возвращаясь из Крыма в Таганрог и велел Маскову ехать за собой. Следуя за государем, любившем скорую езду, Масков был выброшен из коляски и скончался на месте.[34]

Стараясь найти потомков Маскова, Шильдер напал на след проф. Аполлона Аполлоновича Курбатова, мать которого была дочерью фельдъегеря Маскова. Вскоре после кончины Н. К. Шильдера в 1902 г., великий князь Николай Михайлович пригласил проф. Курбатова к себе и узнал, что в семье Масковых «сложилось не то убеждение, не то предположение», что их дед был похоронен в соборе Петропавловской крепости вместо императора . «Семейству Маскова пожаловано было, по высочайшему повелению, полное содержание, полагавшееся ему при жизни, и, кроме того, несколько раз отпускались суммы на уплату долгов...», читаем мы у великого князя, но этот факт нельзя считать доказательством. Государь был очень расстроен этой смертью (по свидетельству напр. Тарасова, бывшего при этом), случившейся почти на его глазах и в которой он чувствовал себя может быть даже, из-за своей скорой езды, в некоторой степени ответственным.

Благодаря свидетельствам о благотворительности Александра, особенно в последние годы его жизни,[35] можно предположить, что в

случае Маскова, Александр мог тем более чувствовать обязательство позаботиться о его семье и дал вероятно соответствующее распоряжение — обязательство, перенятое впоследствии и его преемником Николаем I.

Конкретным доказательством погребения Маскова в Петропавловской крепости могло бы послужить следующее: по сообщению проф. Петра Евграфовича Ковалевского, графиня Адлерберг, внучка и дочь бывших министров двора, передала Русскому Историко-Генеалогическому Обществу в Париже копию акта об изъятии останков курьера из гробницы Александра I в соборе Петропавловской крепости и погребении их на Смоленском кладбище. Копия акта была в архиве Общества, но где архив находится после закрытия Общества установить не удалось.[36]

Как согласовать с сообщением о существовании такого акта найденное Николаем Михайловичем в Лефортовском московском архиве подробное донесение от 6-го ноября 1825 г., что Масков был погребен 4-го ноября в том селении, где он погиб?[37] Единственным объяснением было бы то, что тело погребенного Маскова было изъято из его могилы и переложено в пустой гроб вместо императора.

Ходили слухи, что фельдъегерь Масков имел большое сходство с государем, но документально это не доказано.[38]

Во-вторых, было предположение, что тело, положенное в гроб императора, принадлежало солдату, умершему после наказания в Таганроге. Этим объяснялись бы пятна — якобы следы побоев — на спине покойника.[39]

В-третьих, версия, что это было тело солдата, известного из-за своего сходства с государем, умершего естественной смертью в таганрогской больнице.[40]

В своей повести «Посмертные записки старца Федора Кузьмича», Толстой соединил вторую версию с третьей — солдат, известный из-за своего сходства с Александром, умирает после наказания в больнице.[41]

• К четвертому пункту: желание Александра избавиться от своего положения — мы будем рассматривать после 5-го пункта и 6-го, добавленного нами[42] (см. стр. 274).

• К пятому пункту: пятна на теле умершего. Этот пункт приводился также, как доказательство, что в гробу лежало тело другого человека, т.е., что на холеном теле государя не могло быть пятен, кровоподтеков, как будто от побоев. К этому можно заметить, что на трупах появляются пятна — признаки разложения. Кроме того пятна могли происходить и от пиявок, горчичников, нарывных пластырей.[43]

Тут мы считаем необходимым включить шестой пункт, не упомянутый Толстым, являющийся очень важным доводом в пользу версии об исчезновении Александра.

• К шестому пункту: пустая гробница. Хотя пока и нет документальных данных о том, что гробница Александра I в соборе Петропавловской крепости пуста, этот слух держится и по сие время, и возможно, не без основания. Насколько он действительно обоснован, нельзя судить без нового вскрытия могилы.

Слух о вскрытии гробницы Александра I во время царствования Александра II (в шестидесятых годах XIX в.)

Об этом известно из различных источников. Мы уже упоминали записку Н. Н. Врангеля «Правда о Федоре Кузьмиче» по рассказу Балинского (в статье С. Б. Окуня).

Отец Балинского был известным психиатром и директором психиатрической клиники в С.-Петербурге. По желанию Александра II бывший солдат Егор Лаврентьев, служивший перед тем в Петропавловской крепости при соборе, был назначен в 60-х годах швейцаром в клинику. Он особенно привязался к одному из сыновей д-ра Балинского, Андрею. В 1890-х годах этот Егор на смертном одре просил Андрея Балинского выслушать его. Егор передал ему 40 тысяч рублей с просьбой передать их двум своим детям и рассказал, что в 1864 г. он, вместе со своими тремя товарищами, получил однажды приказание явиться в усыпальницу императорской фамилии ночью. Туда прибыл министр двора граф Адлерберг, а вскоре и сам император Александр II.

«Вслед за сим подъехал траурный катафалк..., с катафалка сняли гроб, в коем лежал длиннобородый старец, ...вскрыли могилу императора Александра I, которая оказалась пустой, и в гробницу положили тело привезенного... старца. Гроб снова закрыли и граф Адлерберг сказал, что все происшедшее должно сохраниться навсегда в тайне, а все свидетели будут награждены».

История, здесь рассказанная, записана рукою Егора и ныне хранится у Андрея Ивановича Балинского .[44]

Тот же самый рассказ Егора Лаврентьева мы находим с некоторыми вариациями[45] в уже упомянутом письме великого князя Андрея Владимировича князю Барятинскому от 12-го апреля 1926 г.[46] и в статье Дубасовой;[47] фигурирует он также и у Любимова.[48]

Палеолог описывает вскрытие могилы при Александре II следующим образом: «Эта операция, исполненная ночью под надзо-

ром графа Адлерберга, министра императорского двора, состояла лишь в обнаружении пустого гроба, который был удален перед тем как саркофаг снова закрыли».[49]

Слух о вскрытии гробницы во время царствования Александра III (в восьмидесятых годах XIX в.)

И об этом вскрытии гробницы пишет Палеолог в своей книге: «Следуя тому же любопытству, как и его отец, Александр III приказал вскрыть могилу. Этот эксперимент под наблюдением сенатора Анатолия Федоровича Кони показал, что роскошный саркофаг ровно ничего не содержал. Из достоверного источника известно, что Николай II в этом не сомневался.[50]

От Любимова мы также узнаем о вскрытии гробницы при Александре III. Графиня А. И. Шувалова, дочь министра двора графа И. И. Воронцова-Дашкова, рассказывала Любимову в Париже, что в конце восьмидесятых годов ее отец был с государем в Петропавловском соборе для вскрытия гробницы Александра I. «Гроб оказался пустым. Воронцов-Дашков сказал, что это тайна, которая никому не должна быть сообщена».[51]

Мы предполагаем, что версия графини Шуваловой должна быть правильной, и ее отец, а не Кони, присутствовал при вскрытии гробницы в царствование Александра III. В пятитомных воспоминаниях А. Ф. Кони, председателя Окружного суда, впоследствии сенатора и члена Государственного Совета, надо было бы найти описание этого инцидента, если Кони действительно присутствовал при нем, но нам не удалось этого обнаружить.[52]

Более правдоподобно, что граф Воронцов-Дашков, будучи министром двора, присутствовал при вскрытии, как Адлерберг в той же функции в шестидесятых годах.[53]

Французское издание 1929 г. труда кн. Барятинского содержит в приложении отрывок еще одного письма в. кн. Андрея Владимировича (без числа). Это письмо является ответом на запрос (кн. Барятинского) о вмешательстве его отца, в. кн. Владимира Александровича, брата Александра III, когда Николай II дал разрешение в. кн. Николаю Михайловичу на вскрытие гробницы Александра I. Мы читаем в этом письме: «...совершенно верно, что мой отец запротестовал против разрешения, данного императором великому князю Николаю Михайловичу, вскрыть могилу императора Александра I и что он лично настоятельно просил государя отменить это разрешение; что и было сделано. Но в этом случае моим отцом руководило лишь религиозное чувство. Он верил, что нельзя ни под каким предлогом

тревожить покой могил и что такой поступок равнялся бы святотатству. ...Я повторяю, что поскольку это касается гробницы Александра I, он никогда не выявлял никаких других соображений, кроме тех религиозного характера, которые я упомянул».

В заметке к этому письму кн. Барятинский пишет, что он был знаком с великим князем Владимиром Александровичем, очень религиозным человеком, и поэтому весьма возможно, что последний и был против вскрытия гробницы по религиозным соображениям. Несмотря на это, князь Барятинский все же считает его последним хранителем секрета семьи Романовых. Он признает однако, что его предположения очень неопределенны.

Слух о вскрытии гробницы в 1921 г.

В 1921 г. по Петербургу ходили настойчивые слухи, что гроб Александра I вскрыли вновь и он был найден пустым. Эти слухи проникли также и за границу и были отмечены в разных газетах. Любимов упоминает об этом в своей статье.[54] Вернувшись в 1948 г. из эмиграции в СССР, он старался найти документы, касающиеся этого вскрытия в архивах Москвы и Ленинграда; но его усилия были также безуспешны, как и поиски известного антрополога М. М. Герасимова, заинтересовавшегося этим вопросом.

Любимов получил однако в Париже следующую любопытную информацию от В. Засецкого по поводу его разговора с проф. М. Н. Покровским, советским марксистским историком, на заседании «Союза работников искусства» в присутствии Луначарского. Засецкий, председатель этого заседания, спросил между прочим Покровского достоверны ли слухи о вскрытии гробницы Александра I и о том, что она пуста. «Покровский очень рассердился и ответил: «Ну вскрыли! Ну пуста!.. Пуста-не пуста — подумаешь какая важность».[55] Мнение Покровского об этом вопросе мы можем прочесть и в его работах. Он посвятил легенде лишь короткое примечание: «Рассказ, что Александр не умер, а «ушел» и появился десять лет позже в Сибири, как Федор Кузьмич, имеет значение лишь как образчик психологии кругов, в которых этот рассказ был создан и живет посейчас. Не существует ни одного документа в его пользу. Напротив документов о болезни императора перед смертью, о вскрытии тела, о бальзамировании, о перевозе тела в Петербург, есть сколько угодно. Для науки существует поэтому только один факт: Александр I умер в Таганроге 19-го ноября 1825 г.».[56]

Если бы гробница при новом вскрытии, предлагаемом Любимовым, оказалась пустой, можно было бы «считать установленным, что

в ней не был похоронен Александр I; значит, он, возможно, не умер в Таганроге в 1825 г. Если же в гробнице окажется прах, важно будет установить современными научными средствами примерный возраст похороненного (в ноябре 1825 г. Александру было почти сорок восемь лет; Федор Кузьмич умер почти сорок лет спустя)».[57]

Возвращаемся к пункту, обозначенному Л. Н. Толстым четвертым номером.

Желание Александра I избавиться от своего положения

Это желание мы считаем несомненным. Насчет этого нет, по мнению Кудряшова, одного из противников легенды, разногласия; но надо сказать, что есть и другие мнения.

Высказывания: целый ряд высказываний Александра свидетельствует о его желании освободиться от своих обязанностей.

Еще будучи «Monsieur Alexandre», как его называла его бабка, Екатерина Великая, он говорил о своем желании жить частным лицом на Рейне.[58] Своему любимому воспитателю, швейцарцу Лагарпу (Frédéric César de Laharpe) он писал, что охотно променял бы свое звание на ферму в его, Лагарпа, близости, т.е. в Швейцарии, в canton de Vaud.[59]

Александр высказывал такие мысли, хотя и в различной форме, в течении всей своей жизни.

В 1819 г. Александр впервые рассказал своему брату Николаю Павловичу и его жене, великой княгине Александре Федоровне, о желании Константина Павловича отказаться от прав на престолонаследие. К этому он добавил: «Что касается меня, то я решил отказаться от лежащих на мне обязанностей и удалиться от мира. Европа теперь более, чем когда-либо, нуждается в монархах молодых, вполне обладающих энергией и силой, а я уже не тот, каким был прежде, и считаю долгом удалиться вовремя».

Александра Федоровна записала эти слова.[60] А 15-го августа 1826 г. во время коронации Николая I в Москве, в ее дневнике сделана такая запись: «При виде народа я вспомнила, как покойный император однажды сказал (когда он говорил о своем отречении) — «Как я буду радоваться, когда вы будете проезжать мимо меня, а я в толпе буду кричать вам ура и буду махать шапкой».[61]

Мы читаем у Шильдера: «Весной 1825 г. приехал в Петербург принц Оранский, которому император Александр поверил свое намерение отказаться от престола и удалиться в частную жизнь. Принц ужаснулся и старался отклонить государя от подобного намерения.

Но Александр остался при своем мнении и старания принца не привели к желаемой цели; ему не удалось поколебать намерения государя». Принц Оранский, будущий король Нидерландии Вильгельм II, был мужем сестры Александра I, Анны Павловны.[62]

Говоря о поездке Александра в Крым перед его болезнью, Шильдер пишет о посещении Орианды (теперь «Ореанда»), имения, купленного у графа Кушелева-Безбородко, где государь собирался построить дворец. «Там повидимому Александр нашел уголок..., о котором некогда мечтал и где желал навсегда поселиться. Вообще со времени переезда в Таганрог казалось, что государь снова возвратился к прежним своим мечтам и помышлял об удалении в частную жизнь. «Я скоро переселюсь в Крым, сказал Александр, я буду жить частным человеком. Я отслужил двадцать пять лет, и солдату в этот срок дают отставку». Князю Волконскому, своему генерал-адъютанту и другу, он говорил: «И ты выйдешь в отставку и будешь у меня библиотекарем».[63]

Frédéric Dubois de Montpéreux, швейцарский естествоиспытатель и путешественник, описал свое посещение Крыма и в частности Орианды в 1834 г. Гид рассказывал ему о проектах Александра.[64]

Это желание отречься от престола и жить частным лицом в Орианде со своей женой и небольшим штатом, противоречит его превращению в смиренного старца.

В своей незаконченной повести «Посмертные записки старца...» Л. Н. Толстой показывает нам психологическую возможность внезапного решения Александра уйти от мира, под влиянием виденного им наказания солдата:[65] «Когда я вгляделся в лицо этого человека, я узнал его. Это был Струменский, ...унтер-офицер... Семеновского полка, в свое время известный всем гвардейцам по своему сходству со мною. Его шутя называли Александром II. Я знал, что он был вместе с бунтовавшими семеновцами переведен в гарнизон, и понял, что он... здесь» за что-то «наказывается... Я стоял как заколдованный, глядя на то, как шагал этот несчастный, и как его били и чувствовал, что что-то во мне делается. ...Главное чувство мое было то, что мне надо было сочувствовать тому, что делалось над этим двойником моим, ...признавать, что делается то, что должно, и я чувствовал, что я не мог. А между тем... если я не признаю, что это так и должно быть, что это хорошо, то я должен признать, что вся моя жизнь, все мои дела — все дурно, и мне надо сделать то, что я давно хотел сделать: все бросить, уйти, исчезнуть».

Мы читаем дальше, как он, слушая доклад Дибича о заговоре во Второй армии, «вдруг почувствовал все значение и всю силу того переворота, который произошел» [в нем]. «Я вдруг понял, что все это не

мое дело, что мое дело — я, моя душа. И все мои прежние желания отречения от престола, тогда с рисовкой, с желанием удивить, опечалить людей, показать им свое величие души, — вернулись теперь, но... с новой силой и с полной искренностью, — уже не для людей, а только для себя, для души. Как будто весь этот пройденный мной, в светском смысле блестящий круг жизни был пройден только для того, чтобы вернуться к тому юношескому, вызванному раскаянием желанию уйти от всего... Тогда это были неясные желания, теперь это была невозможность продолжать ту же жизнь».

В другом месте Толстой (от лица Федора Кузьмича, т.е. Александра) пишет: «Я родился и прожил сорок семь лет своей жизни среди самых ужасных соблазнов и не только не устоял против них, но... соблазнялся и соблазнял других, грешил и заставлял грешить других. Но Бог оглянулся на меня; и вся мерзость моей жизни... наконец открылась мне во всем своем ужасе. И Бог помог мне избавиться не от зла — я еще полон его, хотя и борюсь с ним, — но от участия в нем. ...Я, величайший преступник, убийца отца, убийца сотен тысяч людей на войнах».

Хотя это художественный вымысел, в этих словах, которые Толстой вкладывает в уста Александра, звучит правда, не правда его действительного исчезновения, но его чувств и мыслей, которые могли мучать его.

Но вернемся к его действительным высказываниям.

В 1914 г. Шумигорский писал про желание Александра освободиться от своих обязанностей и выразился, что они лишь «слова, слова и слова».[66] И советский историк Окунь, не верящий в искренность Александра, совершенно так же, как Шумигорский, говорит, что это «только слова, слова, слова»[67]

Интересно, что Александр Герцен, убежденный противник русского монархизма и особенно Николая I, с исключительной симпатией относился к Александру I и верил в его искренность, чувствовал его трагизм.[68] Мы читаем у Герцена: «Нельзя быть рельефнее поставлену в истории как он. Наследнику Павла только и не доставало иметь преемником Николая. Между... (ними) сутуловатая фигура императора Александра вырезывается как-то человечественно и кротко, то освещенная заревом Москвы, то озаренная парижскими плошками... И эта фигура... примирителя Европы, на вершине своего величия, становится смутнее, видимо тускнеет, стирается за страшной тенью Аракчеева, и пропадает одиноко на берегах Черного моря».

О молодом Александре Герцен пишет: «Александр был мечтатель, юноша с романтическими идеями». И дальше: «Он хотел добра и ему верили. На его юные и кроткие черты смотрели с упованием;

уповал и он, что сделает из России рай; он ей отдаст лучшие годы, лучшие силы, народ благословит его, он замолит грех своего участия в кровавом деле и ...пропадет в виноградных садах на берегах Рейна. Александр был откровенен в этих мечтах, он им верил».

В искренность Александра верил и историк Н. Н. Фирсов. С психологической проницательностью он анализирует характер Александра: «Молодой человек, так легко подпадавший под влияние своих эмоций, разумеется не был обладателем устойчивой, крепкой воли; а волевая слабость Александра вела его к подчинению тому или другому влиянию, ...увлекавшему его к соответствующим поступкам. Нередко в этих поступках Александр противоречил сам себе, что навлекало на него обвинение в двуличности, в рассчитанном вероломстве, тогда как это противоречие обусловливалось слишком порывистою впечатлительностью и недостатком воли».[69]

Побуждения к «уходу»: Смерть дочери Александра I Софьи Нарышкиной

Проф. князь А. П. Щербатов, верящий в тождество императора и старца, считает, что смерть Софии, любимой незаконной дочери Александра от Марии Антоновны Нарышкиной, урожд. княжны Четвертинской, в июне 1824 г., очень повлияла на его решение «уйти». Эта потеря была тяжелым ударом для него. Тарасов описывает сцену, когда государю была сообщена «роковая весть о кончине Софии».[70]

Побуждения к «уходу»: Убийство Павла I

Одним из сильнейших побуждений, если не самым сильным, к уходу Александра из мира, сторонники легенды считают угрызения совести из-за участия в заговоре против отца, приведшего к убийству Павла I.

В своем труде «Император Александр I» великий князь Николай Михайлович обстоятельно рассматривает заговор против Павла и роль Александра в нем и старается уяснить себе и читателю то странное душевное состояние — своего рода «полудремоты» — в котором находился Александр перед убийством отца.

10-го марта 1801 г. Александр и Константин были подвергнуты домашнему аресту.[71]

Граф Пален, военный губернатор С.-Петербурга при Павле I, глава заговора наряду с графом Паниным, старался убедить Александра в необходимости заставить Павла I отречься от престола. В разговоре с графом Ланжерон, Пален рассказывал о своих свиданиях

с наследником, от которого он хотел добиться не только согласия, но даже участия в заговоре. После долгого колебания Александр согласился, но потребовал от Палена поклясться честью, что заговорщики не будут посягать на жизнь отца.[72]

«Характер батюшки был отлично известен сыну», пишет Николай Михайлович, «и вероятие на подписание отречения без бурной сцены или самозащиты вряд ли допустимо. И это заключение должно было постоянно приходить на ум в будущем, тревожить совесть Александра, столь чуткого по природе и испортить всю последующую его жизнь... Оно так и было, что подтвердили все современники».[73] Конечно, Александр должен был отдавать себе в этом отчет, но может быть бессознательно обманывал себя.[74]

Стараясь доказать ошибочность теории тождества Александра и Федора Кузьмича и не веря вообще в искренность императора, Е. С. Шумигорский относится скептически и к его угрызениям совести. «...Из бесед Александра с Лагарпом и князем Чарторыйским о событии 11-го марта 1801 г. уясняется его мнение, что в этом событии он сам был жертвой государственной необходимости и людского коварства. В этом мнении умел он утвердить и мать свою, императрицу Марию Федоровну, и, быть может, утвердился и сам».[75]

Раскаяние, терзавшее вероятно Александра, привело его, так надо думать, к сугубой религиозности, к мистицизму, без чего и превращение в благочестивого старца было бы немыслимо.

Побуждения к «уходу»: Неуспешность политической деятельности. Внешняя политика

Сторонники легенды усматривают во внешнеполитическом положении России к концу царствования Александра, в разочаровании его в своем детище, Священном Союзе (в этой неудавшейся «попытке построить в борьбе европейских сил международную политику на заповедях Евангелия, на правилах морали»),[76] в его отчаянии — еще одну и очень важную причину для его ухода из мира.

Александр все больше убеждался в «несогласуемости» Священного Союза «с государственными интересами России и призванием ее на Востоке»,[77] с идеей защиты народов, близких ей по религиозному и племенному принципу.

Лебцельтерн, австрийский посланник при русском дворе, пишет: «Мне было передано, что государь более всего поражен тем, что великодушие и бескорыстие его политики принимаются за трусость и слабость. Он полагает.., что в Вене и в других местах, в уверенности, что воевать он не будет, постарались подорвать к нему уважение в

Европе у всех партий. Везде он видит несоблюдение принципов, а если так, Союз, фактически распавшийся, становится словом, лишенным значения (7/19 октября 1825 г.)».[78]

Александр все больше понимал, что не может ожидать помощи от союзников, чтобы добиться мирным путем сносных условий для греков под владычеством Турции.

«Александр грозил войной», пишет Шумигорский. «Кажется, нет надобности уяснять, что такой образ действий и такие речи..., грозившие крупными осложнениями, едва ли были возможны в устах государя, отправлявшегося в это самое время в Таганрог с заранее обдуманным намерением оставить престол и удалиться от мира». Шумигорский считал, что если Александр и имел в виду сделать это «когда-либо в будущем, ...то не сделал бы этого в Таганроге в 1825 г.»[79]

Побуждения к «уходу»: Политическое положение. Внутренняя политика

Положение в стране в конце царствования Александра I — недовольство в широких кругах населения, известное государю, также считалось сторонниками его исчезновения одной из причин, по которой он решился (так они думали) сложить свои обязанностии и скрыться. Как известно, Александр взошел на престол полный пламенных стремлений осчастливить народ путем либеральных преобразований.

«Александр, любимец сердец наших», писал ему В. Н. Каразин в эти дни всеобщего восторга. «Десятый день уже освещает солнце Твоих, надеждами исполненных подданных, и день от дня, час от часу Ты более оправдываешь сии надежды».[80]

С первых же дней нового царствования молодые друзья Александра, воспитанные на тех же передовых политических идеалах 18-го века, как и сам государь, были призваны помогать ему. Новосильцев, граф Строганов, поляк князь Адам Чарторыйский, граф Кочубей составляют тот тесный кружок, тот «негласный комитет», в котором были выработаны все новые учреждения и законы этих первых лет царствования Александра I. Эта деятельность была прервана войной: в 1805-1806 гг. Россия вступила в коалицию против Наполеона.

Войны и дипломатические события 1812-1815 гг., как и не могло быть иначе, совершенно поглотили внимание Александра I и внесли изменения во внутренние дела России. «Ход внешних событий поставил его в упорную борьбу с последствиями Французской Революции, волей или неволей сделал его представителем консерватизма в международных отношениях, восстановителем и охранителем закон-

ного порядка... Это охранительное направление во внешней политике необходимо переносилось на внутреннюю: нельзя же было, в самом деле, одной рукой за границей поддерживать консервативные начала, а дома продолжать преобразовательную, революционную, как говорили тогда, деятельность».[81]

Передовая молодежь из высшего образованного дворянства видела сперва в молодом государе своего вождя на пути к либеральному государству. Офицеры, вернувшись из похода, читали иностранные журналы и газеты, обсуждали, что надо делать. Возникло первое общество гвардейских офицеров — «Союз спасения» — или «истинных и верных сынов отечества», с целью «содействовать в благих начинаниях правительства». Расширяясь, оно стало в 1818 г. — «Союзом благоденствия». Часть его членов желала содействия государю, другая стояла за насильственные меры. Союз распался в 1821 г. Возникли Северное и Южное общества. В Северном, с Рылеевым во главе, преобладали конституционно-монархические стремления; в Южном, во Второй армии, с Пестелем — республиканские тенденции. Хотя общества и назывались «тайными», Александр знал о них, как знал и их главных членов и даже читал некоторые их проекты.[82]

Во время болезни Александра в Таганроге лейб-медик, Яков Васильевич Виллие, записал 10-го ноября 1825 г. в свой дневник: «Начиная с 8-го я замечаю, что что-то такое занимает его более, чем его выздоровление, волнует его душу».[83]

Как это наблюдение, так и таинственное письмо княгини Софьи Григорьевны Волконской императрице Марии Федоровне от 31-го декабря 1825 г., относится вероятно, как считает великий князь Николай Михайлович (и Кудряшов), к известиям, полученным государем о заговоре во Второй армии.[84]

Княгиня Волконская переслала императрице Марии Федоровне письма своего мужа (по секрету от него), т.к. считала важным, чтобы мать и брат покойного государя, новый император, знали, что происходило в «прекрасной» душе Александра Павловича перед его кончиной. В письме княгини речь идет о каком-то «тягостном обстоятельстве». Сторонники легенды уверены, что это обстоятельство и есть «уход» государя. Но Николай Михайлович видит в волнении Александра некоторую связь с мартовскими событиями 1801 г., т.е. с убийством Павла I.[85] Происходила ли тревога государя в эти дни от опасения быть убитым? О намерении заговорщиков убить его ходили слухи. Унтер-офицер Шервуд, англичанин, выросший в России, узнал о заговоре и действовал после этого уже с согласия государя. Прапорщик Вадковский, считавший Шервуда за единомышленника,

говорил ему, что самым трудным будет «истребить вдруг всю августейшую царскую фамилию».[86]

Необнародование манифеста о новом порядке престолонаследия, подписанного Александром в августе 1823 г., сыграло злосчастную роль после его смерти. Оно повело, как известно, к временному междуцарствию и дало возможность заговорщикам воспользоваться создавшимся неустойчивым положением. Ключевский пишет даже, что сами декабристы говорили потом, что «никогда не было бы 14-го декабря, если бы генерал-губернатор Петербурга принял предупредительные меры или если бы манифест о престолонаследии был объявлен заранее».[87]

Цесаревич Константин Павлович (наследник по причине бездетности Александра) был разведен с женой в 1820 г. и женился вторично на польской графине Грудзинской. Из-за этого, надо думать, он не пожелал вступить на престол: его вторая жена не могла стать императрицей, а их потомство не могло бы претендовать на корону.

В своем письме императору от 14-го января 1822 г. цесаревич официально отказался от своих прав на престолонаследие. В собственноручном «рескрипте» от 2-го февраля Александр изъявил на это свое согласие.[88]

Лишь 16-го августа 1823 г. манифест о новом порядке престолонаследия был подписан Александром и великий князь Николай Павлович назначен наследником, но этот акт не был обнародован. О нем знали только князь А. Н. Голицын, Аракчеев, московский архиепископ Филарет и императрица Мария Федоровна.[89] Оригинал манифеста, редактированный Филаретом, был положен в Успенский собор (вместе с другими хранящимися там важными государственными бумагами). По предложению Филарета, списанные рукой князя Голицына три копии его были положены в Государственный Совет, в Сенат и в Синод. Все экземпляры были собственноручно помечены Государем: «Хранить... до моего востребования, а в случае моей кончины открыть... прежде всякого другого действия».

Константин Павлович не знал о существовании манифеста. Он знал только о рескрипте 2-го февраля 1822 г., что видно из его писем великому князю Николаю Павловичу и императрице Марии Федоровне, в которых он ссылается на рескрипт, и говорит, что уступает право на престол младшему брату.[90]

Даже великий князь Николай Павлович, назначенный наследником, знал только о решении Константина Павловича отказаться от своих прав, но очевидно не считал это решение окончательным. Как только он узнал о кончине Александра, он присягнул Константину. Николай говорил, что «присягою хотел утвердить уважение свое пер-

вому и коренному закону о непоколебимости в порядке престолонаследия, уничтожить самую тень сомнения в чистоте своих намерений и охранить Россию даже от мгновенной неизвестности о законном государе».[91]

Ничем «вразумительным», как выразился Ключевский,[92] нельзя объяснить ту таинственность, которой был обставлен манифест. Но Шильдер и многие сторонники легенды считали, что слова — «до моего востребования» — могли означать, что государь собирался объявить о своем собственном отречении одновременно с отречением Константина Павловича.

Даже уезжая в Таганрог на довольно продолжительное время, Александр не соглашался обнародовать манифест и ответил на настоятельные уговоры князя А. Н. Голицына: «Положимся на Господа Бога, Он лучше нас слабых смертных сумеет устроить эти дела».[93]

В своем ответе на мнение князя Барятинского, что опубликование манифеста представлялось Александру «чем-то вроде пролога к своему собственному всенародному отречению»,[94] Шумигорский пишет: «В таком случае, Александр должен был опубликовать этот манифест до своего удаления от мира... Уходить из мира, не исполнив этой священной обязанности по отношению к русскому народу, Александр не мог считать себя в праве, и если он умер, не исполнив ее, то для этого были другие причины».[95] Указание на эти причины Шумигорский находит в письме императрицы Елизаветы Алексеевны к Марии Федоровне от 21-го ноября, опубликованном впервые в статье Николая Михайловича. «...Потеряв способность понимать, он сохранил способность любить».[96]

«Из этого совершенно ясно, пишет Шумигорский, что способность распоряжаться и понимать оставила императора прежде, чем он мог сознать смертельную опасность своей болезни. Вот причина странного ...факта, что император не оставил никаких предсмертных распоряжений, и вот отчего он не успел сообщить о назначении великого князя Николая Павловича ни своей супруге, ни Дибичу и Волконскому. Более того, в самом Петербурге, даже среди членов царской фамилии, могла возникнуть мысль, что Александр сознательно умолчал на смертном одре о своем преемнике, предоставляя решение вопроса о престолонаследии доброй воле великого князя Константина Павловича».[97]

В. кн. Николай Михайлович предполагал, что государь опасался «возможных недоразумений между братьями».[98] Нам же кажется, что Александр, зная о нежелании Константина Павловича царствовать и о его морганатическом браке, отнюдь не «умолчал сознательно» о преемнике, но (как думает и Шумигорский) «внезапно подкравшаяся смерть замкнула его уста и помешала ему выразить свою последнюю волю».[99]

К 150-летию восстания декабристов в советском периодическом издании «Вопросы истории» появилось несколько статей. В одной из них Г. А. Невелев подробно, со многими цитатами, описывает отголоски русских событий в Западной Европе.[100]

Хотя и сказано в начале статьи, что «распространился слух, что Константин, объявленный императором, отказался от короны», но там не упомянут манифест Александра об изменении престолонаследия по желанию самого Константина. В цитатах из высказываний современников указано, что западная общественность считала дни междуцарствия «борьбой» за престол, победителем из которой вышел Николай. «Достойная сожаления борьба окончена», писал Меттерних 27 декабря/7 января 1826 г. (Невелев стр. 95; Меттерних т. 4, стр. 270). Дальше мы читаем у Невелева: «Официальная версия о бунте пьяных ...создала в Европе ложное впечатление о событиях 14 декабря, которое наносило ущерб престижу Российской монархии. Они трактовались уже не как заурядное происшествие, вызванное некоторыми осложнениями при наследовании трона, а как эпизод открытой борьбы за русскую корону. Николай же выступал, как узурпатор, силою овладевший престолом» (Невелев стр. 97).

Не упомянуто у Невелева, что 10 января 1826 г. Меттерних сообщил австрийскому посланнику в Петербурге, что австрийский император узнал с большим удовлетворением об окончании «великодушной борьбы»; в следующей депеше того же дня говорится о необнародованном манифесте Александра. «Это событие, пишет он, только подтвердило, что к действиям, требующим наибольшей обдуманности... нельзя относиться с легкомыслием или безразличием, не подвергая спокойствие империи опасности».[101]

Нежелание обнародовать манифест, будь это из легкомыслия или безразличия, или же по другим причинам, все же надо думать, является одним из доводов, что Александр тогда не собирался «уходить».

ЧАСТЬ II

ФЕДОР КУЗЬМИЧ.

Его появление, как довод в пользу исчезновения Александра

Рассказы о его появлении в Красноуфимске. Его жизнь в Сибири.

4-го сентября 1836 года высокий, представительный мужчина с бородой, лет шестидесяти, подъехал верхом к кузнице в окрестностях Красноуфимска, Пермской губернии, чтобы подковать свою лошадь. На нем была крестьянская одежда, но вся его наружность, прекрасный конь, говорили о том, что он никоим образом не был крестьянином. Во всей его осанке было что-то благородное, даже величавое, и в то же время приветливое, придававшее его образу нечто таинственное. Так о нем рассказывали.

Собрался народ посмотреть на незнакомца. Стали расспрашивать. Его ответы показались собравшимся настолько уклончивыми, даже подозрительными, что его доставили в город, в полицию.. Он не сопротивлялся. Там старались его убедить сознаться, кто он такой, но он лишь назвал себя Федором Кузьмичем и объявил себя не помнящим родства бродягой.

Бродяжничество в России того времени строго наказывалось. Федор Кузьмич был приговорен к двадцати ударам плетьми; наказание было выполнено, после чего его сослали на поселение в Сибирь. Будто бы тем временем пришел приказ из Петербурга отменить ссылку; но Федор Кузьмич отказался воспользоваться этой милостью.[102]

С этого момента дальнейшая судьба «старца», как его стали называть в Сибири, до точности известна.

26-го марта 1837 г. он достиг в составе конвоя ссыльных места своего назначения в Сибири, в Боготольском округе, Томской губернии. На солдат, сопровождавших конвой, и на ссыльных большое впечатление производили его приветливость и мужество, с которыми он переносил все невзгоды, его заботливость о слабых и больных арестантах.

Несколько лет он прожил на винокуренном заводе, но его не заставляли тяжело работать; он пользовался некоторыми привилегиями и общей симпатией, как со стороны начальства, так и со стороны служащих и рабочих. Всего он прожил 27 лет в разных местах Томской губернии. «Переходя из деревни в деревню, Федор Кузь-

мич... учил крестьянских детей грамоте, знакомил со священным писанием, с географией и историей... все сведения... всегда отличались правдивостью, глубоко врезывались в головы учеников его... Взрослых он увлекал религиозными беседами, ...рассказами из событий отечественной истории, в особенности о военных походах и сражениях...» и поражал своей осведомленностью о петербургской придворной жизни даже лиц «сравнительно развитых, как-то: местного духовенства и некоторых более или менее интеллигентных ссыльных».[103] Последние годы он жил у купца Хромова, сперва на заимке в лесу, в 4-х верстах от Томска, в построенной для него келье, а потом в келье около дома Хромова. Там он и умер 20-го января 1864 г., почитаемый и восхваляемый за свою праведную жизнь.

Первые публикации о Федоре Кузьмиче

В 1880 г. в печати появилась первая заметка о старце Федоре Кузьмиче. Автор, князь Н. С. Голицын, называет эту загадочную личность «Александром-отшельником», пользовавшимся большим почитанием среди простонародия, в котором «распространилась молва, что затворник был — император Александр Павлович».[104]

На эту первую заметку отозвался князь В. Долгорукой (sic!) в 1881 г., но его небольшая статья с портретом Федора Кузьмича появилась лишь в октябре 1887 г.[105] Он называет старца «отцом Федором», поправляя этим князя Голицына. Он пишет: «...молва, существовавшая между сибиряками... не признавала его за покойного императора Александра I, а сам старец... давал понять, что он или император Петр III, или цесаревич Константин Павлович». Князь Долгорукой называет старца «едва ли ни последним из самозванцев на Руси, выдававших себя за лиц царского рода».

В дополнение к этим сведениям, автор заметки «Отшельник Федор» И. С. (И. Смирнов) сообщает о своем посещении старца вместе с одним духовным лицом в 1859 г. и рассказывает о том, что на их советы посещать церковь отшельник «отвечал мало на странном наречии из смеси церковно-славянского языка с латинским, невразумительными фразами, мистическими и даже апокалиптическими». У них создалось впечатление, что он или униатский богослов из Западной России или же философ — мистик и масон, «у которого зашел ум за разум».[106]

В 1870-х годах автор слышал от родственников купца Хромова в Томске, у которого жил и умер Федор Кузьмич, уверение, что это был Александр I; а в 1885 г. он читал в Петербурге «объемистую» рукопись, происшедшую из тех же кругов в Сибири.

В 1889 г. «Русская старина» издала альбом «Русские деятели в

портретах»,[107] содержащая также нам уже известный портрет Федора Кузьмича и анонимную биографическую заметку, текст которой почти совпадает с началом статьи епископа Петра, появившейся в 1891 г., т.ч. можно предположить, что и она принадлежит его перу. Статья епископа Петра дает много сведений из рассказов Хромова, который «записывал более замечательные случаи в жизни старца».[108]

Неопубликованными записками Хромова пользовался и автор появившегося анонимно «Сказания о жизни... Федора Кузьмича». Мы предполагаем, что автор этой брошюры — Елисей Захарович Захаров, называющий себя в предисловии к 1-му изданию 1891 г. «издателем». Он ссылается на «отрывок» 1887 г. в «Русской старине» — очевидно статью князя Долгорукого, но известен был ему очевидно и альбом «Русских деятелей».[109]

Мельницкий, с большой тщательностью собиравший материал о Федоре Кузьмиче, пишет: «Никаких... серьезных намеков на будто бы царственное происхождение его, как уверяет В. Долгоруков (sic!), ни Федором Кузьмичем, ни его окружающими в это время не делалось и народная молва считала его каким-то сосланным или добровольно оставившим свой пост митрополитом... Сам он всячески избегал разговоров о своем происхождении и не обнаруживал никаких признаков самозванства. Ни цесаревичем Константином, ни Александром и никем иным не называл он себя... Он не имел ничего общего с типами старинных юродствующих обличителей... и... обнаруживал вполне здравое современное отношение к религиозным учениям. Хромов, причислив его к лику святых, исказил его светлую личность до неузнаваемости, и с помощью всевозможных странников распространил... повествование о нем далеко за пределами Сибири».[110]
У Мельницкого мы находим впервые рассказ о появлении Федора Кузьмича в Красноуфимске. Этот рассказ пересказывался с тех пор много раз с вариациями и прикрасами. Можно прочесть напр. о легендарном появлении таинственного всадника на прекрасном белом коне; иногда белый конь заменялся чистокровным вороным.

После того как в мае 1895 г. появилась статья Кузнецова-Красноярского[111] с неточными данными о ссылке Федора Кузьмича, управляющий Тюменского приказа о ссыльных Р. Кузовников опубликовал, основываясь на актах, краткую «справку» об аресте и ссылке Федора Кузьмича.[112] По этим достоверным данным этот «бродяга» «показал, что он Федор Козьмин, сын Козьмин же, 70-ти лет, неграмотен, ...непомнящий своего родопроисхождения с младенчества своего, пропитывался у разных людей...» В этой справке мы впервые прочли, что незнакомец подъехал к кузнице не верхом на чи-

стокровном коне, а «на лошади запряженной в телегу»: несомненно факт, не имеющий большого значения, но более вероятный.

Распространение легенды о тождестве Александра I и Федора Кузьмича

Уже при жизни Федора Кузьмича, но больше после его смерти, слух, что старец был Александром I, стал распространяться по Сибири и за ее пределами в Европейской России.

Верил в это не только простой народ, но и многие представители интеллигенции, а также, так говорили, при дворе и будто бы в царской семье.

Работая над уже упомянутой историей царствования Александра III, Озерова (по словам Глуховцовой) говорит как о факте, что в царской семье верили, что Александр I нашел силу оставить престол и надеть «вериги».

Относительно уверенности в тождестве Александра и Федора Кузьмича в Сибири есть разные свидетельства.

В 1926 г. в «Возрождении» в Париже появилась статья М. Курдюмова (псевд. Марии Александровны Каллаш), бывшей в 1915 г. в Томске.[113] Каллаш (Курдюмов) пишет, что ей в гор. Томске, имевшем благодаря университету свою интеллигенцию, «пришлось натолкнуться на полную и всеобщую уверенность в том, что Федор Кузьмич был императором Александром I. Мои колебания в этом вопросе вызывали просто изумление». Каллаш упоминает старца Варфоломея, духовника Федора Кузьмича, открывшего по словам одного монаха его тайну. Она беседовала также с древним стариком, поступившим в монастырь ребенком, и помнившим Федора Кузьмича.

В 1933 г. появилась также в Париже другая газетная статья, автор которой подписался инициалами «М. К-ъ».[114] М. К-ъ, побывавший в 1916 г. в Томске, рассказывает, что Томская интеллигенция историей старца нисколько не интересовалась, но среди простонародия «начиная с полицейских и кончая нищими у ворот монастыря, все привыкли к мысли, что в Томске жил, умер и погребен русский император». М. К-ъ рассказывает о старичке монахе, который «в отроческие годы ... в какой-то один момент очутился случайно у самого порога тайны загадочного старца». Мальчик сопровождал всеми чтимого отца Варфоломея, когда Федор Кузьмич был при смерти и посылал за ним. О. Варфоломей вошел в келью, а мальчик ждал в сенях. Вдруг он услышал как будто кто-то упал. «Оба были старые. Испугался я, бросился в дверь и вижу: о. Варфоломей стоит на коленках

перед Федором Кузьмичем весь в слезах и сам не свой... Одно только я услышал: Ваше величество, мне перед Вами надо на коленках стоять..!» Мальчик, еще больше испугавшись, прикрыл опять дверь. «От этого рассказа старичка-монаха совсем не веяло сочиненностью» — так кончает свою статью М. К-ъ.[115]

Николай Аполлонович Лашков, бывший два раза в Сибири по поручению в. кн. Николая Михайловича для исследований по вопросу о Федоре Кузьмиче, был там безусловно до 1907 г., когда появилась статья «Легенда...» великого князя.[116] Несомненно он посетил также и Алексеевский монастырь, где проживал старый монах, бывший тогда несколько моложе. Но в статье Николая Михайловича нет и следа сцены с восклицанием «Ваше величество». Ни один из многих исследователей вопроса очевидно не знал об этом случае.

Говорили о том, что Федор Кузьмич никогда не исповедовался; но послушник Алексеевского монастыря Вознесенский (позднее псаломщик), сопровождавший иеромонаха отца Рафаила к Федору Кузьмичу в начале его болезни, был убежден, что Федор Кузьмич исповедовался в этот раз, как и в других случаях, отцу Рафаилу.[117]

Выдающиеся личности, занимавшиеся этим вопросом, о которых говорили, что они верили в тождество Александра и Федора Кузьмича

Шильдер.

Николай Карлович Шильдер, историк царствований Александра I и Николая I, верил, по мнению многих, в тождество Александра и Федора Кузьмича.

Однако в его статье в «Русском биографическом словаре» о жизни и царствовании императора Александра I не найти и следа этой уверенности — Федор Кузьмич даже вообще не упомянут.[118] Такой смысл можно вложить единственно в заключительные слова его обширного произведения об Александре I. После нескольких страниц, посвященных слухам о Федоре Кузьмиче, он пишет:[119]

«Если бы фантастические догадки и народные предания могли быть основаны на положительных данных и перенесены на реальную почву, то установленная этим путем действительность оставила бы за собою самые смелые поэтические замыслы; во всяком случае, подобная жизнь могла бы послужить для неподражаемой драмы с потрясающим эпилогом, основным мотивом которой служило бы искупление. В этом новом образе, созданном народным творчеством, император Александр Павлович, этот «сфинкс, неразгаданный до

гроба», без сомнения, представился бы самым трагическим лицом русской истории, и его тернистый жизненный путь увенчался бы небывалым загробным апофеозом, осененным лучами святости».

Великий князь Николай Михайлович упрекает Шильдера в своей статье «Легенда...», что он настолько увлекся красотой легенды, что закончил свой капитальный труд словами, могущими лишь «поддержать сомнения и смущать образованную публику».[120]

Л. Дм. Любимов говорит, возражая словам Николая Михайловича, что «Шильдер не увлекся красотой легенды. Как теперь известно, историк времени Александра I, пришел к глубокому убеждению, что это была не легенда, а факт».[121] «Шильдер, который имел доступ ко всем архивам, знал по всей вероятности многое, что было неизвестно другим исследователям этого вопроса»,[122] и «Шильдер не скрывал своего убеждения в частных разговорах».[123]

О том же говорит и Крупенский, указывая на А. С. Суворина, известного издателя, для которого убеждение Шильдера в тождестве Александра и Федора Кузьмича «ясно сквозило» в их частных беседах.[124] Полковник Козлянинов рассказывал Крупенскому, что «Шильдер, бывший другом его отца, говорил последнему, что он написал книгу о тождестве Александра и Федора Кузьмича и передал ее в рукописи императору Александру II».[125]

Автор статьи о Федоре Кузьмиче в «Русском биографическом словаре» А. Г. пишет: «...даже такой серьезный знаток Александровской эпохи, как Н. К. Шильдер, готов поверить сибирской легенде о своем любимом герое. Отказавшись повидимому от попытки доказать ее правдивость, не рискуя стать в противоречие с имевшимися в его распоряжении историческими материалами, Шильдер тем не менее в 4-ом томе своей Истории царствования императора Александра I, ...прозрачно намекает на ее допустимость».[126]

В издательской заметке к статье кн. Барятинского сказано, что в последние годы своей жизни Шильдер «отказался от своих первоначальных предположений».[127]

Великий князь Николай Михайлович.

Довольно распространено мнение, что в. кн. Николай Михайлович в глубине души был убежден в тождестве Александра I и Федора Кузьмича.

Так например Морис Палеолог пишет, что в его бытность посланником в России, он был в хороших отношениях с великим князем и они несколько раз беседовали об этом вопросе. Каждый раз у

Палеолога было впечатление, что ... обыкновенно столь решительная и смелая речь в. кн. Николая Михайловича «была несвободна». Палеолог приписывал это приказу свыше.[128]

Но взгляд Николая Михайловича на это тождество еще в 1914 г. чрезвычайно убедительно сквозит в двух его собственных высказываниях.

Одно из них находится в его записках, первоначально не предназначенных для печати и изданных только в 1931 г.[129]

Он рассказывает о семейном завтраке у Государя 4-го февраля 1914 г.: «Речь зашла о последних книжках князя Барятинского и Михайлова о тождестве великого сибирского старца Федора Кузьмича и Александра I. Я воспользовался случаем разъяснить в сотый раз всю нелепость этой легенды. ...Рассказал о нападках на меня, что разрушаю высокосимпатичную легенду, прославляющую благословенного монарха, которая пошла бы только на пользу и популярность царствующей династии».

Другое высказывание великого князя об этом вопросе было опубликовано в сентябре 1914 г. в «Историческом Вестнике», как ответ на статью автора «В. Г.».[130] Эта краткая заметка интересна, т.к. она показывает эволюцию его мнения к сентябрю 1914 г. в его собственных словах: «В. Г. в своей статье подразделяет исследователей легенды на два лагеря — приверженцев и противников легенды. К числу последних он относит и меня. Это недоразумение, потому что я себя не причисляю ни к тем, ни к другим, а также как и сам В. Г., стараюсь раскрыть истину. При жизни покойного Н. К. Шильдера, которого я часто видел и почитал, я увлекался этой легендой настолько, что старался себя убедить, что сибирский старец был действительно императором Александром I. Тогда я был моложе, теперь мне 55 лет, и пора увлечений давно миновала. Беспристрастная историческая критика привела меня к убеждению, что это превращение Александра Павловича в сибирского старца немыслимо, а главное потому, что я всячески старался себе выяснить действительный характер государя, который не соответствовал такого рода превращениям. Если обратиться к документальной стороне, то для меня письма императрицы Елизаветы Алексеевны к матери, маркграфине Баденской — самый веский аргумент для так называемых противников легенды. Эти письма написаны так просто, так задушевно, что в чистосердечии их нельзя усомниться. Но мне возразят на это, что императрица могла не знать об исчезновении супруга и что больной, за которым она ухаживала, не был ее мужем, а также тело, перед которым она часто молилась,.. было не Александра. Признаюсь, что такого рода фантазия меня не может переубедить».

Но это было — и то и другое — в 1914 г. Переменил ли в. кн. Николай Михайлович впоследствии свое мнение? — За это говорят два очень веских свидетельства.

Петр Евграфович Ковалевский, историк и профессор Сорбонны сообщил: что великий князь Николай Михайлович в разговоре с его отцом (Е. П. Ковалевским) после революции говорил, что «переменил свое мнение и признал легенду о Федоре Кузьмиче действительной».[131]

Подтверждает это также свидетельство великого князя Дмитрия Павловича. В 1930-х годах, когда Л. Дм. Любимов жил еще в эмиграции во Франции, он опубликовал воззвание в газете «Возрождение» (Париж), обращаясь с просьбой к лицам, имеющим какие-нибудь сведения об этом вопросе, снестись с ним. Он получил целый ряд ответов.

Великий князь Дмитрий Павлович рассказал Любимову, что он встретил как-то раз Николая Михайловича «повидимому во время Первой мировой войны» и последний сообщил ему, что «на основании точных данных, он пришел к абсолютному убеждению, что Федор Кузьмич был Александром I».[132] Мы читаем также, что перед самой Февральской революцией в столице «упорно ходили слухи, что Николай Михайлович... убедился в тождестве царя и бродяги, но что свыше ему было воспрещено опубликовать правду».[133]

Какие неопровержимые данные могли заставить великого князя Николая Михайловича так радикально изменить свое мнение?

С. Б. Окуню рассказ вел. кн. Дмитрия Павловича представляется недостоверным, т.к. «в период 1914-1917 гг. Николай Михайлович специально не занимался вопросом о Федоре Кузьмиче, а посему никаких изменений в его взглядах произойти не могло».[134]

Перед Первой мировой войной будто бы была основана комиссия для изысканий по вопросу о Федоре Кузьмиче, о которой речь будет ниже. В. кн. Николай Михайлович, по этим сведениям, был ее председателем. Результаты этих исследований могли быть вышеупомянутыми неопровержимыми данными, изменившими его мнение.

Другой вопрос: Что могло побуждать императоров и правительства запрещать опубликование результатов таких комиссий?

Если Александр действительно «ушел» и превратился в Федора Кузьмича, то последующие императоры могли чувствовать себя связанными обещанием, данным Александру I (надо полагать, Николаем I), хранить это в тайне навсегда или по крайней мере на сто лет после его официальной кончины.

Следующий рассказ может означать, что по желанию Александра тайна (если таковая действительно существовала) должна была хра-

ниться в продолжении ста лет.

При ремонте камина в комнате, где скончался Александр I в таганрогском дворце, в январе 1917 г. была обнаружена замурованная в стене шкатулка с надписью Александра: «Передать царствующему императору сто лет после моей смерти». Эта шкатулка была отвезена в Ставку, где находился государь. Но это случилось как раз в дни отречения. В последующем хаосе эта знаменательная шкатулка, которая возможно содержала разгадку тайны, очевидно пропала.

Что же желал сообщить Александр I грядущим поколениям? — Вероятно решение отказаться от своего положения, уйти от мира? Может быть только болезнь и внезапно подкравшаяся смерть помешали ему? Или он хотел сообщить что-то о своей могиле? Можно думать, что это никогда не станет известным.

Кроме обещания хранить тайну, связывавшего последующих императоров, Любимов пишет и о другой возможной причине запрета. Мы читаем у него, что по мнению генерала Н. А. Княжевича, было бы опасно официально идентифицировать Александра I с Федором Кузьмичем. В таком случае Николай I царствовал бы при жизни не отрекшегося царя, и «злонамеренные люди» могли воспользоваться этим и проводить мысль, «что царствование Николая I было незаконно, и все акты им подписанные недействительны». Это относилось бы частью и к царствованию Александра II. Любимов считает, что «мнение Княжевича, который сам занимал губернаторские посты, чрезвычайно характерно для отношения царизма к легенде».[135]

Мы видим, что даже и в монархических кругах мнения насчет пользы или опасности легенды для династии расходились. Вспомним разговор за завтраком у государя и рассказ Николая Михайловича о нападках на него, что он разрушает прекрасную легенду. Того же мнения оказывается Окунь, человек из советского лагеря, считающий, что «легенда... была чрезвычайно выгодна монархическим кругам».[136]

Толстой.

В журнале «Красный архив» мы знакомимся с записками в. кн. Николая Михайловича, в которых он рассказывает о своих встречах и разговорах с Толстым в 1901 г., а также и с их перепиской.

«Хотя пока еще легенда эта не подтверждается и, напротив того много данных против нее, но Л. Н. (Льва Николаевича) интересует душа Ал(ександра) I, столь оригинальная, сложная, двуличная, и Толстой добавляет, что если только Ал(ександр) I действительно

кончил свою жизнь отшельником, то искупление вероятно было полное, и соглашается с Н. К. Шильдером, что фигура вышла бы шекспировская».

Позже, к 1907 г., как известно, великий князь пришел к совершенно отрицательному мнению насчет легенды и послал свою работу «Легенда...» Толстому 2-го сентября 1907 г. Толстой ответил ему:

«Пусть невозможность соединения личности Александра и Федора Кузьмича доказана историками, легенда остается во всей своей красоте и истинности. Я начал писать на эту тему, но едва ли не только не кончу, но едва ли удосужусь продолжать. Некогда — надо укладываться к предстоящему переходу» (т.е. к смерти).[138]

Толстого, который много лет сам думал об уходе из сложившихся рамок своей жизни и под конец своих лет действительно осуществил эту мечту, эта гипотеза об осуществлении идеи ухода Александром должна была особенно интересовать.

Он говорит об «истинности» легенды, несмотря на исторические данные, говорящие против нее, считая, что в характере Александра была заложена возможность такой трансформации.

Подобное мнение выразил также Н. Сементовский-Курило. Склоняясь больше к представлению, что Александр закончил свою жизнь старцем, он (допуская и возможность мифа) считает, что если даже Александр никогда не был Федором Кузьмичем, «он после 1825 г. всегда мог им стать».[139]

В «Русском биографическом словаре» сказано, что в конце 1850-х годов Л. Толстой, тогда еще молодой человек, посетил старца и провел в его келье целый день.[140] Надо предполагать, что эта справка не соответствует истине. Как в «Летописи» Гусева,[141] так и в произведении, изданном Бирюковым,[142] не найти ни следа этого посещения. Ни сам Толстой, ни в. кн. Николай Михайлович не упоминают о нем, как и вообще о личном знакомстве Толстого со старцем.

«Посмертные записки старца Федора Кузьмича», написанные Толстым, были отпечатаны после его смерти в «Русском богатстве» 1912 г.[143] Редактором этого журнала был тогда В. Г. Короленко. В фрагменте «Посмертных записок» есть следующяя фраза: «Людям, не имевшим несчастия родиться в царской семье, я думаю трудно представить себе всю ту извращенность взгляда на людей и на свои отношения к ним, которую испытывали мы, испытывал я.»[144]

Из-за этой фразы, главным образом, Короленко был отдан под суд (т.к. Толстого уже не было в живых) и обвинен «в намеренном оказании дерзостного неуважения верховной власти...»

В своей защитительной речи адвокат О. О. Грузенберг определил

значение легенды следующим образом: «Император Александр I, Александр Благословенный, монарх неограниченный, баловень судьбы, спаситель Европы... и рядом с ним — и он сам в нем — бродяга Федор Кузьмич, наказанный розгами за бродяжничество... . Великая, чисто русская легенда, легенда, в которую одинаково любовно поверили и верхи России и самые глубокие ее низы... . Народ хотел верить и горячо верил, что в едином образе сочетался могущественнейший из царей и бесправнейший из его подданных. Для интеллигенции, для высших кругов в Федоре Кузьмиче воплотилась идея искупления государем того великого греха, который не должен быть никому прощен, греха убийства или причастности к нему...».[145] В то время уже не воспрещалось писать об участии Александра в заговоре, приведшем к умерщвлению Павла I.

Причины, дававшие повод верить в тождество Александра и Федора Кузьмича

а) Причины, сформулированные Толстым.

«Что же касается до того, что именно Кузьмича считали скрывавшимся Александром, то поводом к этому было:

во-первых, то, что старец был ростом, сложением и наружностью так похож на императора, что люди (камер-лакеи, признавшие Кузьмича Александром), видавшие Александра и его портреты, находили между ними поразительное сходство: и один и тот же возраст, и та же характерная сутуловатость;

во-вторых, то, что Кузьмич, выдаваший себя за непомнящего родства бродягу, знал иностранные языки, и всеми приемами своими — величавой ласковости — обличал человека, привыкшего к самому высокому положению;

в-третьих, то, что старец никогда никому не открыл своего имени и звания, а между тем невольно прорывающимися выражениями выдавал себя за человека, когда-то стоявшего выше всех других людей;

в-четвертых, то, что он перед смертью уничтожил какие-то бумаги, из которых остался один листок с шифрованными странными знаками и инициалами А. и П.;

в-пятых, то, что несмотря на всю набожность, старец никогда не говел».

Эти причины, как дает их Толстой, нам знакомы и из других источников. Лишь два следующих последних предложения в предисло-

вии к «Посмертным запискам...» — художественный вымысел Толстого: «Когда же посетивший его архиерей уговаривал его исполнить долг христианина, старец сказал: Если бы я на исповеди не сказал про себя правды, небо удивилось бы; если же бы сказал кто я, удивилась бы земля. Все догадки и сомнения эти перестали быть сомнениями и стали достоверными, вследствие найденных записок Кузьмича...»

В действительности же никакие записки старца не были найдены; нет также и никаких прямых доказательств, что Федор Кузьмич — это Александр I.

б) Комиссии для изысканий по вопросу о Федоре Кузьмиче.

Говорили, что Александр III очень интересовался этим вопросом. Когда он был еще наследником, будто бы была основана по его инициативе секретная комиссия с Победоносцевым во главе, с генерал-адъютантом Черевиным и с генералом графом Барановым. В 1884-1886 гг. комиссия якобы пришла к заключению, что тождество Александра и Федора Кузьмича доказано. Однако Победоносцев был против публикации. Эти сведения Любимов получил от сына ген. Баранова.[146]

Бывший губернатор Пермской губернии А. В. Болотов рассказывает в своей книге «Святые и грешники», что за три года до Великой войны другая комиссия была основана под председательством в. кн. Николая Михайловича.[147] Комиссия установила факт, что Николай I был в постоянной шифрованной переписке с Федором Кузьмичем. Секретный шифр также был найден в «Императорском фамильном хранилище», но Николай II решил дело не разглашать. Болотову это сообщил в 1917 г. Г. Л. Милорадович, член комиссии. Но Любимов сомневается в достоверности этого сообщения.[148]

Если такие комиссии действительно существовали, то надо предполагать, что от них сохранились какие-нибудь отчеты, которые могут быть найдены позднее.[149]

в) Посещения Федора Кузьмича и его могилы великими князьями.

«В Сибири открыто рассказывали, что все великие князья, бывшие в Сибири, служили панихиды на могиле старца, а государь Николай II в бытность наследником посетил могилу ночью»; это мы читаем у Крупенского.[150]

Посещение Томска Николаем II описано в специальном отчете.[151] Там ни слова не сказано о посещении могилы Федора Кузьмича наследником. Князь Ухтомский, сопровождавший будущего государя

Николая II в этом путешествии на Восток и обстоятельно описавший его, также не упоминает о посещении могилы.[152]

Но в. кн. Николай Михайлович пишет о нем в своей статье. Он мог знать об этом от самого Николая II лично. Посещение же это могло быть неофициальным.[153]

Как Николай Михайлович, так и Шильдер цитируют надпись на могиле старца. У великого князя сказано: «В ограде Томского Алексеевского монастыря была видна еще недавно могила старца, совсем скромная, с обыкновенным крестом, на котором сделана следующая надпись: Здесь погребено тело Великого Благословенного старца, Феодора Кузьмича, скончавшегося в Томске 20 января 1864 г.»

Эпитет «Благословенный» считался и многими считается по сие время неопровержимым доказательством того, что Федор Кузьмич был Александром Благословенным; и это тем более что, как говорили, мраморная плита с той же надписью была положена на могилу по приказанию Николая II.

«Еще недавно на могиле был обыкновенный крест», сообщает в. кн. Николай Михайлович в 1907 г. Это было по всей вероятности до 1903 г., когда Михаил Николаевич Галкин-Врасский, начальник главного тюремного управления, а позже член Государственного Совета, «возобновил могилу старца, устроив на ней род часовни».[154] Посещение же Николая II в бытность его наследником могло иметь место лишь в 1891 г. Из сообщений Николая Михайловича следует, что приказ вероятно не был дан тогда же и возможно даже — совсем не по поручению Николая II.

По поводу посещения старца великими князьями С. Б. Окунь цитирует в своей статье из уже известной нам заметки Н. Н. Врангеля следующее:[155] «Наследник Александр Александрович (будущий Александр III) во время своего путешествия на Восток посетил тогда еще бывшего в живых старца Федора и более двух часов пробыл с ним наедине. Свита же осталась в отдалении и никто не знает, о чем был разговор между юным наследником престола и старцем». К этому комментарий Окуня: «Александр III вообще в Томске не был и с Федором Кузьмичем не встречался, не говоря уже о том, что наследником престола он стал через год после смерти старца». Сведения в рукописи Врангеля действительно ошибочны. Наследником был до Александра III его брат, старший сын Александра II, Николай Александрович, скончавшийся в Ницце в 1865 г.

Дочь Хромова, Анна Семеновна Оконишникова, рассказала Н. А. Лашкову, что они с отцом приехали навестить старца, когда он жил в селе Коробейниково. Старец вышел к ним и сказал, чтобы они подождали, что у него гости. Они отошли от кельи и ждали у лесоч-

ка. Часа через два «наконец из кельи, в сопровождении Федора Кузьмича, выходит молодая барыня и офицер в гусарской форме, высокого роста, очень красивый и похожий на покойного наследника Николая Александровича. Старец проводил их довольно далеко и, когда они прощались, мне показалось, что гусар поцеловал ему руку, чего он никому не позволял...»[156]

Есть возможность сопоставить этот рассказ со следующим свидетельством князя Барятинского:[157] «Когда вышло первое издание моей книги в России, мой отец, генерал-адъютант кн. В. А. Барятинский, бывший в свое время адъютантом цесаревича Николая Александровича, говорил мне, что цесаревич никогда не посещал Федора Кузьмича, но что Александр II, когда он был еще наследником, имел действительно свидание со старцем». Александр II взошел на престол после смерти своего отца, Николая I, в 1855 г. Анна Семеновна сказала, что они навестили Федора Кузьмича, когда он жил в Коробейникове. Из статьи Мельницкого[158] мы узнаем, что он жил около деревни Коробейниково в 1851-1854 гг.[159] Эти данные подтверждают сведения Барятинского, что Александр II, будучи наследником, посетил старца.[160]

Посещения наследниками престола, будущим Александром II — Федора Кузьмича и Николаем II — его могилы, говорят во всяком случае о значительности личности старца, но еще не доказывают его тождества с Александром I.

Как Александр II, так и Николай II могли интересоваться «великим угодником Божьим», почитаемым всеми, а может быть даже и императорской семьей. Кроме того старец был в Томске своего рода достопримечательностью, и его (или его могилу) посещали многие путешественники.

г) *Граф Остен-Сакен. Его переписка с Федором Кузьмичем. Девица Александра Никифоровна.*

Крупенский рассказывает, что в семье графа Остен-Сакена была полная уверенность, что старец был Александром I.[161]

Говорили, что гр. Остен-Сакен постоянно переписывался с Федором Кузьмичем. «Эти сношения Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена с сибирским старцем, которые подтверждаются наследниками, имели вероятно чисто религиозную подкладку, т.к. граф был человек весьма набожный и любил сноситься с лицами духовного звания и другими святыми людьми», пишет в. кн. Николай Михайлович.[162]

Факт переписки, стало быть, опять-таки еще не доказывает идентичности императора и старца.

Не является таким доказательством и посещение семьи Остен-Сакен молодой сибирячкой, деревенской девушкой Александрой Никифоровной, протеже Федора Кузьмича, которую он «окружал особою отеческою заботливостью» и направил к людям, «гостеприимно принимающим странников». Факт, что Александра Никифоровна видела Николая I во время своего пребывания у Остен-Сакен и «целые сутки... провела под одною кровлею с своим царем», тоже ничего не доказывает. «Государь очевидно заинтересовался молодою богомолкою и возможностью познакомиться, благодаря ее еще детской наивности, с жизненною обстановкою крестьян далекого уголка своего государства и закидывал ее всякого рода вопросами: 'как себя девушки ведут.., и чем народ занимается, и что ест, и многое кое о чем расспрашивал и все я ему спроста-то рассказывала, а они (то есть государь и граф) слушают да смеются. Вот, говорит государь Остен-Сакену, какая у тебя смелая гостья-то приехала. — А чего же мне, говорю, бояться-то, со мной Бог, да святыми молитвами великий старец Федор Кузьмич, а вы все такие добрые... Граф только улыбнулся, а Николай Павлович как бы насупился'» (Примечание, стр. 98).[163]

Этот рассказ фигурирует в различных публикациях о Федоре Кузьмиче.

В семье Остен-Сакен говорили будто бы граф Дмитрий Ерофеевич передал шкатулку с бумагами Федора Кузьмича Александру II. Также говорили, что он никогда не присутствовал на панихиде по Александру I, пока старец был жив.[164]

Великий князь Николай Михайлович сообщает, что «несмотря на все поиски графини Александры Дмитриевны Остен-Сакен», вдовы сына Дмитрия Ерофеевича, «удалось найти только пустую шкатулку, где хранились секретные бумаги графа Дмитрия Ерофеевича. Самые же бумаги и письма были кем-то извлечены из шкатулки, во время долгого отсутствия владельцев из имения» после смерти Дмитрия Ерофеевича.

В сохранившихся дневниках графа с 1822 г. до его смерти в 1881 г. Федор Кузьмич не упоминается.[165]

д) Шифрованная записка

Умирая, Федор Кузьмич показал Хромову мешочек, сказав: — «Тут моя тайна». В мешочке оказалась небольшая шифрованная записка с отдельными словами, загадочными отрывками изречений, цифрами, с инициалами «А» и «П» и числом 26-го марта 1837 г.. Ре-

продукция этой записки впоследствии появилась в некоторых публикациях.[166]

После многих неуспешных попыток, два специалиста — Гобрушев в Риге и Лисенко в Белграде — независимо друг от друга пришли к тому же результату.

Текст расшифрованной записки отпечатан в статье Ивана Лукаша:[167] «Анна Васильевна, я видел дикое злосчастие в сыне нашем: граф Пален извещает о соучастии Александра в заговоре. Сегодня следует куда-нибудь скрыться».

С.П.Б. 23 марта 1801. Павел.

(Нового стиля — 11 марта старого стиля — дата убийства Павла I. В то время шифрованные письма не были редкостью, а новый, т.е. западный, стиль часто употреблялся в высших кругах).

Если расшифровка правильна, было бы одной основательной причиной больше считать, что Федор Кузьмич был Александром.[168]

Предположения — кем мог быть Федор Кузьмич, если он не был Александром

О загадочной личности Федора Кузьмича есть различныя предположения.

В своей статье «Легенда...» в. кн. Николай Михайлович говорит о гипотезе, соответственно которой незаконный сын Павла I, названный «Симеоном» и по фамилии «Великий» (Семен Афанасьевич Великий), мог быть Федором Кузьмичем.[169] Его мать, Софья Степановна Черторижская (sic!), урожд. Ушакова, овдовев, была в связи с великим князем Павлом Петровичем до его женитьбы и имела от него сына. Мальчик учился в Петропавловской школе в Петербурге, а затем в Морском кадетском корпусе. Позже он был послан в числе других офицеров «для усовершенствования в Англию и, служа в Английском флоте, умер на корабле «Вангард», на Антильских островах в 1794 г.» Это соответствует документам архива морского министерства. «По другим сведениям, он утонул в Кронштадте».

Там же у великого князя Николая Михайловича мы читаем: «Если гипотеза о том, что именно Семен Великий был старцем Федором Козьмичем верна, то остается узнать и проверить, где он обретался, если не умер на корабле в Вест-Индии, с 1794 г. до 1837, т.е. до момента появления старца Козьмича в Сибири. Но здесь пока не имеется еще никаких данных чтобы поддержать гипотезу».

Великий князь Николай Михайлович установил свойство́ графа Д. Е. Остен-Сакена через жену, урожд. Ушакову, с Семеном Великим. Это свойство́ могло дать повод (кроме общих богословских интере-

сов) для переписки между графом и Федором Кузьмичем, если последний действительно был Симеоном Великим. Просматривая генеалогию Ушаковых, великий князь напал на «странное совпадение.., что в их семье постоянно встречаются имена Федора и Козьмы; и даже были Ушаковы, именовавшиеся Федорами Кузьмичами. Но всех этих совпадений недостаточно для определения личности старца».

Говорили также, что Федор Александрович Уваров, внезапно и таинственно исчезнувший в 1827 г., был Федором Кузьмичем. Уваров, родившийся в 1780 г. в дворянской семье, кавалергард и камергер, имел жену и детей и, как предполагали в семье, утонул в Неве.[170]

Шумигорский высказывает следующее предположение о личности старца:[171] «Это был офицер одного из гвардейских полков, хорошо знакомый с придворной и высшей средой его времени. ...Находясь в гвардии, близ особы императора, Кузьмич естественно мог знать многое, о чем и не снилось сибирякам. Возникает вопрос, как могло исчезнуть из общества лицо, столь заметное по своему общественному положению? Ответом могут служить биографии кавалергардских офицеров, изданные С. А. Панчулидзевым: из них видно напр., что два офицера Кавалергардского полка ...исчезли бесследно для семьи и общества.[172] ...О причинах их исчезновения нельзя было достать никаких сведений... Мы думаем, что в России есть семья, родственная Кузьмичу, хорошо знающая его жизнь, но уважение к семейным тайнам замыкало и замыкает ей уста».

Советский историк Н. Н. Белянчиков пишет о своих предположениях о личности старца:[173] «В нашем представлении это умный, прекрасно для своего времени образованный человек, вызывающий даже некоторую симпатию и сочувствие, но при всем этом находчивый мистификатор, вполне сознательно и очень хитро вводивший людей в заблуждение относительно своей личности и своего прошлого... Вероятно, это был провинившийся в чем-то серьезном богатый аристократ... Вероятно, некоторое внешнее сходство с Александром I навело Федора Кузьмича на авантюристическую мысль мистифицировать этим окружающих...»

Вспомним однако слова Мельницкого, заслуживающего по нашему мнению полного доверия, что старец «не обнаруживал никаких признаков самозванства».

В знакомстве Федора Кузьмича с камчатским епископом Иннокентием Белянчиков видит «основание предположить, что Федор Кузьмич первоначально был сослан, как преступник, или на Камчатку, или на Алеутские острова», где Иннокентий был сначала миссионером. «Может быть Кузьмичу удалось бежать оттуда и до-

браться до Красноуфимска, где его случайно задержали... В связи с этим вполне понятно, почему он остался доволен приговором... о ссылке в Западную Сибирь, а не на Камчатку или Алеутские острова, где его уже могли знать».

Это не исключено, но вполне возможно и даже вероятнее, что Иннокентий по пути на Дальний Восток (или оттуда) навестил, как многие другие, знаменитого богоугодного старца и спрашивал его между прочим о его происхождении.[174] За это, скорее чем за знакомство с епископом во время ссылки на Камчатку, говорит также и следующее обстоятельство: если старец был действительно прежде сослан туда, то его там знали и под его настоящим именем, и епископу Иннокентию не было надобности спрашивать его, кто он такой.

ЧАСТЬ III

Факты о болезни и смерти Александра I Дневники и письма

В некоторой несогласованности и даже противоречиях дневников и писем, относящихся к последним дням Александра I, сторонники легенды, как напр. кн. Барятинский, видели доказательство, что эти документы были написаны позже по специальному заказу. Кудряшов же в этой несогласованности не видит причины для сомнения. Как известно, один и тот же случай, то же самое происшествие может быть описано различными очевидцами совершенно различно и даже противоречиво. Думается, наоборот, если эти документы были написаны по заказу с намерением фальсификации, они были бы лучше согласованы.[175] А. Кизеветтер считает фактом, что все эти материалы были скорее записками, а не дневниками, составленными позже по памяти, но без умысла фальсификации.[176] Документы эти следующие:

1. Записки и письма императрицы Елизаветы Алексеевны.
2. Дневник и письма князя П. М. Волконского.
3. Письма барона И. И. Дибича.
4. Дневник лейб-медика Я. В. Виллие.
5. Записки «медико-хирурга» Д. К. Тарасова.
6. Письма княгини С. Гр. Волконской.
7. Histoire de la maladie...

Не только все противники легенды, находящие вполне естественным и несомненным, что императрица Елизавета Алексеевна была убеждена в смерти Александра, но, как ни странно, и сторонник его исчезновения, Крупенский, того же мнения.

Что Елизавета Алексеевна считала своего мужа умершим, доказывают первым делом ее собственные письма к ее матери, маркграфине Баденской, и к императрице Марии Федоровне, матери Александра.[177]

В этих письмах чувствуется ее безутешное горе, глубокое искреннее страдание. Крупенский допускает возможность, что симуляцию смерти Александра скрыли от нее, и, что она в своем потрясенном, подавленном состоянии не могла разобраться в случившемся — предположение, которое невозможно считать убедительным.

«Императрица Елизавета Алексеевна, при всей скорби ужаснейшего общего несчастия, изволит переносить печаль свою с удивительной твердостью, присутствуя ежедневно два раза при панихидах», — пишет кн. Волконский 21-го ноября 1825 г. Григорию Ивановичу Вилламову.[178]

Все свидетельства очевидцев говорят об ее твердости духа, несмотря на ее глубокую скорбь — это не ограниченная, слабая духом женщина, перед которой могли разыгрывать симуляцию смерти мужа.

И ее знаменитые слова: «Наш ангел в небесах, а я на земле — из всех оплакивающих его, самое несчастное существо...», написанные ею своей свекрови Марии Федоровне в день смерти Александра, не являются ли они безусловным доказательством, кроме всего прочего, что она считала его умершим?[179]

Князь Барятинский и Любимов считают однако и другое объяснение вполне приемлемым. Они допускают, что императрица должна была сохранять тайну династии даже по отношению к своей матери, принадлежавшей к другой династии.[180]

Как и кн. Барятинский, Палеолог находит в записках о смерти императора очевидные противоречия.

Отсутствие же документов между 11 и 19 ноября кн. Барятинский считает доказательством, что за этот промежуток времени произошло что-то исключительно важное.

После 11 ноября и кн. Волконский, и д-р Виллие по прежнему кратко записывали свои наблюдения.

Сохранились и письма Дибича, начиная с 15-го ноября.[181]

Записки императрицы действительно обрываются на 11-м ноября, этом «роковом дне», как называет его Палеолог. Как многие другие, он видит в этом доказательство, что Николай I уничтожил продолжение записок. Отрывок этих записок Елизаветы Алексеевны (как он приводится у Николая Михайловича) начинается лишь с 5-го ноября и охватывает стало быть только семь дней.[182].

О систематическом уничтожении документальных источников Николаем I говорит, как о факте, и в. кн. Николай Михайлович. Преемник Александра сжигал все, что он считал «бесполезным для грядущих поколений». Там же Николай Михайлович пишет, что Николай I «уничтожал все, что могло омрачить ореол 24-летнего правления его брата, а отнюдь не только документы, касавшиеся его кончины»; напр., слишком либеральные, по его мнению, высказывания Александра.[183]

Об уничтожении самого дневника Елизаветы Алексеевны, который она писала во время своего пребывания в России до ее смерти в Белеве (1792-1826 гг.), мы узнаем от Винклера из письма Hennenhöfer'a, начальника дипломатического отделения в управлении великого герцога баденского Людвига. Это письмо, написанное 11-го июля 1826 г. из Петербурга, сообщает между прочим, что запечатанные аппартаменты покойной императрицы Елизаветы Алексеевны были вскрыты по приказу Николая I в его присутствии, а также в присутствии его супруги, Волконского, Голицына, Лонгинова и «кажется» фрейлины Валуевой. При этом была найдена шкатулка (с надписью), которую Елизавета Алексеевна приказывала передать после ее смерти Валуевой. В ней находился запечатанный дневник, который она писала в продолжении больше 30-ти лет; рукой императрицы было надписано: «После моей смерти сжечь»; что и было исполнено. Все остальные предметы (письма, бумаги), принадлежавшие покойной императрице, были сложены в одну комнату и снова запечатаны. Впоследствии кн. Голицыну и статс-секретарю Лонгинову было поручено составить инвентарь всех вещей, прибывших из Таганрога и из Белева.

Очевидно, что Елизавета Алексеевна запечатала дневник, сожженный после ее смерти по ее приказанию, перед своим отъездом в Таганрог, а сохранившийся отрывок ее записок, написанных в Таганроге, был привезен из Белева Лонгиновым вместе со всеми ее бумагами Марии Федоровне по приказу последней.

17-го декабря 1825 г. Елизавета Алексеевна написала своей матери: «Я записываю все, о чем я могу вспомнить из этих двух недель, закончивших мое существование. Когда-нибудь я приведу это в порядок и пошлю Вам, мама; только Вы или Caroline должны это прочесть».

Это желание императрицы, надо думать не было исполнено: ни мать, ни сестра очевидно не получили этих записок; получила их свекровь, императрица Мария Федоровна, с которой у нее повидимому были натянутые отношения, которая ей не была близка. Однако перед смертью она стремилась встретиться с ней. Что она хотела ей сообщить, неизвестно, так пишет и Hennenhöfer, но можно предположить, что она просто хотела помириться, сблизиться в общем горе с матерью своего «ангела».[184]

Из приведенного здесь письма, написанного ее матери, ясно исходит, что этот отрывок не был дневником — она просто записала то, что вспомнила. Может быть она прекратила запись, не имея силы продолжать.

Или же действительно Николай I сжег ее записки о последних днях своего брата — не оттого, что они содержали какую-то тайну — а находя их слишком интимными для посторонних, для грядущих поколений?[185]

11-го ноября кн. Волконский записал в своем дневнике: «Государь... по утру чувствовал себя лучше, приказал позвать императрицу, которая оставалась у его величества до самого обеда» (в 4 часа).

Очевидно ссылаясь на это, Палеолог полагает, что между супругами был разговор, продолжавшийся шесть часов (от 10-ти час. утра до 4-х час. дня), которому он приписывает особенно знаменательное, решающее значение, но о котором (как он сам говорит), ничего неизвестно.[186]

Однако записки говорят совсем другое. Судя по их данным (в правдивости которых не приходится сомневаться, но которые все же были составлены по памяти), князь Волконский мог ошибаться, думая, что Елизавета Алексеевна была беспрерывно (в продолжении шести часов) с государем. Она приходила и уходила. Волконский заходил вероятно тоже и каждый раз мог встречать ее там. Судя по этим запискам, ничего серьезного не было сказано между супругами в этот день. Разговоры были ласковые, но и только. Палеологу же представляется другая картина: «В этот день Александр заклинал ее может быть именем их вновь воскресшей любви дать ему силу, возможность спасти свою душу, посвятив конец своей жизни суровому искуплению».[187] Как ни заманчиво это представление, мы не можем не сомневаться в этих предположениях — слишком многое говорит против них.

Даже письмо, написанное императрицей своей матери в тот же день, после того как она навещала больного (в котором Палеолог видит явное свидетельство того, что что-то важное произошло между

ними) отнюдь не доказывает, что Александр сообщил ей о своем решении скрыться. Она пишет о «неожиданном испытании», когда думалось, что все устроилось к лучшему.[188] Но этим «испытанием» была болезнь Александра, о которой было достаточно оснований беспокоиться. 10-го ноября она записала в своих записках: «Он нашел, что у меня расстроенный вид. Я ему сказала, что у меня очень голова болит.., но это мои слезы оставили следы на моем лице...»[189]

В письме Елизаветы Алексеевны ее свекрови, Марии Федоровне, написанном после кончины Александра (19-го ноября), и во втором письме к матери (от 21-го) она пишет почти теми же словами: «Пока он будет находиться здесь, я останусь здесь — когда он отправится отсюда.., я отправлюсь тоже. Я поеду с ним пока хватит сил»[190] («...quand il partira, je partirai aussi...») Эти слова считались доказательством, что Елизавета Алексеевна подразумевала в них своего живого мужа, а не его тело. Но такие предположения и домыслы сторонников легенды фантастичны и нет возможности согласовать их с имеющимися документами.

Императрица Елизавета Алексеевна покинула Таганрог 21-го апреля 1826 г. В Калуге должно было состояться свидание с императрицей Марией Федоровной, которая выехала ей навстречу, но перед самой встречей она скончалась (4-го мая в Белеве).[191]

Предчувствуя свою скорую кончину, императрица Елизавета Алексеевна завещала шкатулку с письмами и историей «нашего ангела» своей фрейлине Валуевой с приказанием уничтожить ее после ее смерти. Шкатулка была вскрыта Валуевой в присутствии императрицы Марии Федоровны и князя Александра Николаевича Голицына и затем сожжена.[192]

2. Князь Петр Михайлович Волконский.

Как письма, так и дневник князя П. М. Волконского принадлежат к важнейшим источникам для рассмотрения вопроса об Александре и Федоре Кузьмиче.

В своей работе Шильдер дает текст части дневника, относящейся к последним дням Александра Павловича.[193]

Сообщение, полученное Любимовым от графа Граббе, может относиться поэтому только к остальной части записок князя. Теща графа Граббе, внучка князя Волконского (так рассказывает Любимов) была свидетельницей следующей сцены в Зимнем дворце, где ее дед имел свои аппартаменты. Князь Петр Михайлович едва успел скончаться (1852), как государь (Николай I) пришел с визитом,

чтобы оказать почтение умершему и высказать соболезнование семье. Когда он ушел, он взял дневник князя с собой и никогда не вернул его. Великий князь Николай Михайлович искал этот дневник со специальным разрешением Николая II повсюду («во всех дворцах»), но не мог его обнаружить и сообщил об этом графу Граббе.[194]

Очень возможно, что часть дневника, относящаяся к последним дням государя, посланная с письмом Г. И. Вилламову князем Волконским (от 7-го декабря 1825 г.) «во исполнение высочайшей воли государыни императрицы Марии Федоровны», и есть единственная сохранившаяся часть, тогда как остальная часть «журнала», относящаяся к другому времени, была затеряна или уничтожена Николаем I, считавшим ее, также как и многое другое, не подходящей для сохранения.

3. Барон Иван Иванович Дибич.

Как все записки и письма о последних днях Александра I, так и письма барона Дибича (позже графа), генерал-адъютанта и начальника Главного Штаба, находившегося во время болезни и смерти государя при нем в Таганроге, являются важным доказательством смерти Александра. Шильдер дает тексты «всеподданейшего рапорта» о смерти государя и двух писем Дибича «к императору Константину» из Таганрога от 19-го ноября 1825 г.[195]

В своей статье М. Соколовский приводит выдержки из других писем Дибича. Начинается эта переписка письмом от 15-го ноября.[196]

4. Лейб-медик Яков Васильевич Виллие (Baronet James C. Wyllie), (или «Вилие» и «Wylie»).

Дневник лейб-медика Виллие, главного врача при особе государя в течении 28 лет, сопровождавшего его и в Таганрог, и в поездке по Крыму, начинается 1-го сентября 1825 г., когда Александр со своей свитой покинул Петербург, и продолжается до 29-го декабря, когда баронет Виллие, простившись с императрицей Елизаветой Алексеевной, уехал из Таганрога. Он день за днем делал свои краткие заметки.[197]

Я. В. Виллие, главный лейб-медик при императорах Павле I и Александре I, был также главным инспектором медицинской части по армии и первым президентом Императорской медико-хирургической академии. Он был очень богат. Современники говорили, что он приобрел свое богатство по большей части благодаря

исключительно высокой царской награде, полученной за исключительную услугу. Прав ли Палеолог, рассказывая, что Виллие было поручено придать благообразный вид обезображенному лицу задушенного Павла I?[198] Но можно прочесть также, что Виллие «как главный деятель подмены (похожим на Александра умершим солдатом), награжден был огромною суммою денег, на которую будто бы и выстроил клинику Виллие».[199]

5. Лейб-хирург Дмитрий Климентович Тарасов.

Воспоминания придворного хирурга Д. К. Тарасова были написаны много лет позже, в старости и вполне возможно, что он не мог помнить в точности все подробности пережитых роковых дней в Таганроге.[200] Шильдер и другие исследователи устанавливают факт, что некоторые данные (и даты) в записках Тарасова не точны.[201] Так Тарасов напр. говорит, что не подписывал протокол о вскрытии тела Александра I; однако его подпись, вместе с подписями остальных восьми врачей фигурирует на этом документе. На «Акте о кончине» — наоборот — нет его подписи; а он думал, что именно этот акт был подписан также и им.[202] Поэтому сторонники исчезновения Александра видят в этих документах подлог, а Палеолог даже приписывает Тарасову главную роль в этом обмане, считая его организатором всех хитростей, чтобы чужой труп оказался на месте выздоровевшего и скрывавшегося императора.[203]

Кудряшов[204] и Шумигорский,[205] и тот и другой противники легенды, оба упоминают ошибку Тарасова относительно его подписей, но не видят в этом обмана, а объясняют ее просто старостью автора. Как о Виллие, так и о Тарасове говорили, что он стал богат, благодаря особым царским наградам. Голомбиевский пишет об этом, что никаких особых наград он не получал, но практика дала ему некоторые средства, которые он вложил в торговые предприятия своего земляка, рязанского откупщика, богача Рюмина — это увеличило быстро и значительно его капитал.[206]

О том, что Тарасов никогда не присутствовал на панихидах по Александру I (так же, как и гр. Остен-Сакен), говорил напр. П. Россиев в 1907 г.; а Любимов слышал об этом в Париже в 30-х годах.[207] Когда Тарасов узнал о смерти Федора Кузьмича, он якобы заказал панихиду по Александру I и горячо молился за упокой души покойного государя. Когда семья его спрашивала о причине, он отвечал, что только теперь возможно и нужно молиться за душу Александра Благословенного, но что это большая тайна, которая умрет с ним. Об

этой панихиде и о последующих, которые Тарасов служил будто бы с тех пор ежегодно, рассказывал и кучер Тарасова. Несмотря на этот слух, в записках д-ра Тарасова не найти и тени намека на исчезновение Александра, а слухи об этом он называл «нелепыми» и говорил, что это «явный вздор».[208]

6. Княгиня Софья Григорьевна Волконская, супруга князя Петра Михайловича.

Кроме нам уже известного «загадочного» письма княгини Волконской (от 31-го декабря 1825 г.), Шильдер сообщает текст двух других ее писем императрице Марии Федоровне от 26-го и 29-го декабря того же года. Также ясно, как и прочие документы, эти письма говорят о кончине Александра. Она подробно описывает как с ним прощались в последний день, перед тем, как гроб был окончательно закрыт, как население толпилось вокруг катафалка;[209] но это еще ничего не доказывает. Об изменение в лице, описанном Волконской, мы уже говорили.

7. Histoire de la maladie et des derniers moments de l'Empereur Alexandre, fondée sur les informations les plus authentiques.[210]

Эта история болезни написана по-французски неизвестным лицом, находившимся в свите государя или состоявшим быть может при государыне. Эта история не соответствует истории болезни — «historia morbi» — лейб-медика Виллие. Автор упоминает Виллие и эта «Histoire de la maladie» не может быть написанной ни одним из присутствовавших врачей. Он не претендует на точность и полность всех подробностей, относящихся к «этому всеобщему бедствию» и, ограничиваясь главными фактами, говорит, что пишет он не для публики, но для себя и своих друзей и, что записи врачей — «le journal des médecins» — должен рассматриваться, как единственный официальный и законный документ о болезни императора. М. Винклер считает, что автором является статс-секретарь Н. М. Лонгинов, сопровождавший Елизавету Алексеевну в Таганрог. К сожалению проф. Винклер не поясняет свое предположение, которое впрочем вполне вероятно.[211]

Личность, написавшая эту историю болезни, принадлежала во всяком случае к кругу приближенных и имела часть своих сведений от самой государыни, разговаривала с врачами и находилась вместе

с другими, напр. с Виллие, в соседней комнате, когда Елизавета Алексеевна уговаривала мужа согласиться принимать лекарства и давать себя лечить.

Читая это описание, создается полная уверенность, что человек, который мучился и умирал в соседней комнате, был Александр I.

* * *

Как ни убедительны свидетельства, по которым великий князь Николай Михайлович будто бы пришел к уверенности, что Александр I стал Федором Кузьмичем, пока не будут обнаружены те неопровержимые доказательства, на которые он опирался, не будет и возможным опровергнуть высказывание Покровского, что «существует лишь один факт: Александр I умер в Таганроге». До того времени, по нашему мнению, надо считать Александра умершим в Таганроге в 1825 г.

Но как согласовать в таком случае пустую гробницу (если она действительно пуста) со смертью Александра в 1825 г.?

Пустую гробницу можно было бы объяснить пожеланием Александра не быть похороненным рядом со своим отцом в соборе Петропавловской крепости — желанием, известным семье.

А. Палмер предполагает другую возможность — неприязнь Александра к царской усыпальнице в соборе Петропавловской крепости и желание быть похороненным в Александро-Невской Лавре, в которой он может быть и был неофициально погребен.[212]

Во всяком случае 4-го марта 1826 г. императорская фамилия прощалась с покойным государем, как нам известно, в Царском Селе. 5-го числа в небольшой дворцовой церкви в Чесме близ Петербурга свинцовый гроб с телом был вынут из внешнего деревянного и поставлен в другой — бронзовый.[213]

Говорили, что существует безымянная могила у самой церкви на кладбище в Чесме. Одно из предположений людей, верящих в тождество императора и старца, состоит в том, что тело неизвестного, привезенное из Таганрога вместо тела Александра, было вынуто из императорского гроба и похоронено там.[214]

Но мы думаем и о другом объяснении, более сенсационном и пожалуй менее правдоподобном по сравнению с гипотезой Палмера.

Если гробница в крепости действительно пуста и Александр, не желавший быть погребенным по той или другой причине в царской усыпальнице, умер 19-го ноября 1825 г., то можно было бы объяснить этот факт тем, что *его* тело, привезенное из Таганрога, было похоронено в Чесме в безымянной могиле.

Тайна, которую императоры будто бы хранили и передавали своим наследникам, была бы в таком случае об этой безымянной могиле.

Только верхушки Чесменского дворца и небольшой церкви выглядывают теперь вблизи Московского проспекта из тесно обступивших их жилых домов огромного нового города, охватывающего как кольцо старый Петербург.[215]

Существует ли еще (может быть невидимо) безымянная могила у церковной стены или бульдозеры разрыли ее, разбросав останки или простого смертного или императора?

И Александр, сей «сфинкс неразгаданный до гроба», быть может посмеялся бы удовлетворенно, если бы мог предвидеть такое, вероятно подходящее ему, стечение обстоятельств.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кудряшов,* Константин Васильевич. Александр I и тайна Федора Кузьмича. Петербург 1923, стр. 43.

2. *Шильдер,* Н[иколай] К[арлович]. Император Александр первый. Его жизнь и царствование. 2-ое изд., С.-Петербупг, 1905. Т.4, стр. 587. Приложение 24. Из письма «надворного советника Кристина к графу А. М. Моркову от 18-го января 1826 г...»

Французский текст.

3. *Николай Михайлович,* великий князь. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича. (Исторический вестник, Т.109, июль 1907, стр. 34-36. Отдельный оттиск: С.-Петербург, 1907).

Великий князь сообщает (стр. 36), что сборник этих слухов хранился тогда (в 1907 г.) в канцелярии Военного Министерства.

4. В. кн. Николай Михайлович будто бы обратился к семье лордов Лофтусов с просьбой доступа к семейным архивам. Ответ был, что архивы пока не могут быть открыты ни для кого. В своих воспоминаниях лорд Августус Лофтус рассказывает, что в 1840 г., еще молодым человеком на дипломатической службе, он был послан к английскому посланнику в Петербург. Он пишет: «Смерть императора Александра I всегда была тайной, которая никогда не была разъяснена и которая подала повод к возникновению многих неверных рассказов, напр., что его отравили; о его самоубийстве и убийстве». Но «действительные» обстоятельства были Лофтусу рассказаны другом лейб-медика Виллие с «собственных слов» последнего. Лорд Лофтус пишет, что узнав о намерении заговорщиков убить его по дороге при возвращении из Москвы в Петербург, Александр поехал на юг и там в Таганроге умер. Надо думать, что лорд Лофтус предпочел бы обойти обстоятельства смерти Александра молчанием, если бы действительно член его семьи помог государю скрыться из Таганрога. Конечно это держалось в тайне, о которой он должен был знать. Но ему повидимому даже не было известно, что не из-за заговорщиков Александр отправился в Таганрог. Это однако было известно Виллие, который его сопровождал. (Loftus, Augustus Lord. The diplomatic reminiscences of Lord A'L'. Leipzig, 1892, Vol. I, pp. 69-70)

5. Князь В. В. Барятинский, один из самых убежденных приверженцев легенды об исчезновении Александра I, обратился к лорду Лэндсдоун, потомку посланника, но не получил никакой информации; лорд ничего об этом не знал.

В американском журнале «Time», 26-го ноября 1965 г., анонимный автор небольшой статьи, «The czar who wouldn't die», называет имя английского посланника и близкого друга Александра, будто бы помогшего ему скрыться, «Earl of Cathcart». Мы видели, что проф. князь А. П. Щербатов также упоминает лорда Каткарта в связи с этим. Sir William Schaw Cathcart (с 1814 г. Earl of C), 1755-1843,

военный советник при прусском и русском генеральных штабах во время войны против Наполеона. Его деятельность имела большое значение для поражения Наполеона. Он был уполномоченным Англии при конгрессах в Шатильоне и Вене и английским посланником в С.-Петербурге с 1814 до 1820 г. (The dictionary of national biography, Vol.3, p. 1196-1198, Oxford, London, Repr. 1921-1922. Шильдер, т.4, стр. 612).

6. *Глуховцова,* Е. Федор Кузьмич. Подвиг искупления. Шанхай 1935.

7. *Любимов,* Лев Дмитриевич. Тайна императора Александра I. Париж 1938, стр. 159.

8. Там же, стр. 159.

Мы искали сообщений об этом в нескольких больших газетах Англии этого времени; но безуспешно. О фантастических рассказах (Шильдер, т.4, стр. 490, примеч. 504).

9. *Барятинский,* В(ладимир) В(ладимирович). Царственный мистик. (Император Александр I-ый — Феодор Козьмич). (С[.-]П[етер]Б[ург] 1912).

2-ое изд. 1913.

Le mystère d'Alexandre I-er (1825-1925), Paris, 1925.

Это издание было опубликовано Русским Историко-Генеалогическим Обществом во Франции. Президент общества П. Демидов, пишет в предисловии: «C'est en 1925 que devait être attribuée la prime dépassant un million de roubles-or, à l'historien qui aurait écrit la meilleure biographie du Souverain. (Cette somme avait été constituée par le capital légué dans ce but par le fameux général Comte Aractcheeff, favori de Paul I-er et Alexandre I-er)»

Le mystère d'Alexandre I-er. Le Tsar a-t-il survécu sous le nom de Fedor Kousmitch? Paris 1929. Annexes: I. Lettre de S. A. I. le grand-duc André de Russie au prince Bariatinsky. Le 12 avril 1926. II. Extrait d'une lettre adressée au pr. Bariatinsky par le grand-duc André... (sans date).

10. *Дубасова,* А. Новые данные о смерти Александра I (Возрождение, 11 апреля 1926 г., №28). Не получив номер «Возрождения», мы даем этот текст, как он отпечатан у Крупенского (*Крупенский,* П. Н. Тайна императора, Берлин 1927 г., стр. 81-83. В примечании на стр. 81 Крупенский дает имя лорда Лофтуса, которое считает без всякого сомнения правильным).

11. У Дубасовой. Дмитрий Ерофеевич Сакен (граф Остен-Сакен).

12. *Дубасова.* (Крупенский, стр. 83-84).

13. *Существует* ли «тайна Федора Кузьмича?» Исследования С. Б. Окуня и Н. Н. Белянчикова (Вопросы истории, 1967, №1, стр. 193-195).

Эта записка хранится в личном фонде Врангеля в ЦГИА (Центральном Государственном Историческом Архиве). Она датирована 5 сентября 1912 г. и была запечатана в конверт с надписью рукой Н. Н. Врангеля: «Разрешаю вскрыть после моей смерти» Н. Н. Врангель умер в 1917 г. (По другим данным Н. Н. Врангель умер 15-го июня 1915 г.) Наследники, ознакомившись с содержанием, сочли обнародование преждевременным и поместили ее во второй конверт, на котором написали, что просят вскрыть «в следующее после императора Николая II царствование». Оказавшийся в рукописном отделе Библиотеки Академии Наук СССР конверт был распечатан в 1935 г.

14. Записал ли в. кн. Николай Михайлович где-нибудь этот инцидент, мы не могли установить, а С. Б. Окунь дает эту цитату без комментария.

15. *Paléologue,* Maurice. Alexandre I-er, un tsar énigmatique, Paris, 1937, p. 302.

16. *Gribble,* Francis. Emperor and mystic. ...New York 1931, p. 188.

17. *Толстой,* Лев Николаевич. Посмертные записки старца Федора Кузьмича (Собрание сочинений, Т.14, Повести и рассказы 1903-1910 гг.), Москва, 1964, стр. 393-413.

18. *Шумигорский,* Е. С. Из записной книжки историка. ...(Исторический вестник, Т.136, Апрель-Июнь 1914 г., стр. 289-290).

19. *Николай Михайлович,* в. кн. Легенда, стр. 25. Письмо из Таганрога.

Соколовский, Михаил. Последние дни императора Александра I. (Письма Дибича). Исторический вестник, Т.109, Июль-сент, 1907 г., стр. 167-168, 170).

Во время поездки по Крыму Александр I впервые сделал замечание о нездоровом климате Крыма, заметив болезненный вид солдат Крымского пехотного полка, «что впоследствии часто изволил повторять», пишет барон Дибич, начальник главного штаба, в письме от 7-го декабря 1825 г.

20. *Волконский,* П(етр) М(ихайлович) князь. Собственный журнал генерал-адъютанта князя Волконского... 5-го ноября 1825 г. Дневник озаглавлен на стр. 561 «Собственноручным журналом»; тут отпечатано письмо кн. Волконского Г. И. Вилламову, сопровождавшее журнал, посланное для императрицы Марии Федоровны; на стр. 563, где начинается сам дневник, сказано «Собственный журнал».

(Шильдер, т.4, стр. 563. Приложение 16, 2).

21. Т.к. во «дворце», небольшом одноэтажном доме в 12 сравнительно маленьких комнат (Данилов, И. Г. Дворец в Таганроге. Примечание к: Виллие, Я. В. Дневник. Русская старина, 1892, стр. 79-80), было мало места, почти вся свита, кроме прислуги, была размещена в других домах. «Государь жил как частный человек, без этикета...» — это было вероятно то, чего он желал (Голицын, Николай Сергеевич. Рассказы об императорах Павле I и Александре I. Русская старина, Т.29, 1880, стр. 842, i.e. 742. По рассказам Павла Алексеевича Тучкова).

Факт, что дворец в Таганроге находился очень близко от моря, мог облегчить «уход». (Baedeker; 1914).

22. *Шильдер,* т.4, стр. 390-392. «Доктора признавались, что они не могли хорошо... произвести бальзамирование, по неимению достаточного количества спирта в который должно бы погрузить все тело на несколько суток; к тому же я думаю, что они были непривычны к этому делу», пишет Н. И. Шёниг, офицер Генерального Штаба, в своих воспоминаниях, как очевидец. (Шёниг, Николай Игнатьевич. Воспоминания. Русский архив. Год 18-ый, 1880, кн. 3, 2, стр. 267-326).

23. По приказу Николая I Виллие осмотрел тело в Бабине перед приездом в Царское Село, 26-го февраля 1826 г.

(Шильдер, т.4, стр. 437-438).

24. Тарасов «уверил» кн. Голицына 1-го марта 1826 г. в Царском Селе, «что тело в совершенном порядке, так что гроб мог бы быть открыт даже для всех».

(Шильдер, т.4, стр. 438).

25. В письме Г. И. Вилламову от 7-го декабря 1825 г.

(Шильдер, т.4, стр. 441-442; также на стр. 562, в прилож. 16, 1).

26. Из письма кн. С. Гр. Волконской императрице Марии Федоровне от 26-го декабря 1825 г. Французский текст.

(Шильдер, т.4, стр. 583-584. Приложение 23).

27. *Тарасов,* Дмитрий Климентович. Воспоминания моей жизни. (Русская старина, 1871-1872).

(Шильдер, т.4, стр. 435).

28. *Николай Михайлович,* в. кн. Легенда, стр. 32

29. *Gerlach,* (Ludwig Friedrich) Leopold von. Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs, Berlin 1891, Bd I, S. 20.

30. *Николай Михайлович,* в. кн. Легенда, стр. 32-33.

31. *Тарасов.*

(Шильдер, т.4, стр. 439-440).

32. *Paléologue, p. 298.*

В печатных источниках доступных нам мы не встречали упоминания этого посещения Марии Федоровны в Бабине. Она действительно выехала навстречу процессии до Тосны, на полпути между Петербургом и Бабиным.
(Шильдер, т.4, стр. 437).

33. Три письма княгини Волконской императрице Марии Федоровне были получены, надо думать, гораздо раньше. Они были написаны 26-го, 29-го и 31-го декабря из Таганрога, тело же находилось в Бабине 26-го февраля 1826 г., судя по записке Виллие об осмотре тела. Письма из Таганрога доставлялись вероятно курьерами («экстренной почтой»). Известие о кончине Александра I, отосланное в тот же день (19-го ноября), прибыло в Петербург 27-го ноября. Это было, должно быть, самым скорым сроком доставки, но думается, что письма адресованные императрице Марии Федоровне, также считались достаточно важными и не могли быть в пути два месяца.
(Французский текст этих писем: Шильдер, т.4, стр. 582-586. Приложение 23).

34. *Шильдер,* т.4, стр. 372.

Николай Михайлович, в. кн. Легенда, стр. 28-30.
Эта сцена описана также у Мережковского:

Мережковский, Дмитрий Сергеевич. Александр первый. Изд. 3-е, т.2, С.-Петербург, 1913, стр. 168. Изд. Нью-Йорк, 1955 г., появилось под заглавием: Александр I и декабристы.

35. А. Д. Соломка, ген.-вагенмейстер, пользовавшийся большим доверием Александра, называвшего его в шутку «своей золотой соломкой», написал после кончины государя в одном письме: «...В последние годы своей жизни он превосходил самого себя в благотворительности, сам изыскивая случаи, чтобы помогать...» (Шильдер, т.4, стр. 576. Прилож. 20).

Пишет об этом и князь Николай Сергеевич Голицын со слов Павла Алексеевича Тучкова, офицера гвардейского генерального штаба, бывшего в свите государя в Таганроге: «Во время пребывания государя в Таганроге, он ежедневно прогуливался пешком и редко прогулки его не были ознаменованы какой-нибудь помощью бедному семейству, отысканному им самим; или каким-нибудь благодеянием другого рода».
(Голицын, Рассказы, стр. 741).

36. О копии акта в архиве Русского Историко-Генеалогического Общества, в письмах проф. Ковалевского автору этой работы (Е. Л.) от 20.1.1973 и 20.2.1974.

37. *Николай Михайлович,* в. кн. Легенда, стр. 30.

38. *Голомбиевский,* А. А. Легенда и история. (Русский архив, 1908, стр. 453: «Рассказывают... со слов проф. И. Т. Тарасова, племянника хирурга, что будто бы ...Д. К. Тарасов упоминал о сходстве Маскова с Александром; в своих воспоминаниях, подробно описывая смерть Маскова... Тарасов ничего не говорит об этом сходстве»). Также и проф. Тарасов в разговоре с Голомбиевским в 1907 г. об этом сходстве не говорил.

П. Россиев упоминает об этом сходстве. Вспоминая о Маскове, д-р Тарасов якобы говорил, «что вот... сходство Маскова с Александром I послужило поводом к легенде, по которой хоронили ...не Александра, а Маскова...» (Россиев, Павел. Живучая легенда. Исторический вестник, Т.109, 1907, стр. 687).

39. Как мы увидим, багрово-сизо-красные пятна на теле покойного могли иметь вполне естественное и простое объяснение.

40. *Любимов,* Тайна императора, стр. 149.

В. кн. Николай Михайлович пишет о солдате, имевшем якобы «большое сходство с Александром Павловичем... На это обстоятельство положительно не

имеется никаких указаний». (Николай Михайлович, в. кн. Легенда, стр. 30).

41. *Толстой,* Л. Н. Посмертные записки, стр. 397-398.

42. 3-ий, 5-ый и 6-ой пункты относятся к смежным вопросам.

43. В дневнике князя Волконского 15 ноября 1825 г. записано: «Начали с пиявок... Прикладывали синапизмы» (senapismes — горчичники). (Шильдер, т.4, стр. 567).

В «Histoire de la maladie» говорится о «visicatoire» (т.е. vesicatoire — нарывном пластыре), а также о горчичниках.
(Шильдер, т.4, стр. 570. Прилож. 17).

44. *Существует* ли «тайна...»? стр. 194.

Из примечания 10 в статье Окуня (стр. 194) можно предположить, что и оригинал, записанный рукой Егора Лаврентьева, хранившийся у Андрея Балинского, находится теперь в ЦГИА, в фонде Врангеля, д. 6, лл. 4-5.

45. Напр. награду в 10 тысяч рублей, что более вероятно. 40 тысяч могли быть наградой для четырех солдат.

46. *Барятинский,* (французское изд.) 1929, стр. 164-166.

47. *Дубасова,* (по Крупенскому, стр. 78-80).

48. *Любимов,* Лев Дмитриевич. Тайна старца Федора Кузьмича. (Вопросы истории, 1966, №1, стр. 214). Также, в его произведении «Тайна императора...»

В своей статье он ссылается в примеч. 12 (стр. 214) на обнаруженную записку Врангеля.

49. *Paléologue,* p. 303 (Саркофаги обозначают только места, под которыми покоются останки).

50. Там же, p. 303.

51. *Любимов,* Тайна старца, стр. 214.

52. *Кони,* Анатолий Федорович. На жизненном пути. Т.1-5, С.-Петербург (Ленинград), 1912-1929.

53. Н. Н. Белянчиков замечает, что сообщение А. И. Шуваловой «является фантазией еще потому, что ключи Петропавловского собора хранились всегда, как это и полагается по церковным правилам, только у духовенства собора, а не у частных лиц, хотя бы это и был сам министр двора». Надо заметить, что собор Петропавловской крепости является в то же время и усыпальницей династии Романовых; кроме того министр двора не может считаться «частным лицом» (Существует ли «тайна»? стр. 198-199).

54. *Любимов,* Тайна старца, стр. 215.

55. *Любимов,* Тайна императора, стр. 203.

56. *Покровский,* Михаил Николаевич. Избранные произведения. Кн. 2, Русская история с древнейших времен. Т.3, Москва, 1965, стр. 254. Примечание.

Из раздосадованного ответа — «Ну пуста!», можно тоже заключить, что гробница действительно была пуста.

57. *Любимов,* Тайна старца, стр. 215.

Там же (в примечании 13) Любимов предлагает вскрыть и могилу старца в Томске. Но при постройке часовни над могилой Федора Кузьмича (10-го июля 1903 г.) крышка гроба была повреждена. При этом был обнаружен «остов старца... Волосы и борода сохранились в целости...» (Таинственный старец Федор Козьмич в Сибири и император Александр I. Харьков, 1912. Томский кружок почитателей старца Федора Козьмича, стр. 74). Белянчиков упоминает этот факт и цитирует из названной публикации. Не исключено, что даже спустя 39 лет после смерти волосы погребенного, а также и борода, могут быть в сохранности — это зависит от качества почвы.

58. В письме, написанном графу Виктору Павловичу Кочубею 10-го мая 1796 г.

(полгода до смерти Екатерины Великой).
Корф, Модест Андреевич. Восшествие на престол императора Николая I. 3-е изд. (первое для публики). Санкт-Петербург, 1857.

(Оригинал письма на французском языке, стр. 3-6. Русский перевод, стр. 227-230. Оригинал также: Шильдер, т.1, стр. 276-278. Приложение 11).

59. В письме от 21-го февраля 1796 г.: «Je cède volontiers mon rang pour une ferme à côté de la vôtre, mon cher ami...». Пушкин записал 21-го мая 1834 г. в дневнике, что Лагарп «показывал письма молодого великого князя (Александра)... Он писал однажды Лагарпу, что дав свободу и конституцию земле своей, он отречется от трона и удалится в Америку».
(Пушкин, А. С. Сочинения. С.-Петербург, Изд. А. С. Суворина, 1903, Т.5, стр. 653).

60. *Шильдер,* т.4, стр. 498, прилож. 5: «Отрывок из собственноручных записок великой княгини Александры Федоровны» (Текст французского оригинала). Русский перевод: Николай Михайлович, в. кн. Легенда, стр. 34.

61. *Николай Михайлович,* в. кн. Легенда, стр. 34.

Запись в оригинале Александры Федоровны, урожденной прусской принцессы: «Gewiss werde ich beim Anblick des Volkes denken wie der selige Kaiser einst sagte, als er von seiner Abdankung sprach: et comme je me rejouiroi quand je vous verrai passer et que moi dans la foule je vous crierai hourrah, en remuant mon bonnet dans les airs'.»

62. *Шильдер,* т.4 стр. 350.

63. *Шильдер,* т.4, стр. 370.

Князь Мещерский записал 27-го февраля 1826 г. в свой дневник, что Волконский считает, что государь не только хотел отречься, но и уйти в монастырь. (*Winkler,* Martin. Zarenlegende. Alexander I. von Russland, 2. Aufl. München 1948, S. 133).

64. *Dubois de Montpéreux,* Frédéric. Voyage autour du Caucase. Paris 1843, T.6, p. 66-70: Orianda (Теперь — Ореанда).

65. *Толстой,* Л. Н. Посмертные записки, стр. 397-398.

66. *Шумигорский,* стр. 285.

67. *Существует* ли «тайна...»? стр. 196.

68. *Герцен,* Александр Иванович. Император Александр I и В. Н. Каразин. Сочинения. Oeuvres d'Alexandre Herzen, 10, Былое и думы, 1867-1868. Разные статьи, стр. 135-142, Genève, Bâle, Lyon, 1879.

69. *Фирсов,* Н. Н. Император Александр I и его душевная драма. Историко-психологический этюд. С.-Петербург, Москва 1910. (Свободное знание. Собрание общедоступных очерков, статей и лекций русских ученых, стр. 9).

70. *Шильдер,* т.4, стр. 321-322.

71. *Николай Михайлович,* великий князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования. С.-Петербург 1912, Т.1, стр. 9-10.

72. *Николай Михайлович,* в. кн. там же, стр. 7.

«Récit verbal du comte Pahlen à Langeron: '...Mais je dois à la vérité de dire que le grand-duc Alexandre ne consentit à rien avant d'exiger de moi la parole la plus sacrée que l'on attenterait point aux jours de son père; je la donnai...'» (Comte Louis Alexandre Andrault de Langeron, 1763-1831, генерал, французский эмигрант на русской службе, управлял позже Новороссийским краем. Отрывок из его мемуаров: «Mémoire sur la mort de Paul I,11 Mars 1801. Paris, Archives des Affaires étrangères de France — Russie 21»). Цитировано: Шильдер, т.2, стр. 265. Примеч. 2.

73. *Николай Михайлович,* в. кн. Там же, стр. 10.

74. Там же, стр. 10. Примечание.

Очевидец первого выхода нового государя в Зимнем дворце 12-го марта 1801 г., Яков Иванович де-Санглен, описывает этот выход следующим образом: «Новый

император шел медленно, колени его подгибались, волосы... были распущены, глаза заплаканы; ...вся поступь его, осанка изображали человека растерзанного неожиданным ударом рока. Казалось, он выражал на своем лице: они все воспользовались моею молодостью, неопытностью; я был обманут, не знал, что, исторгая скипетр из рук самодержца, я неминуемо подвергал жизнь его опасности».

Санглен, Яков Иванович де-, 1776-1864. Записки не для современников, 4 части. Русская старина, 1882, т.36, №12. 1883, т.37, №1-3).
Первоначальное французское имя автора, как видно из предисловия (в немецком изд.) было de Saint-Glin. Отец автора, бежавший до Революции после дуэли из Франции, не употреблял больше первоначальную форму своего имени. Я. И. де-Санглен был директором канцелярии полиции.

75. *Шумигорский,* стр. 290.

Мы не думаем, что Александр с легким сердцем утвердился в этом «мнении» и не можем предположить, что он в глубине души считал, как Фридрих Великий, что «Государственные перевороты не преступления; и что приносит славу — велико. Нельзя иметь узкую совесть, когда правишь миром»; хотя и поступал вероятно не раз против своей совести. Палеолог употребил слова Фридриха Великого, как эпиграф к своей книге об Александре I.

76. *Ключевский,* В. О. Курс русской истории. Переиздание. Часть 5, стр. 263, Москва 1937.

77. *Военский,* К. А. Император Александр I, князь Меттерних и Священный Союз. С.-Петербург 1914 (Из журнала Министерства Народного Просвещения за 1914 г., стр. 14-16).

78. *Николай Михайлович,* великий князь. Донесения австрийского посланника при русском дворе, Лебцельтерна, за 1816-1826 годы.

— Grand-Duc Nicolas Mikhailowitch. Les rapports diplomatiques de Lebzeltern, ministre d'Autriche à la cour de Russie. С.-Петербург, 1913, стр. 190. (Русский перевод с французского по Военскому). Несмотря на полное разочарование Александра в Священном Союзе, эта «идиллия», как его называет Ключевский, «остается знаменательным, как первый русский проект европейской организации, хотя он в руках Меттерниха стал орудием реставрации» — так замечает немецкий историк нашего времени Werner Philipp. (Philipp, Werner. Russlands Aufstieg zur Weltmacht, 1815-1917. Historia mundi. Bern, München, Bd 10, 1961, S. 186).

79. *Шумигорский,* стр. 289-191.

80. *Герцен,* стр. 143-144.

Василий Назарович Каразин, 1773-1842, написал Александру I при его восшествии на престол письмо, полное идей преобразования, бескорыстной преданности и любви к России. Он стал инициатором Министерства народного просвещения, его усилием был основан харьковский университет. В первые годы правления Александра он был одним из лиц, пользующимся наибольшим доверием; Александр поручал ему разработку многих своих планов на благо России, но интриги и его собственный «неистовый» характер были виной его падения.

81. *Ключевский,* Ч.5, стр. 297.

82. Там же, стр. 322-324. В разговоре с французским посланником при русском дворе, La Ferronée, Александр сказал: «Я люблю конституционные учреждения и думаю, что всякий порядочный человек должен любить их; но можно ли вводить их безразлично у всех народов? Не все народы готовы в равной степени к их принятию».
(Шильдер, т.4, стр. 194).

83. *Виллие,* Я(ков) В(асильевич). Дневник лейб-медика баронета Я. В. В. 1825 г. Перевод с франц. (Русская старина, Т.73, Янв. 1892, стр. 76).

84. *Николай Михайлович,* великий князь. Некоторые соображения по поводу письма от 31-го декабря 1825 г. из Таганрога княгини Софьи Григорьевны Волконской императрице Марии Федоровне. (Исторический вестник, Т. 136, Май 1914 г., стр. 667-676). Уже с 1820 г. Александр знал о неудовольствиях в населении — Каразин, чувствуя обязанность говорить правду, несмотря на немилость, предостерегал его. После доклада генерал-адъютанта Васильчикова в мае 1821 г. о все возрастающей деятельности тайных обществ, Александр произнес свои, ставшие знаменитыми слова: «Ce n'est pas à moi de sévir» («Не мне карать»). После кончины государя обстоятельная записка 1821 г. ген.-адъютанта Бенкендорфа о тайных обществах была найдена «без всяких пометок» в его кабинете в Царском Селе (Шильдер, т.4, стр. 203-204). Окунь, не верящий в искренность Александра, говорит: «Слова царя «не мне карать», если они даже были произнесены — очередное фарисейство... Александр карал, карал жестоко, но с хитростью... ...В связи с упомянутым доносом была создана специальная военная полиция, закрыты масонские ложи, а лица, отмеченные в доносе, как особо опасные, удалены из армии» (Существует ли «тайна...»?, стр. 195-196). Фон Герлах пишет, что это Меттерних убедил Александра принять меры против масонов. Перед тем он всегда говорил: «оставьте масонов, они хорошие люди». (Gerlach, Bd. I, S. 17). Бóльшее влияние оказал в этом отношении должно быть архимандрит Фотий.

85. В. Г. не согласен с мнением Николая Михайловича, т.к. после 14-го декабря (когда кн. Волконская писала свое письмо) «все нити заговора.. находились в Петербурге, а не в Таганроге; все... обстоятельства могли быть хорошо извсстны вдовствующей государыне» (В. Г. По поводу легенды об императоре Александре I. Исторический вестник, Т.137, Сент. 1914, стр. 860, примеч.). Но княгиня Волконская осведомляла императрицу о том, что происходило в «прекрасной» душе государя перед кончиной, возможно в связи с заговором.

86. *Шильдер,* т.4, стр. 408-410.

В National Archives в Вашингтоне мы нашли сообщение посланника Соединенных Штатов в Петербурге (№ 55) от 30-го января 1826 г., что Александра I «держали как будто в постоянном состоянии тревоги известиями о заговорах carbonaro за границей...» и «говорят, что было намерение заговорщиков не допустить его возвращения в резиденцию».

(National Archives Microfilm publications. Record Group 59. General records of the Department of State. Diplomatic dispatches, Russia. Microcopy 35. Dispatches from United States Ministers to Russia, 1808-1906. Roll 10. Vol. 10. March 18, 1823 — May 14, 1826. Henry Middleton, Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary. 53-55).

В письмах под номерами 53 и 54 также есть сообщения, относящиеся к событиям 14-го декабря.

Надо думать, что слова Александра, сказанные им Виллие во время болезни, даже может быть в бреду, тоже относились к слухам о намерении заговорщиков убить его и всю царскую семью: «Друг мой, какое дело, какое ужасное дело». (Шильдер, т.4, стр. 484, примеч. 421).

Меттерних пишет об этом 25-го января 1826 г.: «Si l'Empereur Alexandre eût vécu, la même chose serait arrivée, et lui et la famille impériale eussent été massacrés." (Metternich, p. 271).

План заговорщиков убить Александра описывает в своем романе «Александр I». Мережковский.

87. *Ключевский,* ч.5, стр. 325.

88. *Шильдер,* т.4, стр. 278-179.

89. Там же, стр. 279-282.

90. Там же, стр. 398.

91. *Корф,* Модест Андреевич, барон. Восшествие на престол императора Николая I. 3-е изд. (первое для публики). Санкт-Петербург, 1857, стр. 51-52.

Это произведение написано по инициативе наследника, будущего Александра II, исправлено собственноручно Николаем I и напечатано два раза лишь в 25-ти экземплярах для царской семьи и немногих приближенных.

92. *Ключевский,* ч.5, стр. 324.

93. *Шильдер,* т.4, стр. 350.

В. кн. Николай Михайлович предполагал, что надписи на конвертах с манифестом и копиями имели лишь чисто предупредительный характер; считал, что они не выявляли намерения Александра отречься от престола, и что он в сущности не думал о возможности своей скорой смерти (Николай Михайлович, в. кн., Император Александр I, стр. 326). Но Шильдер смотрит на это иначе: «...в 1823 г. император Александр, томимый предчувствиями близкой кончины, пожелал облечь силою закона семейное распоряжение, условленное им с цесаревичем» (Шильдер, т.4, стр. 279). За то, что Александр действительно предчувствовал свою скорую смерть или по крайней мере готовился к ней, говорят и слова, сказанные новой императрицей Александрой Федоровной фон Герлаху, бывшему, как мы уже упоминали, в свите принца Вильгельма Прусского, ее брата, что «последние годы императора Александра были постоянным приготовлением к смерти» (Gerlach, Bd. I, S. 8).

После болезни (рожистого воспаления на ноге) в 1824 г., он сказал Васильчикову, что «дешево отделался от нее, ...но в сущности,.. не был бы недоволен сбросить... бремя короны, страшно тяготящей его» — желание освободиться от этого бремени, даже смертью. (Шильдер, т.4, стр. 311).

По словам Виллие, как их передает лорд Лофтус (Loftus, Vol. I, p. 70), Александр желал смерти. За то же говорят и его нежелание применять суровые меры, и его слова: «У меня свои причины» (Виллие, стр. 77).

94. *Барятинский,* Царственный мистик, стр. 10.

95. *Шумигорский,* стр. 286.

96. *Николай Михайлович,* великий князь. Некоторые новые материалы к вопросу о кончине императора Александра I (Исторический вестник, Т.135, Март 1914, стр. 867).

97. *Шумигорский,* стр. 287.

98. *Николай Михайлович,* в. кн. Александр I. Т.1, стр. 325.

99. *Шумигорский,* стр. 287.

100. *Невелев,* Г(еннадий) А(брамович). 14 декабря 1825 года. Официальная версия и Западная Европа.
(Вопросы истории, 1975, №12, стр. 94, 95, 97).

101. *Metternich,* (Klemens Wenzel Nepomuk Lothar), prince de. Mémoires, documents et écrits divers... Tome 4, Paris, 1881, p. 270: Dépêche 792, p. 271: Dépêche 793, p. 308: Dépêche 830, p. 310: Dépêche 831.

102. *Любимов,* Тайна императора, стр. 164-165.

Рассказывали также, что приехал великий князь Михаил Павлович, очень взволнованный, даже взбешенный, и успокоившийся только после долгого разговора с Федором Кузьмичем.

103. *Мельницкий,* Михаил Феодорович. Старец Феодор Кузьмич в 1836-1864 гг. (Русская старина, т.73, Январь 1892 г., С.-Петербург. Стр. 81-108).

104. *Голицын,* Н(иколай) С(ергеевич), князь. Рассказы об императорах Павле I и Александре I. Народная легенда об Александре-отшельнике (Русская старина, Т. 29, ноябрь 1880, стр. 842, i.e. 742-744).

105. *Долгорукой,* В. Отшельник Александр (Феодор) в Сибири. (Русская старина, т.56, октябрь 1887, стр. 217-220). О портрете, приложенном к этой статье,

появившемся впервые, Мельницкий пишет (стр. 82 и 83, примечание), что портрет, где старец изображен во весь рост, был нарисован художником по портрету лежащего в гробу старца, причем он «впоследствии уже воспроизвел его во весь рост, руководствуясь при том портретом императора Александра I». К статье Мельницкого приложен портрет старца в гробу. Николай Михайлович говорит о «фотографической карточке старца», привезенной Хромовым в Петербург (Легенда, стр. 6), но из слов Мельницкого (стр. 82) следует, что снимки были сделаны по рисункам. Кроме того совершенно ясно видно, что известный портрет старца был воспроизведен по рисунку.

106. (И. С. — *Смирнов* И.) Отшельник Феодор. Заметка. (Русская старина, Т.56, ноябрь 1887, стр. 529-530).

Напрашивается мысль, что старец посмеивался над своими посетителями.

107. *Русские* деятели в портретах, изданных редакциею исторического журнала «Русская старина», 3-е собрание, С.-Петербург, 1889, стр. 123-127 — Отшельник Федор.

На гравюрах помечено «Альбом гравюр русских деятелей». В «Русской старине», т.73, январь 1892, стр. 81 (в примеч. от ред. к статье Мельницкого) неточная цитата: «Альбом портретов достопамятных русских людей». Как курьез приводим следующую ошибку, происшедшую должно быть из-за неразборчивого почерка анонимного автора (т.е. вероятно епископа Петра). На стр. 125 в тексте «Русские деятели» мы читаем: «Сначала старца принял к себе И. И. Пропитанный из каторжных...»; а у епископа Петра (стр. 234) сказано: «Сначала принял старца к себе приписанный Иван Иванов из каторжных...» («Приписанный», т.е. поселенец).

108. *Петр,* Епископ. Сибирский старец Федор Кузьмич (Русская старина, Октябрь 1891, стр. 233-240).

По этой статье очевидно, что автор сам не знал старца и не идентичен с его духовником о. Петром Поповым, бывшем впоследствии красноярским епископом, приняв имя Павла.

109. *Захаров,* Елисей Захарович. Сказание о жизни и подвигах старца Феодора Кузьмича, С.-Петербург 1891.

Ошибка, перенятая из альбома «Русские деятели», на стр. 5: «Сначала старца принял к себе И. И. Пропитанный», исправлена во 2-ом изд. 1892 на стр. 10: «...поселенец Иван Иванов».

(*Захаров,* Елисей Захарович. Сказание о жизни и подвигах великого раба Божия, старца Феодора Кузьмича, изд. 2-е, С.-Петербург, 1892).

В этом издании имя Захарова не упомянуто; автор ссылается на статью Мельницкого, появившуюся также в январе 1892 г. (на стр.8-9 он цитирует рассказ о появлении Федора Кузьмича). Изд. 3-е. С.-Петербург, Москва, 1894.

110. *Мельницкий,* стр. 85-86.

111. *Кузнецов-Красноярский,* И. П. Старец Федор Кузьмич. (Исторический вестник, Т. 60, Май 1895, стр. 550-554).

Автор упоминает рукопись «Сведения, забранные о старце Феодоре» (стр. 552), которая «по своему официальному тону, по всей вероятности, есть не что иное, как показания, полученные от местных жителей по требованию земской полиции». Ссылается он также на «Записки» Хромова, копию которых он имел.

112. *Кузовников,* Р. Кто был старец Федор Козьмич (Исторический вестник, Т. 61, Июль 1895, стр. 245-246). Цитируется также под заглавием: Архив Тюменского приказа о ссыльных (Справка).

113. *Курдюмов,* М. (псевд. — Мария Александровна Каллаш). По поводу «Александровской легенды». (Возрождение, №433, 9-го августа 1926 г.).

114. *М. К-ъ* Поездка к старцу Федору Кузьмичу. (Последние новости, №4540, 27-го августа 1933).

115. Константин Грюнвальд пишет в своей книге (Grunwald, Constantin de. Alexandre I, le Tsar mystique. Paris, 1955, p. 329), что «русская писательница, превосходная журналистка Mme Каллаш (недавно скончавшаяся в Париже) опубликовала в 1933 г. рассказ о своем посещении Томска». Сцену с восклицанием — «Ваше величество!» Грюнвальд не упоминает. Надо ли считать, что обе статьи написаны одним и тем же лицом, т.е. Марией Александровной Каллаш? Оба автора разговаривали с теми же людьми, упоминают те же факты, но Каллаш была в Томске в 1915 г., а М. К-ъ в 1916 г. Они расходятся в мнениях относительно интеллигенции. Самый убедительный аргумент против идентичности М. Каллаш и М. К-ъ, отсутствие драматичной сцены с восклицанием: «Ваше величество!». Не исключено конечно, что Каллаш, ограничась упоминанием в своей первой статье о. Варфоломея, открывшего тайну Федора Кузьмича, решила описать сенсационную сцену во второй. Несоответствие года может быть просто ошибкой.

116. *Николай Михайлович,* в. кн. Легенда, стр. 8.

Великий князь говорит тут о «весьма интересном» докладе Лашкова. «О всех сказаниях, толках, рассказах, анекдотах о старце Федоре Козьмиче», слышанных им во время его путешествия и ссылается на «подробное донесение Лашкова», которого нам однако не удалось обнаружить. Рассматривая критически собранный Лашковым материал: «Что достоверно? Что нужно отбросить в область легенд?» (там же), великий князь мог прийти к заключению, что слишком многое относилось к недостоверным толкам и отказался может быть из-за этого от издания всего отчета (вероятно) к удивлению Лашкова, вернувшегося из Томска убежденным в тождестве императора и старца). Крупенский пишет об этом (стр.90-91): «Когда вышел труд великого князя Николая Михайловича о старце Феодоре Козьмиче, то мы в удивлении задавали Лашкову вопрос, как могло случиться, что Николай Михайлович опровергает легенду? — На это Лашков только разводил руками. У нас же составилось убеждение, что так было приказано свыше».

117. *Захаров,* 2-ое изд., стр. 35-36.

При этом посещении о. Рафаила (по рассказу Вознесенского) ничего драматического не случилось. Мельницкий называет еще нескольких духовных лиц, у которых якобы исповедовался Федор Кузьмич.
(Мельницкий, стр. 90, Отец Петр Попов, впоследствии красноярский епископ Павел, умерший в 1880 г.; стр. 104, иерей Н. Созунов; стр. 104-105, иеромонах Герман).

118. *Русский* биографический словарь, Т. 1, 1895, стр. 141-384.
Шильдер, Н. К. Александр I.

119. *Шильдер,* т.4, стр. 448.

120. *Николай Михайлович,* в. кн. Легенда, стр. 7

121. *Любимов,* Тайна императора, стр. 127.

122. Там же, стр. 126.

123. Там же, стр. 149.

124. *Крупенский,* П. Н. Тайна императора. (Александр I и Федор Козьмич, Берлин 1927, стр. 11).

125. Там же, стр. 12.

126. *Русский* биографический словарь, Т.25, 1913, стр. 303.

За неимением списка сотрудников этого словаря, можно только предположить, что за инициалами «А. Г.» скрывается А. А. Голомбиевский, опубликовавший между прочим статью «Легенда и история» (по этому вопросу) в «Русском архиве»

1908 г., №3. Мы не считаем, как автор, что Шильдер «прозрачно намекает на допустимость легенды»; мы лишь предполагаем, что Шильдеру хотелось, чтобы легенда оказалась правдой.

127. *Барятинский,* В. В. кн. «Еще о царственном мистике» (Исторический вестник, Т. 136, Апрель-Июнь 1914, стр. 584. Примечание).

128. *Paléologue,* p. 301-302.

129. *Красный* архив, 1931, Кн. 6, стр. 49.

130. *В. Г.* По поводу легенды об императоре Александре I. — *Николай Михайлович,* в. кн. По тому же вопросу (Ответ г. В. Г.). Исторический вестник, Т.137, Сент. 1914, стр. 856-870, 871-872.

131. В письме автору этой работы (Е. Л.) от 20-го января 1973 г.

132. *Любимов,* Тайна старца, стр. 211. Также в его произведении «Тайна императора».

133. Там же, стр. 211.

134. *Существует* ли..? стр. 192.

135. *Любимов,* Тайна старца, стр. 211-212.

Выдержки из неопубликованных воспоминаний Н. А. Княжевича. О гипотезе перехода Александра I в католичество, разработанной о. П. Прилингом, пишет Шумигорский (стр. 688-689). Было ли это тайной, которую он хотел сообщить грядущим поколениям через сто лет после своей кончины?

136. *Существует ли..?* стр. 192.

137. *Чулошников,* А. Л. Н. Толстой и Н. М. Романов, стр. 232-235. Николай Михайлович, в. кн. Мои свидания осенью 1901 г. в Крыму с графом Л. Н. Толстым, стр. 235-239. Переписка Л. Н. Толстого и вел. кн. Николая Михайловича (Красный архив, Т.2, 1927).

138. *Толстой,* Лев Николаевич, Полное собрание сочинений, Т.77, Москва, 1956, стр. 185, письмо №214.

139. *Sementowski-Kurilo,* Nikolai. Alexander I. Rausch und Einkehr einer Seele. Zürich (1939).

Sementowsky-Kurilo, Nikolaus. Alexander I von Russland. Napoleons Gegenspieler um Europas Schicksal (Frankfurt, 1967, Studienausgabe).

Мы видели, что в. кн. Николай Михайлович считает, что характер Александра I не соответствует такому превращению. Г. Василич отвергает возможность такого превращения и видит в Александре, а также (независимо от него) и в Федоре Кузьмиче душевных больных. (Василич, Г. Император Александр I и старец Феодор Кузьмич, Москва 1910).

140. *Русский* биографический словарь, Т.25, 1913, стр. 302.

141. *Гусев,* Николай Николаевич. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. Молодой Толстой (1928-1962), Москва, 1927.

142. *Бирюков,* Павел Иванович. Лев Николаевич Толстой. Биография. Составил П. Бирюков по неизданным материалам (Воспоминания и письма Л. Н. Толстого); 4 тома, Москва, 1906-1923.

143. *Русское* богатство, 2-го февраля 1912 г.

(Здесь появились впервые «Посмертные записки...»). «Первое упоминание о жизни Федора Кузьмича, как о сюжете возможной повести, встречается в записной книжке Толстого в марте 1890 г.» (Любимов, Тайна старца, стр. 211).

144. В своей, приведенной нами, статье «Александр I и В. Н. Каразин» Герцен говорит о «роковой стихии», господствующей над жизнью лиц, рожденных в «этой среде», т.е. в царской семье.

145. *Любимов,* Тайна старца, стр. 210-211.

Суд оправдал Короленко: запрет номера «Русского богатства» с «Посмертными записками...» был отменен.

146. *Любимов,* Тайна императора, стр. 186.

147. *Болотов,* А. В. Святые и грешники, Париж, 1924.

Приведено по следующему произведению: Крупенский, стр. 63.

148. *Любимов,* Тайна императора, стр. 182-183.

149. Не исключено, что эти документы (вместе с другими) могли быть уничтожены во время Революции или блокады Ленинграда. Если же нет — доступны ли они?

150. *Крупенский,* стр. 67.

151. *Торжество* по случаю посещения 5 и 6 июля 1891 г. Томска Е. И. В. Наследником цесаревичем Николаем Александровичем (Томские епархиальные ведомости, Томск, 1891, №№14, 15).

152. *Ухтомский,* Эспер Эсперович, князь. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича (С.-Петербург, Лейпциг, 1893-1897, 3 тома).

153. *Николай Михайлович,* в. кн. Легенда, стр. 9.

154. Там же, стр. 9-10.

Снимок внешнего вида часовни имеется на стр. 29; также во франц. изд. 1929 г. кн. Барятинского между стр. 160 и 161, у Василича между стр. 144 и 145.

155. *Существует ли..?* стр. 194.

156. *Николай Михайлович,* в. кн. Легенда, стр. 9.

157. *Барятинский,* франц. изд. 1929, стр. 149.

158. *Мельницкий,* стр. 94.

159. Сообщение Барятинского в его франц. изд. 1929 г. (стр. 144-145), что Федор Кузьмич познакомился с Хромовым только в 1857 г., должно быть и по другим сведениям ошибочным.

160. За то, что офицер в гусарской форме, посетивший Федора Кузьмича, мог быть Александром II-м (в бытность наследником) говорит также то, что он был шефом гусарского полка от рождения, (Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон, Т.18, 1893, стр. 921: «Гусарский л.-гв. Его Величества полк»). Александр II часто носил эту форму, как видно на многих портретах. О посещении Федора Кузьмича Александром II (наследником) упоминают и другие авторы, напр., Крупенский и Сементовский-Курило.

161. *Крупенский,* стр. 47-48.

162. *Николай Михайлович,* в. кн. Легенда, стр. 38-39.

163. *Мельницкий,* стр. 95-102.

Вернувшись после своего первого странствования (1849-1852) по русским монастырям в Сибирь, Александра Никифоровна во второй раз отправилась в путешествие и вышла замуж за майора Федорова. Возвратясь после смерти мужа в Сибирь, она уж не застала Федора Кузьмича в живых. Мельницкому сама «майорша Федорова», как ее называли в Томске, рассказывала свою историю.

164. *Крупенский,* стр. 47-48.

165. *Николай Михайлович,* в. кн. Легенда, стр. 38.

166. Напр. в следующих изданиях:

Захаров, Сказания, 2-ое изд. 1892, стр. 41.

Николай Михайлович, в. кн., Легенда, между стр. 16 и 17.

Василич, стр. 132.

167. *Лукаш,* Иван. Разгадана ли тайна Федора Кузьмича? (Возрождение, 8-го августа 1927).

168. Пален играл очевидно двойственную роль. Сообщив Павлу о заговоре и о своем соучастии, уверил его, что в качестве участника он лучше сможет предотвратить беду.

169. *Николай Михайлович,* в. кн., Легенда, стр. 39-40.

170. *Русский* биографический словарь, Т.25, 1913, стр. 304.

Упоминает об этой возможности и Крупенский.

171. *Шумигорский,* стр. 687.

172. *Сборник* биографий кавалгардов. Составлен под ред. С. Панчулидзева, Т.3, 1801-1826, С.-Петербург 1906, стр. 133-134. Федор Александрович Уваров (1780-1827). Жена и сын Уварова якобы «знали тайну, но... никому ее не открывали. После Ф. А. Уварова не сохранилось никаких писем или бумаг, нет и его портрета.» Личность второго пропавшего кавалергарда мы не могли установить.

173. *Существует ли..?* стр. 200.

174. «На вопрос... Хромова, кто он, старец отвечал: Нет, это никогда не может быть открыто. Об этом меня спрашивали преосвященные Иннокентий Камчатский и Афанасий Томский; и им не (было) открыто». (Существует ли..? стр. 201). Почти теми же словами цитирован ответ страца у Мельницкого, стр. 104.

175. «Почти все эти документы сходятся, даже в подробностях, о ходе болезни и о самой кончине государя...», устанавливает в. кн. Николай Михайлович в «Легенде», стр. 16. И Голомбиевский (в статье «Легенда и история», Русский архив, 1908, №3) не только не видит фальсификации в документах, а наоборот поражается «точностью и необыкновенным согласием всех свидетелей...» (стр. 459). «Богатство положительного документального материала так велико, что всякий исторический факт, обоснованный так серьезно, был бы признан самой придирчивою критикой безусловно доказанным, если бы только в данном вопросе не замешивались вера в чудесное и своя доля фанатизма» (стр. 451). Некоторые противоречия безусловно есть; мы на них уже указывали — противоречия, которые мы не считаем значительными.

176. *Кизеветтер,* А. Александр I и старец Федор Кузьмич (Русские ведомости, 29-го декабря 1912, №299).

177. Письма императрицы Елизаветы Алексеевны ее матери, Markgräfin Amalie Friederike von Baden, не находятся в Карлсруэ, хотя они раньше хранились там. В своем произведении об императрице в. кн. Николай Михайлович говорит в предисловии к т.1 (стр. VI) о 1145 письмах, написанных ею ее матери, хранящихся в «Karlsruher Hofarchiv» за время 1792-1826; и приблизительно о 300 письмах в архиве в Дармштадте. «La copie en a été faite par feu Väterlein et remise au Grand-Duc Serge Alexandrowitch en 1889...» В примечании:

"555 ont été copiées par Väterlein, 590 viennent de l'être par mes soins" (Nicolas Mikhailowitch, Grand-Duc. L'impératrice Elisabeth, épouse d'Alexandre I, T. 1-3, St. Pétersbourg, 1908-1909).

В фамильном архиве (Grossherzogliches Familienarchiv, Karlsruhe), основанном в 1887 г. и сохраняющем все письма и прочие документы семьи баденских великих герцогов с 1709 г., имеется лишь несколько писем императрицы, написанных ее матери за 1801-1802 гг. (1-5), что было нам подтверждено дирекцией архива в письме от 24.1.1974 г. Текст писем отпечатан в вышеназванном произведении Николая Михайловича, но о судьбе оригиналов ничего неизвестно. В каталоге архива эти письма не фигурируют, а наименование «Karlsruher Hofarchiv» дирекция архива не может себе объяснить.

178. *Шильдер,* т.4, стр. 486, примеч. 432.

179. «Notre ange est au ciel et moi sur la terre; de tous ceux qui le pleurent la créature la plus malheureuse...».

Александра звали в семье «ангелом». «Первые слова этого письма... послужили как бы эпитафией Александру Благословенному, и были воспроизведены на гравюрах, браслетах и так называемых траурных перстнях» (Шильдер, т.4, стр. 386). Текст оригинала этого письма отпечатан у Шильдера (т.4, стр. 485, примеч. 431). Там же Шильдер пишет: «Заметим здесь, что до сих пор этот исторический документ передавался в различных сочинениях в совершенно искаженном виде». Ошибочно передает его и Голомбиевский в статье «Легенда и история», стр. 452.

180. *Любимов,* Тайна императора, стр. 143.

181. *Волконский,* (Шильдер, т.4, стр. 563-567. Приложение 16, 2).

Виллие, Дневник, стр. 70-78.

Дибич, (Соколовский, стр. 165-171).

182. *Елизавета Алексеевна,* Императрица. Отрывок из записок. Французский оригинал отпечатан в статье в. кн. Николая Михайловича, «Легенда», стр. 16-23.

На стр. 23, примеч. 1 обозначено: Рукописный отдел собственных Его Величества библиотек. Шк. II, п. 6, к. 36, № 1042.

Этот отрывок отпечатан также и в произведении Николая Михайловича «L'Impératrice Elisabeth...» т.3, стр. 332-344.

183. *Николай Михайлович,* в. кн. По тому же вопросу (Ответ г. В. Г.). (Исторический вестник, Т.137, Сент. 1914, стр. 872).

Как пример в. кн. Николай Михайлович приводит факт, что на переписке Александра Павловича с Лагарпом в двух местах были найдены пометки, сделанные рукой Николая I со следующей надписью: Brûlé comme inutile pour la postérité. По переписке Лагарпа, хранящейся в Женеве, в. кн. мог «восстановить пропуски. Они относились частью к выражениям весьма либерального свойства, частью к критике действий Павла I, написанной очень откровенно Александром Павловичем Лагарпу».

184. *Winkler,* S. 211, 217-218.

Prof. Winkler, обширно пользовавшийся русскими произведениями, дает нам очень ценные сведения и из немецких первоисточников. Он старается найти подход к возможности «ухода» Александра психологическим путем, ссылается напр. на психиатра Ernst Kretschmer (1886-1964) и его известное произведение «Körperbau und Charakter» и исследует все наследственные признаки («die Erbmasse») Александра. Тяжелое психологическое состояние, в котором Александр находился во время болезни, подорвало его физическую сопротивляемость и ускорило конец — так считает Винклер. Его мнение: Александр умер в Таганроге в 1825 г.

185. *Nicolas Mikhailowitch,* Grand-Duc. L'Impératrice Elisabeth... T.1, p. VII: "Le journal tenu par l'Impératrice durant tout son séjour en Russie jusqu'à sa mort à Beleff fut brûlé par l'Empereur Nicolas I. La disparition d'une pièce aussi précieuse, tout en étant sans doute très regrettable, se trouve compensée par les lettres où la fille parlait à sa mère avec une entière franchise et sans presque jamais rien lui cacher." (О письмах см. примеч. 177).

Если допустить достоверность сообщения Hennenhöfer'a, то дневник был сожжен в присутствии Николая I по поручению Елизаветы Алексеевны. Но и без этого поручения, Николай I вероятно уничтожил бы его.

186. *Paléologue,* p. 291.

187. *Paléologue,* p. 295.

188. *Шильдер,* т.4, стр. 376 (русский перевод), стр. 416, примеч. 483 (французский оригинал).

189. *Николай Михайлович,* в. кн. Легенда, стр. 22.

190. *Шильдер,* т.4, стр. 386 (русский перевод), стр. 485-486, примеч. 431 и 432 (французский оригинал).

191. *Шильдер,* т.4, стр. 444.

Молчальницу-монахиню Веру из Сыркова монастыря Новгородской губ. принимали за императрицу Елизавету Алексеевну, не умершую в Белеве, а якобы скрывшуюся в монастыре. Это мнение существует и по сие время. Шумигорский же пишет, что «Записки Маевского подняли занавес с лица родной его тетки, молчальницы-монахини Веры...» (Шумигорский, стр. 687-688). Сергей Иванович Маевский (1779-1848), автор записок «Мой век, или История генерала Маевского» (Русская старина, 1873). Винклер говорит, что имя молчальницы — «Вера Александровна Буткевич» (Winkler, S. 203).

192. *Любимов,* Тайна императора, стр. 157.

Мы говорили уже о шкатулке с дневником Императрицы, также сожженной по ее поручению — пожалуй это одна и та же?

193. *Шильдер,* т.4, стр. 561-567. Приложение 16.

«Спешу при сем доставить собранный собственно для себя журнал о болезни в Бозе почивающего покойного государя императора Александра Павловича, который полагал хранить драгоценным памятником...», пишет кн. Волконский в своем письме Г. И. Вилламову (стр. 561-562).

194. *Любимов,* Тайна императора, стр. 151-154.

195. *Шильдер,* т.4, стр. 575-579. Приложение 19.

«Акт о кончине императора Александра», посланный с «рапортом» «императору Константину» (отпечатан у Шильдера на стр. 575-576) и подписан кн. Волконским, бароном Дибичем и лейб-медиками Виллие и Стофрегеным (Военно-ученый архив, отд. 1, №596).

Шильдер, т.4, стр. 573-574. Приложение 18.

«Протокол вскрытия тела императора Александра, 20-го ноября 1825 г.», подписанный 9-тью врачами, между ними Виллие, Стофрегеным, Тарасовым и т.д., засвидетельствован ген.-адъютантом Чернышевым: «Видел описанные медиками признаки и при вскрытии тела его императорского величества государя императора Александра Павловича находился».

196. *Соколовский,* стр. 165-171.

197. *Виллие,* Дневник.

Что эти заметки были записаны частью позже, как полагал проф. Кизеветтер (притом без умысла фальсификации), нам кажется вполне вероятным. 18-го октября он напр. пишет: «Я ошибся. Следовало написать под 19-м (числом), то что я написал под 17-м; и это сегодня и завтра, что у нас была дурная погода».
3-го декабря (стр. 77) Виллие записал: «С экстренной почтою все документы с историею болезни (Historia morbi) sent off today to D-r Klinle for the Dowager Empress». Эту историю болезни, написанную повидимому д-ром Виллие, упоминает и Шильдер, частично цитируя ее, но не дает никаких точных данных. К сожалению, мы не могли обнаружить ее полный текст. Оригинал дневника Виллие на французском языке был написан «в виде беглых заметок, не совсем разборчивым почерком в Памятной книжке на 1825 г.», издававшейся и позже Типографией Главного Штаба в С.-Петербурге (предисловие И. Г. Данилова к дневнику).

198. *Paléologue,* p. 296.

199. И. С. — *С(мирнов)* И., стр. 530.

200. *Тарасов,* Воспоминания.

201. *Шильдер,* т.4, стр. 484, примеч. 421.

202. см. примеч. 195.

203. *Paléologue,* p. 296.

204. *Кудряшов,* стр. 47-48.

205. *Шумигорский,* стр. 687.

206. *Голомбиевский,* стр. 457.

207. *Россиев,* стр. 688.

Любимов, Тайна императора, стр. 155.

208. *Голомбиевский,* стр. 453 и 456.

209. *Волконская,* Софья Григорьевна, княгиня. Письма.
(Шильдер, т.4, стр. 582-584. Приложение 23 — французский оригинал).

210. *Histoire de la maladie...*
(История болезни и последних минут императора Александра, основанная на самых достоверных сведениях).
(Государственный архив, Разр. III, №163).
(Шильдер, т.4, стр. 568-572. Приложение 17).

211. *Winkler,* S. 215-216.

212. *Palmer,* Alan (W.) Alexander I, tsar of war and peace. London, 1974, p. 416.

213. Описано у Тарасова (Шильдер, т.4, стр. 440).

214. По свидетельству в. кн. Андрея Владимировича, Балинский посетил Чесму и разговаривал с инвалидами (дворец в Чесме был в то время богадельней для инвалидов); он узнал только, что по преданию там похоронено тело неизвестного. (Барятинский, французское изд. 1929 г., стр. 166).

215. Чесменский дворец и церковь были построены по поручению Екатерины Великой в 1770 г. архитектором Ю. М. Фельтеном в память победы русского флота над турками при Чесме в Малой Азии.

Библиография

А. Г. (Голомбиевский, А. А.?), Феодор Козьмич
(Русский биографический словарь, Т.25, 1913, стр. 301-304).

Акт о кончине императора Александра.
(Шильдер, Н. К., Император Александр I, Т.4, стр. 575-576, Приложение 19).

Александра Федоровна, императрица (жена Николая I). Отрывок из собственноручных записок великой княгини Александры Федоровны.
(Текст франц. оригинала. Шильдер, т.4, стр. 498; приложение 5. Русский перевод. Николай Михайлович, в. кн., Легенда, стр. 34).

Андрей Владимирович, Великий князь. André de Russie, Grand-Duc, Lettres.
(См.: *Барятинский,* Владимир Владимирович, князь. -Bariatinsky, V., Prince. Le mystère d'Alexandre I, 2e éd. Paris 1929. Annexes).

Барятинский, В(ладимир) В(ладимирович), князь. Еще о «царственном мистике» (Исторический вестник, Т.136, Апрель-июнь 1914, стр. 578-584).

Барятинский, В(ладимир) В(ладимирович), князь. Царственный мистик. (Император Александр I — Федор Козьмич), С.-Петербург, 1912.
2-ое изд. 1913.

Барятинский, Владимир Владимирович, князь. Bariatinsky, V., Prince. Le mystère d'Alexandre I (1825-1925), Paris 1925.
(Société historio-généalogique russe en France).

Барятинский, Владимир Владимирович, князь. Bariatinsky, V., Prince. Le mystère d'Alexandre I. Le Tsar a-t-il survécu sous le nom de Fedor Kousmitch? 2e éd, Paris 1929.
Annexes: I. Lettre de S.A.I. le grand-duc André de Russie au prince Bariatinsky. Le 12 avril 1926.
II. Extrait d'une lettre adressée au prince V. Bariatinsky par S.A.I. le grand-duc André de Russie (Sans date).

Белянчиков, Н. Н.
См.: *Существует ли* «тайна Федора Кузьмича?» Исследования... Н. Н. Б.

Бирюков, Павел Иванович. Лев Николаевич Толстой. Биография.
Составил П. Бирюков по неизданным материалам (Воспоминания и письма Л. Н. Толстого); 4 тома, Москва 1906-1923.

Богданович, Модест Иванович. История царствования императора Александра I и России в его время (Сочинение автора Истории отечественной войны 1812 года). С.-Петербург, 1869-1871, 6 томов.

Болотов, А. В. Святые и грешники, Париж 1924.

В. Г. По поводу легенды об императоре Александре I (Исторический вестник, т.137, Июль-сент. 1914, стр. 858-870).
См. также: Николай Михайлович, в. кн. По тому же вопросу (Ответ В. Г).

Василич, Г. Император Александр I и старец Феодор Кузьмич. По воспоминаниям современников и документам. Изд. 2-ое, Москва, 1910.
(Легенда о старце Кузьмиче и Александре I. «Русская быль»).

Виллие, Я(ков) В(асильевич) (baronet James C. Wyllie).
Дневник лейб-медика Я. В. В., 1825 г., перевод с французского (Русская старина, т.73, Январь 1892 г., стр. 69-78).
(Также: Вилие — Wylie).

Военский, К(онстантин) А(дамович). Император Александр I, князь Меттерних и Священный Союз. С.-Петербург, 1914. (Из журнала Министерства Народного Просвещения за 1914 г.).

Волконская, София Григорьевна, княгиня. Письма княгини Софии Григорьевны Волконской к императрице Марии Феодоровне из Таганрога.
(Шильдер, т.4, стр. 582-586. Приложение 23).

Волконский, Петр Михайлович, князь. Собственноручный журнал князя П. М. Волконского о болезни императора Александра с 5-го по 19-ое ноября 1825 г.
(Шильдер, т.4, стр. 561-567. Приложение 16, 1.2.).
Прилож. 16, 1: Письмо князя Волконского к Г. И. Вилламову. Таганрог, 7-го декабря 1825 г.; 2: Собственный (sic!) журнал генерал-адъютанта князя Волконского.

Врангель, Н. Н., барон. Правда о Федоре Кузьмиче (По словам И. И. Балинского).
См.: *Существует ли* «тайна Федора Кузьмича?» Исследования С. Б. Окуня (Вопросы истории, 1967, н.1, стр. 193-195).

Герцен, Александр Иванович. Император Александр I и В. Н. Каразин.
(Сочинения. Oeuvres d'A. Herzen. Genève, ...H. Georg, 1879).
Т.10: Былое и думы, 1867-1868; Разные статьи, стр. 133-190.

Глуховцова, Е. Федор Кузьмич. Подвиг искупления. Шанхай 1935.

Голицын, Николай Сергеевич, князь. Народная легенда об Александре-отшельнике.
См.: *Голицын,* Николай Сергеевич, князь. Рассказы об императорах Павле I и Александре I.

Голицын, Николай Сергеевич, князь. Рассказы об императорах Павле I и Александре I.
(Русская старина, 1880 г., Т.29. Записная книжка «Русской старины», стр. 738-842, i.e. 742. III. П. А. Тучков об Александре в Таганроге, стр. 842, i.e. 742-744; IV. Народная легенда об Александре-отшельнике).

Голомбиевский, А. А. Легенда и история.
(Русский архив, 1908, стр. 449-462).

Голомбиевский, А. А.? А. Г. Феодор Козьмич.
См.: *А. Г.* Феодор Козьмич.

Гусев, Николай Николаевич. Жизнь Льва Николаевича Толстого. Молодой Толстой (1828-1862). Москва 1927 (Труды Толстовского музея. К столетию со дня рождения Л. Н. Толстого).

Дибич, И(ван) И(ванович), барон. Письма.
См.: *Соколовский,* Михаил, Последние дни императора Александра I.

Долгорукой, В., князь. Отшельник Александр (Феодор) в Сибири
(Русская старина, Т.56, октябрь 1887, стр. 217-220).

Дубасова, А. Новые данные о смерти Александра I.
(Возрождение, 11 апреля 1926 г., №28).

Елизавета Алексеевна, императрица. Отрывок из записок
(Текст французского оригинала). Николай Михайлович, Великий князь. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Козьмича (Исторический вестник, Том 109, июль 1907, стр. 16-23).
На стр. 23, примеч. 1: Рукописный отдел собственных Его Величества библиотек. Шк. II, п.6, к.36, № 1042.
Также в книге — Николай Михайлович, в. кн., L'Impératrice Elisabeth, т.3, стр. 332-344).

Елизавета Алексеевна, императрица. Письма.
(См.: *Николай Михайлович,* в. кн. L'Impératrice Elisabeth).

Захаров, Елисей Захарович. Сказание о жизни и подвигах старца Феодора Кузьмича, подвизавшагося в пределах Томской губернии с 1837 года по 1864 год. С.-Петербруг, 1891.
(Имя автора на стр. 6, в конце предисловия).
Изд. 2-ое, испр. и доп. С.-Петербург, 1892. (Имя автора не названо).
Изд. 3-е, испр. и доп. С.-Петербург, Москва, 1894. (Имя автора не названо).

И. С. (Смирнов, И). Отшельник Феодор.
См.: *Смирнов,* И.

История царствования императора Александра I и России в его время.
См.: *Богданович,* Модест Иванович.

Каллаш, Мария Александровна.
См.: *Курдюмов,* М. (псевд.).

Каллаш, Мария Александровна? (М. К-ъ). Поездка.
См.: *М. К-ъ.*

Кизеветтер, А(лександр), Александр I и старец Федор Кузьмич (Русские ведомости, 29-го декабря 1912 г., №299).

Ключевский, В(асилий) О(сипович). Курс русской истории. Переиздание. Часть 5, Москва, 1937.

Кони, Анатолий Федорович. На жизненном пути. Т.1-5, С.-Петербург (Ленинград), 1912-1929.

Корф, (Модест Андреевич), барон. Восшествие на престол императора Николая I-го. 3-е изд. (первое для публики), Санктпетербург, 1857.

Крупенский, П. Н. Тайна императора. (Александр I и Феодор Козьмич). Берлин 1927.

Кудряшов, Константин Васильевич. Александр I и тайна Федора Кузьмича, Петербург 1923.

Кузнецов-Красноярский, И. П., Старец Федор Кузьмич. (Исторический вестник, Т.60, май 1895, стр. 550-554).

Кузовников, Р. Кто был старец Федор Козьмич. (Тюмень, Архив Тюменского приказа о ссыльных, 18-го мая 1895 г. Исторический вестник, Т.61, июль 1895 г., стр. 245-246).

Курдюмов, М. (псевд. — Мария Александровна Каллаш). По поводу «Александровской легенды» (Возрождение, №433, 9-го августа 1926 г.).

Лонгинов, Николай Михайлович? Histoire de la maladie...
См.: *Histoire de la maladie...*

Лукаш, Иван (Созонтович). Разгадана ли тайна Федора Кузьмича?
(Возрождение, 8-го августа 1927 г.).

Любимов, Лев Дмитриевич. Тайна императора Александра I, Париж, 1938.

Любимов, Л(ев) Д(митриевич). Тайна старца Федора Кузьмича
(Вопросы истории, 1966, №1, стр. 209-215).

М. К-ъ. (Мария Александровна Каллаш?), Поездка к старцу Федору Кузьмичу (Последние новости, №4540, 27-го августа 1933 г.).

Маевский, Сергей Иванович. Мой век, или История генерала Маевского (Русская старина, 1873).

Мельницкий, Михаил Федорович. Старец Феодор Кузьмич в 1836-1864 гг. (Русская старина, т.73, Январь 1892, стр. 81-108).

Мережковский, Димитрий Сергеевич. Александр первый. Изд. 3-е, С.-Петербург, 1913.
(Изд. Нью-Йорк, 1955 появилось под заглавием: Александр I и декабристы).

Михайлов, К. Н. Император Александр I и старец Федор Кузьмич, С.-Петербург, 1914.

Надлер, В(асилий) К(арлович). Император Александр I и идея Священного Союза. Том 1-5. Рига, 1886-1892.

Невелев, Г(еннадий) А(брамович). 14 декабря 1825 года.
Официальная версия и Западная Европа.
(Вопросы истории, 1975, №12, стр. 94-109).

Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I.
Опыт исторического исследования, С.-Петербург, 1912.
Т. 1-ый: Текст и приложения, с 19 таблицами портретов и рисунков.
2-ой: Приложения. Записки и письма.

Николай Михайлович, великий князь. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816-1826 годы.
— Grand-Duc Nicolas Mikhailowitch. Les rapports diplomatiques de Lebzeltern, ministre d'Autriche à la cour de Russie. С.-Петербург, 1913.

Николай Михайлович, великий князь. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Козьмича. С портретом и илл. (Исторический вестник, Том 109, Июль 1907 г., стр. 3-40).
(Отдельный оттиск: С.-Петербург, 1907).

Николай Михайлович, великий князь. Мои свидания осенью...
(См.: *Чулошников*, А. Л. Н. Толстой и Н. М. Романов).

Николай Михайлович, великий князь. Некоторые новые материалы к вопросу о кончине императора Александра I (Исторический вестник, том 135, Март 1914 г., стр. 866-885).

Николай Михайлович, великий князь. Некоторые соображения по поводу письма от 31-го декабря 1825 г. из Таганрога княгини Софии Григорьевны Волконской императрице Марии Феодоровне (Исторический вестник, Т.136, Май 1914 г., стр. 667-676).

Николай Михайлович, великий князь. Переписка Л. Н. Толстого...
(См.: *Чулошников*, А. Л. Н. Толстой и Н. М. Романов).

Николай Михайлович, великий князь. По тому же вопросу. Ответ В. Г. (Исторический вестник, Т.137, Июль-сент. 1914 г., стр. 871-872).
См. также: *В. Г.* По поводу легенды...

Николай Михайлович, великий князь. Семейный завтрак у Николая II 4-го февраля 1914 г. Из записок (Красный архив, 1931, Кн. 6, стр. 49).

Николай Михайлович, великий князь. Grand-Duc Nicolas Mikhailowitch. L'Impératrice Elisabeth, épouse d'Alexandre I. 3 tomes. St.-Pétersbourg, 1908-1909.

Окунь, С. Б.
См.: *Существует ли* «тайна Федора Кузьмича?» Исследования С. Б. О.

Орлов-Денисов, Вас(илий) Вас(ильевич), граф. Два донесения от 6 и 7 февраля 1826 г. на имя барона Дибича, начальника главного штаба.
(См.: *Николай Михайлович*, в. кн. Легенда.., стр. 31-33).

Панчулидзев, С.
См.: *Сборник* биографий кавалергардов.

Петр, Епископ. Сибирский старец Федор Кузьмич (Русская старина, октябрь 1891 г., стр. 233-240).

Покровский, Михаил Николаевич. Избранные произведения. Кн. 2: Русская история с древнейших времен, Т.3, стр. 254, Москва, 1954.

Пресняков, А. Е. Александр I (Петербург, 1924, Образы человечества).

Протокол вскрытия тела императора Александра, 20-го ноября 1825 года. (Шильдер, Н. К., Т. 4, стр. 573-574. Приложение 18).

Пушкин, Александр Сергеевич. Сочинения. Т.5, стр. 653, С.-Петербург, изд. А. С. Суворина, 1903.

Россиев, Павел (А.). Живучая легенда (Исторический вестник, Т.109. июль-сент. 1907 г., стр. 687-688).

Россиев, Павел (А.). Старец Федор Кузьмич (Исторический вестник. Т.109. июль-сент. 1907 г.. стр. 1048-1050).

Русские деятели в портретах изданных редакциею исторического журнала «Русская старина». 3-е собрание. С.-Петербург, 1889, стр. 123-127: Отшельник Федор († 20 января 1864 г.).
На гравюрах: «Альбом гравюр русских деятелей».

Русский биографический словарь, Т.25, 1913, стр. 301-304.
См.: *А. Г.* (Голомбиевский. А. А.?). Феодор Козьмич.

Русский биографический словарь, Т.1, 1896, стр. 141-384.
(См.: Шильдер, Николай Карлович. Александр I).

Санглен, Яков Иванович де-(de Saint-Glin). Записки – не для современников. Ч.1-4.
(Русская старина, 1882. т.36. №12. стр. 443-498. 1883. т.37. №1. стр. 1-46; №2. стр. 374-394; №3, стр. 538-578).

Сборник биографий кавалергардов. 1801-1826. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Ее Величества государыни императрицы Марии Феодоровны полка. Составлен под ред. С. Панчулидзева. Т.3. С.-Петербург. 1906.

Сведения, забранные о старце Феодоре. (Рукопись, упомянутая И. П. Кузнецовым-Красноярским: Старец Федор Кузьмич. стр. 552).

Сказание о жизни и подвигах старца Феодора Кузьмича.
(См.: *Захаров,* Елисей Захарович).

С(мирнов) И. Отшельник Феодор. Заметка (Русская старина, ноябрь 1887. стр. 529-530).

Соколовский, Михаил(К). Последние дни императора Александра I.
По архивным документам (Исторический вестник, Том 109, июль-сент. 1907 г., стр. 165-171).

Соломка, А(фанасий) Д(анилович). Письмо к генералу (Александру Ивановичу) Михайловскому-Данилевскому из Таганрога от 4 декабря 1825 года.
(Шильдер, Н. К. т.4, стр. 579-580. Приложение 20).

Существует ли «тайна Федора Кузьмича?» Исследования С. Б. Окуня и Н. Н. Белянчикова (Вопросы истории. 1967. №1, стр. 191-201, Москва).

Таинственный старец Федор Козьмич в Сибири и император Александр I. Изд. Д. Г. Романова, Харьков 1912.
Томский кружок почитателей старца Федора Козьмича.
(Цитируется иногда под Д. Г. Романовым).

Тарасов, Д(митрий) К(лиментович). Воспоминания моей жизни. Записки почетного лейб-хирурга Д. К. Т. (Русская старина, 1871, 1872).

Изд. Петроград, 1915; цитировано у Grunwald, Constantin de: Alexandre I, le tsar mystique. Paris, 1955, p. 340. Точное русское заглавие не дано, лишь «en russe».

Толстой, Л(ев) Н(иколаевич). Переписка Л. Н. Толстого и великого князя Николая Михайловича.
(См.: *Чулошников,* А. Л. Н. Толстой и Н. М. Романов).

Толстой, Лев Николаевич. Полное собрание сочинений, т.77, Москва 1956, стр. 185; Письмо № 214.

Толстой, Лев Николаевич. Посмертные записки старца Федора Кузьмича.
(Впервые отпечатаны в период. изд. «Русское богатство», 2.2.1912 г.)
(Собрание сочинений, т.14, стр. 393-413. Повести и рассказы 1903-1910 гг., Москва 1964).

Торжество по случаю посещения 5 и 6 июля 1891 г. Томска Е. И. Выс. Наследником цесаревичем Николаем Александровичем
(Томские епархиальные ведомости, Томск, 1891, № 14, 15).

Тучков, Павел Алексеевич (П. А. Тучков об Алескандре в Таганроге).
См.: *Голицын,* Николай Сергеевич, князь. Рассказы об императорах Павле I и Александре I.

Ухтомский, Э(спер) Э(сперович), князь. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича 1890-1891. Автор-издатель князь Э. Э. У. Иллюстрировал Н. Н. Каразин. С.-Петербург, Лейпциг.
1: 1893.
2: Путешествие Государя Императора Николая II на Восток в 1890-1891 гг. (1895).
3: 1897.

Федоров, Федор. Московские новости, или новые, правдивые и ложные слухи (Рукопись).

Фирсов, Н. Н. Император Александр I и его душевная драма. Историко-психологический этюд. С.-Петербург, Москва, 1910.
(Свободное знание. Собрание общедоступных очерков, статей и лекций русских ученых...).

Хромов, Семен Феофанович. Жизнеописание великого старца Феодора Косьмича (Рукопись).
Цитировано у Шильдера, т.4, стр. 490. Примеч. 506.
Шильдер называет его «Храмовым». На стр. 490, прим. 506, в указании имен — правильно.

Чулошников, А. Л.Н. Толстой и Н.М. Романов.
(Красный архив, Исторический журнал, т.2(21), 1927, стр. 231-241. стр. 232-235: Николай Михайлович, в. кн. Мои свидания осенью 1901 г. в Крыму с графом Л. Н. Толстым, 26, 31. X и 3. XI.

Стр. 235-239: Переписка Л. Н. Толстого и вел. кн. Николая Михайловича.

Стр. 232, примечание: «Печатаются по автографу Н. М. Романова, извлеченному из архива б. Ново-Михайловского дворца; хранится в помещении б. Дворцового архива, 1 отделение экономической секции Ленинградского Центрального Исторического Архива, V отделение)».

Стр. 235, примечание: «Приводимые письма ...печатаются с копий, переписанных неизвестным лицом; извлечены они из архива б. Ново-Михайловского дворца и хранятся в помещении б. Дворцового архива...» (как выше). «Текст сверен Н. Н. Гусевым с подлинниками, хранящимися в библиотеке имени Ленина в Москве»).

Шёниг, Николай Игнатьевич. Воспоминания Н. И. Шёнига.
1. стр. 267-291: Последние дни и кончина Александра Павловича.
2. стр. 291-294: Еще несколько сведений о болезни и кончине Александра Павловича.
10. стр. 311: О путешествиях Александра Павловича.
стр. 326: Несколько слов о Н. И. Шениге.
(Русский архив, издаваемый Петром Бартеневым. Год 18-ый, 1880. Кн. III, 2, стр. 267-326).

Шильдер, Н(иколай Карлович). Александр I.
(Русский биографический словарь, т. 1, 1896, стр. 141-384).

Шильдер, Н(иколай) К(арлович). Император Александр первый. Его жизнь и царствование. 4 тома, С.-Петербург, 1897-1898.
2-ое изд. 1904-1905.

Шумигорский, Е. Из записной книжки историка. Две легенды об императоре Александре I. 1.2.
(Исторический вестник, т.136, Апрель-июнь 1914, стр. 283-291, 677-689).

* * *

André de Russie, Grand-Duc. Lettres de S. A. I. ...au prince Bariatinsky.
Voir: (*Барятинский,* Владимир Владимирович, князь) — Bariatinsky, V., Prince. Le mystère d'Alexandre I. Le Tsar a-t-il survécu... (2me éd.), Paris, 1929. Annexes.

Bariatinsky, V., Prince.
Voir: *Барятинский,* Владимир Владимирович, князь.

The *czar* who wouldn't die
(Time, November 26, 1965, p. 27).

The *Dictionary* of National Biography. Vol. 3, p. 1196-1198. Oxford, London, Repr. 1921-1922.

Dubois de Montpéreux, Frédéric. Voyage autour du Caucase. Tome 6, p. 66-70: Orianda. Paris 1843. (Также: Dubois de Montperreux).

Elisabeth, Impératrice.
Voir: *Николай Михайлович, великий князь.* — Grand-Duc Nicolas Mikhailowich. L'Impératrice Elisabeth...

Gerlach, (Ludwig Friedrich) Leopold von. Denkwürdigkeiten aus dem Leben L'v'G's... Nach seinen Aufzeichnungen hrg. von seiner Tochter. Berlin, 2 Bde.
Bd I-1891; 2-1892.

Le *gouverneur* d'un prince.
Voir: (*Vallotton,* Georges). Le gouverneur... Lausanne, 1902.

Gribble, Francis, Emperor and mystic. ...New York, 1931.

Grunwald, Constantin de.. Alexandre I, le Tsar mystique, Paris, 1955).
(Présence de l'histoire).

Histoire de la maladie et des derniers moments de l'empereur Alexandre, fondée sur les informations les plus authentiques. Предполагаемый автор Лонгинов Николай Михайлович.
(Государственный архив, Разр. III, № 163).
Шильдер, Н. К. Император Александр I. Т.4, стр. 568-572. Приложение 17).

Kobeko, Dimitri. La jeunesse d'un Tsar. Paul I et Cathérine II.
Tiré du russe par D.de Benkendorff, Paris 1896.
Titre de l'original russe.
Кобеко, Дмитрий. Цесаревич Павел Петрович (1754-1796). Изд. 3-е, С.-Петербург, 1887.

Lebzeltern, (Ludwig, Graf). Les rapports diplomatiques de Lebzeltern, ministre d'Autriche à la cour de Russie.
Voir: *Николай Михайлович,* великий князь. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна.

Loftus, Augustus, Lord. The diplomatic reminiscences of Lord A'L' 1837-1862. Vol.I, Leipzig 1892.

Metternich, (Klemens Wenzel Nepomuk Lothar), Prince de.
Mémoires, documents et écrits divers... Tome 4. Paris 1881.

Middleton, Henry. Diplomatic dispatches, Russia.
See: *National* Archives Microfilm publications. Record Group 59. ...Diplomatic dispatches, Russia.

National Archives Microfilm publications. Record Group 59. General records of the Department of State. Diplomatic dispatches, Russia. Microcopy 35. Dispatches from United States Ministers to Russia, 1808-1906. Roll 10. Vol. 10, March 18, 1823 — May 14, 1826. Henry Middleton, Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary, 53-55.

Nicolas Mikhailowitch, Grand-Duc.
Voir: *Николай Михайлович,* великий князь.

Paléologue, Maurice. Alexandre I, un tsar énigmatique, Paris, 1937.

Palmer, Alan (W.). Alexander I, tsar of war and peace. London, 1974.

Philipp, Werner, Russlands Aufstieg zur Weltmacht, 1815-1917
(Historia mundi, Bd 10. Bern, München 1961).

Rappoport, Angelo S(olomon). The curse of the Romanovs. A study of the lives and the reigns of two tsars, Paul I and Alexander I of Russia, 1754-1825. London 1907.

Saint-Glin, de.
Voir: *Сангален,* Яков Иванович де-.

Sementowski-Kurilo, Nikolai. Alexander I. Rausch und Einkehr einer Seele. Zürich, 1939.

Sementowsky-Kurilo, Nikolaus. Alexander I von Russland. Napoleons Gegenspieler um Europas Schicksal (Frankfurt 1967. Studienausgabe).

(*Vallotton,* Georges). Le gouverneur d'un prince: Frédéric-César de Laharpe et Alexandre I. Lausanne 1902.

Vallotton, Henry. Le tsar Alexander I. Paris, 1966.

Winkler, Martin. Zarenlegende. München 1940, 2.Aufl. 1948.

Wyllie, James C., Baronet.
See: *Виллие,* Я(ков В(асильевич).

ALEXANDER I AND FEDOR KUZMICH.

An Abstract

On November 19, 1825, Alexander I, Emperor of all the Russias, died after a short illness. He died in the little town of Taganrog on the Sea of Azov far away from the capital, the court and his family. Only his wife, the Empress, and a small retinue were with him at the time of his death. Shortly thereafter, rumors began to circulate among the population that the Tsar had not died, but had "gone away," and that in his place another corpse had been placed in the coffin carried in procession to St. Petersburg. Other wild rumors abounded. Leo Tolstoy suggested five reasons why it was thought that Alexander I did not die, but rather disappeared. (We list them as Tolstoy gave them.)

1. Alexander's presumed death came on suddenly and had not been preceded by a serious illness.
2. The death occurred in a remote place from which the Tsar could easily have disappeared.
3. Those who viewed the corpse said that the features of the deceased Tsar were so distorted that he was unrecognizable; for that reason the coffin allegedly remained closed and no one could see the corpse. (This was not the case, for records show that the coffin was opened five times on its way to St. Petersburg. E.L.)
4. The Tsar said and wrote often during his life that his greatest wish was to be rid of his obligations as Tsar and to live a private life.
5. The corpse showed bruises as though from a lashing. Bruises such as these could not have occurred on the pampered body of the Emperor. (But the bruises could have been the result of mustard plasters, which were commonly being applied in those days. E.L.)

With the passage of years these rumors quieted down, but eleven years later,

they were revived and focused on the personality of an old man called Fedor Kuzmich who lived in Siberia and whom many believed to be Tsar Alexander.

In 1836 a tall, imposing, bearded man in his sixties had been arrested in Western Siberia by the police, convicted of vagrancy, punished by lashing and subsequently deported to the region of Tomsk in Siberia where he lived for 27 years. He died in 1864 admired and loved for the purity of his life.

During his lifetime, Fedor Kuzmich never spoke about his origins. He, who had pretended to be illiterate, spoke many foreign languages and showed in many ways that he was well educated. Living in different places in the region of Tomsk, he taught peasant children and told adults about the wars at the time of Alexander I. He seemed to have taken part in them, and knew many details about the Tsar and his staff, as well as life at court in St. Petersburg. By his demeanor he gave the impression of a person who had been used to a leader's position. All this, his resemblance to Alexander I and much more, led to many rumors, to belief and to disbelief.

There exist many documents and statements about Alexander's illness and death, about the transporting of the body to St. Petersburg (the most important documents being the letters of his wife, the Empress Elizaveta Alexeevna), but none of these documents shows proof that Alexander I became the Siberian staretz Fedor Kuzmich.

The question as to whether Fedor Kuzmich was in fact Alexander I has still not been resolved.

The present survey does not arrive at a final solution, but rather endeavors to present the variety of opinion on the subject, even the stories and rumors, as well as to provide a substantial bibliography.

E.L.

Association Business and General Membership Meeting—December 28, 1978

The bi-annual business and general membership meeting was called to order at 10:00 A.M. in *Dom Svobodnoy Rossii* in New York City. Professor L. D. Rzhevsky, chairman of the meeting, asked the membership to rise and observe a minute of silence in memory of two former presidents of the Association, Professors N. S. Arseniev and K. G. Belousow.

Professor A. P. Obolensky presented a report of the Association's activities during the past two years and outlined future plans. Prof. Obolensky announced the publication in 1978 of Vol. XI of the *Transactions of the Association of Russian-American Scholars* devoted entirely to Tolstoy on the occasion of the sesquicentennial of his birth. Vol. XII of the *Transactions* — a Festschrift honoring past president N. S. Arseniev — is going to press for publication in 1979. Vol. XIII which will include a heretofore unpublished work by Prof. E. V. Spectorsky, "Khristianskaia etika," and an important work by Prof. A. A. Bogolepov, "Duma, zemstvo i senat — kak vysshii sud po administrativnym delam," is being readied for publication in 1980. The year 1981 will witness the publication of Vol. XIV, the Dostoevsky volume, in commemoration of the 100th anniversary of the writer's death. This volume, which will actually appear in the summer of 1980, is a joint publication of the Association of Russian-American Scholars and the International Dostoevsky Society. Prof. Obolensky stressed that it is only thanks to the financial support of such organizations as the Tolstoy Foundation and the Russian Orthodox Theological Fund as well as to contributions from many of its members that the Association is able to continue its important publishing activity. The selfless unpaid work of many individuals, especially that of T. S. Belousow and E. S. Zacharov, was acknowledged with gratitude. A second and third reports were given by the treasurer of the Association, N. A. Jernakoff, and the chairman of the Auditing Committee, A. N. Kopylov, respectively. Both reports were approved by the membership.

At the conclusion of the reports the chairman of the meeting, Prof. Rzhevsky, announced the results of elections to the Board of Directors which had been conducted by mail. A. P. Obolensky was elected president for a two-year term. The following members were elected to the Board of Directors, also for a two-year term: E. A. Alexandrov, N. V. Feodoroff, O. P. Ilyinsky, E. L. Magerovsky, A. I. Natov, S. A. Panin, A. P. Scherbatov. (At the first meeting of the Board of Directors on February 3, 1979, the following members were appointed to various positions: 1st vice-president: N. V. Feodoroff; 2nd vice-president: T. E. Bird; secretary-treasurer: N. A. Jernakoff; assistant editor: N. A. Kormilev). A. N. Kopylov, N. V. Koziakin, and M. I. Dobrovolsky were elected to the Auditing Committee for a two-year term.

The floor was then open to the members for their questions, comments, and proposals. Among items discussed were the size and composition of the membership body, the desirability of including in the *Transactions* more articles of a scientific nature, and questions pertaining to the forthcoming Dostoevsky volume.

The official portion of the meeting was closed at about 12:30 P.M. and was followed by an informal luncheon for all members present.

ASSOCIATION NEWS

* * *

During the past two years members of the Association of Russian-American Scholars participated in important cultural events in the United States and abroad. One of these events was the 1978 celebration of the sesquicentennial of Leo Tolstoy's birth. In September 1978 the president of the Association, A. P. Obolensky, represented the Association at commemorative festivities held in honor of Lev Nikolaevich Tolstoy at the Tolstoy Foundation Center in Valley Cottage, N.Y. An International Colloquium on Tolstoy was organized by the Paris University under the honorary sponsorship of President Valéry Giscard d'Estaing, President of the French Republic. This colloquium was held October 9 to 13, 1978 at the Sorbonne and its Grand Palais campus. Four members of the Association of Russian-American Scholars delivered papers at this colloquium: Andrew Donskov, "Le paysan dans la pensée et les écrits de Tolstoi"; Alexander Obolensky, "Le concept de l'homme primitif et la quête de Dieu: Reflexions sur *Ma Confession* de Tolstoi"; Nicholas Pervushin, "Des epilogues de Tolstoi comparés aux épilogues de quelques autres écrivains"; and Gleb Zhekulin, "Les résonnances de *Qu'est ce que l'Art* dans la théorie littéraire soviétique". The proceedings of this colloquium will be published in 1979 by the Institut National d'Etudes Slaves in *Actes du Colloque Tolstoi.* Within the framework of this colloquium, Professor Obolensky taped an interview on the topic "Tolstoi — prophète" for Radio France Culture, and was included in a delegation from the colloquium which was received at the Elysées Palace by President Giscard d'Estaing.

* * *

On October 29, 1978 at Queens College, City University of New York the Congress of Russian Americans sponsored a celebration honoring the well-known Russian scientist and "father of television," V. K. Zworikin, on the occasion of his induction into the Russian-American Hall of Fame. Two representatives from the Association of Russian-American Scholars, Profs. E. A. Alexandrov, coordinator of the event (Queens College) and A. P. Scherbatow (Fairleigh Dickinson University) spoke at the festivities.

* * *

The Association is pleased to announce the recent publication in English of Professor George Vernadsky's *Russian Historiography: A History.* This work was originally published in Russian in the *Transactions of the Association of Russian-American Scholars* and serialized in Vols. V through IX under the editorship of Professor Sergei Pushkarev. The English translation was done by Dr. Nickolas Lupinin for Nordland Publishing Co., Belmont, Mass.

George Vernadsky (1887-1973) was an eminent Russian historian who, according to his friend and colleague Sergei Pushkarev, came in contact with both the "Moscow school" of Kliuchevskii and the "Petersburg school" of Platonov during the initial decades of the 20th century. "This was the period," writes Prof. Pushkarev in his preface to Vernadsky's book, "when Russian historical scholarship reached the culminating point of its development, uniting the spirit of free scholarship inquiry with respect for Russian cultural tradition." Having started his professional career in pre-revolutionary Russia, Prof. Vernadsky moved on to Prague, then to the United States, arriving at Yale University in 1927. Because of his scholarly and academic work in America, Vernadsky was considered one of the leading specialists in the study of Russian history, the "patriarch of Russian historiography in the U.S.A."

This newly-published book is Prof. Vernadsky's last scholarly work, left unfinished because of the author's sudden death. It is a collection of essays on the history of Russian historical scholarship. It contains much valuable bibliographical information about Russian historians and data concerning personalities who wrote on historical subjects or otherwise had a hand in shaping the cultural development of Russian society. A chapter on the historiography of the Russian Orthodox Church was barely begun when death came to rof. Vernadsky. The task of completing this chapter and adding a historiography of the Schism of the Old Believers was assumed by Prof. Pushkarev (Yale University). A projected chapter on the historiography of Russian oriental studies was also left unwritten, but was taken up by Prof. Alexis Scherbatow (Fairleigh Dickinson University) and is included in the present volume under the title "Oriental Studies." The book also contains a detailed biography of George Vernadsky and a complete bibliography of his works written by Prof. N. E. Andreyev (Cambridge University). Bibliographies of the Russian Church and of the Schism of Old Believers, prepared by Prof. Pushkarev, are appended. (Incidentally, in the English text these two bibliographies have been erroneously attributed to Prof. Andreyev.)

A review of this important and valuable book, which Prof. Andreyev calls the "crown of Vernadsky's scholarly work," will appear in a subsequent volume of the *Transactions.*

Профессор Федор Парфентьевич Богатырчук является одним из старейших членов Русской Академической Группы. Несмотря на преклонный возраст и на то, что еще 8 лет тому назад ушел в отставку, он все еще продолжает работать в лаборатории, основанной для него Оттавским Институтом.

Его подробная биография была напечатана в томе V Записок.

Коллеги и друзья желают Федору Парфентьевичу еще многих лет доброго здоровья и плодотворной деятельности на всех поприщах, на которых он уже добился значительных результатов.

* * *

PUBLICATIONS, LECTURES AND APPEARANCES — SUBMITTED BY MEMBERS OF THE ASSOCIATION OF RUSSIAN-AMERICAN SCHOLARS

Bird, Thomas E. "Religion and the Revolution of 1905: An Introductory Word." *Russian History*, 4, part 2 (1977), 101-104.

_____, trans. "Elements of 'Negative Theology' in the Thought of St. Augustine," by Vladimir Lossky. *St. Vladimir's Theological Quarterly*, 21, No. 2 (1977), 67-75.

_____. "Religious Liberty and Minority Rights in the Soviet Union." *Hearings before the Commission of Security and Cooperation in Europe*. Ninety-Fifth Congress. First Session on Implementation of the Helsinki Accords: Vol. II. Washington: U.S. Government Printing Office, 1977, 80-83.

_____. "The George Arents Library Award: A Recollection." *The Courier* (Syracuse University), 15, No. 1 (1978), 24-26.

_____, trans. "Jurgis Baltrusaitis as a Lyric Poet," by Vyacheslav Ivanov. *Lituanus*, 25, No. 1 (1979), 17-31.

Appearances: delivered a speech on "Church-State Relations in Poland and the Soviet Union" before the History Honor Society at Fairfield University, Fairfield, Conn., on November 9, 1978. Participated in a seminar on "Religion and the USSR" at the Wilson Center, Washington D.C. under the joint sponsorship of the Kennan Institute for Advanced Russian Studies and the U.S. Department of State, on March 22, 1979. Delivered a lecture on "Intellectual and Religious Currents in the USSR" at a program devoted to "Communism and the Churches: Current Problems of Religion in the USSR and Eastern Europe" at the Ohio State University, Columbus, Ohio, on April 6, 1979.

* * *

Bowlt, John E., trans. *The One and a Half-eyed Archer*, by Benedikt Livshits. Newtonville, Mass: Oriental Research Partners, 1977.

_____. *The Silver Age: Russian Art of the Early Twentieth Century and the "World of Art" Group*. Newtonville, Mass: Oriental Research Partners, 1979.

_____, and Rose-Carol Washton Long. *The Life of Vasilii Kandinsky in Russian Art*. Scheduled for publication in June 1979, Newtonville, Mass: Oriental Research Partners.

* * *

Fedukowicz, H. B. *External Infections of the Eye — Bacterial, Viral and Mycotic*, 2nd ed. Appleton-Century-Crofts, Publishers, 1978.

* * *

Jernakoff, Nadja, trans. "Dropping Out," by Georgii Vladimov, *New York Review of Books*, 4 May, 1978, p. 47.

_____. "Impressions of a Moscow Visit [with Georgii Vladimov]." Scheduled for publication in 1979 in *National Review*.

Appearances: delivered two lectures, "Solzhenitsyn and Dostoevsky" and "Solzhenitsyn and Tolstoy," at St. George's Episcopal Church, Schenectady, N.Y., February 13 and 20, 1977. Presented a critical overview of *The Gentle Barbarian: The Life and Work of Turgenev*, by V. S. Pritchett at the Main Library, Schenectady, N.Y., on October 31, 1977.

* * *

Konstantinow, V. Rev. Dimitry. *The Crown of Thorns: Russian Orthodox Church in the USSR 1917-1967*, trans. R. V. Piontkovsky and Rev. M. Bourdeaux. London, Canada: Zaria Publishing Co., 1978.

* * *

Kormilev, N. A. "A New Species of the Genus *Overlaetiella* Schouteden from Sumatra (Hemiptera: Aradidae)." *Proc. Ent. Soc.*, Washington, 1977. Vol. 79, No. 3, 354-357.

_____, in collaboration with P. H. van Doesburg. "A New Genus and a New Species of the Carventinae from Surinam (Hemiptera: Aradidae)." *Zool. Meded.*, 52, No. 1 (1977), 1-6.

_____. "New Species of Aradidae from the Philippines and Borneo (Hemiptera: Heteroptera)." *Pac. Ins.*, 17, Nos. 2-3 (1977), 261-263.

_____. "Aradidae from the Oriental and Australian Regions in the Collections of the California Academy of Sciences, San Fransisco (Hemiptera: Heteroptera)." *Trans. Am. Ent. Soc.*, 103 (1977), 603-622.

_____, in collaboration with E. Heiss. "Five New Aradidae from the Oriental Region (Insecta: Heteroptera)." *Ber. Nat. Med. Ver.*, Innsbruck, 1977. Vol. 64, 97-106.

_____. "Two New Species of American Aradidae (Hemiptera)." *Proc. Ent. Soc.*, Washington, 1978. Vol. 80. No. 2, 228-233.

_____. "*Aradus frigidus* Kiritschenko, 1913 and *Aradus italicus* Kormilev, 1970 (Hemiptera: Aradidae)." *Ann. Naturhist. Mus.*, Wien, 1978. Vol. 81, 505-506.

_____. "Aradidae in the Bishop Museum, Honolulu VII (Hemiptera: Heteroptera)." *Pac. Ins.*, 18, Nos. 1-2, (1978), 53-60.

_____, in collaboration with E. Heiss. "Two New Species of Aradidae from Brasil (Hemiptera: Heteroptera)." *Zeit. Arb. Ost. Ent.*, 30, Nos. 1-2 (1978), 29-32.

* * *

Kryzytski, Serge, ed. *Ivan Bunin: Cursed Days*, 3rd ed. London, Canada: 1977, pp. xvii, 184-194, 195-202.

_____. "Tolstoi 'i Bunin." *Transactions*. New York: Association of Russian-American Scholars in the USA, 1978. XI, pp.128-137.

_____. Review of *Dve strochki vremeni*, by L. Rzhevsky. *The New Review*, 130 (March 1978), 247-250.

_____. Review of Vol 1 of *Ustami Buninykh: Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy*, ed. by Militsa Greene. *The New Review*, 131 (June 1978), 294-296.

_____, ed. *Doch'*, by Alexandra Tolstoy. London, Canada: Zaria Publishing Co., 1979.

Appearances: spoke on "The Role of St. Vladimir in the Development of Russian Civilization" on National Public Radio, WBOE, Cleveland, Ohio, on July 31, 1977. Read a paper on "Tolstoi i Bunin" at a symposium on Tolstoy at the Russian School, Norwich University, Vermont, on July 8, 1978.

* * *

Natov, Nadine. "Structural and Typological Ambivalence of Bulgakov's Novels Interpreted Against the Background of Baxtin's Theory of 'Grotesque Realism' and Carnivalization." *American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists.* Columbus: Slavica Publishers, Inc., 1978. Vol. 2 — Literature, 536-549.

* * *

Obolensky, Alexander P. "First Steps in Translation: A Historical Background." *Working Papers of the Russian School,* No. 4. Northfield, Vermont: Norwich University, 1977.

_____. "The Confession of a 'Natural Man'." *Transactions.* New York: Association of Russian-American Scholars in the USA, 1978. XI, 222-230.

Appearances: read a paper on "Ispoved' estestvennogo cheloveka" at a symposium on Tolstoy at the Russian School, Norwich University, Vermont, on July 8, 1978. Delivered a lecture on "Le concept de l'homme primitif et la quête de Dieu: Réfléxions sur *Ma Confession* de Tolstoi" at the International Colloquium on Tolstoy at Paris University, on October 9, 1978. Gave an interview on "Tolstoi—prophète" to Radio France Culture, Program Series "Chemins de la connaissance," on February 2, 1979.

* * *

Pushkarev, Sergei. *Lenin i Rossia: Sbornik Statei.* Frankfurt/Main: Possev Verlag, 1978.

_____. "Vypiski iz dnevnika L.N. Tolstogo." *Transactions.* New York: Association of Russian-American Scholars in the U.S.A., 1978. XI, 208-221.

* * *

Riasanovsky, Nicholas V. "On Lammenais, Chaadaev, and the Romantic Revolt in France and Russia." *The American Historical Review,* 82, No. 5 (December 1977), 1165-1186.

* * *

Rzhevsky, Leonid D. *Solzhenitsyn: Creator and Heroic Deed,* trans. Sonia Miller. The University of Alabama Press, 1978.

_____. *Dina,* a novel. Serialized in *Novoye Russkoye Slovo,* 1979.

"Lev Tolstoi za vyborom slova." *Transactions.* New York: Association of Russian-American Scholars in the USA, 1978. XI, 121-127.

_____. "Triptikh V. E. Maksimova." *Grani*, No. 109. Frankfurt/Main: Possev Verlag, 1978.

_____. "The Language of *The Devils* and the Author Image." Scheduled for publication in *Russian Language Journal*, No. 113. Michigan State University and University of Minnesota, 1979.

Appearances: delivered a lecture on "Estetika tolstovskogo romana" before the Literary Foundation (Philadelphia chapter), on May 11, 1978; paper read at symposia on Tolstoy at the Russian School, Norwich University, Vermont and at Middlebury College, Vermont, in July 1978.

* * *

Seduro, Vladimir. *Dostoevsky in Russian and World Theater.* North Quincy, Mass: The Christopher Publishing House, 1977.

* * *

Sokolsky, Anatole A. *Blizkoe i dalekoe.* Priv. Print. 1978.

Appearances: delivered a lecture on "Russkoe tserkovnoe zodchestvo" at the Russian-American Club, St. Petersburg, Florida, on March 23, 1977. Delivered five lectures before the Congress of Russian Americans (Florida chapter) on "Konstantinopol' i Rim," September 18, 1977, "Tsivilizatsiia drevnego Egipta," October 15, 1977, "Poesiia Sergeia Esenina," October 30, 1977, "Zhiznennyi put' F. M. Dostoevskogo," February 14, 1978, and "Neprevzoidennyi genii," May 16, 1978. Delivered a lecture on "Tsennost' evropeiskoi kul'tury" at the Tolstoy Foundation, October 15, 1978 and a lecture on "Drevniaia tsivilizatsiia indeitsev Tsentral'noi Ameriki" before the Literary Foundation (Washington chapter), on October 29, 1978.

* * *

Vernadsky, George V. *Russian Historiography: A History*, trans. N.B. Lupinin. Belmont, Mass: Nordland Publishing, 1979.

* * *

Хроника

К 80-летию Н. В. ПЕРВУШИНА

Николай Всеволодович Первушин родился в 1899 г. в Казани, где и окончил университет по юридическому факультету в 1919 г. и был оставлен при кафедре истории народного хозяйства и экономической мысли для подготовки к профессорской деятельности. После неофициальной защиты магистерской диссертации (на тему «Родбертус и Бюхер») в 1921 г. избран профессором Самарского университета, но в конце года возвращается в Казань, продолжая преподавательскую деятельность. В 1923 г. по просьбе факультета общественных наук Казанского университета получает заграничную командировку для работы над диссертацией. В Берлине работает с немецкими экономистами и в 1926 г. заканчивает книгу «Германские концерны и организация промышленности». Она издана в Промиздате в 1927 г. (258 стр.). В 1930 г. переходит во Франции на положение эмигранта и печатается в европейских экономических и технических журналах и в «Последних Новостях» в Париже. Читает публичные лекции о русской литературе.

В 1946 г. он уезжает в США и поступает в отдел языков в Организацию Объединенных Наций, работает синхронным переводчиком в Нью-Йорке и в 1956 и 58 гг. командируется в ЮНЕСКО в Париж для помощи в руководстве русской секцией письменных переводов. Преподает русский язык для дипломатов и сотрудников ООН и читает публичные лекции о русской литературе, истории и экономике. В 1960 г. участвует в создании Русской летней школы в Вермонте и преподает там русскую литературу, историю и экономику. В 1968 г. становится директором Школы (до настоящего времени).

В 1962 г. приглашается Монреальским университетом МкГилл в качестве профессора русского языка и литературы и преподает там до выхода в отставку по возрасту в 1971 г. Преподает также во французском Монреальском университете с 1963 г. по 1979 г. и с 1967 по 1977 читает курсы лекций в Оттавском университете. В 1971 г. участвует в основании Международного и Американского обществ по изучению творчества Достоевского, уча-

ствует в трех международных симпозиумах в качестве представителя Канады и члена комитета по выбору должностных лиц. В 1977 г. получает степень почетного доктора по гуманитарным наукам в Норвичском университете. С 1966 г. возглавляет Русскую академическую группу в Монреале. В 1978 г. участвовал в трех симпозиумах о творчестве Л. Толстого: в Норвиче, в Париже и в Виктории (Бр. Колумбии).

В 1978 г. сделал доклад в Об-стве Квебекских славистов «Эпилоги у Достоевского» и на Международном коллоквиуме в Париже «Эпилоги у Л. Толстого».

ПУБЛИКАЦИИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Books and brochures

"La nouvelle législation francaise de pétrole." *Revue Pétrolifère.* Paris, 1932.

"Le probleme des lubrifiants." *Le Courrier des Pétroles.* Paris, 1943.

La Russie d'aujourd'hui. Lesourd. Paris, 1945. Coauteur.

Articles in periodicals

"L'Industrie mondiale du pétrole au tournant." *Revue Economique Internationale.* Bruxelles, 1932 (chapter from the book *Le commerce mondial en matières premières).*

"La chasse aux concessions de pétrole." *Le Mois.* Paris, 1936.

In *Canadian Slavonic Papers, Ottawa.*

"On the Literary Craft of Solzhenitsyn", vol. XIII, 1971.

"Dostoevsky's Foma Opiskin and Gogol", vol. XIV, 1, 1972.

"B. Zaitsev is Dead", vol. XIV, 3, 1972.

"Introduction to the Study of Russian Literature and Methodology." Working Papers of the Russian School, No. 3. Northfield, Vt: Norwich University, 1975.

"Knowing Solzhenitsyn." *The Saturday Evening Post.* December, 1978.

In Slavic and East European Studies, Montreal.

"Turgenev: Double Anniversary", vol. IX, 1964.

"The Soviet Writer Solzhenitsyn, his Critics and the Classical Russian Literature", vol. X, 1965.

"Lermontov's Poetic Apprenticeship", vol. XII, 1967.

"Les manuscrits ne brûlent pas (Bulgakov's *Master i Margarita)", vol. XIII, 1968.*

"La place de B. Zaitsev dans la littérature russe", vol. XIV, 1969.

"Influences occidentales dans l'oeuvre de Dostoievski", vol. XV, 1971.

"Une réhabilitation de Dostoievski", vol. XVII, 1972.

"Des voix nouvelles de la Russie", vol. XIX, 1974.

ПУБЛИКАЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Книги и брошюры

«Что такое свобода?» Изд. Об-ва народных университетов. Казань 1917.

«Об Учредительном Собрании». Изд. Об-ва народных университетов. Казань, 1917.

«Наука социология». Изд. Ассоц. изучения общ. наук, т. 1, вып. 2. Казань, 1921.

«Родбертус и Бюхер: Неисслед. вопрос развития историко-экономической мысли». Изд. Ассоц. изучения общ. наук, т. 2, вып. 1. Казань, 1922.

«Казанский край». Статист. управление ТССР. Казань, 1922.

«Германские концерны и организация промышленности». Промиздат. М. Л., 1927.

Статьи в журналах и сборниках

В сборнике *В помощь преподавателям русского языка,* Сан-Франциско.

«Русский язык в Объединенных Нациях», № 9, 1948.

«Требования к переводчикам на русский язык», № 11, 1948.

«Синтаксис и его значение для обучения русскому языку», № 20, 1950.

«Как изменился русский язык за 35 лет?», № 24, 1952.

«Русский язык в американских и европейских средних школах», № 25, 1953.

«Истоки реформы русского правописания», № 26, 1953.

«Чистота и правильность русского языка», № 30, 1954.

«О верованиях древних славян и культе Диониса», (2 статьи), № 31, 1954 и № 41, 1957.

«К вопросу о теории и практике перевода», (2 статьи), № 32, 1954 и № 57, 1967.

«О топонимике в древних языках и в русском языке», № 35, 1955.

«Машинный перевод: возможности и перспективы», № 50, 1959.

«О стилях и слоге», № 53, 1960.

«Столетний юбилей «Отцов и детей», № 63, 1962.

«Повесть Солженицына и русская классическая литература», № 65, 1963.

«О преподавании русской советской литературы», № 68, 1963.

«Изучение поэтики Лермонтова», № 71, 1965.

* * *

В журнале *Русский язык,* Ист Лансинг, Мичиган (продолжение журнала *В помощь преподавателям русского языка).*

«К 85-летию Б. Зайцева», № 75, 1966.

«О поэзии Анны Ахматовой», № 79, 1967.

«Ахматова и Блок», № 90, 1971.

«Роза и лилия в поэзии», № 96, 1973.

«Катарсис как литературный прием у Достоевского», № 105, 1974.

* * *

В *Новом журнале,* Нью-Йорк.

«Легенда, фреска и икона», № 91, 1968.

«Письма А. Ф. Достоевского», № 98, 1970.

«Страхов — жертва 'достоевщины'?», № 99, 1970.

«Встречался ли Достоевский с Гоголем?», № 105, 1973.

* * *

В *Современнике,* Торонто.

«Иконопись и писание книг в русских монастырях», т. 17, 1968.

«О понимании 'Троицы' Рублева», т. 24, 1972.

* * *

В сборнике *На темы русские и общие.* Изд. Об-вом Друзей русской культуры. Нью-Йорк, 1965: «Проблемы творчества Достоевского и современная советская литературная критика», под ред. проф. П. А. Сорокина и Н. П. Полторацкого.

* * *

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

George V. Florovsky
1893-1979

GEORGES V. FLOROVSKY

1893-1979

For about thirty years, from the time when he came to the United States in 1948 up to his death in 1979, Father Florovsky was the leading and most influential Orthodox theologian on this continent. Before he came here, he was already well known in Europe. The impact of his teachings and writings was felt by both Orthodox and non-Orthodox circles. He was a scholar and theologian who produced scholars and theologians. In the United States he taught at three institutions: St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary, and at Harvard and Princeton Universities. In addition to teaching and lecturing at academic institutions and gatherings, he was one of the most active Orthodox representatives at ecumenical dialogues. This American period of his life was undoubtedly active and fruitful. He played an important part in increasing the interest in the Orthodox Church and in Russian culture in many centers of learning.

Georges Florovsky was born in Russia, near Odessa, in 1893. His father was a priest and rector of the theological seminary in Odessa. His grandfather on his mother's side had also been a priest and professor of Hebrew and Greek in the same seminary. He himself, however, did not follow them immediately in preparing for the priesthood. He had a love of philosophy and worked toward the goal of teaching in this field. At the university he embarked on the study of history and philology before turning to philosophy. The Russian Revolution interrupted his studies and forced his family to leave Russia in 1920. For almost sixty years Florovsky was to live in *diaspora*. For a brief period the family found refuge in Sofia, Bulgaria. In 1921 he moved to Prague, Czechoslovakia, where he married the following year and received the degree of Magister of Philosophy and where he started to teach. In 1926 he was invited to Paris to join the faculty of the newly established St. Sergius Institute as Professor of Patristics. This important institution in the life of the Russian emigration and the Russian church had been founded the previous year. Here in Paris at St. Sergius he began that serious study of the Fathers of the Church which would influence the lives of so many after him under the impact of his teaching. He was ordained a priest in Paris in 1932.

Two important books of his appeared in this period: *Eastern Fathers in the Fourth Century* (1931) and *Byzantine Fathers of the Fifth to Eighth Centuries* (1933). Both books were acclaimed by Orthodox scholars as great contributions to patristic literature and as a creative treatment of the Fathers. They have not yet appeared in English translation. Here Florovsky expressed the teachings of the church clearly and faithfully and with a style and erudition that reminded some readers of the Russian historian Bolotov. A number of non-Orthodox students were inspired by his perspective on the Fathers and insight into them, and they in turn became renowned scholars in this field.

Soon after publishing these two books, Fr. Florovsky turned to the history of Russian theology, and in 1937 produced a remarkable study, *The Ways of*

Russian Theology. His study of the Fathers of the universal church enabled him to analyze what had happened to Byzantine culture in Russian. He never ceased pondering this problem and pursued research to find the solution to it. While he was teaching Russian culture at Harvard, this was the primary question on his mind. Fr. Florovsky had a high appreciation of the Kievan period, and he believed that incipient Russian culture was deeply rooted in the Byzantine tradition and that the first response was very promising. It was a very creative response, a real one, not simply an imitation of Byzantine models. In his view, this promise was frustrated in the later development. The crisis took the form that "The Byzantine achievement was accepted, but Byzantine inquisitiveness was not. For this reason the achievement could not be kept alive." Theology was not able to develop according to the Byzantine tradition, and therefore it could not successfully resist foreign influences.

In his work on Russian culture, Florovsky goes beyond nineteenth century religious and philosophical thought as well as the religious renaissance of the early twentieth century. His sources lie rather in the living tradition of the universal church and of the Church Fathers. Father Florovsky felt the closest spiritual affinity with those who had lived in two cultures, Christian and hellenistic, those who transformed Hellenism, as he himself had lived in two cultures and felt all the tensions resulting from this. He did not simply "learn" the Fathers, but he learned from them. He wanted to acquire their minds and to apply their thinking to modern problems.

Whatever Father Florovsky wrote was written with involvement and clarity of thought, yet he never simplified. The complexity of the problem under discussion was not compromised. In all his writings we find a trained historian who follows his evidence faithfully. His vocation was to be a witness to a great living tradition, which is not as well known as it should be in the world in which he lived. He was never satisfied with an easy answer or a lazy solution and always avoided attractive generalizations. Instead of these he would ask creative and provocative questions which might inspire others to do research and to discover new answers. He was an erudite scholar who was versed in several disciplines. At St. Vladimir's Seminary he taught Patristics and Dogmatic Theology from 1948-55. At Harvard University and Divinity School, from 1956-64, he taught Eastern Church History and Russian Intellectual History. After his retirement he became a visiting professor at Princeton University, with which he remained connected until his death. It is not widely known that he also taught a course on Old Testament at St. Vladimir's Seminary. This was a very exciting course, an integration of historical and theological approaches. Fr. Florovsky knew and loved his Bible. He followed modern Biblical scholarship closely, and was quite aware that today it is difficult to make any theology without being aware of or taking into account what is happening in Biblical studies. In this age of specialization, he was rare among theologians in the depth and breadth of his knowledge of what was going on outside his immediate fields of interest.

As we look at the body of his work, there are two aspects that are most important for the life of the Orthodox Church in the United States. First, from

the beginning he was a staunch defender of the use of English in the services of Orthodox worship. He saw it as the demand of the tradition itself upon us. Secondly, he strongly emphasized studying the Orthodox Church and its culture and through this study becoming witnesses to a tradition that had long been neglected in the West. He frequently spoke of the need for Orthodox research centers. In an age of growing secularism he stressed the need to keep high standards of teaching and preaching. He summed up these demands in an article written many years ago: "Every one in the church, including the lay people, must recognize and assume wholeheartedly the duty to learn."

Veselin Kesich
St. Vladimir's Seminary

Графиня А. Л. Толстая
1884-1979

Скорбное известие о кончине графини А. Л. Толстой, младшей дочери нашего великого писателя, было получено правлением Русской Академической Группы в США незадолго до сдачи в печать этого XIII-го номера «Записок». После длительной болезни Александра Львовна тихо скончалась на 95-ом году жизни в своем любимом месте, известном на весь мир под названием Толстовская ферма, в Валлей Коттэдж, шт. Нью-Йорк.

Жизнь этой необыкновенной русской женщины была всецело посвящена служению ближнему, будь ли это собственный отец, писатель с мировым именем, или простой русский человек нуждающийся в помощи при переселении в другую, чуждую для него, страну. Привязанность и близость к отцу с ранних лет и чуткое понимание его высказываний послужили Александре Львовне почвой, на которой в своей дальнейшей жизни она сумела воплотить в реальной действительности самые лучшие порывы Толстовской морально-нравственной философии. Ее вера в Бога и в человека, ее душевная и физическая сила, ее энергия и терпение во всех трудностях пересекающих ей путь, ее организаторский талант и умение обращаться с людьми, все это было устремлено к ее цели, к устройству на американской земле убежища и переходного пункта для многочисленных русских эмигрантов. Но не только в Америке, а и в других странах развивается деятельность Толстовского Фонда, организованного Александрой Львовной 40 лет тому назад, и не только русские получают помощь от Толстовского Фонда, но и выходцы из других стран — в настоящее время, например, беженцы-вьетнамцы.

При жизни Александры Львовны, многие члены нашей организации поддерживали с ней личную связь и всегда получали от нее моральную поддержку. Что же касается Русской Академической Группы как таковой, то в течение многих лет Толстовский Фонд активно способствовал нашему делу, что и продолжает делать по сей день.

Память об этом замечательном русском человеке, творившем добро у нас на глазах среди русских людей на чужбине, навсегда останется живой в каждом из нас, кто в какой-либо степени сталкивался с деятельностью Александры Львовны. А деятельность эта была обширная и общепризнанная, и редок тот, кто ее не почувствовал на своем пути.

Русская Академическая Группа в США выражает свое самое искреннее соболезнование всем членам семьи графини Толстой и всем сотрудникам Толстовского Фонда.

Н. Ж.

Профессор Н. С. Арсеньев

В конце 1977 года от нас ушел почетный председатель Русской Академической Группы, профессор Николай Сергеевич Арсеньев. Его памяти посвящен весь том XII *Записок,* в котором имеется его подробная биография.

Н. К.

Профессор К. Г. Белоусов

29 августа 1977 года от нас ушел председатель и один из основателей Русской Академической Группы, профессор Константин Гаврилович Белоусов. Сведения о его научной деятельности были даны в томах VI и X *Записок.* Кроме чисто научной деятельности, Константин Гаврилович произвел колоссальную работу по организации Р.А.Г. и как главный редактор — незаметную, кропотливую и неблагодарную работу по редактированью *Записок,* их упаковки и рассылки подписчикам.

Константин Гаврилович был почетным членом Союза Русских Инженеров в США.

Н.К.

Профессор Б. А. Константиновский 1899-1977

Профессор Борис Александрович Константиновский родился в г. Севске Орловской губернии. Окончил юридический факультет Московского университета по истории русского права и защитил магистерскую диссертацию. С 1924 по 1944 год преподавал в Одесском университете, где был последовательно ассистентом, доцентом и профессором истории права. Переехав после войны в США, профессор Константиновский возобновил в 1949 году преподавательскую деятельность и в течение 9 лет читал лекции и вел исследовательскую работу в Гарвардском и Колумбийском университетах. Профессор Константиновский опубликовал три книги о советском праве в действии, о законе и труде и о законопроизводстве при русском Временном правительстве.

Борис Александрович сотрудничал также а русской зарубежной прессе и радио, читал для общественности и русской молодежи лекции по истории

русского права. Профессор Константиновский многие годы был членом правления Русской Академической Группы в США и одним из членов инициативной группы по созданию Конгресса Русских Американцев. Его лекции всегда отличались красочностью и точностью изложения, чему помогала его великолепная память. Профессор Константиновский как юрист составил первый проект устава Конгресса Русских Американцев.

Скончался Борис Константинович на Толстовской ферме, в Спринг Валлей, в штате Нью-Йорк.

Н. К.

Н. П. Автономов

Николай Павлович Автономов родился в 1886 году, и умер в Сан-Франциско 20 июня 1976 года. Он был старейшим членом Русской Академической Группы в США, педагогом и филологом.

Окончив Нежинский историко-филологический институт, Николай Павлович в 1912 году приехал в Харбин и поступил преподавателем в Харбинские коммерческие училища КВЖД, в которых 13 лет преподавал русский язык, русскую литературу и историю. После ухода из коммерческих училищ, Николай Павлович преподавал в русских средних учебных заведениях, на китайских подготовительных курсах при Харбинском Политехническом институте, читал лекции в Японо-Русском институте и Харбинском Педагогическом институте.

Кроме педагогической деятельности, Николай Павлович любил и общественную работу. Он был членом и несколько лет секретарем Маньчжурского педагогического общества и соредактором журнала «Просветительное дело в Азиатской России», был членом Общества русских ориенталистов и Общества изучения Маньчжурского края.

В 1939 г. Николай Павлович переехал в США, в Медфорд, где в 1947 г. начал издавать журнал «В помощь преподавателю русского языка в Америке», который издавал и после переезда в Сан-Франциско до 1966 г. Кроме того издавал журналы «В помощь русской школе в Америке» и с 1955 по 1974 гг. «Харбинские коммерческие училища Кит. Вост. Жел. Дор.»

Николай Павлович опубликовал около 300 работ, относящихся главным образом к изучению русского языка и методике преподавания русского языка для иностранцев, а также к вопросам просвещения в Маньчжурии и на Дальнем Востоке. Николай Павлович много работал над составлением учебников и различных учебных пособий. Совместно с С. Н. Усовым составил учебник «Учитесь по-русски!» в 4-х частях, который выдержал 43 издания. К учебнику была приложена особая экзаменационная программа, а для преподавателей была составлена брошюра «Научно-практический метод изучения русского языка». В 1938 г. в Харбине вышел Русско-Ниппоно-Маньчжурский словарь, в котором он составил русскую часть. Он написал также много библиографий, рецензий, которые касались вопросов языкознания, филологии и методики преподавания русского языка. Н. К.

Л. М. Тихвинский
1897-1976

30 ноября 1976 года в г. Ст.-Луис скончался талантливый русский ученый, профессор Леонид Михайлович Тихвинский, заслуженный профессор механики, инженер и изобретатель, член Русской Академической Группы и член Общества Русских Инженеров в США, от имени которых надо сказать несколько слов об усопшем коллеге. Человек необыкновенной скромности, Леонид Михайлович в течение многих лет работал на процветание Соединенных Штатов, но никогда не забывал своей великой родины и состоял в русских общественных, благотворительных, профессиональных и научных организациях.

Леонид Михайлович родился в Петербурге, но первые 8 лет провел в Швейцарии, откуда вернулся снова в Петербург. Окончил кадетский корпус и военное училище, был в Императорской и Белой армиях. Вместе с последней в 1920 г. эвакуировался в Галлиполи, откуда вскоре уехал в Прагу и поступил на механическое отделение Пражского Политехнического института, который закончил в мае 1929 г. со званием инженера-механика. Сразу после окончания переехал в США и с 1929 по 1941 год работал в фирме Вестингхауза в качестве инженера-конструктора. С 1941 г. работал в качестве старшего инженера в экспериментальной станции в Аннаполисе. Во время Второй Мировой войны работал над новым типом подводных лодок, а также над снабжением и снаряжением судов во время плавания в открытых океанах. В 1946 г. был приглашен экстраординарным профессором в Вашингтонский университет в Ст.-Луисе. С 1948 и по 1963 г. был ординарным профессором механики Калифорнийского университета в Беркли. В 1952 г. проф. Тихвинский был представителем от Соединенных Штатов на съезде по вопросам атомной энергии в Женеве, Швейцария. С 1963 до августа 1966 г. был директором Студенческого центра в Геттингене, Германия, отделения Калифорнийского университета за границей.

В Америке он часто работал как советник или как эксперт: в университете в Питтсбурге с 1934 по 1940 г., в Вашингтонском Комитете по аэронавтике с 1950 по 1955 г., в морском ведомстве. За свои работы получил 3 награды от американских и заграничных учреждений.

В течение своей инженерной практики сделал и написал около 90 научных докладов и статей, одну для французского Института по обработке нефти. Кроме того поместил много публикаций в различных технических и научных журналах. Имел 19 патентов для Вестингхауза и для электрической промышленности. Читал лекции по динамике жидкостей, по термодинамике, по вопросам переноса тепла, по вопросам оборудования военных и коммерческих судов. Состоял членом нескольких американских научных обществ, как напр. Академии Наук в Нью-Йорке, Американского общества по изучению лубрикации и др.

Весь свой талант, все свои творческие идеи Леонид Михайлович отдал на служение американской науке, американскому народу. Мало кто знает о

его огромной работе и его технических достижениях. Это судьба почти всех техников, потому что их работа, как изобретателей, принадлежит фирме или учреждению, где они служат и они сами обязуются ничего не говорить о своей работе.

Но мы, русские, вправе гордиться его достижениями и мы должны включить его в списки тех выдающихся русских, которые всю жизнь работали на славу американской науки и усиление мощи приютившей их страны.

Н. К.

В. Н. Жернаков

Владимир Николаевич Жернаков родился 21 августа 1909 года в Павлограде на Иртыше, недалеко от Семипалатинска. В детстве жил в Омске, а после падения адмирала Колчака его семья переселилась в Харбин.

В Харбине окончил в 1937 году экономическое отделение Харбинского юридического факультета. Еще с 1932 года по 1945 был начальником Экономического отделения Харбинского музея, а с 1939 по 1945 г. также содиректором самого музея. С 1943 г. преподавал в УМСА колледже в Харбине, а с 1947 по 1951 г. в Харбинском Политехническом институте. С 1946 по 1952 год был помощником декана транспортного и экономического факультета Харбинского Политехнического института. С 1946 по 1950 год был начальником постоянной Транспортно-Экономической выставки в Харбине и шефом Научно-исследовательского отделения Харбинского Политехнического института. С 1951 по 1959 год был помощником директора Музея Хейлунгчиангской провинции в Харбине, а с 1959 по 1962 год научным советником при том же музее.

Говорил на четырех языках: русском, английском, немецком и китайском.

Занимался исследованием Маньчжурского края и экономической географией Китая.

Опубликовал 149 работ и статей, большей частью по экономике Маньчжурии и Китая.

В 1960-х годах переехал в Австралию, а затем в Сан-Франциско, где и умер в 1978 году.

Владимир Николаевич был верующим, добрым, образованным и на редкость отзывчивым человеком.

Н. К.

Ю. И. Лодыженский

Юрий Ильич Лодыженский родился в 1888 году в Зубцовском уезде Тверской губернии в старой дворянской семье. Классическую гимназию Св. Анны в С. Петербурге окончил с серебряной медалью, а затем поступил в Императорскую Военно-Медицинскую Академию, в которой сдал все экзамены на звание доктора медицины, но революция помешала защитить диссертацию.

С 1912 по 1914 год был ассистентом Ортопедического института в С.-

Петербурге и ординатором Елисаветинской Общины Красного Креста (Общая хирургия).

С 1914 по 1915 год был полковым врачем в Финляндском Стрелковом корпусе в Восточной Пруссии и в Кавказской Конной Туземной дивизии на Карпатах. За это время награжден орденами Станислава и Анны III степени с мечами и Станислава II степени с мечами.

С 1915 по 1917 год был начальником лазарета русского общества Красного Креста имени вел. князя Михаила Александровича во Львове и Киеве.

С 1917 по 1918 год был начальником Киевского госпиталя Красного Креста и председателем Международного комитета Красного Креста помощи жертвам Гражданской войны, когда получил благодарность главнокомандующего добровольческой армии за спасение многих офицеров во время занятия Киева красными.

С 1918 по 1920 год был членом Главного управления русского общества Красного Креста на юге России, а затем старшим врачом госпиталя Красного Креста в Константинополе.

С 1920 по 1924 год был представителем Главного управления русского общества Красного Креста (старая организация) при Международном комитете Красного Креста и других гуманитарных организациях в Женеве и членом Совещательного комитета по делам русской эмиграции при Верховном Комиссариате Лиги Наций.

С 1924 по 1950 год Юрий Ильич был членом постоянного бюро и генеральным секретарем Entente International Anticommuniste и членом Антимарксистского института в Женеве, учредителем и руководителем «Международной Комиссии ПРО ДЭО», председателем Русского общества в Швейцарии, представителем Кулаевского образовательного фонда в Швейцарии.

В 1952 году, по настоянию детей и внуков, переезжает в Бразилию, где продолжает общественную деятельность, сотрудничая с бразильскими друзьями в плане защиты христианской культуры и борьбы с большевизмом.

Затем был председателем русского Литературно-Исторического кружка и в комитете Кулаевского фонда помощи учащейся молодежи русского происхождения.

В бытность в Швейцарии получил швейцарское подданство и выполнил более ста различных миссий в Европе и Америке, прочел много лекций и докладов по гуманитарным, религиозным и политическим вопросам, руководил различными курсами и семинарами и напечатал многочисленные исследования, очерки и брошюры.

Был членом II-го Всезарубежного Собора Русской Свободной Православной Церкви и в качестве руководителя Международной Комиссии «ПРО ДЭО» принимал деятельное участие в движении за свободу веры в Советской России.

В октябре 1978 года Юрий Ильич умер в городе Петрополисе, в Бразилии. Так закончилась более чем шестидесятилетняя деятельность этого выдающегося человека.

Н. К.

ВАЦЛАВ СТАНИСЛАВОВИЧ ФЕДУКОВИЧ
(1897-1979)

Вацлав Станиславович Федукович родился 6-го декабря 1897 г. в Денисово, бывшей Виленской губернии и скончался 29-го декабря 1979 года в Сарасоте, во Флориде. С 1907 по 1915 год он проходил курс обучения в реальном училище. Военные действия вынудили семью Федукович выехать из родных мест вглубь России. Вацлав Станиславович начал работать в Земгоре по опеке над беженцами и ранеными. После прекращения деятельности Земгора начал слушать лекции в Петроградском горном институте. Революция и разруха, последовавшая за ней, прервали его занятия. Закончить их удалось в Екатеринославском горном институте, который он блестяще закончил в 1924 году. Еще будучи студентом он занимал должность ассистента и после окончания института был оставлен в качестве преподавателя геофизики. В 1930 году В. С. Федукович назначается профессором геофизики в только что основанный Киевский горный институт. В Киеве он развивает преподавательсткую и исследовательсткую деятельность, одновременно является помошником декана геологического факультета и ре-

дактором трудов Киевского горного института. В 1935 году он успешно защищает диссертацию на степень кандидата физико-математических наук и одновременно утверждается высшей аттестационной комиссией в звании профессора.

В конце 1935 года Киевский горный институт расформировывается вследствие переезда столицы советской Украины из Харькова в Киев и нехватки помещений для учреждений. Геологический факультет переводится в Днепропетровский (бывший Екатеринославский) горный институт и вливается в геолого-маркшейдерский факультет. Профессор Федукович занимает здесь кафедру геофизики и остается на этом посту до 1937 г.

Наступает период сталинского террора. Два родных брата Вацлава Станиславовича арестовываются по ложным обвинениям, попадают в каторжные лагеря и погибают в расцвете сил. Гибнут его коллеги — профессор маркшейдерского искусства Иван Прохорович Бухинник, профессор гидрогеологии Гембицкий, проф. Микей, множество профессоров и студентов. Вацлав Станиславович спасается от неминуемого ареста тем, что бросает кафедру и целый год скрывается в Киеве и на Кавказе. В Киеве он избегает даже выходить на улицу. Чтобы отвлечься от мыслей о нависшей угрозе он много занимается цветной фотографией и достигает в этой деле исключительных успехов. Вацлав Станиславович с супругой увлекались альпинизмом и всегда проводили много времени в горах. Этот вид спорта помог ему скрываться и пережить трудные времена. Когда волна террора ослабела, В. С. Федукович возвратился в Киев и поступил в Геологический институт Украинскои Академии Наук, где с 1938 по 1941 год возглавлял геофизический отдел. Одновременно он преподает геофизику в Киевском университете.

Начинается вторая мировая война, в результате которой В. С. и Е. Т. Федукович становятся беженцами. Сначала они попадают на родину Вацлава Станиславовича, в Польшу, томящуюся под гнетом немецкой оккупации. Затем следует уход в Чехословакию и далее, в Австрию. Много пути было проделано пешком, с повозочкой, на которой везли свой скромный беженский скарб. В 1949 году следует переселение в США. Здесь приходится начинать новую жизнь с физического труда, которого профессор Федукович не чуждается. Ведь никакой труд не может унизить человека, какое бы положение в науке или обществе он не занимал. Вацлав Станиславович любил говорить: «инженер должен уметь делать все, быстро ориентироваться и стремиться к решению любой технической задачи». Это дает ему преимущество и он успешно справляется с новыми обстоятельствами в деле отливки скульптур для рекламы. Особенно ему удается собственная техника изготовления съемных форм для отливки. Но уже в 1950 году Вацлав Станиславович возвращается на свое поприще и начинает работать с известным геофизиком-консультантом Келли в области геофизической разведки полезных ископаемых в Аппалачских горах, в Аризоне, Нью Мексико, Колорадо, Онтарио, в знойной пустыне и занесенных снегом канадских лесах. В 1954 году он переходит на работу в Ламонтскую обсерваторию (ныне Ламонт-Дохерти) Колумбийского университета. Здесь, вплоть

до отставки и ухода на пенсию в 1971 году он занимается геологией и геофизикой моря и сотрудничает с такими всемирно известными, ныне покойными, исследователями как Морис Юинг и особенно Брюс Хезен. Последний был создателем топографических карт дна океанов, известный широкой публике по журналу «Нэшонал Джеографик» и давшей толчок для революции в геологии, выразившейся в развитии нового учения о движениях земной коры, перемещениях континентальных плит, горообразовательных процессах и образовании месторождений полезных ископаемых.

В 1971 году В. С. Федукович выходит на пенсию, продолжает проживать в собственном доме, в Ричмонд Хилл, Нью-Йорк. В 1974 году, после выхода на пенсию его супруги, Елены Терентьевны, профессора офталмологии Нью-Йоркского университета, следует переселение в г. Сарасоту, во Флориде. Здесь, окруженный заботами своей верной спутницы жизни в течение 55 лет, Вацлав Станиславович скончался 29-го декабря 1979 года.

Свою преподавательскую деятельность В. С. Федукович начал на заре развития разведочной геофизики, когда вводились и вырабатывались новые методы и создавалась новая аппаратура. В такой атмосфере научно-технического творчества профессор Федукович вводил своих студентов в область геофизики. Он был блестящим, требовательным и справедливым преподавателем. Жизненный успех каждого преподавателя заключается в том, насколько ему удается зажечь огонь жажды познания и увлечения своей специальностью среди студентов. И это В. С. Федуковичу прекрасно удалось. Он был награжден тем, что его бывшие студенты заняли ведущее положение в геофизике, стали учеными, исследователями и выдающимися преподавателями. Это его нерукотворный памятник.

Список печатных трудов В. С. Федуковича включает статьи и книги по маркшейдерской съемке, по горно-соляному делу, сейсмической разведке, магнитным аномалиям, гравитационной съемке, физическим свойствам морской воды на больших глубинах. В. С. Федукович был и изобретателем. Ему принадлежат изобретения в области измерения кривизны буровых скважин, в гравитационной, магнитной и электромагнитной аппаратуре и геофизических методах разведки. Им был также изобретен аппарат для автоматической записи направлений разведочных маршрутов.

В. С. Федукович был членом Американского геофизического союза, Общества геологов-рудников, Американского института горных инженеров, инженеров металлургов и инженеров нефтянников, Американского геологического общества. Особо нужно отметить участие В. С. Федуковича в создании Русской Академической Группы в США.

Вацлав Станиславович Федукович был славянином, в широком понимании этого слова. Он любил Америку, в которой он обрел свободу. Его кончина глубоко опечалила всех кто его знал, его коллег и особенно его бывших студентов, которые склоняют головы перед его свежей могилой. Все мы приносим наши самые искренние соболезнования проф. Елене Терентьевне Федукович по поводу постигшей ее утраты.

Е. А. Александров